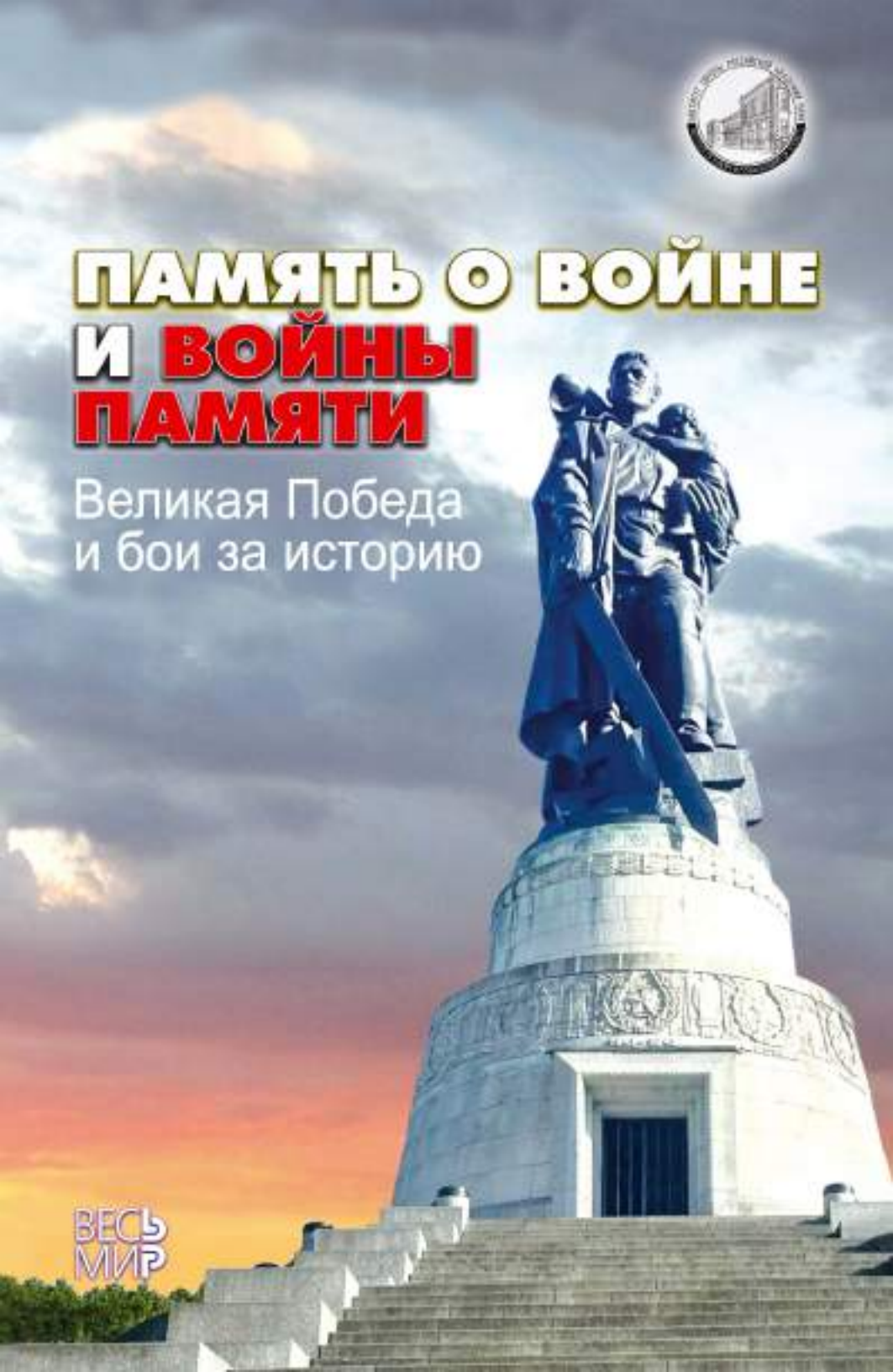

ПАМЯТЬ О ВОЙНЕ
И ВОЙНЫ
ПАМЯТИ
Великая Победа
и бои за историю
ВЕСЬ
МИР

Великая Победа
и бои за историю

ИНСТИТУТ ЕВРОПЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ПАМЯТЬ О ВОЙНЕ И ВОЙНЫ ПАМЯТИ

Великая Победа и бои за историю

Ответственный редактор:
член-корреспондент РАН Ал. А. Громыко

Москва
Издательство «Весь Мир»
2026

УДК 94:327
ББК 63.3(0)62+63.3(2)
П 15

Ответственный редактор:
член-корреспондент РАН Ал.А. Громыко

Рецензенты:

Куликов Анатолий Сергеевич, генерал армии,
доктор экономических наук, министр внутренних дел
Российской Федерации в 1995–1998 годах,
президент Клуба военачальников Российской Федерации

Баранов Валерий Петрович Баранов,
генерал-полковник в отставке, доктор исторических наук,
профессор, академик Академии военных наук

П15 **Память о войне и войны памяти. Великая Победа и бои за историю** / Институт Европы РАН. Отв. ред. Ал.А. Громыко. М.: Издательство «Весь Мир», 2026. – 344 с., ил.

ISBN 978-5-7777-1003-1

Коллективная монография Института Европы РАН посвящена 80-летию Победы и 85-летию начала Великой Отечественной войны. Рассказано о важных событиях тех лет, о ряде значимых предвоенных и послевоенных эпизодов истории Европы и мира, о взаимосвязи прошлого и настоящего. Раскрываются малоизученные страницы исторического подвига советского народа в противостоянии гитлеровской агрессии. Красной нитью проходит тема сохранения исторической памяти, её сбережения в условиях войн памяти. Книга содержит мемуарные материалы о Великой Отечественной войне тех, кто работал в ИЕ РАН, и воспоминания о них благодарных потомков.

УДК 94:327
ББК 63.3(0)62+63.3(2)

Отпечатано в России

© Колл. авторов, 2026
© Издательство «Весь Мир», 2026
© Институт Европы РАН, 2026

ISBN 978-5-7777-1003-1

Содержание

Уроки Великой Победы и историческая память. Почему не случилось Третьей мировой войны (*Ал.А. Громыко*) 9

I. ВОЕННЫЕ ГОДЫ 18

Сложности во взаимоотношениях Черчилля и Сталина в период Второй мировой войны (*Н.К. Капитонова*) 18
Проблема суверенитета Франции в годы Второй мировой войны (*Е.О. Обичкина*) 24
Современный политический спор вокруг фигуры маршала Петена (*Н.Г. Самойлов*) 29
Католические приходы в движении Сопротивления в Италии: «пассивное» и «активное» сопротивление (*В.Е. Язькова*) 32
Австрийский вопрос в контексте Второй мировой войны (*В.Я. Швейцер*) 39
Шведский пример «устойчивого равновесия» в годы Второй мировой войны (*Е.В. Корунова*) 43
СССР и Финляндия 1917–1944 гг.: неспокойная граница (*Т.В. Андросова*) 48
Бреттон-Вудская конференция 1944 года – залог гегемонии доллара (*О.В. Буторина*) 54
История и маршруты ленд-лиза. Факты и заблуждения (*С.М. Монин*) 65
Память об арктических конвоях в России и Британии (*Г.И. Поважная*) 69
Шпицберген и советские рудники треста «Арктикуголь» в начале Великой Отечественной войны (*Н.В. Серкова*) 75
Трудовой подвиг жителей Заполярья (*В.П. Журавель*) . . . 81
Значение Северного морского пути в годы Второй мировой войны (*С.Н. Гриняев*) 85

Молодежная трибуна 89
Мурманск в годы Великой Отечественной войны (*Е.А. Горшкова*) 89
Архипелаг Новая Земля в годы Великой Отечественной войны и в настоящее время (*С.В. Сайгашкина*) 93

II. БОИ ЗА ИСТОРИЮ И ОБРАЗЫ ПРОШЛОГО 97

1. Политика памяти и технологии памяти 97

Основные особенности освещения Второй мировой войны в европейских государствах (*К.К. Худолей*) 97
Историческая память и политика памяти в технологиях политологов (*Л.С. Воронков*) 102
Недооценённые аспекты «войн памяти» через 80 лет после разгрома нацизма в Европе (*А.В. Кузнецов*) 109
Метафоры Великой Отечественной войны в репрезентации Евросоюза и в современном официальном дискурсе России (*Т.А. Романова*) 114
9 мая 2025 г. – два образа одного дня: празднование в Евросоюзе и России (*Л.В. Дериглазова*) 119

2. Страновые аспекты 125

Историческая память Германии о Второй мировой войне: проблемы формирования идентичности (*В.Б. Белов*) 125
Политика памяти в ФРГ: наследие, переосмысление и конструирование угроз (*А.В. Котов*) 133
ТПП Германии и память о войне: оценки прошлого и экономические интересы (*А.К. Иванова*) 137
Ответственность и забвение: крупный капитал Германии между нацизмом и социальной рыночной экономикой (*В.Б. Белов*) 140
Вторая мировая война в общественном сознании Франции. От конфликтов памяти к конфликтам мифов и фактов (*Е.А. Нарочницкая*) 145
Российско-британские отношения в контексте исторической памяти о вкладе СССР в победу (*К.А. Годованюк*) 151
Оценка британскими историками вклада СССР в победу во Второй мировой войне (*О.В. Охошин*) 156

Политико-культурные аспекты отношений Британии и Франции в контексте памяти о Второй мировой войне (*Л.А. Фадеева*) 160
Современная нидерландская политика памяти в отношении Холокоста (*М.Д. Туник*) 165
Швеция: историческая память и нейтралитет (*Н.С. Плевако*) 170
Освобождение Красной армией Северной Норвегии: дипломатия и политика памяти в двусторонних отношениях (*А.А. Комаров*) 175
Политика памяти о борнхольмском десанте как фактор советско- и российско-датских отношений (1945–2025) (*О.В. Григорьева, Н.О. Плюснин*) 180
Вторая мировая война как «место памяти» в отношениях России и Исландии (*Е.С. Панков*) 186

III. СТРАНИЦЫ ПРЕДВОЕННОЙ И ПОСЛЕВОЕННОЙ ИСТОРИИ 191

Болгарская политика «неангажированности» во второй половине 1930-х гг. и её современные реминисценции (*Д.И. Полывянный*) 191
«Балтийская Антанта» и военно-политическое сотрудничество стран Прибалтики и Финляндии (*Н.М. Межевич*) 196
Проблема вступления Великобритании в Общий рынок и позиция деголлевской Франции (1960-е гг.) (*Н.Н. Наумова*) 201
Внешняя политика Италии после Второй мировой войны: факторы исторической ответственности (*Е.С. Алексеенкова*) 205
Вторая мировая война и стратегическая оборонная культура Норвегии (*И.Р. Скрипка*) 212
Современные франко-британские отношения в военной сфере: от старой к новой Антанте (*С.М. Фёдоров*) 216
Метафоры отношений Британии и Франции на фоне брекзита и украинского кризиса (*Е.В. Ананьева*) 222
Президент США Д. Трамп и Финляндия: новые тенденции финской внешней и оборонительной политики (*Й. Бекман*) 229

ПРИЛОЖЕНИЯ 234

Круглый стол «Общественное сознание ФРГ: память о Второй мировой войне в эпоху кризисов» 234
Приветствие посла России в Германии С.Ю. Нечаева . . . 234
Приветствие вице-президента международной общественной организации общества «Россия – Германия» посланника 1 класса В.М. Поленова 237

IV. БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК 240

К.В. Новиков: советский дипломат в Лондоне военной поры (*Е.В. Ананьева*) 240
195 дней войны сержанта Дмитрия Омельченко (*О.В. Буторина)* 250
От Первой мировой до Великой Отечественной (*Р.Н. Лункин*) 268
На партизанской тропе (*Е.А. Нарочницкая*) 273
Тихие зори Зинаиды Орестовой (*Р.О. Орестов*) 277
А.Н. Грацианский: лётчик, авиаконструктор, учёный (*О.Ю. Потёмкина*) 289
Медики на войне (*Н.С. Плевако*) 291
О незаживающих ранах войны (*С.М. Фёдоров*) 293
На невидимом фронте борьбы с фашизмом (*В.Я. Швейцер*) 296
Великая Отечественная война в истории нашей семьи (*О.К. Шиманская*) 304

V. БОЕВЫЕ ВЕТЕРАНЫ ИНСТИТУТА ЕВРОПЫ РАН . . . 309

Со школьной скамьи на фронт. Интервью с А.Ю. Бочевером 309
А.Ю. Бочевер в воспоминаниях коллег 312
Б.М. Пичугин: кавалерист, переводчик, учёный (*О.В. Буторина*) 320
Николай Ковальский. Абитуриент в тельняшке (*Р.О. Орестов*) 329
Константин Александров – один из многих (*Н.К. Арбатова*) 335

Сведения об авторах 341

Уроки Великой Победы и историческая память. Почему не случилось Третьей мировой войны

Ал.А. Громыко

Человечество за всю историю военных конфликтов не испытывало большего бедствия, чем Вторая мировая война, и не подвергалось большей опасности, чем в те годы самоуничтожения. Ни одно вооружённое столкновение прежде не носило такого тотального характера и не втянуло в воронку смерти столько миллионов людей. В послевоенный период были моменты, когда человечество стояло на грани Третьей мировой войны, которая стала бы ядерной, а значит, терминальной для земной цивилизации в том виде, в котором мы её знаем. Однако ей не суждено было произойти, в том числе благодаря тем урокам, которые люди вынесли из катастрофы 1939–1945 гг.

Один из них – война это не естественное состояние человечества, а проявление неспособности разрешить противоречия мирными средствами или вовремя осадить потенциального агрессора. «Все знают неубедительность доводов, приводимых в пользу войн, в роде тех, которые приводил Де-Местр, Мольтке и другие, – писал Лев Толстой, – так как все они основаны на том софизме, что во всяком бедствии человеческом можно найти полезную сторону, или на совершенно произвольном утверждении, что войны всегда были и потому всегда будут, как будто дурные поступки людей могут оправдываться теми выводами и пользой, которые они приносят, или тем, что они в продолжение долгого времени совершались»[1].

22 июня – самый трагический день в исторической памяти России, всего пространства, на котором располагался Советский Союз, день памяти и скорби. 2025 г. знаменовал собой 80-летие Победы и окончания Второй мировой войны. На 2026 г. приходится 85-летие вторжения в СССР вооружённой коалиции во главе

[1] *Толстой Л.Н.* «Одумайтесь!» Полное собрание сочинений. Т. 36. Произведения 1904–1906 гг. Москва-Ленинград: Изд. «Художественная литература», 1936. С. 101–102.

с гитлеровскими войсками и начало Великой Отечественной. Тот день стал определяющим в последующем развитии СССР, России, всей Европы, США и мира в целом на многие десятилетия вперёд. Последствия 22 июня, а затем победный Май во многом продолжают формировать систему координат, в условиях которых мы живём.

К лету 1941 г. Вторая мировая война шла уже без малого два года после вторжения войск вермахта в Польшу[2]. Однако для советских людей, для всех народов Старого Света европейский театр военных действий был центральным, как сказали бы позже – экзистенциальным. По всей совокупности факторов именно Европа была эпицентром и Первой, и Второй мировых войн. Именно здесь значение боев и политические процессы определяли ход войны во всех других регионах и континентах, охваченных ею.

Разгром держав оси во Второй мировой войне и договорённости о послевоенном устроении отношений между ведущими государствами привели к многообразным последствиям. Была создана Организация Объединённых Наций, Устав которой провозглашал принцип суверенного равенства всех её членов. Нацизм навечно был осуждён и заклеймён Нюрнбергским трибуналом. Европоцентризм международных отношений ушёл в прошлое, уступив место формирующемуся биполярному миру. Одновременно в Старом Свете возникли благоприятные условия для запуска интеграционных процессов. В то же время был открыт путь для цепи событий, которые к концу 1940-х гг. вылились в становление феномена холодной войны. В 1945 г. она не была предопределена, не была неизбежна. Как не была неизбежна сама Вторая мировая, ставшая результатом идеологии Третьего рейха и политики умиротворения, проводимой западными державами в отношении него.

Имеется расхожий тезис, что история ничему не учит, что её уроки быстро забываются, игнорируются и прежние ошибки и просчёты повторяются вновь и вновь последующими поколениями людей. Действительно, Первая мировая война при всей её кровавой природе не стала настолько поучительной, чтобы не допустить бойню ещё большего размера. Усилия, которые были

[2] По-своему убедительны некоторые другие точки зрения. Так, китайские историки отсчитывают историю Второй мировой войны с 7 июля 1937 г., то есть с начала Японо-китайской войны.

на это направлены, в том числе создание Лиги Наций, оказались недостаточными для урегулирования противоречий между ведущими государствами. Однако опыт истории с 1914 по 1945 г. всё же заставил её уроки выучивать, и последующие более чем 80 лет Третью мировую войну удаётся избегать. Главную роль в этом сыграли исторический опыт, пережитый поколением победителей и побеждённых, создание на десятилетия вперёд Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений, роль ООН и весь корпус послевоенного международного права.

Не менее расхожий тезис, что такое достижение – результат не способности человеческого разума выносить уроки из истории и изобретать способы предотвращения новых войн, а результат страха перед ядерным оружием. А если так, то должен главенствовать принцип – с противником надо не находить баланс сил, а воздействовать на него ядерным устрашением вплоть до применения ядерного оружия как оружия поля боя. Однако хорошо известно, что в 1945 г. атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки были далеко не главной и, тем более, не единственной причиной того, что Токио пошёл на капитуляцию. США же навсегда заработали стигму единственного государства в истории, прибегнувшего к массовому уничтожению населения с помощью ядерных взрывов.

Однако после этого и они не позволили себе повторить такой опыт. Свой первый ядерный взрыв СССР осуществил в 1949 г., через четыре года после американского испытания в Аламогордо, – ядерная монополия, продержавшись достаточно длительное время, не привели к использованию ядерного оружия против противников. Осознание всех пагубных последствий его применения пришло значительно позже, особенно в свете накопления данных о радиационной опасности, а гипотеза ядерной зимы была доказана только в 1980-е гг. американскими и советскими учёными, включая академиков Н.Н. Моисеева, А.М. Обухова и многих других. Концепция «нового мышления в ядерный век» появилась также только в те годы[3].

Что же сдерживало столь долгое время импульсы к новой большой войне, если не страх перед ядерным оружием? Ответ лежит

[3] *Громыко Ан.А., Ломейко В.Б.* Новое мышление в ядерный век. М.: Международные отношения, 1984; Breakthrough/Прорыв. Emerging New Thinking. Ed. by Gromyko Anatolii, Hellman Martin. New York: Walker and Company, 1988.

на поверхности – нежелание поколения политиков и военных, переживших Вторую мировую войну, создавать риски втягивания своих стран в Третью мировую, жертвы которой, даже если она была бы неядерной, намного превысили бы ужасающую цифру в более чем 55 млн человек, погибших от конвенциональных видов вооружений с 1939 по 1945 г. Рефреном в советской политике послесталинского периода стал тезис о возможности предотвращения новой большой войны. «...Некоторые правительства... – писал А.А. Громыко в мемуарах "Памятное", – после Второй мировой войны прямо заявляли, что уничтожение войн между государствами вообще дело невозможное. На совещании в так называемом Розовом дворце в Париже, которое проходило в марте – июне 1951 г., официальный представитель Англии, первый заместитель министра иностранных дел Эдвард Дэвис сделал любопытное заявление: "Войны вообще нельзя уничтожить, а человек по своей природе является драчливым и агрессивным существом". Сейчас эта мрачная ницшеанская концепция не пропагандируется столь откровенно»[4].

Приведём также эпизод из воспоминаний академика РАН В.В. Журкина, директора – основателя Института Европы РАН. В январе 1957 г. министр обороны СССР маршал Г.К. Жуков посетил Индию. Для сверки английского перевода лекции привлекли Журкина, который был в составе пресс-группы, сопровождавшей знаменитого военачальника. Когда молодой специалист увидел в тексте тезис о том, что ядерная война может кончиться всеобщей катастрофой, то забеспокоился, ведь это расходилось с официальной позицией – в новой мировой войне погибнет капитализм. Набравшись смелости, он подошёл к маршалу, чтобы указать на это несоответствие. Дальше произошло следующее: «Маршал на меня внимательно посмотрел, – рассказывал Журкин, – усмехнулся и спросил: "А ты взрыв атомной бомбы видел?" "Нет". "Ну, когда увидишь, приходи", – сказал Жуков и пошёл читать лекцию»[5].

Само по себе техническое совершенствование оружия никогда в истории не предотвращало новые военные конфликты. В течение веков изобретались всё новые способы уничтожения против-

---

[4] *Громыко А.А.* Памятное. Новые горизонты. М.: Центрполиграф, 2015. С. 422.

[5] *Журкин В.В.* В начале десятого (ч. вторая) // Современная Европы. 2019. № 3. С. 7.

ника на поле боя и в его тылу, но войн не становилось меньше, а количество погибших в них росло. И ядерное оружие длительное время поначалу воспринималось как очередное, более мощное средство разрушения. Следуя обычной военной логике, такое оружие рано или поздно должно было быть вновь применено. В 1962 г. почти так и случилось в дни Карибского кризиса. Тогда от новой катастрофы мир во многом спасло то, что для Н.С. Хрущёва и Дж. Кеннеди Вторая мировая война была непосредственным опытом и живой историей. О гибели десятков миллионов людей в короткий по меркам истории отрезок времени они знали не понаслышке.

Но субъективный фактор сам по себе не сработал бы. Помимо этого, свою лепту в предотвращение Третьей мировой вносило послевоенное международное право с Уставом ООН в его сердцевине. Можно утверждать, что в купе с этим новый баланс сил, обеспеченный Ялтинско-Потсдамской системой международных отношений, привёл к тому, что постоянные члены Совета Безопасности ООН, которые стали «ядерной пятёркой» по Договору о нераспространении ядерного оружия 1968 г., ни разу более чем за 80 лет не вступали в прямые вооружённые конфликты друг с другом, хотя немало прокси-войн велись и ведутся до сих пор. Фактически все члены ядерного клуба пришли к пониманию того, что даже сложнейшие узлы в международных отношениях нельзя воспринимать, как гордиевы, их надо не рубить, а развязывать. Одновременно ядерное оружие превратилось для его обладателей в самый надёжный гарант суверенитета.

Помимо персонального фактора в лице государственных деятелей, представлявших военное поколение, со временем на первый план в деле предотвращения новой большой войны выдвинулся контроль над вооружениями, в том числе ограничения, а затем и сокращения ядерных и обычных арсеналов, принятие всевозможных мер доверия и снижения военных рисков. Именно такая комбинация причин, а не страх перед ядерным оружием или попытки вселить такой страх в противника с помощью реабилитации представления о ядерном оружии как об оружии поля боя, способны и дальше уберегать мир от новой военной катастрофы. Приведём ещё одну цитату из А.А. Громыко: «В ядерный век необходимо политическое мышление, которое соответствовало бы его реальностям. И там, где в нем всё ещё превалируют такие категории, как “сила”, “устрашение”, “превосходство”, на смену им должны

прийти понятия “неприменение силы”, “доверие”, “равенство” и “одинаковая безопасность”»[6].

Конечно, отрицать фактор страха перед ядерным оружием нельзя. К 1970–1980-м гг. две сверхдержавы накопили его в огромных количествах. Были научно доказаны и смоделированы последствия его применения. В 1955 г. свет увидел Манифест Рассела и Эйнштейна, который подписали 11 видных учёных. В нем говорилось, что «в любой будущей мировой войне ядерное оружие непременно будет использовано» и что «такое оружие ставит под угрозу само существование человечества»[7]. Спустя два года было основано Пагуошское движение в первую очередь для привлечения внимания мировой общественности к опасностям атомной войны. На миллионы людей произвели гнетущее впечатление такие фильмы о последствиях ядерной катастрофы, как «На другой день» в США и «Письма мёртвого человека»[8] в СССР. Но показательно, что этот страх от осознания смертоносной силы оружия массового уничтожения привёл к закреплению не доктрины устрашения, а доктрины сдерживания. С определёнными нюансами центральная функция ядерного оружия – сдерживание – была закреплена в стратегических документах всех государств, им обладающих.

Предохранительный клапан в виде доктрины сдерживания, мешающий вернуть представление о ядерной бомбе к временам Хиросимы и Нагасаки, будет сломан, если в ядерных государствах вновь возобладает взгляд на такое оружие как оружие поля боя. Следующим шагом станет признание возможности его использования не только для сдерживания, но и для нападения, включая превентивное. Интересно отметить, что это стало бы прямо противоположным результатом, чем тот, на который рассчитан тезис – «противнику надо внушить сковывающий страх».

Превращение ядерного оружия из «оружия Судного дня» в одну из разновидностей фактически обычных вооружений, предназначенных для ведения вооружённых конфликтов локального и регионального значения, «десакрализирует», «детабуирует» его

---

[6] *Громыко А.А.* Памятное. Новые горизонты. С. 412.

[7] Statement: The Russell-Einstein Manifesto. July 9, 1955. https://pugwash.org/1955/07/09/statement-manifesto/

[8] The Day After. 1983. Письма мёртвого человека. 1986. Степень современных угроз приводит к возрождению этого кинематографического жанра, например: The House of Dynamite. 2025

и лишь повышает вероятность применения. Девальвация уникальной природы такого оружия приведёт и к резкой дегуманизации военно-политического мышления, ведь оно, в отличие от предназначения обычных вооружений, не избирательно и по своей природе создано для массового уничтожения. Ядерное оружие действенно до тех пор, пока его единственной функцией остаётся сдерживание, то есть предотвращение критической угрозы суверенитету и (или) территориальной целостности[9].

Перестав считаться таковым, ядерное оружие потеряет смысл и как средство защиты собственного населения, так как его применение превентивным образом или как жест устрашения противника с недопустимой степенью вероятности приведёт к обмену ядерными ударами, в том числе по крупнейшим населённым пунктам, а значит к одномоментной гибели сотен тысяч и миллионов людей. В 1960–1970-е гг. ядерное оружие окончательно превращалось в инструмент сдерживания в современном понимании этого термина не потому, что стороны перестали бояться друг друга, а потому что они поняли, что для предотвращения новой глобальной войны наиболее эффективна именно эта функция, а не устрашение. Кроме того, изменение предназначения ядерного оружия со сдерживания на устрашение наверняка заставит противника не сдать назад, а, напротив, сделает его поведение более агрессивным.

Таким образом, до сих пор не столько страх спасал мир от нового тотального военного столкновения, а комбинация таких факторов, как историческая память о Второй мировой и Великой Отечественной войне, рациональное мышление и здравый смысл, смирительная рубашка международного права, выработка стратегической культуры в сфере безопасности, в том числе доктрина ядерного сдерживания, разветвлённый и многослойный контроль над вооружениями.

История действительно ничему не сможет научить, если к этому не прилагать усилий и не изобретать способы закрепления её опыта на поколения вперёд. Лидеры союзнических держав в 1945 г. проявили достаточную историческую проницательность, чтобы в жёстких спорах, но создать Организацию Объединённых

---

[9] Указ Президента Российской Федерации от 19.11.2024 г. № 991 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания». http://www.kremlin.ru/acts/bank/51312?ysclid=mr0uxr90kp269828987

Наций, причём сделать это так, чтобы её не постигла скоротечная судьба Лиги Наций. Шок событий вокруг Кубы в 1962 г., когда руководители СССР и США сумели подняться выше личных амбиций и не прислушаться к голосу наиболее ястребиной части их окружения, форсировал переговорный процесс в области контроля над вооружениями со всеми его главными опорами (Договор о запрещении испытания ядерного оружия в трёх средах, ДНЯО, ОСВ, ДПРО и др.). В 2025 г., на саммите в Анкоридже, президенты двух ядерных сверхдержав предприняли попытку перейти к урегулированию острейших разногласий.

Поэтому столь важна историческая память и столь важно продолжать оберегать и учитывать опыт Второй мировой войны, в том числе союзничества. О «духе Эльбы»[10] регулярно вспоминали до недавних времён. Переформулируя, «дух Ялты» – Крымская конференция «большой тройки» в феврале 1945 г. – был так же важен, как и «дух» Думбартон-Окса и Сан-Франциско – конференций по созданию ООН. Их прямым наследником стали общеевропейские договорённости в Хельсинки в 1975 г., достигнутые в ходе Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Сейчас отсылки к этим и другим символическим для своего времени событиям уже не работают или работают плохо. Человеческая память со временем смещает свой фокус по мере того, как история, пережитая лично, становится для последующих поколений историей «рассказанной» и «прочитанной», теряется былая эмоциональная связь с событиями прошлого, которое потомки начинают воспринимать всё более абстрактно.

Поэтому нужны способы и механизмы, которые, помимо исторической памяти, закрепляют накопленный опыт обязательными процедурами, стандартами поведения, юридическими нормами. В военной сфере таковыми является архитектура контроля над вооружениями, выстраивание системы межгосударственных и международных соглашений, которые действуют как страховочная сетка и позволяют предпринимать деэскалационные меры, не допуская прямого столкновения ядерных держав.

Острая опасность текущего этапа истории состоит в том, что изменениям, как естественным, так и преднамеренным, подвергается историческая память с одновременным демонтажом конт-

[10] Приобретшая символическое значение встреча советских и американских войск на р. Эльба у г. Торгау 25 апреля 1945 г.

роля над обычными и ядерными вооружениями. Страховочная сетка послевоенных международных организаций и соглашений, призванных предотвратить новую мировую войну, уже с трудом выдерживает тяжесть современных противоречий, милитаризации и региональных конфликтов. Другими словами, всё хуже работает то, что в разных комбинациях уберегало мир от Третьей мировой в период с 1945 г. по настоящее время. Тем важнее вспоминать и напоминать об опыте Второй мировой и Великой Отечественной войны, о том, что уроки истории надо учить, что контроль над вооружениями, обычными и, тем более ядерными, снижение военно-политических и военно-технических рисков является наипервейшей задачей учёных, политиков и дипломатов. Здесь вновь актуально звучит мнение А.А. Громыко: «Проблема прекращения гонки вооружений и разоружения не относится к категории тех вопросов, остроту которых сбивает время. Она постепенно обрастает всё новыми сложностями и опасностями»[11].

Представленная читателю книга посвящена 80-летию Победы и 85-летию начала Великой Отечественной войны. В ней рассказано о важных событиях тех лет, о ряде предвоенных эпизодов и послевоенных процессов в истории Европы и мира. Раскрываются малоизученные страницы исторического подвига советского народа в противостоянии гитлеровской агрессии. Красной нитью через весь труд проходит тема объективной исторической памяти, её сбережения в условиях войн памяти, искажения и фальсификации истории. Помимо своей академической части, книга содержит мемуарные материалы о Великой Отечественной войне тех, кто работал в Институте Европы РАН, и воспоминания о них благодарных потомков.

Вечная память.

[11] *Громыко А.А.* Памятное. Новые горизонты. С. 399.

I. Военные годы

СЛОЖНОСТИ ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ЧЕРЧИЛЛЯ И СТАЛИНА В ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Н.К. Капитонова

На фоне нынешнего состояния российско-британских отношений, когда Лондон, по сути, ведёт против нашей страны прокси-войну, полезно вспомнить, какими были отношения между СССР и Британией, их руководителями в период военного союзничества.

Придававший большое значение личной дипломатии, Черчилль впервые встретился со Сталиным в августе 1942 г. в Москве (всего таких встреч было пять). Миссия была непростой, так как он приехал, чтобы оправдаться за затягивание союзниками открытия второго фронта (по словам премьер-министра, он «привёз кусок льда на Северный полюс»[1]).

Несмотря на то что атмосфера встречи поначалу была довольно мрачной и даже гнетущей, закончилась она на примирительной и дружественной ноте. Прямой личный контакт между руководителями был установлен, и обе стороны остались довольны. Черчилль и его окружение верили, что тёплые личные отношения со Сталиным помогут преодолеть многие возникавшие между союзниками сложности[2], которые премьер склонен был объяснять давлением на Сталина со стороны Политбюро[3]. Что касается переписки между двумя руководителями, то она была более интенсивной, чем между Сталиным и Рузвельтом.

---

[1] *Черчилль У.* Вторая мировая война. Том IV. Поворот судьбы. Военное издательство Министерства обороны Союза ССР. М., 1955. С. 472.

[2] *Dilks D.* Churchill and Company. Allies and Rivals in War and Peace. L., 2012. P. 167.

[3] *Gilbert M.* Never Despair. Winston S. Churchill 1945–1965. L., 1988. P. 351.

С обеих сторон в отношении друг друга существовали серьёзные подозрения, в том числе о том, что каждый из них может в критический момент договориться с Гитлером. Относившаяся к Москве «без доверия и свысока»[4] британская сторона поначалу, осенью 1941 г., полагала, что СССР продержится всего несколько месяцев. После того как немцы были отброшены от Москвы и «опасность скорого советского крушения миновала»[5], в Лондоне успокоились. Среди военных превалировало мнение – Россия выстоит, «пусть русские спасают себя сами»[6].

Надо признать, что Сталин никогда не обольщался насчёт Черчилля, считая его лицемером. Он хорошо понимал, что за внешней мишурой – прочувствованными тостами, поздравлениями с военными успехами, праздниками, днём рождения (Сталин сделал это первым и собственноручно), т.е. обычной дипломатической игрой, СССР противостоял коварный союзник, «заклятый друг» – очень точное определение «величайшего британца». У него, безусловно, были свои плюсы, ярко проявившиеся в 1939–1941 гг., но здесь речь не о них.

Сталин мог жёстко спорить с Черчиллем, говорить ему довольно неприятные, обидные вещи (например, что англичане слишком боятся немцев, что британский флот бежал с поля боя – о трагедии конвоя PQ-17), мог жёстко указывать на нарушение премьером данных ранее обещаний, отвечать на его многословные послания сверхлаконично, двумя словами – «Благодарю вас», как, например, 13 октября 1942 г.[7], и пр. Ничего подобного в его подчёркнуто уважительных отношениях с Рузвельтом не было.

В то же время есть много свидетельств того, что Черчилль относился к Сталину с искренним восхищением: он отмечал его манеру вести дела, вежливое обращение, пышное гостеприимство, поразительную память, способность молниеносно оценить стратегический замысел, над которым британское командова-

---

[4] *Печатнов В.О., Магадеев И.Э.* Переписка Сталина с Рузвельтом и Черчиллем в годы Великой Отечественной войны. Документальное исследование. Том 1. М., 2015. С. 83.

[5] *Rothwell V.* Britain and the Cold War 1941–1947. L., 1982. P. 90.

[6] *Печатнов В.О., Магадеев И.Э.* Указ. соч. С. 35.

[7] Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны. Под ред. Ф.Л. Лоуэнхейма, Г.Д. Лэнгли, М. Джонаса. Вып. первый. М.: Издательство «Прогресс», 1977. С. 283.

ние работало в течение многих месяцев[8], а также то, что Сталин «никогда не нарушал данного ему (Черчиллю. – *Н.К.*) слова»[9]. И премьер, и глава Форин-офис Э. Иден высоко ценили Сталина как переговорщика. Через 20 лет после войны Иден признается, что, если бы ему пришлось набирать команду на международную конференцию, этот список возглавил бы Сталин[10].

Черчиллю также импонировала сдержанность Сталина. Чего нельзя сказать о самом британском премьере, который, по определению советского посла в Лондоне И.М. Майского, был человеком «художественно-эмоциональным», «легко поддающимся внезапным порывам чувств»[11]. У него бывали сильнейшие колебания настроения – от демонстрации «ангельского характера» до «адского раздражения», сумасшедшего возбуждения, когда «война ударяла ему в голову»[12]. К тому же Черчилль не всегда бывал трезв, что отчасти объясняло его повышенную эмоциональность[13]. К тому же он был падок на лесть, таял, если в послании или при встречах Сталин отпускал ему комплименты. Иден писал о Черчилле в период Потсдамской конференции «Большой тройки»: «Он опять попал под чары Сталина и без конца твердит: мне нравится этот человек»[14].

Тщеславие «величайшего британца» потрясало его окружение. В этой связи, в частности, личный секретарь Черчилля Дж. Колвил выражал радость по поводу того, что Сталин не подозревал, какое воздействие на русскую политику Британии «могут иметь всего несколько тёплых слов, сказанных после многих жёстких»[15]. Это было заблуждение: похоже, Сталин хорошо осознавал воздействие своих слов на Черчилля и сознательно применял в отношениях с ним тактику «контрастного душа».

Думается, что Черчилль нередко специально форсировал свои эмоции, чтобы произвести нужное впечатление, особенно в тех случаях, когда он чувствовал уязвимость британской позиции. И.М. Майский, который встречался с премьер-министром

---

[8] *Черчилль У.* Указ. соч. С. 478.

[9] *Gilbert M.* Op. cit. P. 1192.

[10] *Dilks D.* Op. cit. P. 169.

[11] Советско-британские отношения в 1943–1953 гг. Документы и материалы. М.: Аспект Пресс, 2021. С. 80.

[12] *Dilks D.* Op. cit. P. 158.

[13] Советско-британские отношения. С. 98.

[14] Цит. по: *Dilks D.* Op. cit. P. 220.

[15] Ibid. P. 170.

довольно часто, принимал эти эмоциональные проявления за чистую монету. При этом восторг от побед Красной армии и восхищение Сталиным совсем не мешали Черчиллю говорить о «варварстве» русских, готовых «поглотить Европу» (в 1942 г.)[16] или угрожать СССР применением ядерного оружия (в 1945 г.).

В целом, даже в условиях союзничества, оформленного Договором 1942 г., англо-советские отношения отличались резкой изменчивостью: во время конференций «Большой тройки» наблюдались заметные потепления, атмосфера становилась сердечной; но проходило не так много времени, и возникали новые узлы противоречий, начинался очередной виток напряжённости. Британского посла в Москве А. Керра, отмечавшего эту изменчивость, тоже бросало из крайности в крайность. С одной стороны, он старался смягчать восприятие премьером жёстких слов Сталина, беседы с которым впоследствии вспоминал как самые счастливые моменты за всё время пребывания в Москве. С другой стороны, он писал Черчиллю о необходимости время от времени «задавать Сталину порку»: «Вы должны быть терпеливы с этим русским медведем – мёд и куски мяса, а также палка в тех случаях, когда он этого заслуживает»[17]. Каков язык!

Основным вопросом, вызывавшим резкие расхождения в англо-советских отношениях, была затяжка союзниками открытия второго фронта. Маневрировавшему между Москвой и Вашингтоном британскому премьеру, отстаивавшему свои интересы, как он их понимал, удалось навязать американцам собственную стратегию в этом вопросе, а также в вопросе поставок в Советский Союз.

Уже с 1942 г. (англо-американская конференция «Аркадия») Черчилль начал осторожно, но достаточно настойчиво и, надо признать, успешно оспаривать некоторые предложения американского президента относительно сроков тех или иных военных операций. В отличие от Рузвельта, он чётко знал, чего хочет: премьер придерживался «периферийной стратегии», полагая, что можно достичь победы, «измотав» немцев ковровыми бомбардировками, блокадой, диверсиями. Однако главное в этой стратегии – оттягивавшая на себя основные силы вермахта Москва, в отношении которой он применял тактику «подбадривания» и обещаний. Выса-

[16] *Rothwell V.* Op. cit. P. 100.

[17] Советско-британские отношения. С. 89.

живаться в Европе, по его мнению, надо было тогда, когда совокупность всех этих факторов сработает, и Германия начнёт разваливаться. Другими словами, привыкшая воевать чужими руками Британия действовала в духе традиционной стратегии достижения собственного превосходства за счёт других.

Черчилль ловко подбросил президенту Рузвельту идеи высадки в Северной Африке, затем на Сицилии, настойчиво продвигал идею высадки на Балканах, но в этом потерпел неудачу. В континентальную же Европе он до поры допускал лишь «рейды крупных масштабов»[18]. Что касается многочисленных обещаний Лондона Москве открыть второй фронт в 1942 г., а затем в следующем, то все они были сознательным обманом боевого союзника. Такая позиция Британии (и США) позволяла Германии бросать все резервы на восточный фронт.

Надо признать, что Рузвельт хорошо понимал уязвимость позиции Лондона и Вашингтона, нарушающих свои обязательства перед Москвой, и испытывал неловкость за малые масштабы кампаний на западе по сравнению с огромными советскими силами, сражавшимися на восточном фронте, где решалась судьба всей войны (поэтому, в частности, американский президент не считал себя вправе предъявлять Сталину требования по Польше)[19]. В послании Черчиллю от 3 апреля 1942 г. он подчёркивал: «русские убивают сегодня больше немцев и уничтожают больше снаряжения, чем вы и я вместе взятые»[20]. Когда британский премьер в октябре 1943 г. попытался, по обыкновению, уговорить президента развивать наступление в Восточном Средиземноморье, Рузвельт довольно категорично заявил, что «никакое отвлечение сил или вооружения не должно мешать запланированному проведению «Оверлорда»[21], а на конференции «Большой тройки» в Тегеране занял твёрдую позицию по второму фронту – открыть в мае 1944 г.

В вопросе о конвоях Рузвельт также поддался давлению Черчилля – согласился с сомнительным утверждением премьера, что можно обеспечить доставку нужного объёма южным путём – вокруг Африки через Персидский залив в Иран, а потом по суше – в СССР. Однако это занимало около 2,5 месяцев пути, и пропуск-

---

[18] *Черчилль У.* Указ. соч. Том IV. С. 319.

[19] Секретная переписка Рузвельта и Черчилля. С. 308.

[20] *Черчилль У.* Указ. соч. Том IV. С. 316.

[21] Секретная переписка Рузвельта и Черчилля. С. 422.

ная способность была небольшой. Самый короткий путь в СССР лежал через высокие широты, и главными, конечно, были арктические конвои.

Именно Черчилль сообщил Сталину о временном сокращении поставок, мотивировав это большими потерями (трагедия конвоя *PQ-17* в июле 1942 г., когда 23 из 34 судов были потоплены немцами). Следующий конвой *PQ-18* пошёл только в сентябре, но, несмотря на военное сопровождение, 10 судов были потоплены. Потом снова последовал перерыв, в том числе из-за высадки союзников в Африке, до конца декабря 1942 г. При этом Черчилль в переписке с Рузвельтом лил крокодиловы слезы – «не знаю, как мы можем примирить с нашей совестью», что конвоев до 1943 г. не будет[22]. В это же время на советско-германском фронте разворачивалась Сталинградская битва, и общеизвестно, как нужны были поставки именно осенью – зимой 1942 г., в самый критический для нашей страны период войны.

Всё вышесказанное ещё раз подтверждает, что Победа была завоёвана СССР несоизмеримо б*о*льшей кровью, в сравнении с нашими союзниками, и советские потери, из-за стремления Черчилля воевать малой кровью и его интриг вокруг сроков открытия второго фронта, лежит на совести «величайшего британца».

[22] Там же. С. 290.

ПРОБЛЕМА СУВЕРЕНИТЕТА ФРАНЦИИ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Е.О. Обичкина

16 июня 1940 г. стало ключевой датой в решении вопроса о сохранении суверенитета Франции. В этот день, в ответе на французский запрос, президент США Ф. Рузвельт отказался немедленно вступить в войну для спасения англо-французских сил. При этом он призвал премьер-министра Франции П. Рейно, в случае оккупации метрополии, перебраться в Северную Африку, откуда впоследствии может начаться освобождение, т.е. избежать капитуляции и сохранить суверенитет в опоре на империю.

Из Лондона поступило беспрецедентное предложение, призванное, даже в случае оккупации Гитлером территории Франции, сохранить её суверенитет. По сути, это было предложение об интеграции – создании «Франко-британского союза» с общими обороной, иностранными делами, финансами и экономической политикой, а также автоматическим двойным гражданством. В период войны страны делили бы поровну все её издержки, а их вооружённые силы подчинялись бы единому военному кабинету. Парламенты обеих стран также были бы слиты воедино. Всё это означало бы создание союзного государства, способного мобилизовать две нации против единого врага.

Но проект У. Черчилля был получен адресатом в час, когда П. Рейно передавал власть маршалу Ф. Петену. Тот считал, что единственным способом сохранить французскую государственность будет немедленное перемирие, позволяющее избавить страну от разрушения, а французов – от истребления. Маршал считал себя спасителем Отечества и предпочёл капитуляцию при сохранении за Французским государством (название, закреплённое в декрете Петена 11 июля 1940 г.) военного флота, колоний и части территории метрополии (Южной зоны) под своим управлением. В результате лорд Адмиралтейства А. Александер и министр по делам колоний Д. Ллойд-Джордж, посланные в Бордо, чтобы

обеспечить отвод французского флота к британским берегам, вернулись в Лондон ни с чем.

В интеграции в германскую Европу при сохранении атрибутов французской государственности состояла суть концепции коллаборационизма Петена. Британский проект союзного государства он даже не обсуждал и считал, что после капитуляции Франции Британии «свернут шею, как цыплёнку». Однако настрой У. Черчилля помог утвердиться в Лондоне Ш. де Голлю, которого накануне направило туда правительство П. Рейно с миссией связи.

В поисках места в «германской Европе»: коллаборационизм Петена

Режим маршала Петена сохранил легитимность в глазах международного окружения. В отличие от П. Лаваля, Петен не испытывал симпатии к Германии, но стал заложником трагических обстоятельств. Практика оккупационного режима лишила государство Виши фактического суверенитета. Французская администрация направлялась волей немцев даже в не оккупированной, южной зоне. Иллюзия сохранения суверенитета заставила власти Виши разделить вину за зверства оккупационного режима.

Маршал пытался проводить собственную внешнюю политику в духе баланса сил внутри «новой» Европы. С каудильо Испании Ф. Франко он договаривался не пускать вермахт в Северную Африку. Он старался сохранить лояльность американцам (посольство США работало в Виши до ноября 1942 г.). Советское посольство работало в Виши до 22 июня 1941 года. Формально Петен разорвал отношения с Англией после атаки британских сил на французский средиземноморский флот 3 июля 1940 г., когда в бухте Мерс-эль-Кебир погибли 11 тысяч французских моряков. Между тем, британцы поддерживали регулярные контакты с Виши через посольство в Мадриде. В то же время У. Черчилль принимал помощь всех французов, не сложивших оружия.

Воззвание 18 июня 1940 г. заставило Петена объявить «мятежного» де Голля вне закона, в то время как последний старался добиться признания «Свободной Франции» (с июля 1942 г. – «Сражающейся Франции») законной представительницей интересов французского народа, чтобы она не оказалась лишь военным формированием на службе у англичан. 24 сентября 1941 г.

был создан Французский национальный комитет (ФНК) – его признали США, Великобритания и СССР, но не в качестве правительства Франции в изгнании, а лишь как «организующий французское участие в войне»[1].

Англо-американский проект: поиски легитимного контрагента в период освобождения

Непризнание суверенных прав за ФНК отвечало стратегическому плану союзников – подготовке высадки во французской Северной Африке 8 ноября 1942 г. Они хотели бескровного перехода на свою сторону колониальной армии и администрации режима Виши, не ставя под вопрос его суверенитет над колониями, чтобы оттуда начать освобождение метрополии. Поэтому Рузвельт не внял настояниям Черчилля и не допустил участия де Голля в высадке. Президент США делал ставку на сотрудничество с авторитетными петенистами вроде командующего французской колониальной администрацией адмирала Ф. Дарлана и перебравшегося в Гибралтар генерала А. Жиро (которого допустили в Алжир только после заявления Дарлана о прекращении сопротивления). Англо-британский план «первой фазы» освобождения подразумевал, что и в метрополии после высадки союзников французская администрация, подчинявшаяся оккупационным властям, сохранит функции, сменив патрона, которым станет уже не германское, а англо-американское оккупационное командование (*AMGOT*).

Первоначально в Северной Африке план удался: 19 ноября 1942 г. командующий французской колониальной администрацией Дарлан, который после оккупации гитлеровцами всей французской территории (как следствия перехода колоний на сторону врага) считал, что маршал Петен более не свободен в своих действиях, заявил союзникам: «У нас одна цель – освобождение Франции силами её империи»[2] и подписал с генералом М. Кларком, представителем Д. Эйзенхауэра, соглашения, регулировавшие отношения между американскими и французскими военными властями. Ш. де Голль, отстранённый от участия в переговорах,

[1] Histoire de la diplomatie française. P.: Perrin, 2005. P. 798.

[2] *Duroselle J.-B.* Histoire diplomatique de 1919 à nos jours. P.: Dalloz, 1993. P. 381.

осудил эти соглашения, заявив, что они нарушают французский суверенитет над Северной Африкой.

Что касается освобождения метрополии, то, несмотря на впечатление, что вопрос о восстановлении французского суверенитета под эгидой ВПФР решался благодаря усилиям де Голля, то есть явочным порядком, на деле управление Францией зависело от воли «Большой тройки». Особенно это касалось СССР, поскольку от его действий на восточном фронте зависели темпы и издержки освобождения Франции.

Советский проект восстановления суверенитета Франции

16 января 1944 г. в Москве, получив англо-британские проекты «Основной схемы управления освобождённой Францией» и Заявления от имени правительств США, Великобритании и СССР относительно Франции, внесли в него существенные поправки.

Во-первых, в отличие от англо-американского варианта, высадка союзных войск во Франции не рассматривалась как военная оккупация страны, и властные полномочия должны были быть переданы в руки Французского комитета национального освобождения.

Во-вторых, «[п]ри вступлении на французскую территорию одной из первых задач Верховного Союзного Главнокомандующего будет /.../ установление тесной связи с группами сопротивления внутри Франции, оказание (им) всемерной поддержки и обеспечение сотрудничества как по военным, так и по гражданским вопросам».

В-третьих, «Верховный Главнокомандующий /.../ не должен иметь дел и отношений с режимом Виши, за исключением задачи по его ликвидации».

В-четвёртых, в советском проекте добавили предложение, исключавшее участие во власти консервативных сил, наследующих правительству Виши: «считать враждебным делу Объединённых Наций сотрудничество французских граждан как с немцами, так и с режимом Виши», и удалили из проекта более общее указание союзникам на французов, которые «сотрудничали с врагом».

В то же время, ещё в марте 1944 г., Сталин, через генерального секретаря Итальянской компартии П. Тольятти, передал указание

коммунистам – членам ФКНО воздержаться от мелочных придирок к де Голлю внутри комитета, сосредоточившись на задачах борьбы с оккупантами. Даже рекомендовалось не выказывать «излишнее усердие в защите СССР, чтобы не давать возможности противникам представлять ФКП как агентуру Москвы».

Восстановление французского суверенитета в руках ВПФР, представлявшего силы Сопротивления, было для Сталина одной из гарантий от создания в освобождённой Франции под эгидой союзников консервативного антикоммунистического правительства и от установления американо-британского контроля над Западной Европой, и в этом его план совпадал с интересами генерала Ш. де Голля.

СОВРЕМЕННЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ СПОР ВОКРУГ ФИГУРЫ МАРШАЛА ПЕТЕНА

Н.Г. Самойлов

Более 80 лет отделяют современную Францию от трагических событий Второй мировой войны. Одним из её сюжетов, по сей день находящих бурный отклик в массовом сознании французских граждан, является деятельность маршала Ф. Петена, возглавившего коллаборационистское правительство Виши. Не утихает большой спор относительно того, кем был и кем стал Петен. Одни называют его героем, другие – павшим героем, третьи – предателем, четвёртые – губителем французов. Рассмотрение отношения различных политических деятелей и объединений к маршалу-коллаборационисту позволяет лучше понять их подходы к исторической памяти и состояние французского общества в целом.

В последний раз наиболее ярко такие политико-исторические дебаты проявились в 2018 г., на фоне празднования столетия Компьенского перемирия. В одной из первых версий анонса памятного мероприятия в Доме инвалидов, опубликованной 18 сентября, говорилось о чествовании «восьми маршалов, руководивших боевыми действиями», включая Петена. Интернет-издание *Mediapart* сообщило, что церемония запланирована Генштабом, и её проведение с канцелярией президента не согласовывали. Позже упоминание о ней было просто исключено из программы. В итоге Елисейский дворец заявил, что чествоваться будут только захороненных в Доме инвалидов пять маршалов[1].

Президент Э. Макрон заявил: «Маршал Петен был во время Первой мировой войны великим солдатом, это реальность нашей страны, это также то, что делает политическую жизнь, как и человеческую природу, иногда более сложной, чем можно было бы

[1] Du “grand soldat” de Macron au rétropédalage: la polémique Pétain en 5 actes. Le Nouvel Obs, 08.11.2018. URL: https://www.nouvelobs.com/politique/20181108.OBS5064/du-grand-soldat-de-macron-au-retropedalage-la-polemique-petain-en-5-actes.html (дата обращения: 31.07.2025).

подумать...»[2]. Далее он отметил: «Маршал Петен, возглавлявший Францию во время Второй мировой войны, стал соучастником тяжких преступлений, которые были признаны, как и ответственность французского государства за них». При подобном подходе Петен предстаёт как «великий воин», «сделавший гибельный выбор»[3], т.е. своего рода «падший ангел».

Однако не все согласны с этой оценкой. Так, историк Б. Верже-Шеньон опасается, что признание заслуг Петена в той или иной форме может поспособствовать реабилитации режима Виши[4]. Крайне эмоционально отреагировал Ж.-Л. Меланшон, возглавляющий партию «Непокорённая Франция»: «Макрон, на сей раз – это чересчур!», и заявил, что Петен был предателем и антисемитом, а его преступления не имеют срока давности[5]. Мнение Ж.-Л. Меланшона в целом совпадает с точкой зрения Верже-Шеньона, что заявления, подобные сделанному президентом, могут стать основой для оправдания действий Петена в ходе Второй мировой войны.

С осуждением слов главы Пятой республики с противоположного края политического спектра выступила Марин Ле Пен. В отличие от своего отца, она высказалась о Петене негативно. По её мнению, маршал – недостойный дани уважения человек, наследие которого разобщает страну[6]. Примечательно, что направленность её критики по сравнению с меланшоновской менее ценностно-ориентированная и более прагматичная: Петен – это проблемная историческая личность не столько из-за предательства, сколько из-за того, что упоминания его имени в позитивном ключе вызывают у французов негативные эмоции.

---

[2] Pétain, un “grand soldat” aux “choix funestes”, selon Macron. Les Echos. 07.11.2018. URL: https://www.lesechos.fr/politique-societe/emmanuel-macron-president/petain-un-grand-soldat-aux-choix-funestes-selon-macron-145810 (дата обращения: 31.07.2025).

[3] Du “grand soldat”...

[4] “Evoquer les mérites de Pétain en 14-18 fait toujours craindre une réhabilitation de Vichy”. Le Nouvel Obs, 07.11.2018. URL: https://www.nouvelobs.com/politique/20181107.OBS5051/evoquer-les-merites-de-petain-en-14-18-fait-toujours-craindre-une-rehabilitation-de-vichy.html (дата обращения: 31.07.2025).

[5] Polémique Pétain: quand Mélenchon se mélange les bâtons (de maréchaux). Le Nouvel Obs. 08.11.2018. URL: https://www.nouvelobs.com/histoire/20181108.OBS5087/polemique-petain-quand-melenchon-se-melange-les-batons-de-marechaux.html (дата обращения: 31.07.2025).

[6] Macron “extrêmement maladroit” sur Pétain, estime Marine Le Pen. Public Sénat. 13.11.2018. URL: https://www.publicsenat.fr/actualites/non-classe/macron-extremement-maladroit-sur-petain-estime-marine-le-pen-135395 (дата обращения: 31.07.2025).

Особый взгляд на деятельность Петена имеют экологисты. Они ставят под вопрос порядочность маршала не только во время Второй мировой войны, но и Первой, называя его «губителем французов». Среди левых, правых и центристов нет единства относительно фигуры Ф. Петена. Однако левые имеют схожие взгляды по этому вопросу.

На примере столь разных подходов заметна серьёзная разница в восприятии Первой мировой войны во Франции и России. В нашей стране, особенно в левой среде, к этой войне долгое время относились как к империалистической и сугубо негативно. Из этого вытекало осуждение командного состава всех воюющих армий как пособников империализма. Такой подход стал меняться только в XXI веке. Во Франции, напротив, даже по мнению такого левого радикала, как Меланшон, Первая мировая имеет своих «героев», в том числе и среди командиров[7]. Отношение к ней как к вооружённому конфликту между империалистическими державами продвигает только достаточно маргинальная Новая антикапиталистическая партия.

Возвращаясь к дискуссии, вызванной в том числе словами Макрона, важно отметить, что основной причиной недовольства послужила всё же информация о планах чествовать «восемь маршалов». Слова же президента принципиально не отличались от того, что считали его предшественники[8]. Известный аргумент о том, что Ш. де Голлю было разрешено говорить то, что не было позволено другим, в данном случае не работает: «Когда ты генерал де Голль, ты можешь себе это позволить»[9]. Поэтому столь негативная реакция на заявления Макрона в отношении Петена, которые сами по себе совпадают с давно известными формулировками, иллюстрируют нечто другое – широко распространённое неприятие фигуры нынешнего президента Пятой республики.

---

[7] Polémique Pétain...

[8] Pétain, “grand soldat”: Macron rejoint de Gaulle, Mitterrand, Chirac et Sarkozy. Le Figaro. 08.11.2018. URL: https://www.lefigaro.fr/politique/le-scan/citations/2018/11/07/25002-20181107ARTFIG00322-petain-grand-soldat-macron-rejoint-de-gaulle-mitterrand-chirac-et-sarkozy.php (дата обращения: 31.07.2025).

[9] “Evoquer les mérites...”

КАТОЛИЧЕСКИЕ ПРИХОДЫ В ДВИЖЕНИИ СОПРОТИВЛЕНИЯ В ИТАЛИИ: «ПАССИВНОЕ» И «АКТИВНОЕ» СОПРОТИВЛЕНИЕ

В.Е. Языкова

Изучение роли Католической церкви в итальянском движении Сопротивления представляет сложную научную и этическую проблему истории Европы XX в. Обычно исследователи концентрируются на теме вооружённого сопротивления Италии нацистской оккупации, игнорируя его дипломатическую, нравственную, религиозную составляющие. В результате вклад католиков в борьбу против нацизма остаётся за рамками изучения.

От лояльности к «ледяной дистанции»

Традиционно в итальянской историографии движение Сопротивления прочитывается либо как освободительная война итальянцев против немецкой оккупации; либо как гражданская война между фашистами и антифашистами; либо как первый этап классовой борьбы, которая могла бы привести к установлению нового порядка с заметным коммунистическим компонентом[1]. С точки зрения церковных иерархов, освободительная война укладывалась в рамки конфликта между двумя государствами и, следовательно, в концепцию самообороны и «справедливой войны»[2]. Это во мно-

[1] *Valiani L., Bianchi G., Ragionieri E.* Azionisti cattolici e comunisti nella Resistenza. Milano: Franco Angeli Editore, 1971. P. 166.

[2] Апеллируя к бл. Августину и Фоме Аквинскому, Католическая церковь допускала такой способ решения споров в случае, если «мирные переговоры не дали результата, война объявлена «законной властью», преследует справедливую цель и ведётся «законными (дозволенными) методами» (De Leonardis M. (s.a) “Guerra giusta” e “pacifismo”: la dottrina della Chiesa, Confederazione Triari. URL: https://www.confederazionetriarii.it/guerra-giusta-e-pacifismo-la-dottrina-della-chiesa/ (дата обращения: 06.07.2025).

гом определило роль Церкви в Италии в событиях 1943–1945 гг. Прочтение Сопротивления в терминах гражданской и тем более классовой борьбы встречает у католических авторов меньше симпатий.

Говоря об участии католиков в движении Сопротивления, принято прежде всего разграничивать клир и мирян, а среди клира – позиции церковной иерархии и рядового духовенства, включая монашество. Что до приходских священников, то их отношение к вооружённому конфликту как таковому определялось установками папы Бенедикта XV (1914–1922)[3], который объявил войну «чудовищной бойней»[4], требовал от священников повиноваться законным властям, не примыкать ни к одной из партий, ограничиваться заботой о попечении душ и гуманитарной помощью. В 1930-е гг. большую часть клира (почти 60%) составляли священнослужители в возрасте от 50 до 70 лет, а в 1943 г., то есть к началу движения Сопротивления, – от 54 до 73 лет[5]. Многие из них имели опыт участия в Первой мировой войне как капелланы и о том, что такое война, знали не понаслышке.

К фашизму, пришедшему к власти в Италии в 1922 г., понтифик, бóльшая часть кардиналитета и епископата относились так же, как после падения Папского государства в 1870 г. к Итальянскому либеральному государству. Это было отношение, во-первых, *протеста*, так как фашизм задушил католическое социальное и профсоюзное движение в епархиях и приходах, громил церковные объединения мирян, прежде всего приходские ячейки «Католического действия»[6]; во-вторых, *недоверия*, поскольку Католическая церковь не могла принять насильственных методов, практикуемых «чернорубашечниками»[7], и подлинно языческое обожествление государства, которое «впитывает, поглощает, уничтожает личность

---

[3] Здесь и далее даны годы понтификата.

[4] Papa Benedetto XV. Esortazione Apostolica “Allorché fummo chiamati”, La Santa Sede. 28.07.1915. URL: https://www.vatican.va/content/benedict-xv/it/apost_exhortations/documents/hf_ben-xv_exh_19150728_fummo-chiamati.html (дата обращения: 06.07.2025).

[5] *Marchis R., Pozza C.* Gli annuari ecclesiastici della diocesi di Torino: una fotografia del clero locale (1937–1953) // Cattolici, ebrei ed evangelici nella Guerra. Vita religiosa e società. Milano, 1999. P. 225–228.

[6] *Iermito F.* Regime e azione cattolica: “un’incompatibilità di carattere”. Roma, 2023. P. 2–3.

[7] *Fantelli G.E.* La Resistenza dei cattolici nel Padovano. Padova, 1965. P. 44.

и семью»[8]; в-третьих, *пассивного сопротивления* из-за стремления фашистских лидеров открыто выступить против доктрины Католической церкви, подчинить итальянцев и особенно молодёжь идеологии фашизма.

Если вскоре после заключения Латеранских соглашений 1929 г. между Святым престолом и Итальянским королевством папа Пий XI (1922–1939) ещё был готов «ради спасения душ пойти на переговоры с самим дьяволом», то в 1937 г. в энциклике «Mit brennender Sorge» он занял куда более непреклонную позицию, осудив нацизм и расизм[9]. «Фашизм, – писал в 1935 г. кардинал Д. Тардини, – привёл к путанице понятий, обожествил дуче», «приучил всех граждан к абсолютным и всепоглощающим покорности и послушанию... подчинил всякую вещь и всякого человека абсолютной власти Государства», сделал народ «сборищем рабов, всегда готовых говорить “да” и аплодировать от энтузиазма»[10].

В современной католической историографии крайне неоднозначная, часто подвергающаяся критике позиция Пия XII (1939–1958) в годы Второй мировой войны активно пересматривается. После падения фашистского режима в 1943 г. и последующей оккупации нацистами Северной и Центральной Италии, создания марионеточной республики Сало (1943–45) папа Пий XII добивался для Рима статуса «открытого города», не принимающего участия в боевых действиях. В надежде, что это сохранит жизнь мирным жителям, защитит от масштабных разрушений, Папа позиционировал себя как *«defensor civitatis»* (защитник отечества), как бы говоря, что Рим – не столица эфемерной фашистской республики Сало, а город Папы[11]. Благодаря гарантируемому Латеранскими соглашениями праву экстерриториальности Ватикана папские дворцы, церкви, монастыри по личному распоряжению Пия XII предоставляли убежище евреям, партизанам, политическим оппонентам фашизма независимо от религиозной и политической принадлежности. Так, около 8,5 тыс. из 9,6 тыс.

---

[8] *Токарева Е.С.* Фашизм, церковь и католическое движение в Италии (1922–1943). М., 1999. С. 166; *Castelli G.* Il Vaticano nei tentacoli del fascismo. Roma: Donatello De Luigi, 1946. P. 170–177.

[9] *Guasco A.* Cattolici e fascisti. La Santa Sede e la politica italiana all’alba del regime (1919–1925). Bologna, 2013. P. 78.

[10] Цит. по: *Guasco A.* Op. cit. P. 78–79.

[11] *Airò A.* Roma 1943, Pio XII “defensor civitatis” // Avvenire. 16.07.2013. URL: https://www.avvenire.it/agora/pagine/roma-pio-defensor-civitatis (дата обращения: 06.07.2025).

римских евреев нашли убежище в самом Ватикане, в монастырях Рима и религиозных институтах Италии, на которые распространялось право экстерриториальности[12].

Пий XII и верхушка Церкви стремились придерживаться заявленной в Латеранских соглашениях политики нейтралитета, соблюдать Конкордат и диктовали ту же линию поведения всему клиру[13]. Между тем, в большинстве случаев приходское духовенство держало с нацистами и боевиками республики Сало «ледяную дистанцию»[14] или демонстрировало откровенную враждебность.

50 лир, или ответ католического священника

Перед духовенством встала дилемма: как священники – они были обязаны следовать строгой церковной дисциплине, подчиняясь обету послушания и исполняя духовную миссию; как граждане – имели право принимать участие в жизни страны и считали это своим долгом. Позиции рядового клира разделились. Это особенно видно на примере военных капелланов: 40% поддерживали республику Сало, 45% заявляли себя вне политики и 15% были жёстко против нацифашизма[15].

Разумеется, имели место и случаи коллаборационизма, но это явление не приобрело массового характера. Распознав к 1943 г. подлинное лицо итальянского фашизма, его зависимость от германского нацизма, лелеявшего планы мирового господства, от него отвернулась, «считая врагом нации и подлинной причиной всех зол»[16], и та часть клира, которая предпочитала дистанцироваться от политики и сохраняла лояльность в 1930-е гг.

Многие священники и монашествующие избрали путь «пассивного» сопротивления. Они укрывали евреев, партизан, военнопленных, вызывались идти на казнь вместо осужденных, помогали продуктами, медикаментами, служили связующим звеном между

---

[12] *Napolitano M.L.* Pio XII e la seconda guerra mondiale // Vatican.va. URL: https://www.vatican.va/roman_curia/pont_committees/scienstor/it/attivita/Doc/Napolitano.pdf (дата обращения: 02.07.2025).

[13] *Fantelli G.E.* Op. cit. P. 203.

[14] Ibid. P. 204.

[15] *Franzinelli M.* Il riarmo dello spirito. I cappellani militari nella Seconda guerra mondiale. Pagus, Paese, 1991. P. 219.

[16] *Guasco M.* Studi sulla parrocchia in Italia: annuncio religioso e scelte politiche // Cattolici, ebrei ed evangelici nella Guerra. P. 43.

тюрьмами, лагерями и семьями, тайно, в нарушение запрета, хоронили жертв нацистских расправ и акций устрашения. Меньшая часть клира пошла по пути «активного» сопротивления в соответствии с концепцией «справедливой войны»: включилась в партизанскую борьбу, участвовала в полноценных военных действиях, стараясь, однако, избегать применения оружия[17]. Это стремление проистекало из убеждения священников, что по своему призванию они «должны быть готовы к пролитию крови, но только собственной». В октябре 1944 г. архиепископ г. Удине Дж. Ногара сформулировал эту мысль следующим образом: «Вы хотите искупительной жертвы за всех?.. возьмите меня, бросьте в тюрьму меня, отправьте в ссылку, я в ваших руках, но оставьте в покое моих чад!»[18]

Традиционно в Италии в приходах миряне недолюбливали «политиканствующих» священников, считая, что пастырь обязан быть выше политических пристрастий и партий, должен посвящать себя исключительно делам веры и милосердия[19]. Когда же речь заходила о мирянах-католиках, то их право восставать против вражеской оккупации никто не оспаривал. С осени 1943 г. они воевали в католических народных бригадах «зелёного пламени»[20]. Зелёный цвет этих бригад отличал их от красных партизанских бригад коммунистической ориентации.

Под духовным руководством приходских священников партизаны католических бригад нападали на немецкие патрули, уничтожали боевую технику врага, повреждали линии сообщения, устраивали взрывы на складах боеприпасов, на железных дорогах, мостах, похищали материалы допросов, фальсифицировали документы, географические карты, освобождали пленных, участвовали в боях с нацистами и боевиками республики Сало.

Письма, дневники, интервью, архивные документы позволяют реконструировать образ приходского духовенства и мирян-борцов католических партизанских отрядов Центральной и Северной Италии. Многие из них, преимущественно члены «Католического действия» и Католической университетской федерации (FUCI), проявляя подлинный героизм, были удостоены посмертно высших государственных наград.

---

[17] *Fantelli G.E.* Op. cit. P. 67, 236, 246.

[18] *Valiani L., Bianchi G., Ragionieri E.* Op. cit. P. 184, 192.

[19] Ibid. P. 189.

[20] Ibid. P. 76, 199.

Поражает глубина веры и беззаветной преданности Родине одного из лидеров Сопротивления в г. Эсте А. Сартори Боротто, погибшего 11 октября 1944. «Господи, передаю себя в Ваши руки, – написал он на последней странице духовного дневника за несколько дней до смерти. – Если Вы хотите, чтобы я умер солдатом, насильственной смертью, то и я этого желаю и отдаю жизнь свою на благо Родины и всего человечества»[21]. Трогательное обращение к Богу на «Вы» в знак благоговейного уважения выдаёт человека из народа, где такая форма обращения встречалась чаще, чем общепринятое «Ты».

«Пассивное» и «активное» участие приходских священников в Сопротивлении составляло серьёзную проблему для оккупационных властей, боевиков республики Сало и коллаборационистов. То, какое значение придавало немецкое командование влиянию католических священников на прихожан, видно из секретного циркуляра верховного командующего СС Генриха Гиммлера командующему в Италии 19 декабря 1944 г. «Командование полагает, – говорилось в документе, – что при выделении крупных сумм денег можно убедить итальянский клир работать на нас. Любые даже очень значительные суммы будут в любом случае оправданы получением информации... которую может предоставить итальянский священник»[22]. На подобное предложение падре Дж. Ромио заявил, что готов выплатить из собственного кармана 50 лир, чтобы окупить расходы на пулю, которая будет выпущена ему в затылок[23]. Судя же по тому, что, по данным 1963 г., в Италии в перестрелке, в концлагерях, при оказании помощи евреям, защите партизан, заложников, военнопленных, спасении женщин от изнасилований были убиты 729 священников[24], о. Ромио был не единственным, кто не согласился стать нацистским осведомителем.

Участие приходских священников в движении Сопротивления имело в своей основе религиозные и патриотические мотивы, проистекавшие из заботы о будущем христианской общины. Высту-

---

[21] Цит. по: *Fantelli G.E.* Op. cit. P. 112.

[22] *Fantelli G.E.* Op. cit. P. 64–65.

[23] Ibid. P. 46.

[24] Preti uccisi durante la Seconda guerra mondiale: mai un numero così alto // Centro di Orientamento Pastorale. 30.04.2021. URL: https://www.centroorientamentopastorale.it/organismo/2021/04/30/preti-uccisi-durante-la-seconda-guerra-mondiale-mai-un-numero-cosi-alto/ (дата обращения: 05.07.2025).

пая за то, чтобы духовенство исполняло свои прямые обязанности всесторонней духовной помощи прихожанам, не нарушая пятую заповедь «Не убий», церковные иерархи относились прохладно к участию рядового клира в активных военных действиях. Это мотивировалось, в частности, опасением коммунистической и особенно атеистической пропаганды[25], распространённой в партизанской среде.

Начиная с 1990-х гг. в итальянской католической историографии не утихает полемика о нравственной составляющей Сопротивления, о ненасильственных формах борьбы против оккупантов и потенциале, заложенном в «пассивном» сопротивлении людей Церкви.

Ярким событием 2021 г. в Италии стала беатификация Дона Джованни Форнезини[26]. Этот 29-летний священник, зверски убитый нацистами в 1944 г. и до последнего остававшийся со своими прихожанами – партизанами и гражданскими лицами, являет собой свидетельство всесторонней духовной и практической помощи, которую стремились оказывать пастве приходские священники.

---

[25] *Valiani L., Bianchi G., Ragionieri E.* Op. cit. P. 204.

[26] È beato il prete partigiano don Giovanni Fornasini // La Voce e il Tempo. 24.09.2021. URL: https://vocetempo.it/diventa-beato-il-prete-partigiano-don-giovanni-fornasini/ (дата обращения: 02.07.2025).

АВСТРИЙСКИЙ ВОПРОС В КОНТЕКСТЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В.Я. Швейцер

Началом Второй мировой войны считается сентябрь 1939 г., когда Германия напала и в кратчайшие сроки захватила Польшу. Тем не менее первым актом фашистской агрессии, поправшей международно признанные европейские границы, был аншлюс – насильственное присоединение к Третьему рейху немецкоязычной Австрии. Это произошло не спонтанно, ибо идея аншлюса звучала в гитлеровской пропаганде уже в 1920-х – начале 1930-х гг. Никакого активного сопротивления это событие не вызвало ни внутри упразднённого государства, ни у ведущих держав тогдашней Европы. Советское руководство осудило аншлюс в весьма мягкой неидеологизированной форме. При этом учитывался весь комплекс международных отношений того периода, ориентация СССР на возможное улучшение отношений с Германией с учётом весьма неопределённой конфигурации сотрудничества с лидерами Запада – Великобританией, Францией и США.

Трагические события осени 1939 г. – начала лета 1941 г. определённым образом изменили отношение великих держав к судьбе Австрии. После нападения на Польшу лидеры будущей антигитлеровской коалиции скорректировали своё отношение к австрийскому вопросу. Так, У. Черчилль в одной из речей осени 1940 г. назвал Австрию первой среди стран, за независимость которых британцы намерены бороться. Сигнал из Лондона был должным образом оценён после начала Великой Отечественной войны и установления союзнических отношений с Великобританией. В беседе с А. Иденом (ноябрь 1941 г.), тогдашним главой британского МИДа, И.В. Сталин указал, что «Австрия должна быть отделена от Германии» в виде независимого государства. Эта позиция нашла своё отражение в Московской декларации от 1 декабря 1943 г., подписанной главами МИД СССР, Великобритании и США. В ней говорилось: «Австрия, первая свободная страна,

павшая жертвой гитлеровской агрессии, должна быть освобождена от германского господства».

При совпадавшей общей позиции союзников по австрийскому вопросу наметились и серьёзные расхождения, касавшиеся формы восстановления независимости Австрии. Черчилль полагал, что она должна стать частью Дунайской федерации, которая объединила бы по географическому признаку соседние государства. Британский премьер-министр исходил как из своей заветной мечты о раздроблении Германии, так и из соображений создания «санитарного кордона» вдоль западных границ СССР.

В конечном итоге Московская декларация не конкретизировала тему будущей государственности Австрии, обозначив лишь контуры послевоенного обустройства страны. Однако важно, что союзники доверили самим жителям Австрии право определить судьбу уничтоженного нацизмом государства. Тем не менее они сохранили за собой право контролировать этот процесс, учитывая, что австрийцы несут определённую ответственность за соучастие, как граждане Третьего рейха, в гитлеровской агрессии против Европы и мира. В документе был также сделан акцент на вкладе самих австрийцев в их освобождение от гитлеризма.

Однако Австрия явно не вписывалась в число стран, где активно действовало движение Сопротивления либо формировались в эмиграции будущие формы государственной власти. Лишь только после того, как советские войска с боями вступили на территорию Австрии, начался процесс восстановления местных структур управления. Днём рождения Второй республики стало 27 апреля 1945 г., когда в Вене при поддержке союзников возникло временное правительство во главе с известным социал-демократом К. Реннером. В ноябре того же года прошли первые парламентские выборы. По их итогам образовалась коалиция трёх партий – Австрийской народной, Социал-демократической и Коммунистической. Главной задачей новой власти стало восстановление в Австрии основ хозяйственной жизни, проведение денацификации, перезапуск системы местного самоуправления.

Получив в свои руки важные властные полномочия, Австрия, однако, не считалась полностью суверенным государством. Сохранялся установленный в конце войны оккупационный режим, страна была поделена союзниками – СССР, Великобританией, США и Францией – на четыре зоны, где любые решения местных

властей должны были согласовываться с военным руководством союзных держав.

Переход к холодной войне отодвинул тему государственного суверенитета Австрии вплоть до 1955 г. С учётом создания в 1949 г. НАТО и образования тогда же двух германских государств, австрийский вопрос превратился в особый элемент международной жизни. Для небольшой страны идти путём разделённой Германии было крайне нежелательно. Это понимали не только великие державы, чьи войска поддерживали в стране оккупационный режим, но и ответственные австрийские политики. Благодаря их инициативам уже с конца 1940-х гг. в политический оборот была введена тема австрийского нейтралитета. Впервые она была озвучена президентом К. Реннером и поддержана его преемником Т. Кернером. Началось и осторожное обсуждение статуса постоянного нейтралитета в австрийской прессе. При этом как политики, так и правоведы ссылались на известный факт о принятии на Венском конгрессе 1815 г. декларации о нейтралитете для Швейцарии.

Важным обстоятельством внешнего свойства стала смерть И.В. Сталина и отход нового советского руководства от жёстких принципов начавшейся холодной войны. Смена конфронтационного вектора в пользу взаимодействия проявилась и в налаживании диалога СССР с местными властями. Советская военная администрация передала австрийской стороне ряд важных функций по регулированию внутренней жизни на подконтрольных ей территориях. Повысился уровень дипломатических отношений: миссии в Москве и Вене получили по взаимной договорённости статус посольств. В процессе двухсторонних консультаций СССР и Австрия пришли к пониманию, что решение австрийского вопроса в условиях, когда ФРГ стала в 1954 г. членом НАТО, должно иметь самостоятельное значение. Стал обсуждаться формат Государственного договора, ключевым элементом которого был бы добровольно принятый Австрией и одобренный великими державами статус постоянного нейтралитета.

1955 г. стал, по существу, финальным для решения австрийского вопроса. В апреле в Москву прибыла делегация, состоявшая практически из всех членов коалиционного кабинета (АНП и СПА). Переговоры, в процессе которых советская сторона сделала Австрии ряд уступок, прежде всего в экономической сфере, привели к решению главного вопроса – о выводе из Австрии

советского воинского контингента. Этот шаг сподвигнул США, Великобританию и Францию дать согласие на решение австрийского вопроса с учётом интересов всех заинтересованных сторон. 15 мая 1955 г. в Вене был подписан Государственный договор, а 26 октября австрийский парламент принял Закон о постоянном нейтралитете, исключавший присоединение страны к каким-либо блокам.

В последующие семь десятилетий Австрия смогла избежать вовлеченности в острые международные конфликты. При этом, после вступления в 1995 г. в ряды ЕС, страна оказалась в ситуации, когда её нейтральный статус был дополнен обязательствами по коллективным действиям Евросоюза. Такое положение дел в том числе привело к тому, что сегодня Австрия в полном объёме участвует в санкционном режиме, направленном против России. Более того, в Вене обсуждаются варианты новой конструкции безопасности с участием как членов НАТО, так и не входящих в этот военный блок стран. Не исключено, что австрийский вопрос может вновь стать яблоком раздора в будущих общеевропейских сюжетах.

ШВЕДСКИЙ ПРИМЕР «УСТОЙЧИВОГО РАВНОВЕСИЯ» В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Е.В. Корунова

Политику нейтралитета Швеции в период Второй мировой войны можно охарактеризовать через концепцию «устойчивого равновесия», заимствованную из классической механики. Подобно тому, как твёрдое тело, будучи выведено из положения равновесия, испытывает воздействие восстанавливающих сил и моментов, стремящихся вернуть систему в исходное состояние, шведский нейтралитет демонстрировал устойчивость к внешним воздействиям. Несмотря на значительное геополитическое давление со стороны противоборствующих коалиций в Скандинавско-Балтийском регионе, Швеции удавалось сохранять суверенитет и нейтральный статус на протяжении всего военного периода, что свидетельствует о высокой степени адаптивности и сбалансированности её внешнеполитической стратегии.

Крупные политические игроки признавали значимость шведского нейтралитета и отводили Стокгольму роль ключевого узла в североевропейской подсистеме международных отношений. Швеция выполняла функцию медиатора, обеспечивая каналы коммуникации между странами антигитлеровской коалиции. В последние годы войны шведский МИД содействовал организации и проведению переговорных процессов в условиях военно-политической конфронтации. При этом природа шведского нейтралитета в годы войны, подчиняясь диалектике единства и борьбы противоположностей, проявлялась как в стремлении к идеальной модели нейтралитета, так и являла собой пример прагматичной адаптации к реалиям военного времени. С одной стороны, Стокгольм декларировал приверженность принципам беспристрастности, с другой – демонстрировал гибкость и избирательную уступчивость, руководствуясь соображениями политической целесообразности и экономической выгоды.

Суть этой политики ёмко отражена в словах известного шведского политического деятеля Гуннара Мюрдаля[1]. В интервью шведской газете «Тиден» в марте 1945 г. он говорил: «99% нас, шведов, во внешней политике просто-напросто за Швецию и, кроме того, за бедное человечество»[2]. Данное высказывание раскрывает суть компромиссной позиции Стокгольма, вынужденного сочетать национальные интересы с международными обязательствами в условиях геополитического давления.

Придерживаясь стратегии нейтралитета, представители политической элиты в своём большинстве осознавали неизбежность существенных издержек подобного курса. Тем не менее они демонстрировали готовность к стратегическим компромиссам, включая частичное ограничение суверенитета в ущерб международному имиджу государства, рассматривая эти уступки как необходимое условие сохранения территориальной целостности и политической автономии страны.

В современной историографии вопрос, был ли нейтралитет продиктован меркантильными интересами (экономическими выгодами от торговли с воюющими сторонами) или же стал выражением преданности выбранной ещё в начале XIX века внешнеполитической идеологии невмешательства в чужие конфликты и войны, сохраняет свою актуальность по сей день.

12 октября 1939 г. премьер-министр Швеции П.А. Ханссон произнёс вошедшую в историю речь в Концертном доме (швед. *Konserthuset*) в Стокгольме. В ней он выразил уверенность, что «воля и решимость сохранять нейтралитет не избавит» Швецию от трудностей и проблем. Действительно, уже на первом этапе войны нейтралы, со слов политика, ощутили всю тяжесть условий, в которых им пришлось работать. Так, он дал понять, что расчёт на беспрепятственное продолжение торговых связей не оправдался[3]. Кроме того, согласно Ханссону, заверения воюющих сторон, обещавших уважать внешнеполитический выбор

---

[1] Мюрдаль Гуннар (Myrdal Gunnar) – шведский политический и государственный деятель, экономист, депутат риксдага от Социал-демократической рабочей партии Швеции (СДРПШ), министр торговли в правительстве Т. Эрландера (1945–1947).

[2] Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВПРФ). Ф. 0140. Оп. 31. П. 134. Д. 12. Л. 5.

[3] Den svenska beredskap (Stockholm, Konsertguset 12 oktober 1939) // Hansson P.A. Svensk hållning och handling. Uttalanden under krigsåren. Stockholm., 1945. S. 25–47.

Швеции, не соответствовали действительному положению дел. Это настраивало политика на жёсткий прагматизм: нейтралитет он рассматривал не в качестве константы, а как гибкую тактику выживания, требовавшую постоянного мониторинга рисков, сбалансированного сотрудничества с государствами обеих коалиций и готовности к любым формам компромисса. В послевоенных выступлениях премьер-министр подчёркивал, что главной задачей его правительства в военный период являлось формирование у граждан устойчивого чувства безопасности или «дома»[4].

Таким образом, внешнеполитический курс П.А. Ханссона в годы Второй мировой войны характеризовался стратегической продуманностью и рациональной калькуляцией рисков. Как свидетельствует анализ его политики, нейтралитет Швеции в значительной степени основывался на трезвой оценке потенциальных последствий конфронтации с нацистской Германией, а моменты перегибов нивелировались осторожными действиями в отношении СССР[5]. Примечательно, что осознание военной уязвимости страны не трансформировалось в пораженческую позицию, а было использовано в качестве защитного механизма, обеспечивавшего выживание государства.

На протяжении семи десятилетий после Второй мировой войны в шведском политическом дискурсе последовательно конструировался образ страны, для граждан которой принципы нейтралитета и внеблоковости занимали центральное место в системе национальной идентичности. На международной арене данная концепция приобрела особую значимость, поскольку воспринималась как успешная модель адаптации малого государства к условиям биполярной конфронтации. Этот процесс сопровождался селективным акцентированием нарративов, подкреплявших имидж Швеции как последовательного внеблокового игрока,

---

[4] Фраза не является прямой цитатой из речей П.А. Ханссона, а представляет собой интерпретацию его концепции «Дом народа» (швед. *Folkhemmet*), используемую в контексте военного времени.

[5] См. подробнее: *Корунова Е.В.* Ослабление позиций Германии на северном фланге европейской подсистемы // Вторая мировая война и трансформация международных отношений. От многополярности к биполярному миру / Под ред. Л.С. Белоусова и А.С. Маныкина. М.: Изд-во МГУ, 2020. С. 107–123; *Корунова Е.В.* «Лишь бы не было войны»: шведская политика уступок гитлеровской Германии (1940–1941) // Casus belli в международных отношениях XIX–XX вв.: дипломатия, идеология, военные приготовления. Труды исторического факультета МГУ. Вып. 229. Сер. II: Исторические исследования, 159. СПб, 2023. С. 434–450.

тогда как неоднозначные аспекты такой политики оставались на периферии публичного дискурса.

В текущем десятилетии наблюдается кардинальный пересмотр внешнеполитического статуса Швеции. В новой геополитической реальности традиционный нейтралитет или, вернее сказать, внеблоковость подверглась системной критике и преподносится как не соответствующая современным вызовам безопасности внешнеполитическая модель. На сегодняшний момент власти в Швеции транслируют общественности мысль, что значение политики нейтралитета было преувеличено[6].

Кульминацией этого процесса стало официальное вступление Швеции в НАТО 11 марта 2024 г., символически зафиксированное поднятием национального флага у штаб-квартиры альянса в Брюсселе. В отличие от своего предшественника П.А. Ханссона председатель Социал-демократической рабочей партии Магдалена Андерссон предпочла проверенному временем нейтралитету сотрудничество с НАТО. В своей речи «Решение руководства партии о направлении политики социал-демократов в области безопасности» она чётко дала понять, что «...лучшим для безопасности Швеции и шведского народа будет, если мы вступим в НАТО»[7]. Последовавшее стремительное присоединение к военно-политическому блоку повлекло за собой не только институциональные изменения, но и фундаментальную трансформацию шведской стратегической культуры. Хотя нельзя не учитывать, что процесс интеграции Швеции в североатлантические структуры начался задолго до эскалации в отношениях России и Запада[8].

За последние десять – пятнадцать лет число рабочих групп и площадок для переговоров, куда активно вовлекалась Швеция, значительно увеличилось. Были созданы условия для взаимодей-

---

[6] Why Sweden joined NATO – a paradigm shift in Sweden's foreign and security policy. Speech by Minister for Foreign Affairs Tobias Billström at Selwyn College, Cambridge, 16 April 2024. Published 17 April 2024 // https://www.government.se/speeches/2024/04/why-sweden-joined-nato---a-paradigm-shift-in-swedens-foreign-and-security-policy/ (датаобращения: 25.05. 2025).

[7] Partistyrelsens beslut om Socialdemokraternas säkerhetspolitiska linje. Доступ: https://www.socialdemokraterna.se/nyheter/nyheter/2022-05-15-partistyrelsens-beslut-om-socialdemokraternas-sakerhetspolitiska-linje (дата обращения: 15.05.2022).

[8] См. подробнее: *Корунова Е.В.* «Решение принято»: долгая история присоединения Швеции и Финляндии к НАТО // Вестник Московского университета. Серия XXV. Международные отношения и мировая политика. 2024; 16(3):53–97. https://doi.org/10.48015/2076-7404-2024-16-3-53-97 (дата обращения: 15.05.2025).

ствия государств Северной Европы в области обороны и безопасности как друг с другом, так и с другими государствами Запада. Это способствовало ускорению процессов военно-политической интеграции и создавало предпосылки для неизбежного вовлечения остававшейся долгие годы за пределами НАТО Швеции.

Современный политический дискурс Швеции демонстрирует целенаправленную попытку оправдать вступление страны в Североатлантический альянс. Этот процесс сопровождается формированием новой системы ценностных ориентиров, в рамках которой членство в НАТО преподносится как оптимальная стратегия обеспечения национальной безопасности, что неизбежно влечёт за собой критический пересмотр эффективности политики нейтралитета в исторической ретроспективе.

СССР И ФИНЛЯНДИЯ 1917–1944 гг.: НЕСПОКОЙНАЯ ГРАНИЦА

Т.В. Андросова

Финляндия, находясь в одном из стратегически важных регионов Европы, занимала и занимает особое положение во внешней политике России. В период вхождения Финляндии в состав Российской империи (1809–1917) на правах широкой автономии финские территории надёжно прикрывали Россию с запада. Но и тогда неоднократно поднимался вопрос о переносе границы для обеспечения безопасности Санкт-Петербурга за счёт передачи под управление России ряда финских волостей. Отношение местного населения к метрополии изначально отличалось предельной лояльностью. Сепаратистские движения, как следствие политики русификации (с 1899 г.), вплоть до осени 1917 г. оставались маргинальными.

Финляндия получила независимость в декабре 1917 г. Практически сразу граница с Советской Россией была закрыта, отношения прерваны. С обеих сторон границы возводились мощные укрепления (линия Маннергейма, Карельский укрепрайон). Отношения стали особенно проблематичными в 1918–1920 гг., хотя затем и отличались в 1920-е – 1930-е гг. внешней лояльностью. В январе 1918 г. в Финляндии вспыхнула революция, которая вскоре переросла в гражданскую войну. Российские войска, расквартированные на территории Финляндии, участвовали в боевых действиях на стороне «красных».

На мирных переговорах в Берлине в августе 1918 г. Финляндия выдвинула претензии на всю территорию к востоку от границы, на которой проживало финноязычное население, хотя «исконно финские земли» никогда не были частью Швеции-Финляндии или Великого княжества Финляндского. Советская Россия, в свою очередь, претендовала на острова Финского залива, а также территории на Карельском перешейке к юго-востоку от линии Кякисалми – Выборг. Переговоры закончились ничем. Вскоре финские добровольческие отряды вторглись на террито-

рию Беломорской Карелии под лозунгом помощи соплеменникам в борьбе с большевизмом. Летом 1919 г. генерал Маннергейм вёл переговоры с генералом Юденичем об участии финских войск в походе на Петроград. Официальные финляндские власти, так же как в случае интервенции на советскую территорию, дистанцировались от этих планов. В сентябре – октябре 1919 г. Финляндия безуспешно пыталась сколотить блок из стран-лимитрофов для совместного выступления на мирных переговорах с Россией.

На переговорах в Тарту, начавшихся в июне 1920 г., финны преследовали те же цели, что и на переговорах в Берлине: объединение финноязычных народов под эгидой Финляндии и обеспечение свободного доступа к Северному Ледовитому океану. Москва стремилась отодвинуть границу от Петрограда. Кроме того, она настаивала на передаче ей либо нейтрализации островов в Финском заливе для обеспечения там свободного судоходства. Предусматривались также незначительные корректировки пограничного рубежа на Карельском перешейке.

Большинство в правительстве Финляндии было против заключения мира, не желая в принципе обсуждать вопрос обмена территориями. Деловые круги высказались за отказ не только от торгового, но также от мирного договора. Называя мир с Советской Россией противоестественным, достижения неопределёнными, а потери неизбежными, они полагали, что соглашение откроет страну для большевистской агитации и т.п.

Переговоры в Тарту продемонстрировали первостепенность для России геополитических целей. Финны получили область Петсамо (Печенга), что обеспечило выход к Северному Ледовитому океану, а также право беспошлинного экспорта на российский рынок. В ответ пришлось уступить требованиям о нейтрализации острова Сур-Сари (Гогланд) и о возврате пограничных Ребольской и Поросозерской волостей, оккупированных в 1918–1919 гг. В националистических кругах, бредивших идеей «Великой Финляндии», договор сочли «постыдным». Открыто говорили, в том числе с парламентской трибуны, что это ещё далеко не конец, и что граница между Россией и Финляндией будет проведена мечом от Финского залива через Онежское озеро до Белого моря.

В Тарту члены финляндской делегации были готовы согласиться с пожеланием советского правительства с расчётом на ответные уступки. Действительно, советское правительство предлагало

заключить торговый договор на выгодных для Финляндии условиях. Но её президент и Государственный совет (правительство) отвергали эти предложения из опасений недовольства в обществе, насквозь поражённом русофобией.

До середины 1920-х гг. Москва выступала инициатором нормализации двусторонних отношений, действуя в русле традиционной политики с акцентом на развитии широких торговых связей. Финны не считали возможным заключение с Советской Россией торгового договора, даже взаимовыгодного, главным образом в силу различия политических и экономических систем двух стран. Однако это всё же случилось в июне 1940 г.

Основной составляющей восточной внешней политики «белой» Финляндии в 1920-е – 1930-е гг. было неприятие большевистской политической доктрины. В качестве официальной линии закрепилась тактика игнорирования любых попыток советского правительства по сближению. Пытаясь обезопасить себя с востока, финны вначале искали союза с Германией, затем со странами-митрофами и Швецией. Не найдя надёжного союзника, они пришли к политике «блестящего изоляционизма», которой Финляндия следовала до начала 1930-х гг.

Подписание договора о ненападении с СССР в 1932 г. не привело к окончательной нормализации отношений. В конце 1930-х гг. вторжение со стороны СССР воспринималось большинством населения как фатальная неизбежность. Современники признавали, что со стороны финляндского правительства «не было сделано действительно эффективных попыток создать хорошие и основанные на доверии отношения», хотя с формальной точки зрения эти отношения были «удовлетворительными».

Советское правительство главным образом проявляло обеспокоенность связями Финляндии с Германией, а также её сближением с Польшей и Японией. Но в Хельсинки не считали нужным что-то менять в своей внешней политике, продолжая рассматривать торговые вопросы отдельно от политических. Начиная с 1928 г. советская сторона раз за разом повторяла финнам: «торговля зависит от политической атмосферы», и под нормализацией межгосударственных отношений подразумевала борьбу с антисоветскими настроениями в финляндском обществе. Выпады против СССР на страницах печати расценивали однозначно – как официальную точку зрения.

Весной 1938 г. Москва пообещала Финляндии любую помощь в случае отказа от участия в военных планах Германии против СССР. В марте 1939 г. было сделано предложение об аренде островов Финского залива на 30 лет в обмен на территории в Восточной Карелии. Требования, по оценке Сталина, были минимальными. К тому же Москва выразила готовность заплатить за компромисс с Хельсинки хорошую цену – подписать широкий торговый договор, в чем финны были крайне заинтересованы. На переговорах в Москве в начале октября 1939 г. с участием Сталина и Молотова им вновь предложили произвести территориальный обмен. Однако все предложения были категорически отвергнуты: видимо, в Хельсинки решили, что русские блефуют.

К.Г. Маннергейм, Ю.К. Паасикиви, В. Таннер и др. считали необходимым согласиться с предложением Москвы об аренде малых островов Финского залива, которые имели стратегическую ценность для СССР, но не представляли особой значимости для Финляндии. Таннер, возглавивший после гражданской войны реформистскую Социал-демократическую партию, считал широкие торговые связи с СССР естественными и выгодными для Финляндии, способными обеспечить развитие нормальных двусторонних отношений. Паасикиви, будущий президент (1946–1956), отводил важную роль личным контактам в процессе развития межгосударственных отношений, считая отправной точкой новой финляндской внешней политики необходимость считаться с фактом наличия у восточной великой державы своих особых интересов.

По итогам Зимней войны 1939–1940 гг. Финляндия потеряла гораздо больше, чем требовали от неё в 1920 г. Новая граница, по сути, была границей «Петра Великого», притом что линия фронта проходила намного дальше к югу и востоку. Московский мирный договор 1940 г. в Финляндии считали несправедливым и временным, надеясь на его пересмотр после окончания «большой войны». Отношения между странами были крайне напряженными. Постоянно возникали споры по поводу толкования договора. СССР пытался взять под контроль никелевые рудники Петсамо: значение этой территории возросло, после того как Германия оккупировала Северную Норвегию. «Никелевый кризис» привёл к разрыву торговых отношений в январе 1941 г.

Зимнюю войну 1939–1940 гг. финны проиграли, но война научила солидарности: на волне экспрессивного патриотизма

правительство поддержали все, включая тех, кто был ущемлён в гражданских правах за то, что исповедовал левые взгляды. В период войны 1941–1944 гг., которую финны считали реваншем за поражение в 1939 г., общество не было столь же единодушным: сотрудничество с Германией было непопулярным среди «левых» и отчасти среди центристов, хотя движение Сопротивления не сыграло заметной роли и т.н. «мирная оппозиция» не отличалась особой активностью. Выбор в пользу Германии, как полагал Паасикиви, был бы фатальным для Финляндии при любом исходе войны.

В течение всей «войны-продолжения» правительство придерживалось тезиса об «отдельной» войне: Финляндия якобы была не союзницей Германии, но «соратницей по борьбе». В любом случае, неприятель был общий, и нападение было подготовлено совместно. Как минимум, хотели вернуть территории, утраченные по Московскому миру 1940 г. Ещё до начала военных действий в кругах военного и политического руководства обсуждали вопрос будущей восточной границы. Из пяти вариантов, намеченных Генштабом, самая дальняя граница была проведена восточнее Онежского озера. Наилучшей со стратегической точки зрения считали пограничный рубеж, идущий через три перешейка между Финским заливом, Ладожским и Онежским озёрами и Белым морем.

Попытка реванша провалилась. Мирный договор 1947 г. подтвердил границу с СССР, установленную Московским договором от 12 марта 1940 г. (значительная часть южной Карелии с городами Выборг и Сортавала), а также включил в состав Советского Союза область Петсамо (Печенга).

На начальном этапе существовали безусловные предпосылки для сближения СССР и Финляндии на чисто коммерческой основе. Общей ошибкой было то, что территориальную близость стороны рассматривали под углом геополитики, не уделяя должного внимания экономическим интересам. Если бы удалось подписать торговый договор в 1920 г. в Тарту или хотя бы в 1923–1927 гг., так или иначе это отразилось бы на состоянии политических взаимоотношений СССР и Финляндии. Более реалистичный подход к отношениям с «большим восточным соседом» мог бы избавить Финляндию от последующих войн с Советским Союзом и значительных территориальных потерь. Такие точки зрения появились в финляндской мемуарной и исторической литературе

уже в 1940-е гг. Позднее, в 1990-е гг. были сделаны попытки пересмотреть и некоторые другие стереотипы.

Современная граница с Финляндией является самой протяжённой западной границей России. Одновременно это граница России и НАТО. Вступление в альянс летом 2023 г. Финляндия мотивировала интересами укрепления безопасности. Россия трактует такой шаг как нарушение Договора 1947 г., предусматривающего взаимные обязательства не заключать союзы или участвовать в коалициях, направленных против одной из сторон. Членство в НАТО также противоречит Договору 1992 г. между Россией и Финляндией об основах отношений.

БРЕТТОН-ВУДСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ 1944 ГОДА – ЗАЛОГ ГЕГЕМОНИИ ДОЛЛАРА

О.В. Буторина

В июле 1944 г. на севере США, в неприметном местечке Бреттон-Вудс состоялась валютно-финансовая конференция Объединённых Наций. Конференция заложила основы будущего валютного-финансового устройства мира и учредила два института – Международный валютный фонд и Всемирный банк.

Основанная на золото-долларовом стандарте Бреттон-вудская валютная система просуществовала три десятилетия. За это время доллар взошёл на мировой финансовый Олимп, где он остаётся поныне, несмотря на введение евро, подъём Китая и череду мировых финансовых кризисов. В 2025 г. на доллар приходилось 56% официальных валютных резервов всех стран мира и 90% операций на глобальных валютных рынках. Идущая цифровизация международных расчётов только подогревает спрос на американскую валюту – благодаря инфраструктурной мощи карточных систем Visa и Mastercard, а также мобильных приложений Apple Pay, Google Pay, PayPal.

О Бреттон-Вудской конференции написано много. Но многие её аспекты по-прежнему скрыты от глаз. Цель данного текста – восстановить недостающие фрагменты большого «паззла» и ответить на вопросы, которые не принято задавать. Выделим три принципиальных.

1. Почему валютная конференция Объединённых наций проходила в разгар войны, задолго до образования ООН? Чьим интересам отвечала эта спешка?

2. Зачем в мировое денежное обращение вернули «варварский реликт» – золото?

3. Как случилось, что на конференции обсуждался только американский план, но не британский и ни один другой?

Кто и куда торопился?

Валютная конференция Объединённых Наций состоялась 1–22 июля 1944 года. В этой дате нет ничего особенного, если забыть о графике создания ООН и её первых действиях на благо послевоенного восстановления. График выглядит следующим образом:

Первое заседание о целях и функциях будущей Организации Объединённых Наций – сентябрь 1944 г.

Учредительная конференция ООН – апрель 1945 г.

Подписание Устава ООН – июнь 1945 г.

Вступление в силу Устава ООН – октябрь 1945 г.

Конференция ООН по вопросам торговли и занятости – ноябрь 1947 г.

Как мы видим, Бреттон-Вудская конференция, только называлась конференцией Объединённых Наций. Она завершилась за два месяца до того, как будущие учредители ООН впервые встретились, чтобы обсудить цели и функции новой организации.

Как вышло, что конференция проходила в разгар боевых действий, когда до окончания войны оставался почти год?

23 февраля 1944 г. Рузвельт направил Сталину личное секретное письмо[1]. В нем сообщалось, что между экспертами Объединённых Наций идут неофициальные переговоры о технических вопросах международной валютной стабилизации и о перспективах послевоенного экономического развития. Американский президент подчёркивал необходимость проведения официальных конференций и создания аппарата Объединённых Наций в целях экономического сотрудничества. Трюк Рузвельта состоял в том, что в своём обращении он соединил две близкие по звучанию, но разные по содержанию и приоритетности для США темы –

[1] Переписка председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Том второй. Переписка с Ф. Рузвельтом и Г. Трумэном (август 1941 г. – декабрь 1945 г.). М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. С. 124–125. Оригинал по-английски: National Archives and Records Service. Franklin D. Roosevelt Library. Map Room Papers. Box 9. Roosevelt to Stalin. January – June, 1944. Режим доступа: http://www.fdrlibrary.marist.edu/_resources/images/mr/mr0055.pdf

послевоенного восстановления и фиксации принципов международного валютного порядка. Для СССР и всех других воюющих стран значение первой темы многократно превосходило значение второй. Вашингтон умело сыграл на иерархии ценностей. 10 марта Сталин в ответном письме дал согласие на создание аппарата Объединённых Наций для «рассмотрения различных проблем международного экономического сотрудничества»[2].

Манёвр удался. США заручились поддержкой Советского Союза, который нёс основное бремя войны, и потому без его участия решения валютной конференции не стали бы правомочными в глазах мировой общественности.

Чтобы в условиях войны созвать крупную международную конференцию, надо было убедить всех участников в её скором окончании. Рубежная дата обозначилась 12 февраля 1944 г. В этот день объединённый англо-американский штаб издал директиву о начале операции «Оверлорд», что означало открытие союзниками второго фронта против фашистской Германии. Форсирование Ла-Манша планировалось на май 1944 г.

26 мая президент Рузвельт разослал правительствам 44 стран приглашения на конференцию в Бреттон-Вудсе, которая начиналась всего через месяц – 1 июля. Надо подчеркнуть, что в это время почти все европейские страны антигитлеровской коалиции (кроме Великобритании и Исландии) находились в зоне немецкой оккупации и не обладали государственностью. К ним относились: Бельгия, Греция, Люксембург, Нидерланды, Норвегия, Польша, Франция, Чехословакия и Югославия. Открытие второго фронта решало проблему не фактически, а эмоционально. Создавалось ощущение, что посланцы оккупированных стран правомочны принимать решения о послевоенном мироустройстве.

Воюющие страны по объективным причинам не могли быть инициаторами и принимающей стороной конференции. Провести её как можно скорее стремились только США, но не Советский Союз (это видно из переписки Рузвельта и Черчилля), ни наполовину оккупированный Японией Китай.

Зачем торопилась администрация Рузвельта?

---

[2] Переписка председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Том второй. Переписка с Ф. Рузвельтом и Г. Трумэном (август 1941 г. – декабрь 1945 г.). С. 130.

Мотивы спешки становятся понятными, если обратиться к истории Второй мировой войны. В мае 1944 г. англо-американские войска при поддержке французов и поляков предприняли наступление на север Италии и 4 июня вошли в Рим. 10 июня 1944 г. Красная Армия начала первый тур летнего наступления, а 23 июня – второй тур, вошедший в историю как операция «Багратион». За месяц советские войска полностью освободили Белоруссию и вошли в Польшу, пробив в стратегическом фронте противника брешь до 400 км в ширину и до 500 км в глубину[3]. 20 июля группа офицеров вермахта совершила покушение на Гитлера. Будь заговор успешным, он открыл бы путь к перемирию и прекращению войны. Тогда первоочередными задачами стали бы вывод войск стран «оси» с оккупированных территорий, демаркация границ и послевоенное восстановление. Капитуляция Германии отодвинула бы сроки проведения валютной конференции ООН на год, два или больше.

А это изменило бы её место, состав и повестку. США не смогли бы стать единственным организатором конференции без вклада европейских союзников и даже бывших противников. Вместо анемичных, не имевших реальной власти эмигрантских правительств на форум прибыли бы действующие министры и функционеры, готовые решительно отстаивать национальные интересы. США стремились осуществить свой замысел, пока союзники не разобрались в его сути. Их целью было поставить доллар в центр мировой валютной системы. Техническая возможность для этого имелась только в короткий промежуток времени между открытием второго фронта и прекращением огня.

Зачем вернули «варварский реликт»?

Неспециалистам может казаться, что обеспеченные золотом бумажные деньги гораздо надёжнее необеспеченных, или фидуциарных. В реальности это не так. Привязка эмиссии к золоту создаёт массу проблем для функционирования рынков и экономики. Главное препятствие – отставание темпов золотодобычи от темпов роста ВВП. Ведь чем больше экономика, тем больше ей нужно

[3] *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. М.: Издательство Агентства Печати Новости. 1969. С. 587.

денег, чтобы продавцы и покупатели могли обменивать товары на деньги, а не упираться в бартер. Более того, когда денег в экономике не хватает, люди начинают их откладывать, изымать из оборота, что блокирует хозяйственную деятельность. Такое состояние называется дефляцией.

Корень проблемы стал ясен экономистам ещё в начале XX века. По этой причине Дж. М. Кейнс назвал золотой стандарт образца XIX века «варварским реликтом»[4]. По общему признанию, дефляция, то есть нехватка денег в обращении, стала одним из факторов Великой депрессии 1930-х гг., нищеты и массовой безработицы.

Летом 1941 г. правительство Великобритании обратилось к Джону Мейнарду Кейнсу с запросом выдвинуть предложения о мировом валютном устройстве. Аналогичное поручение администрация США дала Гарри Декстеру Уайту – заместителю министра финансов, которым тогда был Генри Моргентау. В августе 1942 г. Кейнс и Уайт обменялись текстами, а в октябре провели первый раунд обсуждения. В апреле 1943 г. два плана были опубликованы в открытой печати.

План Кейнса «О международном клиринговом союзе» предлагал создать замкнутую международную платёжную систему, где центральные банки стран-участниц вели бы итоговые межгосударственные расчёты в специальных счётных единицах – банкорах. План Уайта «О стабилизационном фонде для Объединённых Наций и Международном банке реконструкции и развития» предполагал жёсткою фиксацию валютных курсов при запрете валютных ограничений и девальваций (к которым, как опасались США, могли прибегать их партнёры после окончания войны).

Предложенный Кейнсом банкор мыслился как синтетическая расчётная единица, никак не связанная с золотом или с любым другим металлом. Золото могло обмениваться на банкоры, но сам банкор не разменивался на золото. В США отношение к золоту было прямо противоположным: именно оно должно было стать трамплином к мировому господству американской валюты.

К концу войны Соединённые Штаты аккумулировали $^{3}/_{4}$ мирового запаса монетарного золота. Звучит внушительно, если не помнить, что в XX веке золото перестало быть денежным металлом

[4] *Keynes J.M.* A Tract on Monetary Reform, 1923. P. 172.

и не давало тех преимуществ, которые оно имело в XIX веке. Ещё в межвоенный период большинство стран мира начали переходить на необеспеченные бумажные деньги. Иными словами, гигантский золотой запас США превращался в обычное, пусть и дорогостоящее сырье. Чтобы заставить золото работать на глобальную цель, его надо было сделать стержнем мировой валютной системы. То есть вернуть эволюцию денег на предыдущую ступень и снова наделить их золотым содержанием, от которого они благополучно избавились. Поскольку ни у одной страны, кроме США, золотых резервов не было, обмен валют на золото мог осуществляться только через доллар. Так доллар становился лучшей из валют, а США получали исключительную привилегию.

1 июля 1944 г., утром накануне открытия Бреттон-Вудской конференции, Уайт следующим образом инструктировал членов американской команды: «Золото, которое находится в Форт-Ноксе, может использоваться только для одной цели, кроме как быть национальным монетарным запасом, а именно – для покупки иностранной валюты. Вот почему Соединённые Штаты находятся в завидной позиции; вот почему мы в могущественной позиции на этой конференции; вот почему мы практически доминируем в финансовом мире, ведь у нас есть все необходимые средства, чтобы купить любую валюту, какую захотим. Если бы только Англия была в такой позиции, или любая другая страна, это была бы совсем другая история. Но они не могут»[5].

На конференции только одна страна – Соединённые Штаты – настаивала на фиксированных курсах и на их привязке к золоту. Подавляющее большинство государств-участников эмитировали необеспеченные бумажные деньги, а о возврате золота во внутреннее обращение не могло быть и речи. Тем не менее делегаты форума массово пошли на поводу у Соединённых Штатов, согласились с их предложениями и промолчали о своих интересах.

---

[5] Bretton Woods, N.H. July 1, 1944. 10:30 a.m. Instructions of American Delegates – Fund. Diaries of Henry Morgenthau, Jr., April 27, 1933-July 27, 1945. Franklin D. Roosevelt Presidential Library & Museum. Morgenthau Diaries. Book 749. July 1–3, 1944. P. 30. Режим доступа: http://www.fdrlibrary.marist.edu/_resources/images/morg/md1038.pdf

Почему обсуждался один план?

Два тома докладов и стенограмм валютной и финансовой конференции Объединённых Наций (по тысяче страниц каждый)[6] не содержат упоминаний о каких-либо иных предложениях, кроме выдвинутых США, и ни одного случая столкновения мнений. Как это стало возможным, если в конференции приняли участие представители 44 государств? Почему никто не обратил внимания на безальтернативность предложенного сценария и не попытался изменить положение?

Ответ состоит из четырёх частей. Во-первых, проведение конференции в военное время позволило Вашингтону отсечь от участия большую группу государств и ослабить состав прибывших делегаций. Во-вторых, роль принимающей стороны позволяла управлять повесткой и ходом заседаний. В-третьих, США целенаправленно и последовательно создавали иллюзию широкого международного представительства. В-четвёртых, главная для США угроза в виде плана Кейнса была нейтрализована до начала форума в Бреттон-Вудсе – в рамках двустороннего американо-британского диалога, скрытого от третьих стран.

С подачи Моргентау в апреле 1944 г. «Совместное заявление экспертов о Международном валютном фонде» было опубликовано одновременно в восьми столицах – Вашингтоне, Лондоне, Москве, Чунцине, Оттаве, Рио-де-Жанейро, Мехико и Гаване. Текст заявления[7] (тогда мало кому понятный) свидетельствовал о том, что в рамках американо-британского диалога успех явно был на стороне Вашингтона. От британского проекта международного клирингового союза, основанного на синтетической расчётной единице банкор, не осталось и следа. Международному валютному фонду предстояло обеспечивать поддержание курсовой стабильности и бороться с валютными ограничениями. Члены фонда брали на себя обязательства избегать конкурентных девальваций и не покупать золото по цене выше установленной.

С этого времени план Кейнса стал достоянием истории, а на повестке будущей конференции остался только план Уайта. Глав-

---

[6] United Nations Monetary and Financial Conference. Bretton Woods, New Hampshire. July 1–22, 1944. United States government printing office. Washington, 1948.

[7] *Horsefield J.K.* (Ed.) The International Monetary Fund 1945–1965. Twenty Years of International Monetary Cooperation. IMF, Washington, 1969. P. 131–135.

ной причиной, по которой Великобритания сдала позиции, было её тяжёлое финансовое положение. Отсюда – реальная (и материализовавшаяся позже) перспектива обращения к США за кредитом на цели послевоенного восстановления.

В обстановке военного времени на форуме не могло быть места Германии, Японии, Италии и их союзникам. Следует отметить, что пережившие периоды высокой инфляции Германия и Италия никогда не согласились бы на золотой стандарт, если бы конференция проходила в мирное время с их участием. Их наверняка поддержала бы Австрия, имевшая сильную экономическую школу и весьма успешный опыт обращения необеспеченных бумажных денег. Но летом 1944 г. Австрия являлась частью Третьего рейха.

Исключительно по воле США, но не СССР, Великобритании или Китая, на конференцию не допустили представителей нейтральных государств. В отличие от вовлечённых в конфликт стран, они имели возможности для проведения профессиональной экспертизы и могли выдвинуть детально проработанные предложения.

Испания стремилась присутствовать на конференции в качестве участника или наблюдателя. После публикации планов Кейнса и Уайта в 1943 г. испанское правительство по итогам консультаций со специалистами намеревалось поддержать британский план и выдвинуть аргументы против американского, который ставил целью «увековечить валютную гегемонию США в мире»[8]. Сохранявшая нейтральный статус Аргентина в январе 1944 г. разорвала дипломатические отношения с Германией в надежде получить приглашение на конференцию в Бреттон-Вудсе. Однако по решению Вашингтона и при молчаливом согласии Лондона Аргентина стала единственной страной Нового Света, которую исключили из числа участников[9]. Швеция в лице одного из крупнейших экономистов современности Густава Касселя (автора теории поку-

[8] Archivo del Ministerio de Asuntos Exteriores y de Cooperación, R. 5906, exp. 2, memorándum no firmado, "Proyecto de Unión Monetaria Internacional – Planes del inglés Keynes y del norteamericano Morgenthau", 27 de abril de 1943. Цит. по: *Cavalieri, Elena*. España y el FMI: la integración de la economía española en el sistema monetario internacional, 1943-1959. Banco de España, Estudios de Historia Económica, 2014. No. 65. P. 13.

[9] *Kedar C*. The Beginning of a Controversial Relationship: The IMF, the World Bank, and Argentina, 1943-46 // Canadian Journal of Latin American and Caribbean Studies / Revue Canadienne Des Études Latino-Américaines et Caraïbes 35. No. 69 (2010): 201–30. http://www.jstor.org/stable/41800502.

пательной способности валют) и главы Центрального банка Дага Хаммаршёльда предлагала зафиксировать паритет между долларом и фунтом стерлингов, что соответствовало основным положениям британского плана[10]. Приглашений также не получили Ирландия, Португалия, Турция и Швейцария, на конференции в их адрес звучали обвинения в укрывании награбленных нацистами военных трофеев.

В Бреттон-Вудс прибыли делегации 44 государств, включая 19 стран Латинской Америки и Карибского бассейна. Страны Европы были представлены членами находившихся в Лондоне «правительств в изгнании», общественными деятелями, преподававшими в американских университетах профессорами, а также послами и членами экономических миссий в США. Французская делегация состояла из членов Французского комитета национального освобождения.

Постоянным председателем конференции был назначен министр финансов США Г. Моргентау, её фактическим распорядителем стал Г.Д. Уайт. Многие аспекты находились под негласным контролем Госдепартамента. В их числе – вопрос о переводе. Вопреки ожиданиям Моргентау, Госдеп не допустил к работе прибывших в Бреттон-Вудс переводчиков. Единственным официальным языком конференции стал английский, что отвечало намерению «принизить роль других языков»[11]. Так значительная часть делегатов превратилась в подобие марионеток или статистов.

Работа форума проходила в трёх тематических комиссиях, внутри которых имелись комитеты и подкомитеты. Приписанные к ним делегаты встречались в отведённых местах по утверждённому графику, в результате чего общая картина была видна только организаторам. Даже профессиональные экономисты, для которых английский язык был родным, после перехода от пленарных заседаний к секционным утратили возможность следить за общим ходом дискуссии[12].

---

[10] Ahlström, Göran and Carlson, Benny. Hammarskjöld, Sweden and Bretton Woods. Economic Review. 2005. No. 3. P. 50–81.

[11] Diaries of Henry Morgenthau, Jr., April 27, 1933-July 27, 1945. Franklin D. Roosevelt Presidential Library & Museum. Morgenthau Diaries. Book 748. June 29–30, 1944. P. 231–232. URL: http://www.fdrlibrary.marist.edu/_resources/images/morg/md1037.pdf

[12] *Robbins Lionel*. Bretton Woods diary, 1944. July 4. LSE Digital Library. URL: https://digital.library.lse.ac.uk/objects/lse:pat524yab/read/single#page/40/mode/2up

Многие делегации прибыли в Бреттон-Вудс с единственной целью – получить доступ к внешнему финансированию. Вашингтон умело играл на этих ожиданиях, заложив в повестку конференции два разных направления – о международном валютном порядке и об экономическом развитии, чему соответствовало учреждение двух похожих по названию, но разных по функциям институтов – МВФ и Всемирного банка. Беднейшие государства, а также экспортёры сырья (чьи доходы зависели от цен на мировых рынках) надеялись на получение долгосрочных кредитов и кредитов на покрытие экстренных нужд. Они были готовы уступить в несущественном (как тогда казалось) вопросе о характере валютных курсов, чтобы проявить лояльность и заручиться поддержкой США в главном для себя вопросе.

Кроме США и Великобритании проекты послевоенного валютного устройства также разрабатывались экспертами Канады, Франции, Норвегии и Китая. Однако ни один из этих текстов не попал в залы заседаний в Бреттон-Вудсе.

* * *

За 22 дня заседаний в Бреттон-Вудсе американская администрация добилась результата, который не имел ничего общего с действием рыночных сил, а именно – возврата всемирной истории денег на предыдущую ступень. Сегодняшним аналогом этого действия был бы отказ от цифровых и моментальных расчётов с возвратом к наличным платежам и бумажному документообороту.

Подводя итоги, дадим краткие ответы на заданные в начале статьи вопросы. 1) Проведение валютной конференции в разгар войны отвечало интересам США, их намерению воспользоваться слабостью воюющих стран, чтобы поставить доллар в центр мировой валютной системы. 2) Привязка валют к золоту, которую Кейнс называл «варварским реликтом», была единственным средством возвысить доллар над остальным валютами, задействовав накопленный Соединёнными Штатами золотой запас. Без этого доллар стал бы одной из относительно равных друг другу международных расчётных единиц. 3) На конференции обсуждался только американский план, поскольку её состав ввиду военного времени был ограничен, а тематика намеренно включала два разных направления – валютного порядка и экономического сотрудничества.

Результатом приведённого администрацией США манёвра стало формирование асимметричной мировой валютной системы с жёсткой иерархией. Способность доллара обмениваться на золото сделала его самой востребованной валютой мира, в результате чего доллар в короткие сроки занял доминирующие позиции на мировых товарных и финансовых рынках. Важно и то, что возникшая валютная иерархия оказалась самоподдерживающейся, её раз за разом воспроизводили рыночные механизмы. После распада Бреттон-Вудской системы в 1973 г. могущество доллара продолжало опираться на сетевые эффекты. Сегодня их дополняет инфраструктурное доминирование.

Принято считать, что выдвижение доллара после Второй мировой войны на роль главной мировой валюты было обусловлено объективными причинами: экономической мощью США и их крупным золотым запасом[13]. Однако данные обстоятельства не являлись достаточными для введения золото-долларового стандарта. Чтобы он состоялся, администрация Рузвельта в 1944 г. ловко обыграла как противников, так и союзников.

[13] См., например: *Sgherry S.* Will Dollar Dominance Survive Digital Money? Project Syndicate, December 29, 2025. URL: https://www.project-syndicate.org/commentary/to-preserve-dollar-dominance-us-must-build-the-rails-through-which-digital-money-moves-by-silvia-sgherri-2025-12

ИСТОРИЯ И МАРШРУТЫ ЛЕНД-ЛИЗА. ФАКТЫ И ЗАБЛУЖДЕНИЯ

С.М. Монин

Такое грандиозное событие, как Вторая мировая война, не могло не породить различные точки зрения на те или иные аспекты её истории. Это касается и столь многогранной и многозначимой темы, как «ленд-лиз» и важнейшей составляющей этой темы – «маршруты ленд-лиза».

За последние 20–30 лет о ленд-лизе написано немало, а интернетовские материалы просто не поддаются учёту. Тем не менее до сих пор многие вопросы продолжают обсуждаться, вызывая оживлённые споры. А иные ещё ждут своей очереди для изучения.

Начать можно с самого элементарного. Сколько было маршрутов, по которым ленд-лизовская продукция поступала в Советский Союз? Традиционно назывались пять маршрутов. Первый – с западного берега США (или с восточного берега по Панамскому каналу) – через Тихий океан на советский Дальний Восток. Второй – с восточного берега США через Атлантический, Тихий и Индийский океаны в Персидский залив и далее через Иран в советские Закавказье и Среднюю Азию или на Каспий. Третий – как правило, в составе конвоев из Шотландии или Исландии через Северную Атлантику в советские порты Мурманск и Архангельск. Четвёртый – после установления союзниками контроля над Средиземноморьем и освобождения Юго-Восточной Европы Красной армией – в Одессу и другие черноморские порты СССР. Пятый – через Советскую (Восточную) Арктику, по сути, по Северному морскому пути из Владивостока в Мурманск.

Но в перестроечные годы вспомнили о воздушном мосте Аляска – Сибирь (АЛСИБ), который связывал США через Канаду (АЛКАН) с Аляской, а далее через Чукотку – Колыму – Якутию до Красноярска и в Европейскую часть СССР. Это шестой маршрут. Но и это не всё. Был и седьмой путь, тоже воздушный. Его можно назвать трансатлантическим или трансафриканским. С юга США американские лётчики летели на северо-восток Бразилии

и через Атлантику в Западную Африку, а затем через весь континент в Египет. Оттуда было недалеко до «Иранского коридора», который использовался для поставок в Советский Союз. Необходимо добавить, что были ещё морские маршруты, по которым перегоняли поставленные по ленд-лизу боевые корабли, торговые и прочие суда.

Какой маршрут начал функционировать первым? Обычно вспоминают о том, что 31 августа 1941 г. из Исландии в Архангельск прибыл первый конвой из семи судов. Но, строго говоря, первый акт военно-экономической помощи – приход в тот же порт месяцем ранее британского минного заградителя «Адвенчур» с грузом глубинных бомб и магнитных мин. Кстати, интересно было бы узнать, кто предложил отправить такой груз, предназначенный для подводной войны, в страну, которая вела в тот момент ожесточённую борьбу на сухопутном фронте в несколько тысяч километров. Видимо, отправили то, что было под рукой и символизировало бы начало поставок в СССР.

Но не исключено, что первая «ласточка», предвестник грядущих поставок, прилетела в СССР не с запада через Атлантику, а с востока из тропических морей Юго-Восточной Азии. В июле-августе 1941 г. британский премьер У. Черчилль в посланиях И. Сталину сообщил о том, что в советские дальневосточные порты перенаправлены несколько британских судов с нужными СССР грузами. Однако пока не обнаружены сведения о том, кто, куда и что привёз, а главное – когда. В целом тихоокеанский маршрут явно обделён вниманием историков, да и широкой публики. По-прежнему, может быть по инерции, основное внимание уделяется северным (арктическим) конвоям.

Что представлял собой тихоокеанский (дальневосточный) маршрут? Организация этого маршрута с самого начала породила серьёзные проблемы. В политической сфере это вызвало осложнение отношений Москвы и Токио. Японцы постоянно протестовали по поводу поставок из США в СССР стратегических материалов. Эти материалы, мол, могли оказаться у противников Германии и Италии, что нарушало обязательства Токио перед его союзниками по Тройственному договору. Высказывалось опасение, что эти грузы попадут в Китай, с которым Япония вела войну. Возможно, что и просто транслировалось недовольство «японской общественности» тем, что Советский Союз получает продукцию, которую запрещено было продавать Японии.

В дальнейшем Токио, формально сохраняя нейтралитет, продолжал свою антисоветскую политику. Япония в то время занимала господствующее геостратегическое положение в северо-западной части Тихого океана. Ей принадлежали весь Сахалин и все Курильские острова. Именно поэтому японцы могли держать основные пути судоходства в регионе под жёстким контролем, часто запрещая прохождение по этим маршрутам советским судам. Нередки были случаи, когда японцы останавливали, досматривали, а иногда и топили советские транспорты.

Начало войны на Тихом океане (декабрь 1941 г.) резко осложнило ситуацию с советскими поставками. Использовать американский торговый флот стало невозможно. Теперь везти грузы в СССР можно было только на кораблях под советским флагом, с советскими капитаном и экипажем. Суда двигались в одиночку, без всякого сопровождения, включая судовые огни только при подходе к территориальным водам. Случись что, помощи ждать было неоткуда. Это называлось «капельные рейсы». Из портов западного побережья США суда с ленд-лизовским грузом шли вдоль побережья Северной Америки до Аляски и далее, огибая Алеутские острова, оказывались близ Камчатки.

Финальный участок пути во Владивосток, главный порт СССР на Тихом океане, мог быть пройдён в трёх вариантах: через пролив Лаперуза, через Татарский пролив и через Цусимский пролив. Навигация в этом регионе всегда была сложная: нескончаемая непогода, постоянные штормы, сильные ветра, густые туманы, мелководье в проливах, многомесячный ледовый покров. Выбор конкретного варианта требовал учёта навигационных сложностей и оперативной обстановки, прогноза погоды и характера груза. Этим занималась специально созданная военно-лоцманская служба.

Обычно морская часть пути от США до СССР занимала 18–20 дней. Если пройти во Владивосток не получалось, торговые суда могли разгрузиться в промежуточном пункте, чаще всего – в Петропавловске-Камчатском. Позднее эти грузы на мелкосидящих судах развозились по разным точкам – в Николаевск-на-Амуре, Комсомольск-на-Амуре, Хабаровск и другие, а уже оттуда попадали на Транссиб. Поначалу ощущалась острая нехватка грузового тоннажа. Именно поэтому на Дальний Восток перегнали несколько десятков транспортов из других бассейнов. Серьёзную помощь оказали американцы, передавшие СССР по ленд-лизу

128 судов (больше, чем было изначально у Советского Союза на Тихом океане).

С огромным напряжением работала транспортная инфраструктура и на суше. Уже в первые месяцы войны во Владивостоке начались заторы. Грузы, полученные из США, всё больше скапливались на берегу, ожидая своей отправки по железной дороге. А та тоже задыхалась от растущего потока ленд-лизовских грузов. Потребовались огромные усилия для того, чтобы расшить эти заторы в порту и на железной дороге.

Итак, по Тихоокеанскому маршруту была обеспечена перевозка 8,244 млн т груза (47,5% от общего тоннажа). Для сравнения: через «Иранский коридор» прошло 4,160 млн т (23,8%). На третьем месте арктические конвои – 3,964 млн т (22,6%).

Как представляется, проблема организации столь масштабных перевозок в военное время требует дальнейшего изучения.

ПАМЯТЬ ОБ АРКТИЧЕСКИХ КОНВОЯХ В РОССИИ И БРИТАНИИ

Г.И. Поважная

Сегодня российско-британские отношения находятся на самом низком уровне за всю их историю после окончания холодной войны. Они прерваны практически во всех областях, включая культурно-гуманитарные связи. Англичане всё меньше внимания уделяют сохранению исторической памяти о ветеранах – участниках Арктических конвоев в Мурманск и Архангельск в годы Второй мировой войны.

Ярким примером сотрудничества между СССР и Британией служат Арктические/Северные конвои, одна из самых важных страниц в двусторонних отношениях. Эта тема длительное время отражала живой интерес британцев к событиям тех лет. Действительно, Северные конвои продемонстрировали всему миру высокий уровень взаимодействия стран антигитлеровской коалиции. Однако в период холодной войны полная правда об их боевом сотрудничестве и об Арктических конвоях в значительной степени оставалась закрытой от публичного обсуждения, в том числе и в СССР. Ситуация изменилась в 1990-е гг. Так, в 1993 г. на Московской международной конференции «Союзные морские конвои на Севере в 1941–1945 гг. в архивных документах Российской Федерации, Великобритании, США» были представлены многие неизвестные факты о союзных конвоях.

Всего из Великобритании в Советский Союз отправились 40 конвоев, в которых участие приняли около 800 кораблей. Более 100 из них были потоплены в результате атак вражеских подводных лодок и авиации, погибли почти 3 тысячи британских военнослужащих[1]. У. Черчилль, предложивший отправлять морские конвои через Арктику, назвал данную миссию «самым ужасным

[1] Посол назвал «северные конвои» примером братства России и Великобритании. РИА НОВОСТИ. 12.08.2021. URL: https://ria.ru/20210812/bratstvo-1745499339.html (дата обращения: 27.05.2025).

путешествием на земле»[2]. Вооружение, которое поставлялось в Мурманск и Архангельск, помогло Советскому Союзу в ходе войны, особенно на самом тяжёлом, первом этапе (затем военные поставки были организованы по иранскому и дальневосточным маршрутам).

16 августа 1941 г., в самом начале войны, СССР и Соединённое Королевство заключили Соглашение о взаимных поставках, кредите и порядке платежей[3]. Важную роль в программах ленд-лиза сыграл в то время советник полномочного представительства, а с 1943 г. посол Советского Союза в США А.А. Громыко, в будущем дважды Герой Социалистического Труда и министр иностранных дел СССР. Союзники заявили о поддержке СССР в борьбе против нацизма, но речь не шла об альтруизме. Например, британцы получали взамен от нашей страны ценнейшие товары: руду, химикаты и древесину. Поставки из Британии и США шли нерегулярно, отражая как реальные трудности, так и политические расчёты западных союзников. Иногда они сознательно сдерживали сроки поставок, что становилось предметом довольно резкой дипломатической переписки и острых посланий И. Сталина. Открытие второго фронта союзники, особенно У. Черчилль, упорно откладывали, проводя курс на затягивание войны[4].

В целом, несмотря на проблемы, ленд-лиз сыграл важную роль в Победе. Военные материалы и техника, перевозимые конвоями, внесли свой вклад в разгром врага на Восточном фронте.

В 1994 г. состоялся первый официальный и единственный визит королевы Елизаветы II в Россию. В 1995 г. с благотворительной миссией Москву посетила принцесса Уэльская Диана. В 1996–2000 гг. развивались контакты на высшем уровне. Состоялись визиты президента РФ в Соединённое Королевство и ответные

---

[2] *Глезеров С.* Second port. Историк – о полярных конвоях Второй мировой войны // Санкт-Петербургские ведомости. 22.02.2022. URL: https://spbvedomosti.ru/news/nasledie/second-port-istorik-o-polyarnykh-konvoyakh-vtoroy-mirovoy-voyny/ (дата обращения: 27.05.2025).

[3] Соглашение между правительством Союза Советских Социалистических Республик и правительством Соединенного королевства Великобритании и Северной Ирландии о взаимных поставках, кредите и порядке платежей. 16 августа 1941 г. // АВП РФ. Ф. 3а – Великобритания. Д. 105. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/293095 (дата обращения: 27.05.2025).

[4] Об этом см., например, в: *Ананьева Е.В.* К.В. Новиков: советский дипломат в Лондоне военной поры // Современная Европа. 2020. № 4. С. 206–219.

визиты британских лидеров в нашу страну. Российское посольство в Лондоне стало вручать юбилейные медали «50 лет Победы в Великой Отечественной войне, 1941–1945 гг.» британским участникам конвоев. Напомним о том, что в годы холодной войны британские власти фактически не признавали участников конвоев, о них предпочли забыть как о «неудобном факте» в контексте идеологической конфронтации.

Вручение ветеранам медалей было сопряжено с немалыми трудностями, так как в Британии действуют правила, запрещающие бывшим военнослужащим получать награды иностранных государств, если речь идёт о событиях более чем пятилетней давности. В связи с этим руководство посольства РФ обратилось в Форин-офис с просьбой дать разрешение на вручение наград участникам конвоев. Вначале последовал отказ. Спустя некоторое время, как стало известно из общения с ветеранами, благодаря помощи королевы-матери разрешение всё же было предоставлено.

Первые церемонии награждения состоялись 13 октября 1997 г. в Золотом зале посольства РФ в Лондоне. Это мероприятие положило начало активной работе с британскими ветеранами. По личной просьбе королевы-матери из России с Кольского полуострова доставили гранитные плиты для памятной доски в честь погибших британских военнослужащих. Она была установлена в кафедральном соборе Святого Павла в Лондоне в присутствии российских дипломатов и самой королевы-матери.

Проходили мероприятия с общебританскими организациями: Королевским Британским легионом (патрон Елизавета II), военным Имперским музеем (президент герцог Кентский), королевской Академией искусств, различными ветеранскими организациями и благотворительными фондами. В Шотландии состоялось открытие мемориального камня в честь погибших британских моряков. По инициативе президента фонда «Святого Андрея» баронессы Э. Смит, члена Палаты лордов и вдовы бывшего лидера Консервативной партии Дж. Смита, а также британских ветеранских организаций, была организована художественная выставка «Конверсия» в выставочном зале российского посольства. Идея выставки заключалась в том, чтобы всё оставшееся боевое оружие времён Второй мировой войны было использовано в мирных целях: из него изготовляли предметы быта, декора, прикладного искусства, арт-объекты.

Такие мероприятия посещали члены королевской семьи, депутаты парламента, представители Форин-офиса, министерства обороны, деловых кругов, СМИ. Традицией стали приёмы и встречи с ветеранами в посольстве РФ по случаю Дня Победы и Дня защитника Отечества. В торжественной обстановке вручались памятные медали. Один из таких приёмов прошёл с участием министра обороны Британии Дж. Робертсона[5]. Тогда он говорил о том, что хорошо знает ту роль, которую сыграла наша страна в победе над нацизмом, что резко контрастирует с антироссийской позицией, которую он занял позднее.

Памятные медали также вручались в штаб-квартире британских ветеранов на крейсере-музее «Белфаст», который участвовал в конвоях, а теперь пришвартован на р. Темза в Лондоне. Совместно с Первым каналом российского телевидения (ОРТ) готовились сюжеты о жизни британских ветеранов, о работе их клубов, совместной деятельности с российскими ветеранскими организациями. Знаменательным событием стала установка памятника в честь погибших 27 млн советских воинов и граждан в годы Второй мировой войны. Он был открыт по предложению британской стороны на территории Имперского военного музея 9 мая 1999 г. Пожертвования на монумент в размере 13,5 тыс. ф ст. собрали участники Арктических конвоев. Дж. Робертсон на состоявшейся церемонии зачитал послание премьер-министра Т. Блэра, в котором отмечалось, что Великобритания никогда не забудет те огромные жертвы, которые понесли народы бывшего СССР в общей борьбе против фашизма.

В июне 2013 г. важным стало решение наградить участников Арктических конвоев за мужество и героизм, проявленные ими в годы Второй мировой войны, одной из самых высоких военно-морских наград России – медалью Ушакова[6], ношение которой требует разрешения британских властей. В контексте кратковременного потепления в двусторонних отношениях в 2013 г. британская сторона дала согласие. Первые медали вручил президент РФ В.В. Путин на специальной церемонии с участием премьер-ми-

---

[5] Впоследствии он стал генеральным секретарём НАТО, затем членом Палаты лордов.

[6] Указ Президента Российской Федерации «О награждении медалью Ушакова граждан Соединённого королевства Великобритании и Северной Ирландии» № 566 от 15 июня 2013 года. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/37366/print (дата обращения: 27.05.2025).

нистра Д. Кэмерона на Даунинг-стрит, 10. Как отметил российский лидер: «самое важное, что спустя 70 лет заслуженная награда нашла вас»[7].

В декабре 2012 г. Королева Елизавета II учредила медаль «Арктическая звезда» (*Arctic Star*), которую вручают за службу в Северных конвоях (1941–1945 гг.). Британская сторона пошла на это в ответ в контексте активной деятельности России по коммеморации конвоев. Однако награду рассылали ветеранам по почте, и праздничных акций и церемоний не предусматривалось. Британские ветераны оставались верны боевой дружбе. В ноябре 2013 г. девять человек из их числа, в своём почтенном возрасте, прилетели в Москву, чтобы преподнести народу России государственную медаль Соединённого королевства «Арктическая звезда»[8].

Также необходимо отметить, что в Шотландии на берегу бухты Лох-Ю работает музей Северных конвоев, а в г. Аултби – музей Арктических конвоев (*Arctic Convoy Museum*). Воздвигнуты памятники в посёлке Коув и на о-ве Хой в Оркнейском архипелаге, мемориалы в г. Данди и Портсмуте. В Национальном морском музее в Гринвиче действовала уникальная экспозиция.

31 августа 2016 г. в Архангельске прошли торжества, посвящённые 75-летию прибытия в СССР первого судна Арктического конвоя «Дервиш». Особую значимость этим памятным мероприятиям придало участие в них принцессы Анны, дочери Королевы Елизаветы II. По её словам, ветераны стали живым символом общей истории, исторической памяти Соединённого королевства и России[9]. 12 августа 2021 г. торжественная церемония в ознаменование 80-летия отправки первого Арктического конвоя прошла в Ливерпуле с участием посла России А.В. Келина. На мероприятии присутствовали высокопоставленные сотрудники Форин-офиса и

---

[7] Участники Арктических конвоев получили медаль Ушакова и Арктическую звезду // Русский мир. 17.06.2013. URL: https://russkiymir.ru/news/50959/ (дата обращения: 27.05.2025).

[8] *Студнева Е.* «Арктическая звезда» – в Москве // Международная жизнь. 03.12.2013. URL: https://interaffairs.ru/news/show/10265 (дата обращения: 27.05.2025).

[9] *Sawer P.* Princess Anne will attempt to soothe relations between Russia and Britain on Arctic Convoy visit // The Telegraph. 29.08.2016. URL: https://www.telegraph.co.uk/news/2016/08/29/princess-anne-will-attempt-to-soothe-relations-between-russia-an/ (дата обращения: 27.05.2025).

министерства обороны[10]. Уже после начала специальной военной операции на Украине в Санкт-Петербурге, 5 мая 2022 г. в колледже Государственного университета морского и речного флота имени адмирала С.О. Макарова открылся Музей памяти Северных конвоев. Многие экспонаты были переданы в его коллекцию ветеранами из Британии и США и их родственниками[11]. Обсуждался вопрос об установлении копии памятника морякам полярных конвоев, который находится перед зданием колледжа, в Исландии и Шотландии[12].

Арктические/Северные конвои – уникальный пример боевого братства советских и британских моряков, память о котором не носит конъюнктурного характера. Неслучайно отношения между ветеранами полярных конвоев и их потомками продолжают поддерживаться. Воспоминания о совместном героическом прошлом остаются важным ресурсом для общественной и публичной дипломатии.

В контексте текущих отношений с коллективным Западом темы общей истории, Второй мировой войны, исторической памяти обретают важнейшие значение и становятся полем битвы за историческую правду[13]. В этом противостоянии на стороне России не только факты, не подлежащие замалчиванию и искажению, но и исторический опыт ветеранов, в том числе Арктических конвоев, и их потомков, как и многих простых британцев.

---

[10] Посол назвал «северные конвои» примером братства России и Великобритании. РИА НОВОСТИ. 12.08.2021. URL: https://ria.ru/20210812/bratstvo-1745499339.html (дата обращения: 27.05.2025).

[11] В Петербурге открыли музей памяти Северных конвоев. ТАСС. 05.05.2022. URL: https://tass.ru/obschestvo/14556885 (дата обращения: 27.05.2025)

[12] «Я обязан свой транспорт домой довести». В Макаровке год работает музей полярных конвоев – показываем, что внутри // Фонтанка. 09.05.2023. URL: https://www.fontanka.ru/2023/05/09/72279002/ (дата обращения: 27.05.2025)

[13] Владимир Путин. «Об историческом единстве русских и украинцев» // Президент России. 12.07.2021. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/articles/66181 (дата обращения: 27.05.2025)

ШПИЦБЕРГЕН И СОВЕТСКИЕ РУДНИКИ ТРЕСТА «АРКТИКУГОЛЬ» В НАЧАЛЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Н.В. Серкова

Страницы Второй мировой и Великой Отечественной войн на Шпицбергене – самые драматичные в истории архипелага и пока ещё недостаточно изученные. В боевых действиях, которые норвежские войска союзников вели на Шпицбергене, советское население рудников участия не принимало. Но начиная с 22 июня, когда известия о начале Великой Отечественной войны достигли Баренцбурга и Груманта, вплоть до 25 августа 1941 года, когда в воды Ис-фьорда вошла английская эскадра для эвакуации населения, наши соотечественники пережили тяжелейшее время. Пока решалась судьба советских рудников треста и их собственная, на удалённых от материка островах они готовились к худшему.

К началу Второй мировой войны архипелаг уже получил особый правовой статус по Договору о Шпицбергене 1920 г., став территорией международного взаимодействия под норвежской юрисдикцией. Договор обеспечил странам-подписантам равные права на беспрепятственное ведение хозяйственной деятельности на архипелаге и в его территориальных водах и обязал Норвегию как государство-суверен соблюдать демилитаризованный статус архипелага.

В 1939 г. в начале Второй мировой войны Норвегия объявила о своём нейтралитете. Однако уже 9 апреля 1940 г. Германия напала на Норвегию, и страну оккупировали немецкие войска. 10 июня она капитулировала. Её правительство находилось в изгнании в Лондоне, а в самой Норвегии в годы оккупации было создано марионеточное правительство. Шпицберген, первоначально находившийся вне зоны военных действий, оказался внутри неё.

В августе 1940 г., уже после вторжения германских войск в Северную Норвегию, возникла угроза захвата архипелага. Экономическое значение Шпицбергена, имевшего большие запасы

высококачественного угля, необходимого для обеспечения топливом северных районов СССР, отмечалось в документах внутренней переписки Наркомата иностранных дел.

К началу Великой Отечественной войны на советских рудниках Шпицбергена проживало более 2 тысяч человек. Всего до начала войны на советских шахтах Шпицбергена было добыто 3 млн тонн угля, который доставлялся в северные порты СССР, и лишь 10% от общей добычи оставалось на Шпицбергене. С 1933 г. действовала пароходная линия «Мурманск – Шпицберген», включающая товарно-пассажирские и грузовые перевозки.

В 1939 г. началось строительство рудника Пирамида, приобретённого у шведов. Грумант и Баренцбург представляли собой развитые механизированные производственные комплексы. В конце 1930-х гг. внедрение на Груманте в производство современных угольных механизмов позволило нарастить темпы добычи угля. На руднике имелись ТЭЦ, радиоузел, необходимая социальная инфраструктура. Население проживало в благоустроенных общежитиях.

На территории Баренцбурга располагалось две шахты – одна приобретённая у голландцев в 1932 г., а другая – новая (№ 5), на окраине посёлка возле мыса Хеер, связанная с посёлком складом и узкоколейной железной дорогой. Между новой шахтой и посёлком шла проходка ещё одной шахты (№ 4). В посёлке имелась электростанция, небольшой ремонтный завод с несколькими десятками станков, порт. В шахтах работали врубовые машины, конвейеры, электровозы. Для полярников были созданы необходимые жилищно-бытовые условия: построены общежития, клуб, реконструирована столовая.

Основанный в 1931 г. для обеспечения работы угольной концессии на Шпицбергене трест «Арктикуголь» играл важную роль в экономике страны. К 1937 г. предприятие полностью удовлетворяло потребности Кольского полуострова в угле за счёт поставок со Шпицбергена.

Архиважным для СССР, присоединившегося к Договору о Шпицбергене в 1935 г., был вопрос сохранения работы угольной концессии на полярном архипелаге. В пользу этого говорит ряд фактов. Так, после начала Второй мировой войны НКИД предлагал высшему советскому руководству страны занять архипелаг частями Красной армии, но это предложение не было поддержано. Руководство страны, придерживавшееся позиции деми-

литаризации, не хотело нарушать статус-кво. Свидетельствует о стратегическом значении Шпицбергена для СССР и ещё один факт. В начале Второй мировой войны вопрос сохранения угледобычи на архипелаге был специально согласован с немецкой стороной. Поэтому до начала войны против работы советских шахт возражений не было ни у Германии, ни у норвежского правительства в изгнании, ни у марионеточного правительства в Осло, ни у Великобритании – союзника Норвегии.

Если в период с начала оккупации страны гитлеровскими войсками весной 1940 г. до осени 1941 г. на Шпицбергене ещё не было немецких войск, то начало Великой Отечественной войны, изменившей расстановку сил на военно-политической арене, кардинальным образом повлияло на ход событий на архипелаге. 22 июня 1941 г., когда груженные углём суда уходили на материк, радисты советских поселков приняли сообщение о нападении Германии на СССР. Остро нуждался в топливе в начале войны советский Север, поэтому было решено продолжать добычу угля на рудниках треста. Вплоть до 23 августа 1941 г. советские горняки выдавали на-гора уголь и с полными трюмами уходили со Шпицбергена на материк корабли-угольщики.

В первые дни Великой Отечественной войны советские радиопередачи с материка заглушались. В условиях безызвестности, чрезвычайного напряжения работала летом 1941 г. советская угольная концессия на Шпицбергене. В изменившейся обстановке руководство советских рудников опасалось появления немцев и разработало систему мер на этот случай в посёлках. Так, были созданы детальные планы эвакуации каждой шахты. Сформированным на Груманте и в Баренцбурге отрядам раздали имевшееся оружие. Запасы продовольствия спрятали в шахтах. Устья штолен и погрузочные механизмы было решено взорвать. В случае появления в посёлках немцев населению советских рудников предписывалось уйти в горы с запасом продуктов на 20 дней. На рудниках ввели режим строжайшей экономии не только в отношении продовольствия, но и расходования горючих, смазочных, взрывчатых материалов и электроэнергии. Узнав из сообщений Советского информбюро о создании фонда обороны, полярники Груманта и Баренцбурга перечислили в него собственные средства: баренцбуржцы – более миллиона рублей, горняки Груманта – полмиллиона рублей.

Бесперебойная работа советских горняков Шпицбергена, обеспечивавших страну углём в условиях военного времени, нависшей угрозы захвата архипелага немцами и тяжелейшей экономической обстановки, – поистине героическая. Подвиг советских полярников архипелага, многие из которых уже после войны вернулись туда восстанавливать из руин родные посёлки, заслуживает отдельного внимания и особой оценки современных историков.

К началу августа 1941 г. после проведения англичанами переговоров с советскими и норвежскими представителями в изгнании было решено эвакуировать население Шпицбергена, а шахты и оборудование вывести из строя. Эвакуация была возложена на плечи английского правительства. Германия же готовилась к высадке своего десанта. 25 августа 1941 г. в Ис-фьорд вошла английская эскадра – транспорт «Королева Канады» в сопровождении 12 эсминцев. Советские граждане были эвакуированы англичанами в Архангельск, куда прибыли 31 августа 1941 г. Всем жителям поселков дали ограниченное время на сборы: Баренцбургу – 20 часов, Груманту – шесть, Пирамиде – три. Посадка людей на корабли шла одновременно на всех трёх рудниках. Всего на борт «Королевы Канады» взошли 1218 советских людей из Баренцбурга. Другие корабли эвакуировали 638 человек из Груманта и 99 из Пирамиды.

Эвакуацией населения советских рудников руководил управляющий трестом «Арктикуголь» Иван Федорович Наумкин. Он стал четвёртым управляющим в 1940 г., когда ему было 35 лет. На последнем судне, увозившем жителей советских рудников, родился его сын Александр, впоследствии связавший свою жизнь с посёлком Пирамида на Шпицбергене. На долю И.Ф. Наумкина пришлись два наиболее трудных периода в истории треста – предвоенный и послевоенный. В августе 1946 г. он снова назначается управляющим трестом и возвращается на Шпицберген на рудник Пирамида. Под его началом «Арктикуголь» приступил к работам по восстановлению и реконструкции, возобновилась регулярная добыча угля.

Новые интересные сведения о взаимодействии советской и норвежской стороны в начале Второй мировой войны удалось обнаружить в норвежских источниках. Известно, что после оккупации Норвегии войсками вермахта, норвежские радиостанции Шпицбергена использовались по двойному назначению:

они поставляли метеосводки и информацию о положении дел не только союзникам, но и в оккупированную Норвегию.

В этот период англичане и норвежское правительство в Лондоне взяли под свой контроль деятельность норвежцев на Шпицбергене. Англичане в обстановке строжайшей секретности готовили рекогносцировочную операцию по эвакуации населения архипелага. 31 июля в рамках этой операции в Лонгьир тайно пришла английская эскадра под командованием контр-адмирала Филипа Виана. Находившийся в составе рекогносцировочной группы молодой морской офицер лейтенант Рагнвальд Тамбер был назначен временным военным губернатором Шпицбергена. Он получил задание наблюдать за связью с материком и изучить вопрос присутствия на архипелаге немцев. О результатах Тамбер должен был докладывать по радиосвязи в Лондон.

Прекращение передачи сообщений по радиосвязи могло вызвать подозрения у немцев и создало бы угрозу захвата архипелага. Поэтому, по согласованию с англичанами, было решено сохранить прежний режим работы радиостанций, но отправлять в оккупированную Норвегию фальшивые сводки, а отчёт о положении дел на архипелаге передавать в Лондон через радиостанцию, имеющуюся в Баренцбурге у русских.

16 августа 1941 г. в Лонгьир на переговоры прибыли управляющий трестом «Арктикуголь», директор рудника Баренцбург И.Ф. Наумкин и консул П.И. Волнухин. Так была согласована передача телеграмм в Лондон через советское консульство.

К осени 1941 г. немецкое командование полностью взяло под контроль архипелаг. На Шпицбергене, включая остров Медвежий, были построены временные запасные аэродромы, во фьордах размещены подводные лодки, немцы развернули сеть радио- и метеостанций. Свыше 10 немецких экспедиций были направлены на архипелаг в течение четырёх лет, начиная с 1941 г.

До 1943 г. Баренцбург и норвежские посёлки Лонгьир и Свеагрува оборонял норвежский гарнизон. Норвежское военное присутствие на архипелаге нарастало, прибывали всё новые контингенты. 16 сентября 1943 г. немецкая эскадра в составе линкоров «Тирпиц» и «Шарнхорст» в сопровождении эсминцев подвергла все советские и норвежские рудники обстрелу, в результате которого не пострадал лишь рудник Пирамида. Оставшихся в живых норвежцев англичане в октябре 1943 г. эвакуировали. До конца

войны на архипелаге сохранялся лишь небольшой норвежский гарнизон.

Москва не могла сбрасывать со счетов возможность милитаризации архипелага в годы войны. В условиях оккупации Норвегия, в глазах Москвы, перестала быть суверенным государством. В том числе это означало утрату норвежского суверенитета над Шпицбергеном. Вопрос о его статусе советские политики и дипломаты поставили в конце весны 1940 г. Дальнейшее обсуждение с норвежским правительством в изгнании продолжилось после вступления СССР во Вторую мировую войну. Выразившее поначалу готовность к диалогу норвежское правительство в Лондоне после окончания войны сняло вопрос с повестки.

Вторая мировая и Великая Отечественная войны ознаменовали особый период в развитии уникального правового статуса архипелага. События военных лет стали серьёзной проверкой на прочность механизма соблюдения баланса сил и интересов разных стран, определённого в положениях Договора о Шпицбергене.

ТРУДОВОЙ ПОДВИГ ЖИТЕЛЕЙ ЗАПОЛЯРЬЯ

В.П. Журавель

В соответствии с федеральным законом от 1 марта 2020 г. № 41 «О почётном звании Российской Федерации "Город трудовой доблести"» в целях увековечения подвига тружеников тыла во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. ряду городов было присвоено почётное звание Российской Федерации – «Город трудовой доблести». Таких городов в настоящее время 72. Среди них арктические города – Воркута, Мончегорск, Норильск, Салехард, Северодвинск, Ханты-Мансийск, Якутск. Они внесли значительный вклад в достижение Победы, обеспечивали бесперебойное производство военной и гражданской продукции, их жители проявляли массовый трудовой героизм.

После оккупации немецко-фашистскими войсками территории Донецкого угольного бассейна страна осталась без 60% угля. Тогда на плечи молодой угольной промышленности Воркуты легла вся тяжесть снабжения северо-западных районов СССР. Для того чтобы бесперебойно работали металлургическая промышленность и энергетика, воркутинцы в годы войны проявили настоящую самоотверженность. Благодаря труду горняков объем добычи угля увеличился почти в 10 раз: с 309 тыс. тонн в 1941 г. до 2 млн 907 тыс. тонн в 1945 г. Всего на Воркутинском угольном месторождении за четыре года добыто 7 млн 769 тыс. тонн высококачественного угля и более 6,5 млн тонн отправлено потребителям. Сырье из Воркуты беспрерывно направлялось в 35 городов Советского Союза.

Одновременно в городе ускоренными темпами велись геологоразведочные работы. Проводились дни «фронтовых месячников», когда горняки и приходившие им на помощь работники самых разных предприятий города стремились добыть как можно больше сверхпланового угля в помощь блокадному Ленинграду. Всего было отправлено свыше 650 составов с углём. За годы войны в Воркуте был создан крупный угольный комбинат, оснащённый современной техникой и связанный с центром страны Северо-Печорской железной дорогой, построенной в кратчайшие сроки.

Город металлургов Мончегорск провёл масштабную эвакуацию комбината «Североникель», вывезя к июлю 1941 г. около 19 тыс. тонн оборудования, сырья и других грузов. После принятия 8 мая 1942 г. постановления Государственного комитета обороны о восстановлении комбината «Североникель», в июне начались соответствующие работы, и с январе 1943 г. выпускалось 85 тонн кобальтового сплава в месяц. Вырос и экономический эффект от внедрения рацпредложений. Если в 1942 г. он составил 82 465 рублей, в следующем – уже 221 565 рублей, а в 1944 г. – более 1 млн руб. Особо следует отметить огромный вклад женщин в функционирование комбината из-за нехватки мужской рабочей силы. В июне 1944 г. на руднике Ниттис-Кумужье из работающих 640 человек 418 были женщины, многие из которых постоянно перевыполняли установленные ежедневные нормы выработки.

Город Норильск обеспечивал фронт металлом, входящим в состав танковой брони. Норильчане добывали и выплавляли никель, необходимый для производства бронетехники и других вооружений. В сентябре 1941 г. Государственный комитет обороны поручил Норильскому комбинату выдать электролитный никель к 1 мая 1942 г. На выполнение задачи отводилось 9 месяцев. Работы осложнялись тем, что строительство велось за Полярным кругом при 40-градусном морозе. Инженеры нашли решение – применение технологии электропрогрева. Они также сумели возвести заводскую дымовую трубу, к строительству которой приступили в сентябре. В годы войны в Норильске построили никелевый, сернокислотный и оксиликвитный заводы, агломерационную и малую обогатительную фабрики, рудник «Заполярный», приступили к строительству рудников Угольный ручей, Медвежий ручей, кобальтового завода и аэродрома.

В период Великой Отечественной войны главным производством Салехарда были рыбная промышленность, оленеводство и пушно-меховой промысел. Народное хозяйство города в кратчайшие сроки было перестроено для нужд фронта. На рыбоконсервном заводе, где трудились в основном женщины, работа шла в три смены. Выпускали рыбные консервы, консервы из куропатки, оленины. Продукция шла на фронт и населению, часть за рубеж, что позволяло за валюту приобретать для Красной армии оружие и медикаменты. Всего же за годы войны было произведено более 22,1 млн банок рыбных консервов.

Жители Молотовска (нынешний Северодвинск) в годы войны проявили трудовой героизм и мужество при организации оборонных производств, госпиталей, формировании материально-технической базы войск. На заводе № 402 (в настоящее время «Севмаш») за годы войны изготовили свыше 120 тыс. снарядов, 42 тыс. корпусов бомб, отремонтировано и модернизировано 139 судов и кораблей (из них 70 иностранных, участвовавших в полярных конвоях).

Первый караван грузовых судов пришёл в Архангельский порт 31 августа 1941 г. За годы войны через него прошло 2 млн тонн импортных и 0,7 млн тонн экспортных грузов. Местные портовики обслужили около 200 судов, 60 тыс. железнодорожных вагонов. Всего за годы войны архангельские моряки и краснофлотцы совместно с союзниками обеспечили доставку в Архангельск 4,2 млн тонн грузов, половину из которых составляли жизненно важные поставки по ленд-лизу. Благодаря их усилиям на фронт передали 2312 самолётов, 3428 танков, 819 бронемашин, 717 пушек и 49 торпедных катеров. При этом особенно драматичным является факт, что по уровню смертности среди мирного населения Архангельск оказался на втором месте после блокадного Ленинграда, хотя через архангельский порт проходили тысячи тонн продовольствия, но всё без задержки направлялось на фронт.

Находясь далеко от зоны боевых действий, Ханты-Мансийский национальный округ стал трудовым фронтом. Местный леспромхоз заготавливал специальную древесину для производства авиафанеры, прикладов для винтовок, лыж, ящиков для патронов. Жители вели добычу живицы, скипидара и дёгтя, изготавливали хвойную настойку, собирали лесные ягоды и лекарственные растения, из местных дикоросов изготавливалось множество экстрактов, которые использовались в медицинских целях. В годы войны в посёлке Ханты-Мансийск построили спичечную фабрику и валяльную мастерскую. На лесопунктах были организованы фронтовые бригады, которые перевыполняли месячные планы на 200–300%, а само предприятие занимало первое место среди лесозаготовительных производств СССР. Государственный рыбный трест занимался консервным производством, копчением, засолкой, заготовкой и перевозкой рыбы, обучением новых работников. В его состав входили 9 рыбозаводов, консервный завод, 6 машинно-рыболовных станций, 2 леспромхоза, лесозавод и совхоз. За годы войны специалисты рыбокомбината добыли

172 тыс. центнеров рыбы, подготовили 28,8 млн банок консервов, обработали 89,7 тыс. центнеров рыбопродукции, выработав валовой продукции более чем на 1,5 млн рублей.

Город Якутск в годы войны служил золоторесурсной базой для всей оборонной промышленности Советского Союза. В тот период здесь добыли 40 тонн золота, более половины в стране слюды – флогопита, который являлся незаменимым компонентом для изоляции при изготовлении электроприборов. Отдельное место в истории Якутии занимает стратегическая воздушная перегоночная трасса «Алсиб» по маршруту Аляска – Сибирь. Воздушный путь протяжённостью 4863 км проходил через Берингов пролив, центральные районы Чукотки и Якутии до Красноярска. Он соединял Советский Союз и Соединённые Штаты по программе ленд-лиза на тихоокеанском направлении. Была кардинально расширена система метеонаблюдений: число метеостанций Якутского управления выросло с 27 до 82; они обслужили свыше 4,5 тыс. групповых и одиночных перелётов. После окончания войны все станции продолжили работу.

Активно шло строительство аэродромов. Большую помощь в этом оказывало местное население, состоящее преимущественно из женщин, стариков и детей. Ежедневно на строительстве каждого аэродрома работало более двухсот человек. Был значительно расширен аэропорт Якутск, на территории которого возвели объекты технологического и бытового назначения. Морским путём, а затем по Лене и Колыме в аэропорты «Алсиба» доставлялись из США техника для строительства аэродромов, бензо- и маслозаправщики, станочное и другое оборудование.

Звание «Город трудовой доблести» является специальным аналогом «Города-героя» и «Города воинской славы» и регулируется федеральным законом. Ходатайство о присвоении звания «Город трудовой доблести» рассматривается Российским оргкомитетом «Победа». Также готовится экспертное заключение Российской академии наук. Звание присваивается указом Президента РФ, после чего в городе устанавливают памятную стелу с изображением его герба и текста указа. В городах трудовой доблести проводят публичные мероприятия и праздничные салюты 1 мая, 9 мая и в День города.

ЗНАЧЕНИЕ СЕВЕРНОГО МОРСКОГО ПУТИ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

С.Н. Гриняев

Северный морской путь (СМП) – арктический морской коридор протяжённостью около 5600 км, соединяющий европейскую часть СССР с Дальним Востоком через Баренцево, Карское, Восточно-Сибирское и Чукотское моря. К началу Великой Отечественной войны СМП был результатом многолетних экспедиций и инженерных усилий, направленных на освоение арктического побережья. В 1930-х гг. под руководством Отто Шмидта и Главсевморпути были созданы первые навигационные и гидрографические карты, построены арктические порты и базы снабжения, что позволило организовать регулярные грузовые перевозки и создать инфраструктуру для обеспечения судоходства в сложных ледовых условиях. В условиях войны, когда традиционные морские пути оказались под угрозой, СМП приобрёл особое стратегическое значение как единственная артерия, способная обеспечить бесперебойное снабжение и переброску военных ресурсов в тыл и на фронт.

В период между двумя мировыми войнами СССР систематически развивал инфраструктуру Арктики. В 1932 г. был осуществлён первый сквозной рейс ледокола «Александр Сибиряков» по всему маршруту СМП за одну навигацию, а в 1935 г. состоялся первый массовый рейс транспортных судов с ледокольным сопровождением. В 1937 г. основали Главсевморпуть, государственную структуру, координирующую все операции на маршруте, включая строительство портов (Диксон, Тикси, Игарка) и создание сети полярных станций для гидрометеорологического обеспечения судоходства. К началу войны флот СМП включал несколько мощных ледоколов, специализированные грузовые и пассажирские суда, а также вспомогательные суда снабжения. Однако навигация оставалась возможной только в ограниченный период года из-за экстремальных климатических условий.

С началом войны в 1941 г. возникла необходимость срочной мобилизации всех ресурсов Арктики. Проводились мероприятия

по усилению обороны портов, созданию системы конвоев и внедрению новых методов ледовой разведки. Важную роль сыграли научные экспедиции и гидрографические исследования, позволившие оптимизировать маршруты движения судов и минимизировать риски столкновения с дрейфующими льдами. В 1942 г. после разгрома конвоя *PQ-17* и усиления угрозы со стороны немецких подводных лодок СМП стал единственным относительно безопасным маршрутом для доставки стратегических грузов с Дальнего Востока и из США через Тихий океан и Берингов пролив.

Эксплуатация СМП в годы войны сопровождалась рядом уникальных трудностей. Навигационный период ограничивался четырьмя – шестью месяцами, а в некоторые годы – всего тремя, что требовало точного планирования и высокой слаженности действий всех участников перевозок. Дрейфующие льды и частые штормы снижали скорость судов до 2–5 узлов, что существенно увеличивало время доставки грузов по сравнению с южными маршрутами. Недостаток ледоколов дизельного типа и ограниченные ресурсы флота осложняли проводку судов, особенно в периоды интенсивного ледообразования.

Военная угроза со стороны немецких подводных лодок и авиации была постоянной. В 1942–1944 гг. немецкие субмарины и надводные корабли неоднократно проникали в Карское и Баренцево моря, атакуя советские конвои и отдельные суда. Для противодействия этим угрозам была создана система конвоев с вооружённым эскортом, в которую входили военные корабли Северного флота, минные тральщики, сторожевые катера и авиация. Особое значение имело взаимодействие с союзниками: британские и американские корабли участвовали в охране арктических конвоев, а также поставляли технику, продовольствие и вооружение по ленд-лизу.

Северный морской путь стал ключевым элементом военной логистики СССР. По его трассе осуществлялась переброска военных подразделений, техники и вооружения с Дальнего Востока на западные рубежи страны. В 1942 г. по маршруту СМП были проведены корабли Тихоокеанского флота, включая эсминцы «Баку», «Разумный» и «Разящий», а также ледоколы «А. Микоян» и «Л. Каганович», что позволило усилить оборону северных морских границ и обеспечить защиту арктических коммуникаций. Эти операции проходили в условиях постоянной угрозы нападения со стороны немецких ВМС и авиации, что требовало высокой организованности и мужества от экипажей.

СМП обеспечивал снабжение арктических гарнизонов и промышленных центров стратегически важными ресурсами: углём, никелем, медью, лесоматериалами и продовольствием. Арктические порты, такие как Диксон, Тикси, Игарка, стали ключевыми пунктами перевалки грузов для фронта и тыла. В течение войны по Севморпути было перевезено свыше 4 млн тонн грузов, включая оборудование, продовольствие, топливо и военную технику. Особую роль играли поставки по ленд-лизу: около 22,6% всех грузов, поступивших в Советский Союз по этой программе, было доставлено посредством арктических конвоев, что существенно повлияло на устойчивость промышленности и обороны страны.

Для обеспечения безопасности судоходства была развёрнута система гидрометеорологического обеспечения, включавшая сеть полярных станций и регулярные ледовые разведки. В 1942 г. в условиях сложной ледовой обстановки ледоколы «Красин» и «Ленин» обеспечили проводку более 40 судов из Карского моря в Белое, несмотря на постоянные атаки противника и тяжёлые погодные условия. Важным элементом обороны СМП была организация минных заграждений и патрулирование силами Северного флота, что снижало риск проникновения вражеских подводных лодок и диверсионных групп.

В годы войны Севморпуть стал ареной не только транспортных, но и боевых операций, многие из которых долгое время оставались малоизвестными широкой публике. В августе 1942 г. немецкий тяжёлый крейсер «Адмирал Шеер» в ходе операции «Вундерланд» проник в Карское море с целью уничтожения советских арктических конвоев. В это же время советский конвой «ЭОН-18» под охраной эсминцев и ледоколов осуществлял переход по СМП. В ходе операции 25 августа 1942 г. «Адмирал Шеер» атаковал порт Диксон, обстреляв береговые объекты, и вступил в бой с ледоколом «Александр Сибиряков». Несмотря на неравные силы, экипаж «Сибирякова» задержал противника и успел передать сигнал тревоги, что позволило другим судам конвоя избежать уничтожения. Этот эпизод стал примером героизма гражданских моряков и важности оперативной связи в условиях арктической войны.

Ледокол «Красин», построенный в Великобритании в 1916–1917 гг., сыграл ключевую роль в обеспечении проводки судов по Северному Ледовитому океану. В 1942 г. он участвовал в сопровождении арктических конвоев, в том числе *PQ-15*, неоднократно подвергаясь атакам немецкой авиации и подводных лодок.

В октябре обеспечил эвакуацию более 40 судов из Карского моря в Белое, несмотря на тяжёлую ледовую обстановку и угрозу минных полей. Экипаж ледокола проявил высочайшее мастерство и самоотверженность, что позволило спасти значительное количество грузов и людей.

В условиях войны значительную часть перевозок по Севморпути обеспечивали гражданские суда Северного и Мурманского пароходств. К началу войны флот был ограничен, имелось всего 26 грузовых и 13 товаро-пассажирских судов. Несмотря на отсутствие военной подготовки, экипажи гражданских судов осуществляли перевозки в условиях полярной ночи, сложной ледовой обстановки и постоянной угрозы нападения противника. Многие моряки получили государственные награды за мужество и самоотверженность, хотя их героические поступки долгое время оставались в тени официальной истории.

СМП использовался для эвакуации населения и оборудования из зон, подвергавшихся угрозе оккупации. В 1941–1942 гг. через арктические порты были вывезены стратегические ресурсы и специалисты с Кольского полуострова и Карелии. Эти операции проводились в условиях острого дефицита судов и постоянной угрозы нападения, но позволили сохранить промышленный потенциал региона и спасти тысячи жизней.

Северный морской путь в годы Великой Отечественной войны выступил ключевой стратегической транспортной магистралью, обеспечившей переброску войск, снабжение промышленности и эвакуацию в условиях экстремальных климатических и военных вызовов. Его использование позволило сохранить внутренние коммуникации СССР и укрепить обороноспособность северных рубежей. Малоизвестные факты, такие как операция «ЭОН-18», героизм ледокола «Александр Сибиряков» и вклад ледокола «Красин», раскрывают глубину человеческой самоотверженности и технических достижений, обеспечивших успешное функционирование СМП.

Анализ исторических и архивных данных подтверждает, что Северный морской путь сыграл незаменимую роль в обеспечении Победы СССР во Второй мировой войне, став символом стойкости и стратегического мастерства советского народа и государства.

Молодежная трибуна

МУРМАНСК В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Е.А. Горшкова

В годы Великой Отечественной войны Мурманск имел важное стратегическое значение. В 100 км находилась оккупированная Норвегия и Финляндия – союзник гитлеровской Германии. В войне против СССР немецко-фашистское командование планировало перерезать Кировскую железную дорогу, связывающую город с центром страны, захватить Кольский полуостров, богатый запасами минерального сырья, Норильск, где производилась сверхпрочная броня для танков, и блокировать страну с севера, лишив советские войска возможности выхода в проливы Новой Земли, обеспечивавшие проход в Сибирь и на Дальний Восток.

Советское командование ожидало удар немецких войск с моря, а не сухопутное наступление со стороны Петсамо. В начале войны в Мурманске отсутствовала развитая судоремонтная база, а возможности главной базы в Полярном были ограничены, так как она не могла обеспечить численный рост корабельного состава и была дорогой в инженерном плане.

В июне – октябре 1941 г. проводилась эвакуация из Мурманска. А.Н. Косыгин, заместитель председателя СНК СССР и заместитель председателя Совета по эвакуации, предлагал в первую очередь вывозить технику. М.И. Старостин, первый секретарь обкома ВКП(б) и один из руководителей обороны Мурманской области в 1941–1945 гг., настаивал на приоритете вывоза людей. Был достигнут компромисс: эвакуировали детей старше 12 лет, матерей с детьми до 12 лет, нетрудоспособных пожилых людей и избыточное оборудование. За 5 месяцев из области перевезли 114 738 гражданских, для чего задействовали 8496 вагонов. В конце августа 1941 г. было принято постановление «Об организации

производства миномётов, мин и гранат в Мурманской области». Всего за июнь – октябрь 1941 г. из области переместили более 86 тыс. тонн военных материалов и оборудования.

После оккупации Норвегии в 1940 г., изменения политики нейтралитета Швеции и согласия Финляндии на пропуск через свою территорию германских вооружённых сил гитлеровские войска получили доступ к шведским и финским транспортным коридорам. Командование вермахта разработало план «Голубой песец» («Полярная лисица», «Полярфукс»), предполагавший захват Мурманска и Кандалакши до 1 октября 1941 г., перерезание Кировской железной дороги и установление контроля над никелевыми месторождениями Петсамо. Войска 14-й армии при поддержке огня миноносцев Северного флота остановили наступление врага в районе хребта Муста-Тунтури на перешейке, связывающем полуостров с Большой землёй. Лишённые с ней сухопутной связи, они держали оборону до начала Петсамо-Киркенесской операции 7 октября 1944 г. Советской армией командовал генерал В.И. Щербаков. 15 октября советские войска освободили Петсамо (Печенгу), а 21 октября вышли к норвежской границе.

Особую роль во время войны в Мурманске сыграла авиация. К 1943 г. численность самолётов Северного флота составляла 352, превысив численность самолётов немецкой авиации. К концу следующего года Северный флот почти в три раза превосходил противника по числу самолётов. Среди мастеров воздушного боя прославился командир эскадрильи истребителей 72-го авиаполка Борис Феоктистович Сафонов. Он лично сбил 30 немецких самолётов и 3 – в групповых боях и был дважды удостоен звания Героя Советского Союза, во второй раз – посмертно. Он погиб 30 мая 1942 г. на самолёте *P-40E* при сопровождении конвоя *PQ-16*. Лётчик Алексей Степанович Хлобыстов в одном бою дважды таранил самолёты противника, всего сбил 31 самолёт врага, в том числе 3 – тараном. Он стал Героем Советского Союза. лётчика Захар Артёмович Сорокин из эскадрильи Б.Ф. Сафонова 25 октября 1941 г. таранил самолёт врага, затем посадил машину на лёд и на земле уничтожил экипаж противника. Затем шесть суток добирался по северной тундре до ближайшего аэродрома. В результате обморожения лишился ступней обеих ног, но после излечения вернулся в строй. Ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Северный флот являлся самым молодым и малочисленным к началу войны: 8 эсминцев, 15 подводных лодок, 7 сторожевых

кораблей, минный заградитель, 2 тральщика и 15 охотников за подводными лодками. Командовал флотом адмирал Арсений Григорьевич Головко. Одной из ключевых задач Северного флота стала защита союзных конвоев, доставлявших в СССР военную технику и грузы по ленд-лизу. По решениям, принятым на Московской конференции в октября 1941 г., США и Великобритания обязались ежемесячно поставлять по Баренцеву морю самолёты, танки, зенитные и противотанковые орудия, автомашины и различные военные материалы. В 1941–1942 гг. СССР получил 7% от общего объёма поставок. Основная часть грузов поступила уже в 1943–1945 гг., когда наметился коренной перелом в войне.

Мурманск стал главным незамерзающим портом для приёма конвоев, так как Архангельск не мог обеспечивать круглогодичную навигацию. В Мурманске за войну разгрузилось 250 судов, доставивших 1 245 883 тонн грузов, включая технику, продовольствие и оборудование. Одними из самых известных судов, которые принимали и защищали конвои, были советские эсминцы «Гремящий», «Сокрушительный» и английский эсминец «Ориби». Последний атлантический караван от союзников пришёл в Мурманск 20 мая 1945 г.

Исключительной трагедией стала судьба конвоя *PQ-17* в июне 1942 г. Из 35 транспортов 23 были потоплены немецкими подлодками и авиацией после того, как британское командование отозвало корабли прикрытия, опасаясь атаки немецкой эскадры. Погибло грузов на сумму в полмиллиарда долларов: 3350 автомашин, 430 танков, 210 бомбардировщиков.

В течение всей войны Мурманск подвергался бомбёжкам. Вражеская авиация совершила более 4 тыс. боевых вылетов, сбросила 2 кг взрывчатки на каждый квадратный метр города. Всего в налётах на него участвовало более 8244 самолётов. Были разрушены или сгорели 1509 домов (три четверти всего жилого фонда), 437 производственных и служебных зданий, в том числе мебельная фабрика, хлебозавод № 2, три городские бани, два кинотеатра, три школы, две больницы. Было уничтожено более 7 км тротуаров, полностью ликвидировано уличное освещение, выведены из строя водопровод, канализация и городская отопительная система.

Особую активность немецкая авиация проявила в июне – июле 1942 г. Тревоги объявлялись по 18–20 раз в сутки. Так, 18 июня немецкая авиация совершила на Мурманск самый массированный налёт: было сброшено 80 фугасных и 25 000 зажигательных бомб.

Из-за отсутствия воды и недостатка людей пожар принял огромные масштабы: сгорело 600 деревянных домов.

В период войны в городе проживало около 18 тыс. человек. Немецкая авиация только на жилой массив Мурманска сбросила бомб фугасного действия общим весом 1550 тонн (по 86 килограммов в расчёте на каждого жителя). Число пострадавших от бомбёжек и пожаров составило более тысячи человек, в том числе 550 убитыми. Вражеские налёты продолжались до октября 1944 г., однако потом стали редкими благодаря значительному усилению противовоздушной обороны города.

Мурманск бережно хранит память о подвиге защитников Заполярья и союзных конвоях. На мемориальном кладбище Северного флота в Североморске покоятся советские воины и представители войск союзников: пять британских авиаторов, один канадский пилот, две могилы остаются безымянными. Шестиметровый обелиск «Воинам, павшим за свободу и независимость нашей Родины» с 26 мемориальными досками в память о погибших, установленный 9 мая 1975 г., ежегодное шествие «Бессмертного полка», экспозиции Военно-морского музея Северного флота и мемориал «Защитникам Заполярья» на Зелёном Мысу напоминают о стойкости советских воинов.

27 марта 2025 г., во время рабочей поездки в Мурманск в рамках международного форума «Арктика – территория диалога», Президент РФ В.В. Путин посетил мемориальный комплекс и возложил цветы к монументу, подчеркнув значимость подвига защитников Заполярья.

Мурманск в годы Великой Отечественной войны стал ключевым стратегическим пунктом на северном фронте. СССР удалось сохранить контроль над Арктикой, ликвидировать угрозы северным конвоям. Несмотря на массированные бомбардировки, город выстоял благодаря героизму защитников, самоотверженности жителей и налаженному снабжению, в том числе по ленд-лизу. Закономерно, что героический труд, несгибаемая воля и весомый вклад Мурманска в Победу над нацистской Германией были отмечены высокой наградой: летом 1945 г. городу было передано на вечное хранение переходящее Красное знамя Государственного комитета обороны. Этот шаг стал официальным признанием подвига мурманчан. А спустя четыре десятилетия, 6 мая 1985 г. Мурманску было присвоено звание «Города-героя».

АРХИПЕЛАГ НОВАЯ ЗЕМЛЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

С.В. Сайгашкина

В годы Великой Отечественной войны архипелаг Новая Земля[1] оказался в эпицентре боевых действий между СССР и нацистской Германией. Для защиты Северного морского пути в начале августа 1941 г. была создана Беломорская военная флотилия, первым командиром которой стал контр-адмирал М.М. Долинин. Её задача заключалась в защите караванов и коммуникаций в Белом море, восточной части Баренцева моря и Арктике. Для обороны проливов Карские Ворота, Югорский Шар, портов и полярных станций в составе флотилии был создан Северный отряд (базировался на о. Диксон), в состав которого наряду со сторожевыми кораблями и береговыми батареями входили авиагруппа и отряд ледоколов. 18 августа 1942 г. была создана Новоземельская военно-морская база, штаб которой располагался в посёлки Белушья Губа. Вблизи залива Рогачёва возник военный аэродром. Экипажи самолётов, базировавшихся там, отражали атаки немецкой авиации, выполняли задачи по программе ленд-лиза, обеспечивали транспортировку личного состава и боевой техники для действующей армии.

В 1942 г. немецкое военное командование изменило стратегические приоритеты в связи с провалом операции «Барбаросса» на Восточном фронте и увеличением объёма поставок по Северному морскому пути в рамках программы ленд-лиза. В условиях

[1] Новая Земля, архипелаг в Северном Ледовитом океане, принадлежащий России, входит в состав Архангельской области. Протянулся дугой на 925 км с юго-запада на северо-восток между Баренцевым и Карским морями. Состоит из двух крупных островов: Северного и Южного, разделённых узким (до 3 км) проливом Маточкин Шар, и множества мелких (самый большой из них – остров Междушарский). На юге отделен пролив Карские Ворота от острова Вайгач. Общая площадь островов свыше 83 тыс. км^2, в том числе площадь Северного острова составляет 48,9 тыс. км^2, Южного острова – 33,3 тыс. км^2 и около 1 тыс. км^2 занимают мелкие острова.

обострения напряжённости в северных морских водах 18 августа 1942 г. принимается решение о создании военно-морской базы на Новой Земле. Активность немецких подводных лодок, стремившихся блокировать основные морские маршруты, приводила к большим потерям. Подтверждением этому служит трагедия 27 июня союзного конвоя *PQ-17*, когда было уничтожено 23 судна и погибло 153 моряка. Проявив мужество и мастерство, 25 августа советские моряки и артиллеристы успешно отбили атаку немецкой подводной лодки *U-255* на полярную станцию на мысе Желания.

Немецкие ВМФ осуществляли не только поиск и нападали на советские и иностранные суда, но и устанавливали минные заграждения на пути их следования. Так, 26 сентября 1942 г. тяжёлый крейсер «Адмирал Хиппер» выставил у берегов Новой Земли 96 якорных неконтактных мин. Их обезвреживание представляло значительную сложность ввиду отсутствия чётких карт минных постановок и особенностей полярной гидрологии – сильных течений, низкой температуры и ограниченной видимости. Это подтверждается отсутствием случаев их обнаружения до момента самоподрыва или подрыва судов. 11 октября 1942 г. в проливе Маточкин Шар сторожевой корабль СКР-23 «Муссон» подорвался на мине и затонул на расстоянии 15 кабельтовых от острова Черный Камень.

В ходе проводки арктических конвоев в 1943 г. героически проявил себя тральщик ТЩ-65. Военный транспорт «Рошаль», перевозивший грузы для Новоземельской военно-морской базы и местных промышленных предприятий, следовал в Белушью Губу в сопровождении двух тральщиков Беломорской военно-морской базы – ТЩ-55 и ТЩ-65. 30 июня в районе мыса Лилье и Белушьей Губы сигнальщик ТЩ-65 обнаружил след торпеды, выпущенной немецкой подлодкой. В критической ситуации командир ТЩ-65 старший лейтенант Н.К. Голубенцев принял решение прикрыть своим судном транспорт с военным грузом. За проявленное мужество командир был награждён орденом Боевого Красного Знамени, а трое членов экипажа – боевыми орденами Красной Звезды.

В марте 1944 г. Народный комиссар ВМФ адмирал Н.Г. Кузнецов инициировал создание новой Карской военно-морской базы, которая вошла в состав Беломорской военной флотилии. Её формирование сопровождалось значительным усилением флота современными боевыми кораблями, включая приобретённые в США и построенные на отечественных предприятиях. За время

войны Беломорская военная флотилия обеспечила проводку более 2500 транспортов в конвоях и одиночных режимах.

За годы войны Новая Земля, вначале представлявшая собой практически беззащитный арктический форпост, стала ключевым стратегическим объектом, обеспечивавшим безопасность северных коммуникаций СССР и особенно Архангельска. По завершении военных действий на архипелаге сохранился многочисленный военный гарнизон, артиллерийские позиции и аэродром. Значение Севморпути за период войны только выросло, грузопоток значительно увеличился, и трасса после войны стала развиваться ещё интенсивнее.

В первое десятилетие после окончания Великой Отечественной войны началась новая фаза использования и развития региона, на территории которого было принято решение создать ядерный полигон. Оно стало следствием создания Соединёнными Штатами и применения ядерного оружия, а также обосновывалось наличием на архипелаге незамерзающих портов и его расположением, что позволяло минимизировать риски радиационного загрязнения для окружающей среды и населения. 17 сентября 1954 г. был основан испытательный полигон «Объект-700». На Новой Земле с 1955 г. по 1990 г. прошло 132 ядерных испытания (включая 87 атмосферных, 84 воздушных, 1 наземный, 2 надводных и 45 подводных и подземных). Первое советское подводное испытание состоялось 21 сентября 1955 г. с использованием заряда РДС-9 на глубине 12 м в Чёрной губе. Пик испытаний пришёлся на 1961–1962 гг., а кульминацией стал взрыв водородной бомбы АН602 («Царь-бомбы») мощностью 58 Мт 30 октября 1961 г. на площадке Д-II «Сухой Нос», гриб от которого поднялся на высоту 65 км, а ударная волна трижды обогнула Землю.

В настоящее время архипелаг Новая Земля сохраняет высокое стратегическое значение в системе национальной безопасности России. Здесь действует Центральный полигон Министерства обороны, Новоземельский гарнизон Северного флота и аэродром Рогачёво. Безопасность полигона обеспечивают расчёты 12-го Главного управления Минобороны РФ, периодически проводящие тренировки по прикрытию огромных пространств Арктики и по отражению вероятных атак противника.

В условиях геополитической конкуренции и растущего интереса к Арктике, российское правительство делает акцент на развитие промышленной инфраструктуры на территории архипелага.

Одним из ключевых объектов является Павловское свинцово-цинковое месторождение. Его освоением занималась «Первая горнорудная компания», входящая в структуру госкорпорации «Росатом». В 2020 г. эта компания и финская *Metso Outotec* подписали соглашение о сотрудничестве с целью создания обогатительной фабрики для Павловского месторождения, но позже его реализация была остановлена.

Для обеспечения обороноспособности РФ активно реализуются меры по развитию образовательной и социальной инфраструктуры региона. Основное внимание сосредоточено на посёлке Белушья Губа – административном и военном центре архипелага. Там действует самая северная школа страны на 560 школьников. В 2022 г. открыт новый детский сад на 360 мест. В рамках планового строительства Министерством обороны России продолжается возведение жилья (к началу 2024 г. было завершено строительство трёх новых жилых домов для военнослужащих). Указанные меры направлены не только на повышение уровня жизни, но и на создание условий для привлечения квалифицированных специалистов.

Архипелаг Новая Земля за свою историю стал важной военной площадкой для СССР и России. В годы Великой Отечественной войны он превратился в оборонную базу Северного флота, обеспечивавшую прикрытие морских коммуникаций и тыловых районов, а в послевоенное время стал главным полигоном для советских ядерных испытаний. Архипелаг продолжает играть важнейшую роль в обеспечении безопасности России на арктическом направлении; здесь базируются часть авиации и кораблей Северного флота, ведётся модернизация аэродрома, развивается социальная и образовательная инфраструктура.

II. Бои за историю и образы прошлого

1. Политика памяти и технологии памяти

ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОСВЕЩЕНИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВАХ

К.К. Худолей

В последние годы произошло резкое ухудшение отношений России с большинством европейских государств. Это относится и к сфере гуманитарных и общественных наук, играющих важную роль в формировании взглядов как различных элитных групп, так и обычных граждан. Соглашение о партнёрстве и сотрудничестве 1994 г. и Петербургская декларация 2003 г. провозглашали, что Россия и страны – члены ЕС разделяют общие ценности и стремятся к стратегическому партнёрству. Одной из предпосылок этого могло бы стать сближение в восприятии исторического прошлого. Но диалог по этим вопросам практически не начался.

Публикация документов по истории советско-литовских отношений, совместные работы российских и польских учёных, предложение о написании российско-германского учебника по истории по образцу франко-германского, обсуждавшееся на площадках форума «Петербургский диалог», не получили развития ввиду отсутствия общественного интереса как к этим конкретным шагам, так и к данному направлению сотрудничества в целом. Важный фактор создания благоприятной атмосферы был упущен. Более того, трактовка исторических событий стала всё

более расходиться, а в последние годы, когда конфронтация России и Запада вступила в острую фазу, во многих случаях стала полностью противоположной. Это относится и к событиям Второй мировой войны, освещению роли СССР в победе антигитлеровской коалиции. При этом в одних случаях СССР и современная Россия отождествляются, а в других проводится отличие.

Восприятие событий Второй мировой войны в большинстве европейских государств вытекает во многом из их роли в те годы – участвовали ли они в антигитлеровской коалиции, входили ли в состав фашистского блока или были нейтральны, подвергались ли оккупации и насколько активно сопротивлялись ей и т.д. Общая картина получалась пёстрой и неоднозначной. Более или менее чёткие модели восприятия истории Второй мировой войны сложились лишь в нескольких случаях – Великобритания, Франция (опыт которой влияет и на другие страны Западной Европы), Польша (тут влияние на балтийские государства несомненно), Балканы и Германия. Новым является то, что в последние годы в континентальной Европе под эгидой Европарламента идёт процесс складывания общих оценок исторического пути, причём немалое место отводится событиям Второй мировой войны.

Британская модель восприятия Второй мировой войны представляется в наибольшей степени сложившейся и наименее подверженной конъюнктурным колебаниям. Конечно, её итоги не столь благоприятны, как Первой мировой, которую в Великобритании обычно называют «Великой». Однако в общественном сознании чётко зафиксировано, что Соединённое Королевство внесло существенный вклад в победу союзников, и было единственным государством, которое воевало с первых до последних дней, причём почти год – от капитуляции Франции до нападения Гитлера на СССР – сражалась с Германией один на один. Мужество британцев в ходе «Битвы за Англию», других военных действий и сам факт победы являются предметом национальной гордости.

Роль США признается, но не абсолютизируется. Главный акцент делается на военных действиях в Европе, Северной Африке и морских операциях в Атлантике, а не Тихом океане, где британское участие было не столь заметным. СССР упоминается в качестве союзника, и его роль оценивается в основном положительно, хотя тенденция к её преуменьшению присутствует. О важнейших сражениях на советско-германском фронте говорится кратко, а их воздействие на общий ход войны фактически не упоминается.

Какого-либо существенного влияния процесса формирования общеевропейских подходов к историческим событиям на британскую модель ни до, ни после брекзита не отмечается.

Западноевропейская модель, которая более явно проявляется во Франции, отличается от британской значительно меньшей определённостью и чёткостью. Это связано с тем, что Вторая мировая война не является для них такой славной страницей, как Первая. Если перемирие 1918 г. воспринималось во Франции как триумф, смывший позор войны 1870–1871 гг., то полностью оправиться от последствий поражения 1940 г. Франция не смогла – послевоенное устройство определялось СССР, США и Великобританией без её участия. Память о генерале де Голле как лидере Движения Сопротивления сохраняется у французов самых различных политических взглядов, но роль коммунистов в антифашистской борьбе упоминается всё реже, что, несомненно, связано с падением их влияния в современной Франции. Но и попытки хотя бы частично реабилитировать в общественном мнении маршала Петена (они особенно активны были в 2016 г., когда отмечалось столетие битвы под Верденом) и других коллаборационистов были отвергнуты почти всей общественностью.

Роль США всячески подчёркивается, а СССР, признательность к которому была велика в первые послевоенные годы, постепенно уменьшается. На формирование восприятия Второй мировой войны французским обществом (как и некоторых других западноевропейских стран) большое воздействие оказывают различные программы примирения (первой и наиболее масштабной из них была франко-германская) между народами, ранее враждовавшими друг с другом. В будущем западноевропейская модель, скорее всего, будет эволюционировать в духе общеевропейских трендов, хотя и сохранит ряд своих особенностей.

Польская модель сформировалась уже достаточно полно. Польша воспринимает себя как жертву многочисленных несправедливостей и страданий. Огромные человеческие жертвы и материальные потери в годы Второй мировой войны вписываются в эту картину. История российско-польских отношений весьма драматична, включая многочисленные войны и конфликты, начиная со средних веков, причём память о негативных страницах в обеих странах сохранилась значительно больше, чем о позитивных. Но очень важным представляется сейчас другое – нынешняя политическая элита Польши является продолжательницей «Соли-

дарности» и других антикоммунистических движений и выросла в острой борьбе с ПОРП, которая не могла бы прийти к власти и удерживать её без помощи СССР. Формируя негативное отношение к СССР, польский истеблишмент подрывает потенциальные возможности своих политических противников.

Балканская модель, которая проявляется в бывших социалистических государствах Юго-Восточной Европы, по ряду параметров отличается от польской. Прежде всего, историческая память, особенно о поддержке Россией борьбы народов этих стран за независимость, играет скорее позитивную роль в восприятии нашей страны. Период социализма не рассматривается тут однозначно негативно – бывшие коммунисты сохраняют определённые позиции в правящих кругах этих стран. Компартии Югославии и Албании пришли к власти при поддержке СССР, но затем порвали с КПСС и поэтому в глазах населения выглядят как акторы, принимавшие решения, в том числе и непопулярные, самостоятельно, а не под внешним давлением. Ввиду этого восприятие роли СССР в годы Второй мировой войны здесь не является однозначным – имеют место и позитивные, и негативные оценки. Однако балканские государства постепенно продвигаются в сторону европейской интеграции, и на каком-то этапе это поставит перед ними вопрос об изменении в оценках исторических событий в контексте выработки общих подходов в рамках ЕС.

Наиболее специфической, хотя и чётко разработанной, является германская модель. В стране существует практически полное единодушие в признании ответственности гитлеровской Германии за начало Второй мировой войны и осуждение преступлений нацистского режима. Главным победителем и освободителем страны от нацизма считаются США. В отношении СССР оценки постепенно меняются. Вина за нападение 22 июня 1941 г. признается, но о роли СССР в освобождении Германии от нацизма говорилось очень глухо. Однако и прямых выпадов против СССР тоже долгое время почти не было. Сказывались благодарность за согласие на объединение страны в 1990 г. и то, что в объединённой Германии у власти оказались в основном политики из западной части, имевшие опыт позитивного взаимодействия с СССР, а не восточной, боровшейся с СЕПГ. Этот позитив, однако, постепенно всё больше вымывался. При праздновании юбилеев падения Берлинской стены об СССР говорится всё меньше. Появился

тезис, что многолетний раскол Германии является достаточной платой за страдания, принесённые народам СССР в годы Второй мировой войны. А в самое последнее время акцент стал делаться на роли Украины во Второй мировой войне, как будто в те годы она не была частью СССР.

Процесс формирования общего подхода к историческому пути европейских стран идёт уже не один год. Но в последнее время он заметно ускорился и стал приобретать всё более конфронтационный характер в отношении России. Последнее в наибольшей степени относится к интерпретации событий Второй мировой войны. В резолюциях Европарламента, особенно принятой 23 января 2025 г., преобладают самые жёсткие негативные оценки, причём значительно более резкие, чем в отдельных европейских странах. Общий подход ЕС к проблемам истории Второй мировой войны ещё находится в стадии формирования, но отдельные его черты уже очевидны: равная ответственность за начало войны возлагается на СССР и Германию, роль советско-германского фронта принижается или замалчивается, почти ничего не говорится о вкладе народов глобального Юга, которые, будучи колониями европейских стран, также боролись с общим врагом. Главным победителем провозглашаются США, хотя и тут (возможно, это проявление разногласий США и ЕС при президенте Д. Трампе), тон стал менее восторженным. В данном подходе явно проявляется желание создать барьер во взаимоотношениях с Россией не только в политической, военной и экономической сферах, но и в мемориальной.

Таким образом, в настоящее время в странах Европы существуют различные модели восприятия прошлого, в том числе и истории Второй мировой войны, но перспектива их сближения в рамках ЕС вполне реальна, хотя определённые особенности, обусловленные национальной спецификой, сохранятся и в будущем. Однако общей тенденцией их эволюции может стать дальнейшее дистанцирование от российских подходов и оценок, формирование ещё одной разделительной линии.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В ТЕХНОЛОГИЯХ ПОЛИТОЛОГОВ

Л.С. Воронков

В год 80-летия Победы держав антигитлеровской коалиции над нацистской Германией вопрос сохранения исторической памяти народов приобрёл дополнительную актуальность. Итоги Второй мировой войны и послевоенное устройство мира были совместно определены державами-победительницами и закреплены в международных договорах и соглашениях, а также в решениях Нюрнбергского процесса. Они оказали влияние на формирование послевоенного миропорядка, на базовые оценки связанных с войной событий и явлений и на содержание исторической памяти народов, которая основывалась на общем понимании минувших исторических событий. Такого понятия, как «политика памяти», предполагающего существование некоего специального инструмента управления историческим наследием народов, не имелось.

Выступив с инициативой созыва Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ), Советский Союз стремился добиться международно-правового признания и закрепления в консенсусных документах итогов Второй мировой войны в Старом Свете. Эти итоги Москва рассматривала как исторические достижения мирового социализма, в то время как его западные оппоненты увидели в созыве СБСЕ, напротив, уникальную возможность пересмотреть итоги войны, потеснив мировые позиции СССР, не прибегая к использованию военной силы.

Добившись воссоединения Германии, распада Югославии, дезинтеграции Чехословакии, образования на территории бывшего Советского Союза полутора десятка независимых государств и ликвидации Организации Варшавского Договора, бывшие западные союзники перешли рубикон, за которым был де-факто легализован пересмотр согласованных ранее державами антигитлеровской коалиции базовых оценок исторических событий и явлений Второй мировой войны. Широкое распространение

на Западе в начале 1980-х годов получила книга бывшего сотрудника ГРУ И.Б. Резуна «Ледокол», опубликованная под псевдонимом Виктор Суворов. В ней утверждалось, что нацистская Германия оказалась вынужденной начать войну против СССР, чтобы предотвратить нападение, которое якобы готовил против неё Советский Союз.

Все последние десятилетия при поддержке правящих кругов большинства западных стран предпринимаются усилия на обеление политических сил, которые во время Великой Отечественной войны оказались в числе союзников нацистской Германии и фашистской Италии в борьбе против СССР, и их пособников, коллаборационистов, бандеровцев, власовцев, полицаев, охранников концлагерей. Напротив, деятельность последовательных борцов за национальное освобождение и суверенитет своих народов, освободительная миссия Красной армии подаётся как оккупация и подчинение коммунистическому диктату.

Отрицать очевидные и общеизвестные исторические факты, особенно когда они увековечены в памятниках, зафиксированы в международных документах и учебниках, весьма сложно. Искажающая их политика является функционирующей системой политического использования исторического прошлого, позволяющей конструировать антиисторические нарративы с целью легитимизации собственной власти и оправдания принимаемых решений во многих западных странах. Фальсификаторы истории обосновывают возможность избирательного подхода к тем или иным историческим событиям и явлениям. Фокус внимания переносится с задачи формирования той или иной концепции прошлых исторических событий и явлений на специфику восприятия человеком окружающей действительности и особенности функционирования человеческой памяти и психологии.

Изобретатели подобных политических технологий пытаются придать наукообразный характер «политике памяти», ссылаясь на труды З. Фрейда в области психоанализа, философские взгляды Ф. Ницше, призывавшего к критическому взгляду на традиционные моральные и культурные ценности, на современные достижения медицинской науки, стремясь таким образом придать изобретаемым прикладным политологическим теориям «коллективной исторической памяти» характер объективных законов развития, действие которых не зависит от воли и сознания людей.

Неотъемлемым элементом практического осуществления «политики памяти» становится устранение из публичного пространства любых напоминаний об исторических событиях и явлениях, противоречащих ныне отстаиваемым властными кругами в Европе позициям. Во многих странах, прежде всего в государствах Прибалтики, Центральной и Восточной Европы, Польше, не говоря уже об Украине, развернулась настоящая война против памятников советским воинам, отрицается роль Красной армии в освобождении узников фашистских концлагерей и европейских народов от нацистской чумы, фактически прекращено участие официальных лиц в празднованиях Дня Победы над Германией совместно с российскими представителями.

В то же время устраиваются шумные факельные шествия и марши, прославляющие бывших пособников нацистов в качестве борцов за национальную свободу и независимость. Канадский парламент устроил официальное чествование нациста Ярослава Гунько из дивизии СС «Галичина» во время визита Зеленского в Оттаву. Во многих бывших социалистических странах появились институты и музеи «исторической памяти», проводятся кампании по так называемой декоммунизации, которым предаётся русофобский характер. Не вписывающиеся в «политику памяти» исторические сюжеты замалчиваются и придаются забвению.

Например, теперь уже невозможно найти ни в научной, ни в публицистической литературе прибалтийских государств упоминаний о том, что в начале Второй мировой войны Берлин потребовал от них в течение 24 часов выслать этнических прибалтийских немцев на оккупированные польские территории с целью изменения этнического состава населения, закрепления этих земель за Германией. И это требование было беспрекословно выполнено, что привело к огромным человеческими трагедиям.

Однако близ города Друскининкай литовскими властями создан мемориальный комплекс, посвящённый высылкам советскими властями литовцев в отдалённые районы СССР. Сооружены бутафорские ограждения с колючей проволокой, охранные вышки с муляжами вооружённых людей, выставлены товарные вагоны для перевозки переселенцев, организована обширная выставка «преступлений» советской власти, проводятся коллективные посещения мемориала школьниками и туристами.

Постепенно элементы «политики памяти» распространялись на страны Северной Европы, в которых предпочитают не вспо-

минать об участии их граждан в боевых действиях против держав антигитлеровской коалиции. Как хорошо известно, на стороне нацистской Германии воевала 5-я танковая дивизия СС «Викинг», в которую входили датчане и норвежцы; 11-я добровольческая танково-гренадерская дивизия СС «Нурдланд» с участием граждан Дании, Норвегии и Финляндии; 1-й датский свободный корпус СС «Данмарк» и датский добровольческий корпус СС «Шальбург», норвежский легион СС и норвежский батальон лыжных егерей СС. Не вымарать из истории и существование в Норвегии в годы немецкой оккупации коллаборационистского режима Видкуна Квислинга.

Финские историки и политические деятели продолжают утверждать, что их страна не являлась союзницей фашистской Германии в Великой Отечественной войне, а лишь продолжала Зимнюю войну против «агрессии со стороны СССР». Это не помешало финским войскам участвовать в немецкой блокаде Ленинграда, создать добровольческий батальон войск СС. На стороне Финляндии против СССР воевали в общей сложности свыше 17 дивизий, а на её территории располагалась 200-тысячная немецкая армия, активно действовавшая против нашей страны.

Авторы заказанного в 2016 г. финским МИДом доклада о возможных последствиях вступления Финляндии в НАТО не нашли позитивных оценок для длительного исторического опыта российско-финляндского сотрудничества как во время пребывания Финляндии в составе Российской империи в качестве Великого княжества, так и во время почти полувекового действия двустороннего Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи. Последний охарактеризован как навязанный Финляндии, продление которого в 1955 г. случилось якобы только потому, что Советский Союз выполнил требование Хельсинки и возвратил военную базу в Порккала-Удд. Добровольные продления Финляндией этого договора в 1970 и 1983 гг. в миф о навязанном характере документов не вписывается, а потому о них и вовсе не упоминают.

Ещё в 1980-х гг. в музее истории г. Тампере размещалась обширная экспозиция, отражавшая верноподданнические чувства финнов к российскому императору. В этом же городе работал музей В.И. Ленина; памятники Ленину установили в Котке и Турку; в 1960-е гг. в Хельсинки был разбит парк имени Ленина; на Сенатской площади столицы рядом с президентским дворцом стоит памятник Александру II недалеко от собора русской

православной церкви. Сегодня музей Ленина переформатирован, судьба экспозиции неизвестна, памятники в Турку и Котка ликвидированы. Некоторые современные финские историки, придерживающиеся официозных взглядов, пытаются поставить под вопрос определяющую роль России в становлении и обретении финской государственности, вопреки историческим фактам утверждают, что период нахождения под властью Швеции способствовал формированию самостоятельной финской политической общности, непропорционально выпячивают примеры русификации Финляндии в начале XX века.

На деле российские монархи позволили Финляндии, бывшей рядовой провинции Швеции, унаследовать в составе Российской империи элементы шведской системы государственного управления, лютеранскую церковь, иметь собственные сенат, почту, валюту, таможню, торговый флот. Развивались финские национальная культура и язык, поддерживалась деятельность создателя эпоса «Калевала» Элиаса Леннрута, поэта Й.Л. Рунеберга, философа и сенатора Й.В. Снельмана, боровшегося за утверждение и широкое использование в стране финского языка. Российские подданные на территории Финляндии считались иностранцами, в то время как финны на территории империи рассматривались подданными России. В мире не существовало аналога такого рода отношений между государством и его провинцией, которые хотя бы в отдалённой степени напоминали степень свободы автономного Великого Княжества Финляндского.

20 июля 1906 г. Николай II утвердил новый Сеймовый устав и Закон о выборах в Великом Княжестве Финляндском, гарантировав финнам всех сословий право голоса. Впервые в Европе эти права были предоставлены женщинам – на семь лет раньше Норвегии и на девять лет раньше Дании. В Финляндии существовал куда более либеральный политический режим, чем в исторических областях России, не говоря о её окраинах. С этой точки зрения более уместно было бы говорить о необходимости большей финляндизации самой России в этот период, чем о русификации Финляндии.

Мероприятия по «санации» исторической памяти финнов приносили свои результаты. В 1980-х гг. в Финляндии работала академия «Мир на Севере 2000», на мероприятиях которой выступали и представители СССР и США. Одним из активных участников был Ласси Хейнинен, ставший впоследствии веду-

щим финским экспертом по проблемам Арктики, профессором Лапландского университета. По приглашению мэра российского города Костомукша, построенного с участием финских специалистов, зарубежные участники и гости академии провели там одну из научных сессий. В обновлённом виде академия продолжает свою работу и сейчас. Между тем Л. Хейнинен за сотрудничество с Россией недавно был отстранён от работы в университете. Финляндия, инициировавшая в своё время присоединение СССР к сотрудничеству в рамках Северного Калотта, сегодня закрыла все пункты перехода границы с Россией, отказалось передать России председательство в Совете Баренцева/Евро-арктического региона (СБЕР), что привело к выходу нашей страны из СБЕР.

Весьма бережно к военному прошлому своего государства до недавнего времени относились норвежцы. В Киркенесе существует с большой заботой созданный музей истории норвежского сопротивления, местные экскурсоводы по традиции рассказывали об освобождении Северной Норвегии советской армией. В Киркенесе, Альте, Вадсё, Осло и других местах давно установлены памятники советским солдатам и участникам норвежского сопротивления, в официальных памятных церемониях принимали участие король и премьер-министры страны. Однако теперь в норвежских СМИ и среди ангажированных историков разворачивается политическая кампания противников исторической памяти об освобождении Северной Норвегии советской армией.

Различия в отношении к политике безопасности практически всех стран Северной Европы преодолены за счёт вступления в НАТО Финляндии и Швеции. Вкупе с действующим соглашением между ними о сотрудничестве в области обороны (НОРДЕФКО) можно ожидать консолидации в рамках альянса североевропейской группы государств. Совместными усилиями они будут отстаивать совпадающие интересы как внутри блока, так и вне его и оказывать поддержку инициативам отдельных стран субрегиона, касающихся их отношений с Россией.

Вступление Швеции и Финляндии в НАТО под аккомпанемент пропаганды «угрозы с востока» является классическим примером искусственного конструирования правящими кругами общественного мнения о внешних угрозах, нацеленного на оправдание принятого решения. Этот шаг и дальнейшее наращивание военных расходов до 5% ВВП требуют своего обоснования. Без постоянного воспроизводства образа врага само существование альянса

было бы поставлено под сомнение. Кроме того, принятая в нем система стандартизации вооружений обеспечивает крупнейшим американским и европейским производителям обширный, стабильный и высокоприбыльный рынок сбыта. Частью этого рынка стремятся стать и оружейники военно-промышленного комплекса новых членов НАТО, особенно Швеции.

На фоне этих событий следует ожидать, что «политика памяти» в государствах Северной Европы будет служить оправданию принятого решения о вхождении в альянс. Противодействие со стороны отечественных специалистов фальсификации истории с целью нагнетания антироссийских настроений и мифов становится одним из важнейших направлений развития современной исторической науки в РФ.

НЕДООЦЕНЁННЫЕ АСПЕКТЫ «ВОЙН ПАМЯТИ» ЧЕРЕЗ 80 ЛЕТ ПОСЛЕ РАЗГРОМА НАЦИЗМА В ЕВРОПЕ

А.В. Кузнецов

Формально в России уделяется большое внимание «политике памяти», отстаиванию исторической правды в освещении подвига советского народа по освобождению Европы от варварского ига германского нацизма и его союзников. Вместе с тем, на мой взгляд, некоторым особенностям развернувшимся в XXI веке «войн памяти» уделяется мало внимания. В результате во многих европейских странах не только дискредитируют вклад СССР в разгром «коричневой чумы», но и подвергают сомнению основы мироустройства, заложенного великой Победой в 1945 г., что создаёт вполне осязаемые негативные последствия и новые угрозы для современной России.

Остановлюсь на трёх аспектах: очевидной мягкости российских дипломатов и в целом нашего государства в отношении реваншистов в ЕС, недооценке личной заинтересованности антироссийски настроенных политиков и историков, а также на отсутствии у России мощной позитивной повестки сохранения памяти о подвигах спасителей Европы от ужасов преступной нацистской диктатуры. В значительной мере все три проблемы связаны с низкой вовлеченностью российских учёных-обществоведов в реализацию «политики памяти», в том числе по причине хронического недофинансирования НИОКР в Российской Федерации (на уровне примерно 1% ВВП, что означает отставание страны от всех сколько-нибудь заметных научных держав минимум вдвое).

По данным журнала «Международная жизнь», опубликованным в декабре 2023 г., на территории зарубежной Европы с 1990-х гг. демонтировано более 3 тысяч монументов советским воинам-освободителям[1], причём с момента начала СВО ситуация только ухудшилась. Примечательно, что в 2010-е гг. РФ ни по одному

[1] *Торин А.* Рецидив нацизма: кому в Европе мешают памятники советским воинам? // Международная жизнь. 6 декабря 2023. URL: https://interaffairs.ru/news/show/43583 (дата обращения: 20.08.2025).

случаю не решилась понизить хотя бы дипломатическое представительство в соответствующей стране, например, отозвав посла. Лишь в последние годы начаты следственные действия с целью привлечения вандалов и подстрекающих их политиков к уголовной ответственности[2]. Фактически десятилетиями в странах ЕС создавалась убеждённость, что Россия «проглотит» любое оскорбление ради каких-то меркантильных соображений, в том числе для сохранения позиций своего дипломатического корпуса (хотя такой подход со временем не уберёг и рабочие места дипломатов, особенно после начала СВО на Украине). Исключения, способные заблаговременно обуздать милитаристские устремления против России определённых сил в Европе, в таких «войнах памяти» были крайне малочисленны.

Так, наиболее резонансной стала в 2007 г. история со сносом «Бронзового солдата», когда эстонские власти осквернили не просто памятник воинам-освободителям, а могилу погибших в борьбе с нацизмом советских солдат. Это был редкий случай, когда Россия (причём официальная позиция была широко поддержана частным бизнесом и населением) объявила частичный бойкот экономических связей с Эстонией: российские торговые сети резко сократили на несколько месяцев закупки эстонских товаров, транзитные грузовые перевозки по железным дорогам были сокращены на 40%, снижены поставки сырья лесного комплекса, временно заморожены некоторые инвестиционные проекты.

В результате ещё до наступления мирового экономического кризиса динамика ВВП Эстонии резко пошла вниз (на 2–3 процентных пункта). Примечательно, что мне по цензурным соображениям не дали опубликовать этот тезис в журнале одной из стран ЕС (в итоге в 2009 г. этот случай был рассмотрен в статье в отечественном журнале «Мировая экономика и международные отношения»[3]). Более того, теперь помесячная статистика ВВП тех лет по Эстонии и соседней Латвии, которая не была затронута кон-

---

[2] О ситуации в ряде стран Европы вокруг осквернения и разрушения памятников, воздвигнутых в честь тех, кто боролся против нацизма в годы Второй мировой войны (Доклад Министерства иностранных дел Российской Федерации) // МИД России. 27 мая 2025. URL: https://mid.ru/ru/maps/de/2014247/ (дата обращения: 20.08.2025).

[3] *Кузнецов А.В., Четверикова А.С.* Проблемы российско-прибалтийских экономических связей // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 7. С. 73–81.

фликтом и выполняла роль «контрольной группы в эксперименте», в сети Интернет больше не доступна.

Ещё важнее понять, что антироссийская политика в рамках «войн памяти» спустя 80 лет после разгрома нацизма в Европе носит не сиюминутный характер и обусловлена не только внешнеполитическими соображениями, но имеет большое количество проводников из числа потомков нацистов и коллаборационистов. Речь идёт не только о Германии, но и о многих других странах, которые десятилетиями расценивались скорее как жертвы нацизма, хотя существенная часть их населения поддерживала военную агрессию и политику истребления мирных жителей оккупированных территорий, разграбления их материальных и культурных ценностей гитлеровским режимом.

В данном вопросе требуется тщательный научный анализ, включающий применение биографического метода, а не дилетантские инсинуации журналистов, что я попытался наглядно прояснить в статье 2023 г. в журнале «Политическая наука»[4]. В ней было показано, что, например, бывший заместитель министра иностранных дел ФРГ и многолетний председатель Мюнхенской конференции по безопасности Вольфганг Ишингер – действительно внук активного нациста, бургомистра одного из городов в годы Второй мировой войны, который участвовал в становлении Ишингера как личности. А вот социал-демократ Олаф Шольц, вышедший из нижних страт среднего класса, никак не мог быть потомком дворянина и германского генерала Фридриха фон Шольца («прокол» российских СМИ был умело обыгран в западных медиа, нанеся заметный урон репутации их российских визави).

Со временем внуки и правнуки врагов нашей страны занимают все более видные позиции в политическом истеблишменте ЕС – из относительно свежих примеров достойны упоминания прежде всего канцлер ФРГ Фридрих Мерц. Его дед по матери, как в случае В. Ишингера, – нацист на посту бургомистра, а отец Иоахим Мерц воевал с Красной армией. У Высокого представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности эстонки Каи Каллас мать и бабушка были репрессированы в СССР как члены семьи участника военных формирований, сотрудничавшего

[4] *Кузнецов А.В.* Важность доступа к качественной информации для современных политологических исследований // Политическая наука. 2023. № 4. С. 81–94. DOI: 10.31249/poln/2023.04.03.

с нацистами. Помимо «лежащих на поверхности» примеров имеется и много других. В частности, если в Германии основная часть антироссийских кадров формируется из числа потомков нацистов и переселенцев с территорий, отошедших после 1945 г. к СССР и Польской Народной Республике, то в Польше ряды идейных врагов современной России пополняются преимущественно диссидентами социалистического периода.

Тем не менее только обличать и протестовать – не самая продуктивная стратегия по сохранению исторической правды в отношении СССР в странах, где каждодневно работает активная антироссийская пропаганда. В этой связи особенно важным представляется третий упомянутый аспект – формирование позитивной повестки сохранения памяти о подвигах солдат-освободителей и всего советского народа, вынесшего основную тяжесть борьбы с нацизмом и его приспешниками. Например, почему в современной России нет денег на переводы «лейтенантской прозы» на основные европейские языки? В прошлогодней публикации в журнале «Контуры глобальных трансформаций» автор данной статьи показал, что даже в хороших и довольно объективных западных справочниках о русской литературе этот пласт художественных произведений не освещается[5].

Также остро стоит вопрос: почему в современной России нет средств на работу историков и картографов для подготовки и издания качественных и красочных атласов с картами Второй мировой войны, отражающих реальную роль СССР? Не только нет денег на перевод собственных атласов на европейские языки, но в России издаются переведённые на русский англо-американские произведения, утверждающие у наших граждан превратный взгляд о якобы ключевой роли США и их союзников в разгроме нацизма в Европе и японского милитаризма на Тихом океане.

Так, в 2007 г. на полках российских магазинов появился «Атлас всемирной истории» (впервые издан в 1999 г., а перевод на русский язык сделан с издания 2005 г.). Из 324 страниц непосредственно Второй мировой войне уделено шесть. Первые две дают обзор всей войны, содержат 4 карты и несколько таблиц и схем. Примечательно, что из крупнейших 28 битв декабря 1941 г. – августа 1945 гг.

---

[5] *Кузнецов А.В.* Значение государственного языка в научных исследованиях по общественным наукам // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Том 17. № 6. С. 6–19. DOI: 10.31249/kgt/2024.06.01.

к СССР де-факто привязаны лишь треть: битва за Москву (декабрь 1941 г.), Сталинград (октябрь 1942 г. – февраль 1943 г.), Курск (июнь – август 1943 г.), Киев (сентябрь – октябрь 1943 г.), Минск (июнь – август 1944 г.), Кёнигсберг (февраль – апрель 1945 г.), Вену (апрель 1945 г.), Прагу и Берлин (обе операции по штурму городов датированы маем 1945 г.). Кроме того, в атласе имеются две дополнительные страницы про боевые действия только в Европе, которые из текста комментариев к картам можно трактовать как победу союзников при решающем вкладе Запада. Ещё две страницы переведённого на русский язык атласа повествуют о войне на Тихом океане, где СССР упомянут вскользь дважды (как вступивший в войну 8 августа 1945 г. и освободивший Маньчжурию)[6]. Данный пример лишь один в длинном ряду, причём не самый вопиющий.

Более того, мало делать сугубо российские проекты и потом пытаться продвигать их в странах зарубежной Европы. Необходимо развивать сотрудничество с учёными самих европейских стран, причём не только держав-победительниц, но и государств, где активно действовало Движение Сопротивления. И здесь не столь важно, если их вклад в общую Победу кажется небольшим в силу размеров – будь то Греция, Нидерланды или Норвегия. Ведь речь в данном случае идёт не только об увековечивании подвига советского народа, но и о сохранении исторической правды о борьбе с нацизмом, в которую наряду с огромным вкладом СССР свою лепту внесли и другие страны и народы, заложив на многие десятилетия после 1945 г. достаточно устойчивый миропорядок на базе принципов ООН. Разумеется, в условиях СВО на Украине контакты со многими западными учёными затруднены. Однако необходимо работать с ориентацией на долгосрочный горизонт, где нет альтернативы возобновлению коммуникаций России и ЕС, пусть и на совсем иной основе, чем в 1990-е – 2000-е гг.

В завершение приходится напомнить, что, как хорошо известно, историю пишут победители. Однако когда их несколько, то проигрывают скупые, те, у кого не остаётся денег на науку и издательскую деятельность. Пока в «войнах памяти» выигрывают, увы, англо-американские и французские бывшие союзники, при том что живых свидетелей событий более чем 80-летней давности уже почти не осталось.

---

[6] Атлас всемирной истории. История человечества в картах / Под общ. ред. Дж. Блэка: пер. с англ. Москва: Изд-во Астрель; Тверь: Изд-во АСТ, 2007. 323 с.

МЕТАФОРЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЕВРОСОЮЗА И В СОВРЕМЕННОМ ОФИЦИАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ РОССИИ

Т.А. Романова

Репрезентацию в современных социальных науках определяют как «часть процесса, с помощью которого значение создаётся и обменивается между представителями одной культуры»[1]. Каждый значимый партнёр, процесс или явление на мировой арене каким-то образом описывается в официальном дискурсе основных стран. Это описание помогает не только понять, как описываемое видится той или иной нацией, но и какая стратегия взаимодействия с соответствующим визави, процессом или явлением предполагается.

Для репрезентации используется широкий спектр различных средств: печатных текстов, символов, визуальных рядов, ассоциаций, географических или политических карт и т.д. Особое место занимает метафора, которую надо воспринимать не как «средство украшения уже готовой мысли», а как «способ мышления, повседневную реальность языка»[2]. Мы постоянно сравниваем менее известные предметы с более известными. Например, жизнь может быть представлена как путь, конфликты в экономической сфере – как война, а международные отношения в конкретный момент времени – как период турбулентности. Метафоры также широко используются для переосмысления известных акторов, процессов или явлений. Повышенная метафоричность сигнализирует коренной пересмотр взглядов в сфере применения сравнений. При этом метафоры не только способствуют пониманию нового или переосмыслению старого, но также определяют процесс выра-

---

[1] *Charteris-Black J.* Corpus Approaches to Critical Metaphor Analysis. New York: Palgrave MacMillan, 2004. P. 1.

[2] *Чудинов А.П.* Метафорическая мозаика во современной политической коммуникации. Екатеринбург, 2003. С. 53.

ботки решений относительно взаимодействия с этим актором или явлением. Метафоры также нередко «включают» эмоциональную реакцию слушателей, помогают сформировать их видение, найти общую платформу для взаимодействия.

Критический анализ метафор (КАМ) как метод исследования разработан Дж. Чартерис-Блэком[3] на основе дискурс-анализа Н. Фэрклоу. КАМ предполагает постепенное восхождение от метафорических выражений (отдельных фраз) через концептуальные метафоры (зонтичные темы) к концептуальным ключам (сути того, что говорящий стремится закодировать в своём сообщении). Вначале метафоры идентифицируются, затем интерпретируются и наконец объясняется их социально-политическое значение. Применим КАМ к официальному телеграм-каналу Постоянного представительства России при Евросоюзе (@RussianMissionEU). Этот ресурс агрегирует посвящённые ЕС фрагменты выступлений президента России, министра иностранных дел, глав Представительства, а также иных официальных лиц.

Сообщения на данном телеграм-канале характеризуются высокой метафоричностью. Особую роль среди концептуальных метафор играют отсылки к опыту Великой Отечественной войны и в целом Второй мировой войны: их количество постепенно увеличивалось с 2022 г., когда этот канал появился. Расширялась и сфера их использования. Такая динамика связана, как минимум, с тремя обстоятельствами. Во-первых, память о Великой Отечественной войне – краеугольный камень современной российской идентичности. Во-вторых, активизации использования данной концептуальной метафоры содействовало наступление юбилейных дат, связанных с освобождением Европы Красной армией. В-третьих, память о Великой Отечественной войне имеет высокое эмоциональное значение для большинства наших сограждан, что усиливает и влияние сравнений с ней событий современности.

Выделяется как минимум четыре направления современного использования концептуальной метафоры «Великая Отечественная война» / «Вторая мировая война» в современном российском дискурсе о Евросоюзе. Первое направление связано с исторической памятью. Начало дискуссиям положила критика в адрес Евросоюза, особенно стран Балтии, за нарушение обязательств

[3] *Charteris-Black J.* Op. cit.

о «сохранении памяти об исторических событиях»[4], включая ситуацию вокруг мест захоронений и памятников. Эта тема затем эволюционировала в направлении дебатов с рядом стран ЕС и Европарламентом о «непрекращающихся попытках фальсифицировать историю Второй мировой войны, умышленно принизить роль Красной армии» и «перечеркнуть... решения Нюрнбергского трибунала»[5]. Эта линия усиливалась за счёт нарастания количества упоминаний о том, что «вся Европа была соучастницей чудовищных преступлений Третьего рейха, а А. Гитлера встречали с восторгом и ликованием во многих европейских столицах»[6].

Второе направление использования метафорической концепции «Великая Отечественная война» – опасность неонацизма. Здесь репрезентация Евросоюза также постепенно становилась всё более негативной. Вначале его упрекали в том, что он «взрастил на Украине агрессивную националистическую, неонацистскую по своей сути диктатуру»[7]. Постепенно в свете неонацизма стали характеризоваться «русофобские высказывания представителей западного политистеблишмента и проявления русофобии»[8]. С идеями «превосходства» стали связываться «исторический ревизионизм»[9] ЕС, а также стремление Брюсселя продвигать «порядок, основанный на правилах»[10].

Третье направление использования метафорической концепции «Великая Отечественная война» в современном официальном дискурсе России состоит в выстраивании параллелей между той

---

[4] О попрании исторической памяти в Европе. 22 ноября 2023. URL: https://t.me/RussianMissionEU/1077 (дата обращения: 30.06.2025).

[5] О памятной церемонии в Брюсселе по случаю 83-й годовщины начала Великой Отечественной войны. 22 июня 2024. URL: https://t.me/RussianMissionEU/1512 (дата обращения: 30.06.2025).

[6] Доклад МИД России «80 лет после Великой Победы: тень нацизма вновь накрыла Европу». 25 апреля 2025. URL: https://t.me/RussianMissionEU/1863 (дата обращения: 30.06.2025).

[7] Без заголовка. URL: https://t.me/RussianMissionEU/1177 (дата обращения: 30.06.2025).

[8] О проявлениях неонацизма и русофобии на Украине и в странах Запада. 26 января 2023. URL: https://t.me/RussianMissionEU/444 (дата обращения: 30.06.2025).

[9] Комментарий Постпредстава России при ЕС. 23 августа 2024. URL: https://t.me/RussianMissionEU/1566 (дата обращения: 30.06.2023).

[10] О памятной церемонии в Брюсселе по случаю 82-й годовщины начала Великой Отечественной войны. 22 июня 2023. URL: https://t.me/RussianMissionEU/787 (дата обращения: 30.06.2025).

войной и СВО. Прежде всего, события 1941 г. стали прямо сравнивать с современностью: «[с]егодня, как 82 года назад, против нашей Родины развязана самая настоящая “тотальная война”. Как и тогда, к ней привели идеология превосходства, вера в исключительность, стремление навязать свой “порядок”»[11]. Как и тогда, «почти весь европейский Запад поставлен “под ружье”»[12], что подчёркивает широту современной конфронтации России с другой частью Старого Света. Наконец, отмечается, что противникам не стоит забывать, «как печально для Запада заканчивался каждый новый “дранг нах остен”»[13], что экстраполирует идею победы СССР на Россию и современный период конфронтации.

Четвёртое направление использования данной метафорической концепции состоит в прослеживании генезиса некоторых современных аспектов социального взаимодействия к концу Второй мировой войны. Так отмечается, что современное международное право началось с Нюрнбергского процесса, что определяет его легитимность[14]. Сотрудничество российских эмигрантов с Европарламентом сравнивается со взаимодействием «хиви» и «гитлеровской Германии»[15]. Начало послевоенного периода евроинтеграции связывается с идей предотвращения новых конфликтов, тогда как «нынешнее поколение лидеров Евросоюза... утратило связь с идеями отцов-основателей европроекта»[16].

Таким образом, фразы и выражения концептуальной метафоры «Великая Отечественная война» / «Вторая мировая война» репрезентируют Евросоюз как потерявший моральный авторитет, не вызывающий доверия визави и даже враг. Такой вывод (концептуальный ключ в терминах КАМ) помогает аргументировать

---

[11] Там же.

[12] Интервью министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова для проекта «Без срока давности. Фронт без линии фронта». 30 марта 2025 года. URL: https://t.me/RussianMissionEU/1820 (дата обращения: 30.06.2025).

[13] Статья и.о. Постпреда России при ЕС К.М. Логвинова для информагентства ТАСС. 1 февраля 2024. URL: https://t.me/RussianMissionEU/1201 (дата обращения: 30.06.2025).

[14] Видеообращение С.В. Лаврова к участникам Международного научно-практического форума «Без срока давности». 24 октября 2023. URL: https://t.me/RussianMissionEU/1038 (дата обращения: 30.06.2025).

[15] Мнение М.В. Захаровой. 25 октября 2023. URL: https://t.me/RussianMissionEU/1042 (дата обращения: 30.06.2025).

[16] Комментарий и.о. Постоянного представителя России при ЕС К.К. Малаяна по случаю 80-летия Великой Победы. 8 мая 2025. URL: https://t.me/RussianMissionEU/1887 (дата обращения: 30.06.2025).

современный кризис в отношениях России и ЕС и возлагать вину на Брюссель за их драматическое состояние. За счёт описанных метафор происходит также «символическое уничтожение» ЕС как партнёра, прежде всего в глазах россиян. Кроме того, такая репрезентация легитимизирует разрыв отношений с Евросоюзом. Теперь он не может быть не только моральным ориентиром для России, как это было в 1990-е гг., но даже просто партнёром. Наконец, конфликт по линии «Запад – не-Запад» получает за счёт описанных метафор дополнительное обоснование, как эмоциональное, так и рациональное.

Данная репрезентация обусловливает и выработку стратегии взаимодействия России с ЕС. В ней можно выделить четыре компонента. Первый – игнорирование интеграционного объединения на современном этапе. Второй – дистанцирование России от «Европы» в пользу Евразии, «разворота на восток» и «мирового большинства». Третий компонент представляет собой готовность дать отпор ЕС. Но метафоры Второй мировой войны, как ни парадоксально, содержат и элемент преодоления нынешней конфронтации. Так, делаются отсылки к опыту прошлого, например: «в годы войны, несмотря на идеологические противоречия... СССР, США, Великобритания смогли проявить мудрость и объединиться»[17]. Такая неоднозначность оставляет место для надежд на более конструктивное взаимодействие разных частей Европы в будущем, что, очевидно, требует значительных перемен на мировой арене.

[17] Выступление и.о. Постоянного представителя России при ЕС К.К. Малаяна на приеме по случаю 80-летия Победы. 15 мая 2025. URL: https://t.me/RussianMissionEU/1911 (дата обращения: 30.06.2025).

9 МАЯ 2025 Г. – ДВА ОБРАЗА ОДНОГО ДНЯ: ПРАЗДНОВАНИЕ В ЕВРОСОЮЗЕ И РОССИИ

Л.В. Дериглазова

Празднование 8/9 мая 2025 г. в ЕС и России служит иллюстрацией того, как по-разному трактуются события одного и того же дня в прошлом. С учётом того, что первая официальная фиксация капитуляции нацистской Германии произошла в Реймсе 7 мая, и что подписание полноценной капитуляции в Карлсхорсте на следующий день состоялось незадолго до полуночи, когда в Москве уже наступило 9 мая, бывшие союзники по антигитлеровской коалиции отмечают это эпохальное события в разные дни. В ЕС это делают на день раньше, чем в России. Однако и 9 мая в ЕС проходят торжества, но в связи с Днём Декларации Шумана, которая стала точкой отсчёта для последующего учреждения Европейского объединения угля и стали и затем, в 1957 г., для создания европейских сообществе (ЕЭС и Евратома) на основе Римских соглашений.

Важно помнить, что этот день (дни), символизирующие окончание войны в Европе, не были завершением Второй мировой войны (Япония подписала капитуляцию 2 сентября). Сравнение позволяет увидеть два различных подхода к празднованию завершения войны в Старом Свете с соответствующими мероприятиями, атрибутами и нарративами. Сравнение позволяет увидеть, как меняется «праздничный канон», и какие смыслы вкладывают в этот день обе стороны. Память о войнах составляет важную часть в национальной истории, которая является основой для позитивной национальной идентичности и чувства национальной гордости. В настоящее время в России и странах ЕС происходит настоящий бум исторического знания, что немецкий историк Алейда Ассман ещё несколько лет назад назвала «одержимостью историей»[1]. Российский историк А.И. Филюшкин определил эту

[1] *Ассман А.* Забвение истории – одержимость историей. М.: Новое литературное обозрение, 2019.

тенденцию как вытеснение истории исторической памятью, исторической политикой и трендом на реполитизацию истории[2].

Сравнивания особенности празднования 9 мая 2025 г., стоит обратить внимание на то, что празднуют, кто празднует и как празднует. А. Ассман выделила четыре вида «истории памяти»: индивидуальную, социальную, «политического коллектива нации» и память культуры. Память индивидуума отражает личный опыт и память семьи, которая может охватывать несколько поколений. Социальная память группы является в большей степени коллективной и опосредованной, а динамика памяти определяется сменой поколений с характерными для них трансформациями акцентов и даже ценностей. Особенно это касается событий «травматического или постыдного характера»; «публичная мемориальная культура формируется обычно спустя пятнадцать – тридцать лет» после таких событий, полагает Ассман. Важно также её следующее рассуждение: то, «что мы зовём коллективной памятью, – на самом деле не память, не воспоминание, а условность, конвенция, соглашение: вот это важно, и вот это и есть история о том, как это случилось, с иллюстрацией в виде картинки, закрепляющей эту историю в нашем сознании»[3]. Создание музеев и архивов представляет собой закрепление определённого представления о прошлом в политической и культурной памяти нации.

День 8/9 мая 1945 г. для стран Европы ассоциируется со Второй мировой войной, для России – в первую очередь с Великой Отечественной войной. Память о тех событиях в России и ЕС сопряжена с разными эмоциями, которые отражаются в общественном сознании и личных воспоминаниях. Эти эмоции можно сравнить со сторонами одной медали: одна победная – блестящая и радостная, публичная; другая – это скорбь о жертвах, потерях, страданиях и горе, часто переживаемое непублично. Третья составляющая воспоминаний – это уроки войны, допущенные ошибки, требующие учёта. Опыт участия во Второй мировой войне был у стран ЕС очень разным, включая сопротивление и борьбу с нацизмом, оккупацию, союзничество с Третьим рейхом и поражение стран фашистского блока. Это значит, что память об

---

[2] *Филюшкин А.И.* Почему в современном мире будущее заменяют прошлым: история возвращается? // Международная аналитика. 2022. № 13(3). С. 16–29.

[3] *Ассман А.* Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2006.

этом войне у европейцев включает память победителей и побеждённых, жертв и преступников.

В России 9 мая 2025 г., празднование 80-летия Победы в Великой Отечественной войне, по традиции было нерабочим днём. Состоялся торжественный военный парад на Красной площади, проводились шествия Бессмертного полка в разных городах страны, встречи с ветеранами, возложение венков к Могиле Неизвестного солдата в Москве, у мемориалов по всей стране. Во многих городах были выставлены почётные караулы у Вечного огня. Важным символом праздника давно стала Георгиевская лента.

Эти составляющие канона праздника сложились не сразу после Великой Отечественной войны. Военные парады в Москве проводились в 1945 г. и затем с большим перерывом – в 1965 г., 1985 г., 1990 г. С 1995 г. они проводятся ежегодно. День 9 Мая стал нерабочим в 1965 г. Поздравления и неформальные встречи с ветеранами войны в школах и на предприятиях стали проводиться тогда же, как и почётные караулы у Вечного огня в разных городах. Возложение венков к Могиле Неизвестного солдата превратилось в традицию с 1967 г.

В СССР праздник Победы отражал воспоминание о войне как трагедии и триумфе советского народа. Это запечатлено в большом количестве мемориалов, созданных в 1960-е – 1970-е гг., в пантеонах городов-героев, мемориалах Вечного огня. В массовой культуре война нашла отражение в выдающихся книгах и фильмах, в создании которых принимали люди, прошедшие через войну: «Судьба человека», «Летят журавли», «А зори здесь тихие», «Отец солдата», «Баллада о солдате», «Живые и мёртвые», «Женя, Женечка и “катюша”», «Пять вечеров», «Белорусский вокзал», «Иди и смотри» и др. Они создали гуманистическую традицию памяти о войне как трагедии, которая не должна повториться.

В школах создавались музеи с привлечением семейных коллекций, фотографий, проведения Вахт памяти у мемориалов. 1960-е – 1970-е гг. это время, когда во многих семьях были живы вернувшиеся с войны, их родные, вдовы, матери, потерявшие детей. Поэтому кроме официального нарратива и канона существовал семейный, частный, связанный с поминовением и гореванием, а не только героизацией. У тех, кто родился после войны, была возможность встретиться и поговорить с её участниками, услышать их рассказы и воспоминания вне официальной или

публичной обстановки. В 1990-е гг. произошла некоторая трансформация канона, к нему были добавлены новые элементы. В 2007 г. важным атрибутом празднования стала Георгиевская лента; с 2012 г. проводятся шествия «Бессмертный полк». В 2025 г. впервые в параде приняли участие ветераны Специальной военной операции.

Для меня, родившейся в 1963 г., память о Великой Отечественной войне включает все четыре вида памяти, которые выделила А. Ассман. Индивидуальная память сложилась из личного опыта общения с моим дедом, Степаном Григорьевичем Онищуком, который воевал на Восточном фронте с зимы 1942 г. и вернулся домой только в конце 1946 г. У него были ранения, я помню его награды, военную форму и фотографии военных лет. Помню рассказы бабушки о том времени. Мои родители 1939 года рождения делились своими воспоминаниями о войне и послевоенной жизни.

Социальная память о войне складывалась от общения с другими ветеранами, с теми, кто прошёл через войну. Мой университетский наставник – Савелий Вольфович Вольфсон (1931–2025), являлся свидетелем войны. Его семья была эвакуирована из Сталинграда в июле 1942 г. после начала великой битвы. Его отец же остался в городе, так как был ведущим инженером тракторного завода и отвечал за ремонт техники в зоне боевых действий. С.В. Вольфсон был получателем помощи от немецкого фонда как жертва войны.

Я также встречала советских солдат, прошедших через плен, и их судьба очень разная. Один вернулся в своё село на севере Томской области и в начале 1980-х гг. всё ещё отмечался в милиции как бывший военнопленный. Ряд советских военнопленных, попавшие в западную зону оккупации, предпочли эмиграцию в Канаду и посетили бывший СССР только в 1990-е гг.

Моя учёба в школе пришлась на время возобновления празднования 9 Мая как Дня Победы, поэтому встречи с ветеранами, обсуждение событий войны, почётные караулы у Вечного огня и большое количество литературы и кино о войне были неотъемлемой частью взросления моего поколения. Учебники истории того времени уделяли огромное внимание событиям войны, её героям, основным сражениям и датам. Помню, как делала на уроке истории доклад о Нюрнбергском трибунале. Всё это воплощало то, что А. Ассман определила как политическую и культурную память, дополнявшую индивидуальную и социальную.

В 1960-е гг. празднование 9 Мая в СССР начало формировать память «политического коллектива нации» и память культуры о травмах и потерях в войне, унёсшей жизни десятков миллионов советских граждан. В XXI веке эта коллективная и культурная память была дополнена новыми символами. Низовая инициатива Бессмертного полка может рассматриваться как трансформация индивидуальной памяти, связанной с личной историей семей ветеранов войны, в память коллективную, которая позже приобрела значимость для «политического коллектива нации».

В Евросоюзе 9 мая 2025 г. в очередной раз отмечали 75-летие подписания в Париже Декларации Шумана, которая рассматривается как политическая основа для создания европейских сообществ и позднее – ЕС. Тогда же, с 1985 г., 9 мая там празднуют День Европы. На официальном сайте ЕС значение праздника объясняется как «начало новой эры мира, интеграции и демократической кооперации в Европы, которая заложила основу для Европейского союза, каким он является сегодня»[4]. В этот день проводятся дни «открытых дверей» ведомств ЕС в Брюсселе, Страсбурге, Люксембурге, Франкфурте. Проводятся встречи с ветеранами войны, узниками концентрационных лагерей, организуются посещения мемориалов жертвам войны. В прошлом году 9–10 мая был также проведён фестиваль в Монт Ваалс (*Mount Vaals*) на пересечении границ трёх государств – Бельгии, ФРГ и Нидерландов.

Если опыт Второй мировой войны на национальном уровне у европейцев очень разный, то на уровне ЕС этот день используется в качестве «коллективной памяти», которая должна вносить вклад в формирование наднациональной политической общности 27 государств-членов. Поэтому главное значение, которое вкладывается в день 9 мая, это празднование начала создания объединённой Европы в виде ЕС.

А. Ассман полагает, что европейская интеграция воплощает «европейскую мечту» и то, как ЕС усвоил четыре урока истории в своём видении будущего и в реализации четырёх проектов. Во-первых, «мирный проект»: вместо милитаризованной экономики – экономическое сообщество. Во-вторых, «демократический проект»: вместо диктатур – установление демократии. В-третьих, диалогическая мемориальная культура: самокритичный взгляд

[4] Europe day 2025. 75 years of unity and cooperation. URL: https://europe-day.europa.eu/index_en

на историю, признающий собственные преступления (холокост), попытка выстраивания диалога между «условно» жертвами и преступниками. Страны Центральной и Восточной Европы добавили к этой повестке расширение нарратива о прошлом как основы европейской интеграции. К памяти об опасностях националистических идей и трагедии холокоста добавились дискуссии о тоталитаризме советского периода. В-четвёртых, защита прав человека: защита беженцев и меньшинств[5].

Таким образом, сравнение «праздничных канонов» показывает различия в коллективной и культурной памяти России и ЕС, в политике памяти, воплощающей официальный нарратив о наиболее значимых событиях и истории как основы формирования национальной идентичности. Важность различия между историей как наукой и исторической политикой и политикой памяти подтверждается теми кардинальными переменами в оценках исторических событий, которые произошли в России в последние 40 лет. Эти изменения не являются окончательными, мы являемся свидетелями новой интерпретации прошлого России, её отношений с другими странами, настоящего и будущего. Схожие процессы происходят в странах ЕС.

История как наука представляет собой постоянный процесс осмысления и переосмысления в силу появления новых знаний, введения в научный оборот источников, начала обсуждения табуированных ранее тем. В таких условиях востребованы сопоставление данных, комплексное изучение событий, сопоставление оценок, использование разнообразных методов работы с материалами. Очевидно, что история как сумма знаний о прошлом не может быть статичной и неизменной.

---

[5] *Ассман А.* Европейская мечта. Переизобретение нации. М.: Новое литературное обозрение, 2022. С. 13.

2. Страновые аспекты

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ ГЕРМАНИИ О ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ: ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ

В.Б. Белов

Память как ресурс идентичности

С 1945 г. Германия оказалась в уникальной и одновременно парадоксальной ситуации. Её национальное самосознание должно было формироваться в условиях безусловного признания вины за преступления нацизма, морального и физического поражения во Второй мировой войне, а также полного внешнеполитического переформатирования. Это означало необходимость соединения трёх процессов: коллективного покаяния, демократического возрождения и внешнеполитической реабилитации в глазах мира.

Культура памяти в Германии (*Erinnerungskultur*) стала не просто обыденным или научным понятием, но, что отличает германский случай, ядром формирования национальной идентичности. В отличие от других стран, где историческая память часто оказывается вытесненной в сферу частной или академической жизни, в ФРГ она была встроена в политическое воспитание: через систему школьного образования, курсы гражданского просвещения, работу Федерального агентства по политическому образованию, партнёрские программы с Церквями, партийно-политическими фондами, профсоюзами, СМИ и даже бизнесом.

Память превратилась в институционализированную норму, в инструмент формирования демократической лояльности и «европейской идентичности». Это был сознательный выбор – противопоставить культуру признания вины прежней идеологической тотальности. Именно через этот выбор Германия обрела во второй

половине XX века ту легитимность, которая позволила ей заново стать частью международного сообщества.

Более того, к началу нового столетия немецкая модель памяти стала экспортируемым ресурсом: Германия учит других «как помнить» – в балканском, восточноевропейском и даже постсоветском контексте. Память превратилась в инструмент «мягкой силы», в том числе во внешнеполитическом дискурсе. Но, как всякий пример для копирования, она оказалась подвержена искажениям, утрате подлинности и излишним упрощениям. Это особенно заметно сегодня – на фоне «войн памяти» в Европе.

Немецкая модель памяти оказалась успешной для ФРГ, но остаётся открытым вопрос: достигла ли она равновесия между феноменами памяти, идентичности и исторической правды?

Этапы формирования культуры памяти в ФРГ (1945–1990)

Начальный период (1945–1955): между забыванием и перезапуском. В первые послевоенные годы историческая память в Западной Германии формировалась не как переосмысление, а как выживание и вытеснение. Акцент был сделан на восстановление, а не на осмысление. Нацистское прошлое – неудобное, недавнее, повседневное – оказалось в «зоне молчания». Однако уже в этот период закладываются важнейшие институты: создаётся упомянутое выше Федеральное агентство по политическому образованию, начинается переформатирование учебников истории, появляются первые курсы гражданского воспитания.

Особое событие – визит канцлера К. Аденауэра в Москву в сентябре 1955 г. Оно имело большое политическое значение: устанавливались дипломатические отношения с СССР и возвращались около десяти тысяч немецких военнопленных, осужденных за военные преступления. Однако в коллективной памяти ФРГ значение этого визита так и не было символически закреплено. В отличие от жертв Холокоста или преступлений вермахта, он остался в сфере частных воспоминаний, но не национального нарратива, превратился в один из примеров раздвоения между историей и памятью.

Институционализация памяти (1955–1969). Во второй половине 1950-х и в 1960-е гг. культура памяти начинает институ-

ционализироваться. С одной стороны, продолжается линия на замалчивание (особенно в отношении участия немцев в функционировании нацистской системы); с другой – появляются первые публичные прорывы молчания, например, суд во Франкфурте по преступлениям в концентрационных лагерях Освенцима (1963–1965), рост интереса к молодёжной протестной культуре, «вопросы отцов». Начинается диалог о вине и ответственности.

Символическое «развёртывание» памяти (1970–1980). Период социально-либеральной коалиции стал временем символических поворотов. Канцлер Вилли Брандт в 1970 г. преклонил колено в Варшаве перед мемориалом жертв гетто – этот акт стал новой опорной точкой культуры памяти. Появился термин «осмысление прошлого» (*Vergangenheitsbewältigung*), происходило публичное признание ответственности. Ключевую роль в визуализации трагедии сыграл фильм «*Holocaust*» (1979). Культура памяти из научной категории переходила в сферу массовой культуры.

Полемизация культуры памяти (1980–1989). В 1980-х гг. происходит известный спор историков (*Historikerstreit*) между Эрнстом Нолте и Юргеном Хабермасом: допустимы ли сравнения Холокоста и ГУЛАГа? Где границы исторической уникальности? Немецкое общество раскалывалось в оценках, что одновременно было свидетельством формирования внутренней зрелости культуры памяти. В этот же период закреплялась парадигма «обучающей демократии» – модель, при которой изучение прошлого становится частью гражданской и моральной социализации. Формируется понятие «ответственная нация», для которой память – не слабость, а принцип.

Национальный дискурс после объединения: от Ассманов до 2025 года. Объединение Германии в 1990 г. открыло новую фазу в истории немецкой памяти. Оно не только объединило два государства, но и поставило вопрос: какую память следует считать национальной? Западногерманская модель, базировавшаяся на покаянии, ответственности и европейской интеграции, быстро стала доминирующей. Память ГДР, построенная на антифашистском мифе, сопротивлении и коллективной мобилизации, оказалась маргинализированной. В культурном смысле память востока страны не была интегрирована – она была поглощена и частично вытеснена, что породило феномен коллективного амнезирования опыта восточногерманского антифашизма (*kollektive Amnesie Ostens)*, который не вписывался в рамки нарратива запада страны.

Сегодня доминирует западногерманская модель политической памяти, во многом выстроенная в диалоге с американской моделью «переобучения» (*reeducation)*. Она сыграла важную роль в демократизации западногерманского общества, но сегодня требует нового осмысления. Известно, что память не может быть монополизирована – она должна быть открытой площадкой для обсуждения, если говорить о демократии всерьёз.

Ключевыми теоретиками «новой памяти» стали Ян и Алейда Ассман – исследователи, предложившие различие между коммуникативной памятью (*communicative memory*), связанной с живыми поколениями, и культурной памятью (*cultural memory*), закрепляемой через символы, ритуалы, институты. В их модели современная Германия всё более ориентируется на институционализированную культурную память, вытесняющую живые, эмоциональные, региональные версии прошлого. Этот процесс не только борьба между «памятью по умолчанию» и «памятью сопротивления», но и столкновение культурной и коммуникативной памяти в обществе, где прежние поколения уходят, а их опыт «оседает» в научно-исследовательских институтах.

2000-е гг. – время мемориального триумфа: в Берлине открывают мемориал Холокоста (2005), увеличивается число музеев, выставок, публикаций. Но вместе с этим усиливается и критика: память становится «профессиональной», отделённой от граждан, лишённой эмпатии. Появляются такие термины, как «индустрия памяти» (*Gedächtnisindustrie*), «государственные ритуалы» (*Staatsrituale*). К 2020-м гг. доминирующей становилась тенденция универсализации памяти: акцент на Холокост как общемировое зло, расширение этой темы до других геноцидов, насилий, травм. В результате усиливался глобальный моральный вес Германии, но одновременно размывалась её национальная специфика. Росло напряжение между космополитической и национальной памятью.

После 2014 г., и особенно после 2022-го, российский фактор стал не просто раздражителем для германских властей и политического истэблишмента, а полемическим пространством. Память о Второй мировой войне всё чаще использовалась как инструмент внешнеполитического позиционирования: с одной стороны – осуждение сталинизма, с другой – формирование новой линии солидарности с антироссийской Украиной.

К 2025 г. немецкая память о Второй мировой становится канонизированным, институциональным комплексом, не всегда связанным с «живой идентичностью» граждан. Мемориальная насыщенность парадоксальным образом сосуществует с нарастающим отчуждением: молодёжь знает о прошлом, но не соотносит его с собой. Парадокс – чем больше усилий к сохранению памяти, тем меньше эффект сопричастности.

Именно в этом контексте возникает критический вопрос: насколько память, ставшая нормой, может оставаться фактором идентичности, а не просто институциональной инерцией?

Современное состояние (2020–2025): вызовы, кризисы и перекосы. Сегодняшнее состояние исторической памяти в Германии характеризуется одновременно зрелостью и кризисом. С одной стороны, память о нацизме, Холокосте и Второй мировой войне остаётся центральной осью немецкой идентичности. С другой – в ней всё более явно проявляются инерция, политизация и односторонность.

Во-первых, усиливается тенденция к тотальному мемориальному присутствию: музеи, памятники, образовательные курсы, документальные проекты, дни памяти. Всё это создаёт впечатление гипертрофированного внимания к прошлому. Однако исследователи отмечают: формальная насыщенность не означает внутренней включенности. Возникает эффект «воспитательного утомления» (*Erinnerungsmüdigkeit*), особенно у молодого поколения.

Во-вторых, в фокус памяти всё чаще попадает не сам опыт войны, а моральная интерпретация в свете текущей политики. Победа над нацизмом преподносится как доказательство правоты либеральной демократии. Эта логика хорошо работает на международной арене в среде коллективного Запада, но внутри ФРГ она вызывает отчуждение тех, чьи семейные истории не укладываются в предлагаемый канон, особенно на востоке Германии.

В-третьих, память становится инструментом моральной селекции геополитических партнёров. Россия в этом контексте почти полностью утрачивает статус союзника во Второй мировой – вместо этого акцент смещается на «сталинские преступления», «вторую оккупацию» и «новые угрозы». Украина, напротив, занимает центральное место в новой нарративной структуре: выстраивается прямая историческая линия от трагедии Бабьего Яра к пропагандистскому проекту «Буча».

В-четвёртых, память становится средством «исключения», а не «включения». То, что начиналось как попытка превратить вину в ресурс диалога, превращается в инструмент нормативного осуждения. В этом проявляется опасный сдвиг: от культуры покаяния к обвинительной культуре.

К 80-летию окончания Второй мировой войны Германия подошла с мощной институциональной архитектурой памяти – и с заметной потерей гуманистического импульса. В официальных церемониях не оставлено места для «общих воспоминаний» с Россией. Мемориальное пространство заполнено, но пусто в содержательном смысле: оно лишено совместного опыта, общего языка терминов, признаков эмпатии. Память перестаёт служить мостом между народами и превращается в стену.

Возникает ещё один вопрос: каким образом историческая память в Германии – в её сложности и противоречивости – влияет на её сегодняшнюю идентичность, на её политическое поведение, на партийный ландшафт, на хозяйственный, социально-экономический, культурно-исторический штандорт, который мы внимательно изучаем?

Российский фактор: вытеснение, инструментализация, конфликт

Роль России в немецком мемориальном пространстве претерпела кардинальные изменения. Если в 1990-е – начале 2000-х гг. Советский Союз / Россия сохраняли статус ключевого союзника в победе над нацизмом, то к 2020-м гг. произошло постепенное и системное вытеснение российской составляющей из публичной культуры памяти.

Этот процесс шёл по нескольким направлениям.

Во-первых, редукция образа СССР до «сталинизма» и «второй оккупации». Победы Красной армии, вклад восточного фронта, судьбы советских солдат постепенно исчезали из школьных программ и публичных выступлений политиков. На смену приходил одномерный нарратив, в котором Советский Союз предстаёт как освободитель, сразу же ставший угнетателем.

Во-вторых, инструментализация украинского опыта. С 2014 г. и в усиленном виде после 2022 г. в немецкой политике памяти формируется линия на перенос морального центра памяти на Укра-

ину. Происходит преступное искажение: от жертв Голодомора и Бабьего Яра немецкие пропагандисты выстраивают мост к «жертвам Бучи и Мариуполя». Таким образом, создаётся историческая «мостовая», по которой современная политика проникает в мемориальное пространство. Россия в этой порочной логике – «не партнёр», а угроза самой возможности «честной памяти».

В-третьих, прекращение контактов и мемориального диалога. Программы двустороннего мемориального обмена свёрнуты. Посещения мемориалов совместно с российскими делегациями прекращены. Образ России исчезает с мемориальных мероприятий, посвящённых освобождению концлагерей, битвам восточного фронта. Это не просто дефицит дипломатии – это «отмена» на уровне памяти.

В-четвёртых, возникновение зеркального конфликта памяти. Россия закономерно воспринимает происходящее как попытку переписать историю и снизить оценку её вклад в победу над Третьим рейхом. Ответом становятся российские мемориальные инициативы, в том числе направленные на западную фальсификацию истории.

Следует констатировать, что немецко-российская культура памяти, формировавшаяся более полувека, под воздействием новых политических установок практически полностью разрушена. На месте диалога возникает взаимное непонимание, подкреплённое институциональными разрывами и медийными искажениями.

Идентичность через память или через её дефицит?

Немецкая модель исторической памяти – уникальное явление. В своё время она позволила стране после катастрофы нацизма не просто реабилитировать себя в глазах мира, но и стать одним из лидеров «памятующего человечества». Германия построила не только институты демократии, но и институты памяти, что было не менее важно.

Однако сегодня немецкая модель культуры памяти находится в двусмысленном состоянии. С одной стороны – наличие всех признаков зрелости: массовость, институциональность, международное признание в определённой части мира. С другой – всё заметнее проявления мемориальной инерции, поли-

тизации и утраты способности к эмпатии. Россия, некогда одна из ключевых опор памяти о Второй мировой войне в германском публичном дискурсе, превращается усилиями немецкого истеблишмента в объект вытеснения. Это не только результат политического конфликта – это следствие системной эрозии способности немецкого государства к диалогу о сложных моментах в истории.

Историческая память, став основой немецкой идентичности, сегодня балансирует между функцией политической морали, разделяя мир на «своих» и «чужих», и функцией гуманитарного диалога. Последняя всё больше усиливается, ставя под угрозу остатки легитимности Германия как «мемориальной нации». Стремление Берлина в год 80-летия Победы отказаться от сформированных десятилетиями объединяющих исторических максим – и есть главный симптом кризиса исторической памяти современной Германии.

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В ФРГ: НАСЛЕДИЕ, ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ И КОНСТРУИРОВАНИЕ УГРОЗ

А.В. Котов

В Западной Германии рождение политики памяти связывалось с катастрофическими последствиями Второй мировой войны (оккупация и раздел страны). Поворотным моментом в политике памяти стала речь федерального президента Рихарда фон Вайцзеккера 8 мая 1985 г. После присоединения ГДР и радикальной геополитической трансформации Европы культуру памяти ФРГ характеризуют четыре основные проблемы.

Во-первых, акцент на формировании отношения к последним дням войны через призму страха гражданского населения перед наступающими советскими войсками. Регулярно в прессе вспоминается «демминский инцидент», когда сотни мирных жителей, преимущественно женщины и дети, якобы покончили с собой перед наступающей Красной армией. В немецкой историографии этот случай долгое время оставался маргинализированным. Сейчас его освещение приобретает более широкий масштаб как изучение коллективной травмы простых немцев, оказавшихся один на один перед советским фронтом. В основном эти события рассматриваются как результат сложного переплетения страха, стыда и нацистской пропаганды, внушавшей ужас перед «большевистскими ордами»[1].

«Демминский инцидент» стоит особняком, потому что он не вписывается ни в нарратив «жертв нацизма», ни в концепцию «коллективной вины». Подача в прессе роднит его с описанием «убийства в Неммерсдорфе», которое было использовано нацистской пропагандой, чтобы возбудить у людей страх перед советскими войсками. С высокой долей вероятности есть потенциал

[1] Tag der Befreiung: “Kind, versprich mir, dass du dich erschießt...” lesering.de. 09.05.2022. URL https://www.lesering.de/id/4905895/Tag-der-Befreiung-Kind-versprich-mir-dass-du-dich-erschiesst/ (дата обращения: 15.06.2025).

включения этого события в часть национального мемориального канона, как, например, английские бомбардировки Дрездена.

Во-вторых, отношение коллективной национальной памяти к массовому бегству и изгнанию немецких общин из стран Юго-Восточной и Восточной Европы после Второй мировой войны. Ассоциации изгнанных и их сторонники стремились представить депортации как неоправданное коллективное наказание. Зачастую игнорировалась роль местных немцев в поддержке нацистской политики, включая вербовку в Ваффен-СС и участие в оккупационных администрациях. Немецкая культура памяти до сих пор не выработала сбалансированного подхода к этой теме. В ФРГ изгнание немцев в основном рассматривается через призму травмы всей страны после поражения, что искривляет осмысление связей между нацистской политикой и послевоенными депортациями.

В-третьих, глубокая поляризация в политике памяти сохраняется в западной и восточной части страны. Если в ГДР доминировал подход, сводивший нацизм к прямому «продукту» монополистического капитала и представлявший войну как борьбу, завершившуюся в мае 1945 г. победой социализма, то в ФРГ, напротив, память о войне пронизана ощущением «жизни после катастрофы». После объединения Германии в 1990 г. сосуществование и столкновение двух противоречивых трактовок продолжает воспроизводиться в новых поколениях. Осмысление нацистского прошлого играет менее значимую роль в самоидентификации молодых восточных немцев по сравнению с западными, для которых оно стало негативной системой координат. Восточные немцы, воспитанные в парадигме антифашистского государства, до сих пор нередко воспринимают эту тему как навязанную извне.

В-четвёртых, следует отметить тенденцию закрепления дискурса не «виновника», а «жертвы» войны. После 1945 г. в Западной Германии произошёл фундаментальный пересмотр военной памяти: традиционные героические нарративы, унаследованные от монархической и Веймарской эпох, уступили место культуре поминовения жертв. Это позволило немцам интерпретировать себя как пассивных страдальцев, оказавшихся жертвами как нацистского режима, так и действий союзников. Единственным исключением стало воспоминание сопротивления Гитлеру группы полковника К. фон Штауффенберга. Официальная памятная дата – День национального траура (учреждён в 1950 г.) – подчёркивает не вину, а «глубочайшее унижение» и «беспрецедентные страда-

ния» немцев. Хотя акцент на страдании отражает реальный травматический опыт, он же способствует вытеснению ответственности за преступления нацизма.

Современные коллизии политики памяти проявляются во время знаковых дискуссий. Например, должно ли 8 мая стать государственным праздником? Эта дата, как подчёркивала выжившая в Освенциме Эстер Бежарано в своём открытом письме 2020 г., символизирует освобождение от нацистского режима[2]. Временное признание 8 мая государственным праздником в Берлине в 2020 г. (в связи с 75-летием) стало скорее исключением, чем правилом. Неоднозначность в обсуждении этой темы отражает политические вызовы для современной Германии в связи с ускоренной милитаризацией и продолжением помощи киевскому режиму.

Правительство канцлера О. Шольца в своё время демонстрировало определённую осторожность. Значительная часть общества, судя по опросам и публичным дебатам, также выражала сомнения в целесообразности поставок Киеву тяжёлого вооружения. Эти настроения подкреплялись опасениями эскалации конфликта, а также более фундаментальным вопросом: допустимо ли для Германии, с её историческим бременем, активно участвовать в военном конфликте с участием России?

После прихода к власти правительства Ф. Мерца в дискуссиях о поддержке Украины также звучат отсылки к прошлому. Причём они варьируются от пацифистских призывов избегать любого участия в войне (как у части представителей СДПГ) до утверждений о моральном долге противостояния (К. фон Донаньи). Этому способствовал мощный пропагандистский украиноязычный дискурс в результате волны беженцев в 2022 г.

В нынешнее время немецкая культура памяти, основанная на принципе «никогда больше войны», рискует трансформироваться в военизированную истерию. Показательно заявление баварского министра здравоохранения Ю. Герлах (ХСС), указавшей на необходимость экстренных мер на случай войны, включая мобилизацию медперсонала и пересмотр медицинских стандартов[3]. Хотя

---

[2] *Sabrow M.* Der 8. Mai – ein deutscher Feiertag? Bpb.de. 08.05.2025. URL: https://www.bpb.de/themen/deutschlandarchiv/308182/der-8-mai-ein-deutscher-feiertag/ (дата обращения: 15.06.2025).

[3] Gerlach: Gesundheitssystem auf Kriegsfall vorbereiten. bibliomed-pflege.de. 18.03.2025. URL: https://www.bibliomed-pflege.de/news/gerlach-gesundheitssystem-auf-kriegsfall-vorbereiten (дата обращения: 15.06.2025).

подобные инициативы формально направлены на повышение мобилизационной готовности, их публичное обсуждение явно порождает рост социальной тревожности. Формируется атмосфера чрезвычайщины, что играет на руку представителям военно-промышленного комплекса Германии.

Наиболее ярко инструментализация исторической памяти в милитаризации общественного сознания ФРГ проявилась в риторике Й. Шпана (ХДС). Практически в духе Й. Геббельса он гиперболизирует образ «угрозы с востока», предупреждая о «русском, стоящем у двери»[4]. Подобными высказываниями, взывающими к коллективной памяти о конце Второй мировой войны в Европе, этот деятель создал опасный прецедент, оправдывая рост военных расходов и отказ от фискальной дисциплины («долгового тормоза») необходимостью противостоять России. Однако его аргументация пронизана манипуляцией. Она не только игнорирует многослойность современного украинского конфликта, но и создаёт атмосферу насаждённого консенсуса, где любой несогласный с нарративом «осаждённой крепости» может быть приравнен к пораженцу. Это отражает тревожные тенденции в нынешней ФРГ, когда фактически исключаются альтернативные мнения и возвращаются пропагандистские приёмы, которые немецкое общество, казалось бы, отвергло вместе с нацистским прошлым.

В современной Германии вместо дипломатических усилий по урегулированию подобные заявления культивируют образ неизбежной большой войны. Это формирует основную проблему культуры исторической памяти в ФРГ: действительно ли она основана на принципах гуманизма и критической рефлексии, и удастся ли избежать немцам повторения ужасных ошибок и преступлений прошлого?

---

[4] *Gumbrecht B.* Neue Klänge aus der Union: Spahn lobt Habeck und warnt vor dem “Russen vor der Tür”. Merkur.de. 13.03.2025. URL: https://www.merkur.de/politik/neue-klaenge-aus-der-union-spahn-lobt-habeck-und-warnt-vor-dem-russen-vor-der-tuer-zr-93622336.html (дата обращения: 15.06.2025).

ТПП ГЕРМАНИИ И ПАМЯТЬ О ВОЙНЕ: ОЦЕНКИ ПРОШЛОГО И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ

А.К. Иванова

Мало изученная тема – трансформация самовосприятия торгово-промышленных палат (ТПП) Германии в условиях нацистского режима. Задача заключается не столько в исследовании тех или иных исторических обстоятельств, сколько в выявлении подходов ТПП к теме исторической ответственности и их институциональной позиции. В этой связи важно рассмотреть «официальную» историю ряда региональных палат с точки зрения их самопрезентации и оценить их собственное восприятие периода 1930-х – 1950-х гг.

До 1933 г. палаты представляли собой важный элемент экономического самоуправления. Основная деятельность опиралась на принципы представительства и независимости интересов предпринимателей, сформировавшиеся ещё во времена кайзеровской и Веймарской эпох. В данный период прослеживается активная институционализация бизнес-союзов, к которым относились не только ТПП, но картели и профессиональные объединения. Эти структуры оказывали влияние на политические процессы, в частности в годы Первой мировой войны и веймарского экономического кризиса.

С приходом к власти национал-социалистов произошли радикальные перемены. Исторический фон и условия деятельности ТПП претерпели большие изменения. Уже с 1934 г. палаты интегрировались в централизованную экономическую систему Третьего рейха, утратив принципы самоуправления. Они были включены в иерархическую структуру «Гаупалат» (*Gauwirtschaftskammern*), подчинённые Рейхсминистерству экономики, что сопровождалось идеологической унификацией и административным контролем[1]. Вместе с тем в ряде региональных палат сохранялась кадро-

[1] *Иванова А.К.* Корпоративная традиция в формировании функциональной поддержки ВЭД ФРГ / А.К. Иванова // МЭиМО. 2019. № 11. С. 95–106. URL:https://

вая преемственность, обеспечивавшая ограниченную автономию в технических и консультативных функциях. Роль палат в экономике Третьего рейха была значительной – они выступали не только в качестве посредников между государством и бизнесом, но и инструментом реализации экономической и идеологической политики нацистского режима.

Современные бизнес-ассоциации сталкиваются с необходимостью осмысления своего исторического прошлого. Работа с восприятием истории в экономических структурах Германии, включая ТПП, является неизбежным моментом самопрезентации в широком контексте их существования. Подобные процессы не являются единообразными: федеральная система Германии, автономия региональных палат и различия в общественных оценках обусловливают наличие разнообразных стратегий и риторических практик.

Германские ТПП применяют три основных подхода в отношении своей истории, связанной с нацистским периодом. Первый – «исключение себя из исторического периода» – подразумевает отрицание причастности к деятельности конкретной палаты в момент управления ею сотрудниками, связанными с НСДАП. В ряде палат (например Берлин, Нюрнберг, Бремен) представление о нацистском периоде ограничено аргументом о невозможности влиять на принимаемые решения. Встречается как эмоциональное, так и сухое описание такого процесса «исключения», но события самого периода не затрагиваются.

Второй подход – «признание с объяснением причин», когда палаты подробно объясняют те или иные действия, связанные с участием в реализации политики НСДАП. В частности, указывается, что их руководство находилось под давлением и не имело доступа к процессу принятия решений. Некоторые палаты (например, Дюссельдорфа) признают факт давления и утраты самоуправления, подчёркивают внешнее принуждение и административный контроль. Часто в таких текстах упоминается, что палаты «продолжали выполнять свою работу» в условиях жёстких ограничений, сохраняли технические функции и старались минимизировать последствия.

Этот подход демонстрирует институциональную привязку к экономической функции, но дистанцирует палату от полити-

---

www.imemo.ru/index.php?page_id=1248&file=https://www.imemo.ru/files/File/magazines/meimo/11_2019/07-IVANOVA.pdf (дата обращения: 19.06.2025).

ческой ответственности. Имеет место риторика об «институциональной выживаемости», нередко используемая без дальнейшей рефлексии. Наиболее активную позицию занимает Гамбургская палата, которая не только признает участие в институтах нацистского режима, но и поддерживает процесс исторического осмысления. В 2019 г. учреждена Комиссия по исторической ответственности, подготовлены публикации, в том числе с привлечением независимых историков, запущен публичный проект о деятельности палаты в эпоху Третьего рейха. Применяемый подход показывает возможности работы ТПП с историческим прошлым, способствует формированию ответственной корпоративной памяти.

Третий подход – «нейтралитет / отсутствие позиции» (например, ТПП Баварии, Ашаффенбурга), который подразумевает сухое перечисление событий, связанных с изменением порядка подчинения и статуса палаты. Акцент сделан на административных изменениях, например, упразднении выборности, включении палат в централизованную структуру, смене наименований и подчинённости Рейхсминистерству экономики. При этом избегается оценочная терминология, не затрагиваются вопросы участия палаты в деятельности нацистского режима, не используют язык вины и ответственности. Цель таких текстов – зафиксировать факт изменений. В результате память о Третьем рейхе оказывается нейтрализованной и изъятой из морального дискурса.

Образы прошлого, формируемые ТПП, становятся частью истории той или иной организации. В ней соседствуют память, принятие или непринятие ответственности, стремление тем или иным способом создать себе позитивный образ. Эти попытки институционального осмысления прошлого отражают более широкий процесс встраивания экономических структур в поле публичной исторической памяти и политической культуры постнацистской Германии.

Три представленных подхода демонстрируют, что институциональная память ТПП остаётся неоднородной. Различия отражают сложные процессы, происходящие в немецком обществе и экономических институтах, борьбу за интерпретацию собственной истории. Палаты стремятся подчеркнуть преемственность, стабильность и вклад в развитие экономики страны. Одновременно и 80 лет спустя они вынуждены реагировать на события времён Третьего рейха и на запросы современной политики Германии.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И ЗАБВЕНИЕ: КРУПНЫЙ КАПИТАЛ ГЕРМАНИИ МЕЖДУ НАЦИЗМОМ И СОЦИАЛЬНОЙ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКОЙ

В.Б. Белов

Историческая память ФРГ о роли германского капитала в становлении и функционировании нацистского режима остаётся чувствительной и обойдённой вниманием темой. Политическая и военная ответственность Германии осмыслена сравнительно глубоко и системно, в то время как вклад крупнейших немецких концернов в институционализацию и материальное подкрепление тоталитарной диктатуры воспринимается как вопрос, вызывающий институциональный и моральный дискомфорт. Особенно это касается участия бизнеса в финансировании *NSDAP*, использовании принудительного труда и вовлечении в экономику уничтожения.

Несмотря на десятилетия архивных изысканий, академических публикаций и отдельных мемориальных инициатив, корпоративная ответственность продолжает оставаться «неудобной» темой, вытесняемой на периферию как публичного, так и исследовательского дискурса. Однако в условиях актуальной милитаризации современного немецкого хозяйственного пространства (экономического штандорта), политической переоценки стратегических активов и возвращения «старых имён» в военно-промышленном комплексе, вопрос о том, сделаны ли из прошлого необходимые выводы, вновь становится насущным и принципиальным.

Уже на рубеже 1920-х – 1930-х гг. значительная часть немецкого капитала воспринимала *NSDAP* не как экстремистскую силу, а как надёжный инструмент восстановления порядка и ограничения социалистического влияния. Встреча 20 февраля 1933 г. в рейхсканцелярии, на которой Гитлер и Геринг заручились поддержкой банковских и промышленных элит, положила начало системному альянсу бизнеса и власти. Собранные в ходе этой кампании более

трёх миллионов рейхсмарок сыграли ключевую роль в укреплении позиций нацистов перед выборами. С этого момента начинается системное сотрудничество: слияние политических целей и экономических интересов, разработка программ милитаризации, структурное встраивание частного сектора в машину диктатуры. Фактически немецкий капитал сыграл решающую роль в легитимации и институционализации нацистской власти, обеспечив режиму как материальные ресурсы, так и символическую поддержку нацизма.

Вскоре крупнейшие концерны – *Krupp, IG Farben, Siemens, Porsche, Rheinmetall, Hoesch, Flick AG* и другие – стали частью репрессивной инфраструктуры: они формально сохраняли частный статус, но объективно обслуживали цели милитаризации, агрессии и внутренней репрессии. Их производственные мощности, научно-исследовательские подразделения и логистические ресурсы были интегрированы в механизмы подготовки и ведения тотальной войны.

С приходом Гитлера к власти промышленность стала не просто обслуживающим элементом военной экономики – она превратилась в стержневую опору нацистского государства. Упомянутые концерны не только массово получали госзаказы, но и использовали миллионы принудительно мобилизованных работников – остарбайтеров, пленных, заключённых концлагерей. Принудительный труд стал системным и прибыльным элементом бизнес-моделей. *IG Farben* построил гигантский промышленный комплекс вблизи Освенцима (концлагеря Аушвиц 1–3, где смертность исчислялась тысячами). *Siemens* поставлял оборудование для лагерей смерти, а *IG Farbenindustrie* (наследники – нынешние *BASF* и *Bayer*) участвовала в производстве компонентов для ядовитых газов, использовавшихся для массовых убийств. Эти компании не просто адаптировались к режиму – они стали его органической и функциональной частью. Их технологические и производственные достижения служили логике истребления. Встраивание бизнеса в логику «экономики уничтожения» демонстрирует не столько принуждение, сколько активное соучастие. Экономическая эффективность была достигнута ценой жизни и страданий миллионов.

После краха Третьего рейха денацификация затронула и бизнес-элиту. Но Нюрнбергские процессы над промышленниками, включая дела *IG Farben*, Круппа и *Flick AG*, завершились мягкими

приговорами. Уже к началу 1950-х гг. многие осужденные вернулись к руководству своими корпорациями. Это объяснялось не только политическим прагматизмом, но и геополитическими соображениями: США и Великобритания рассчитывали на быстрое индустриальное возрождение Западной Германии как экономического и политического противовеса СССР. В то же время в ГДР путь был иным: национализация, устранение буржуазии, стирание капиталистических брендов – но и там без анализа конкретных форм корпоративной ответственности. Таким образом, с обеих сторон германской границы воспоминание о нацистской экономике было подчинено идеологическим и стратегическим целям. Моральный вопрос участия бизнеса в преступлениях Третьего рейха оказался подменен идеологическими приоритетами. Наступила долгая фаза коллективной амнезии, на протяжении которой молчание стало удобной нормой.

В 1950-е – 1970-е гг. в ФРГ доминировал нарратив «экономического чуда», в котором фигуры предпринимателей с нацистским прошлым романтизировались как «спасители и создатели» немецкого рыночного хозяйства. Промышленники, связанные с нацизмом, становились героями восстановления: Крупп возглавил свой концерн, Абс – *Deutsche Bank*, Флик расширил империю. Мемориальные практики практически отсутствовали. Только в 1990-е гг. появились первые прецеденты корпоративной рефлексии, а до этого исключением стал только *Volkswagen* – компания инициировала исторические исследования, открыла Центр памяти, участвовала в учреждении Фонда *EVZ*. Другие концерны, такие как *Siemens, BMW, MTU, MAN, Daimler, BASF, Bayer*, ограничились формальными заявлениями или закрытыми корпоративными докладами. Публичная память по-прежнему редуцирована и институционально не закреплена, существует в изолированной, институционально неосвоенной форме.

Примечательно, что и в других странах, например, во Франции и Нидерландах, аналогичные проблемы корпоративной вины в годы Второй мировой войны долгое время игнорировались. Но с начала XXI века они стали предметом не только академического, но и правового интереса. Французская государственная железная дорога признала своё участие в депортации евреев, нидерландские банки провели независимые аудиты архивов, сопровождавшиеся публичными извинениями. В Германии же, несмотря на масштаб вовлеченности, подобные акты ответствен-

ности оставались эпизодичными. Публичный образ «ответственного бизнеса» выстраивался без глубокой институциональной памяти, а корпоративный нарратив о прошлом строился как история выживания и технологического успеха, а не соучастия.

В 2020-е гг. на фоне новой милитаризации германского штандорта наблюдается возвращение старых брендов на лидирующие позиции в ВПК. *Rheinmetall* – прямой наследник нацистского поставщика вооружений – строит завод на Украине при поддержке правительства ФРГ. Символизм этого решения требует жёстких оценок: впервые со времён Второй мировой войны немецкий военный концерн развёртывает производство на территории бывшего СССР. Это первый подобный прецедент с 1945 года.

Параллельно компании с документированным участием в преступлениях нацизма сохраняют молчание или продолжают дистанцироваться от прошлого. Возникает парадокс: формально демократическое государство содействует реинкарнации стратегической функции тех самых концернов, которые в 1930-е – 1940-х гг. обеспечивали военную машину Третьего рейха. Без должной исторической рефлексии такой процесс грозит подменой ответственности внешним успехом и технологической экспансией. Возвращение исторических структур, имён и символов в политическую экономику современной Германии нуждается в переосмыслении: может ли нация, не завершившая диалог с прошлым, безопасно двигаться в будущее?

К 80-летию Победы, в апреле–мае 2025 г., 49 ведущих немецких компаний (*BASF, Bayer, Bosch, Deutsche Bank, Lufthansa, RWE, Siemens* и др.) подписали открытое письмо, опубликованное в ведущих изданиях. В этом заявлении утверждалось, что установление нацистского режима было бы невозможно без участия экономических элит. Подписанты выразили готовность «нести бремя памяти», «противостоять антисемитизму, исключению и вражде»[1]. Это стало крупнейшим актом символического признания ответственности. Однако письмо не содержало ни обещаний компенсаций, ни планов мемориальных инициатив, ни указаний на внутренние аудиты. Пока такой шаг выглядел как акт морали, но не

[1] “Auf ihren eigenen Vorteil bedacht”. FAZ. 07.05.2025. URL: https://www.faz.net/aktuell/politik/inland/erklaerung-deutscher-unternehmen-zum-8-mai-110461432.html; Немецкий бизнес признал ответственность за поддержку нацистов в 1930-е годы. Ведомости. 07.05.2025. URL: https://www.vedomosti.ru/politics/news/2025/05/07/1109028-nemetskii-biznes-priznal

конкретных дел. В условиях новой милитаризации возникает риск повторения ритуалов покаяния без последствий.

Память – не просто риторика, это категория устойчивости. В логике современной *ESG*-повестки, этика, социальная ответственность и корпоративное управление должны быть дополнены мемориальной компонентой. Компании, действующие глобально, не могут игнорировать собственную историю. Международное восприятие брендов всё чаще включает не только текущие стандарты, но и отношение к прошлому. Историческая честность становится частью геоэтики.

Ответственность капитала – это не только юридическая, но и нравственная категория. Молчание – форма участия, а забвение – форма продолжения. Память – не алиби, а зеркало. Перед корпоративной Германией стоит выбор: либо декларации, либо подлинная работа с историей. Только в случае реальных мер – от публичных отчётов до образовательных программ – бизнес сможет быть не только экономическим актором, но и нравственным субъектом современности.

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ ФРАНЦИИ. ОТ КОНФЛИКТОВ ПАМЯТИ К КОНФЛИКТАМ МИФОВ И ФАКТОВ

Е.А. Нарочницкая

В современном мире представления о Второй мировой войне превратились в одну из самых политизированных сфер исторического сознания. Для Франции острые конфликты памяти и политическая заданность посвящённых этой войне нарративов были характерны изначально. Французское прочтение крупнейшего конфликта XX в. имеет существенную специфику, что связано прежде всего с принципиальной неоднозначностью места в нем самой Франции и её исторического опыта в этот судьбоносный для человечества период.

Война с Третьим рейхом вылилась для французов в одну из самых болезненных травм в их истории, причём травму множественную: молниеносный разгром вековым врагом, унизительная капитуляция и оккупация, вишизм и коллаборация, открытый внутренний раскол по многим линиям...

Тем не менее, благодаря «Сражающейся Франции» во главе с Ш. де Голлем, наличию колоний, дипломатической конъюнктуре и поддержке СССР, страна на исходе войны была включена в клуб держав-победительниц. На соответствующих привилегиях – постоянное членство в СБ ООН, обладание особыми правами и обязанностями в отношении Германии – в немалой мере зиждился её неординарный статус в послевоенной системе международных отношений. И всё же из войны Франция вышла заметно ослабленной. Основы Ялтинско-Потсдамского порядка закладывались без участия её представителей, что во многом объясняет устойчивую французскую традицию критиковать «Ялту».

В плане жертв и разрушений войну 1939–1945 гг. в коллективной памяти французов (как и британцев) заслоняет Первая мировая война, в которой они понесли несравненно большие людские

потери и мемориалы которой служат главным местом коммеморации сражавшихся в обоих мировых конфликтах. Глубокий след оставила во французском обществе и расколовшая его Алжирская война. Не только для алжирцев, но и для части французов дата 8 мая 1945 г. символизирует начало Алжирского восстания и его жестокого подавления в не меньшей мере, чем победу союзников над Третьим рейхом.

К особенностям Пятой республики относится прямая роль политической власти в конструировании исторической памяти. Вслед за де Голлем все французские президенты лично задавали акценты дискурса о Второй мировой войне. Франция (наряду с Германией) стояла у истоков тренда к законодательному управлению историческими трактовками, а сама серия французских «законов памяти» началась с введения уголовной ответственности за отрицание Холокоста.

За 80 лет эволюция репрезентации Второй мировой войны прошла разные стадии. В первые послевоенные десятилетия, особенно в голлистский период, политика памяти концентрировалась вокруг «Сражающейся Франции» и Сопротивления. Главным актом ежегодной коммеморации войны с 1960 г. стала церемония на Мон-Валерьян 18 июня, в дату воззвания де Голля о продолжении борьбы, а не празднование капитуляции Германии, которое было сочтено слишком «международным» и нивелирующим французский вклад в победу.

Вишистское государство было выведено за рамки национальной истории как «нелегитимное и недействительное». Эта юридическая характеристика, на которой всегда настаивал де Голль, имела политическую природу и (в условиях того времени) политическое оправдание, но с историческими фактами согласовалась плохо. Режим Виши не был навязан французам извне, у него имелись национальные корни, а также основные признаки легитимности: легальная процедура конституирования (за передачу власти маршалу Петену проголосовало подавляющее большинство парламентариев Третьей Республики) и общественная поддержка как минимум до конца 1943 г.

С завершением фазы чисток, сведения счетов и судов над наиболее известными коллаборантами тема коллаборации и вишизма быстро ушла из общественного дискурса, вытесняемая и без того бурной повесткой Четвёртой республики. В 1950-е гг. к генеральной линии забвения вишизма добавился примиряющий обертон

полуоправдания. Референтной опорой для него стала 700-страничная монография Р. Арона, где проводилась идея двойственной сущности режима Виши, а его сторонники делились на отдельных союзников нацистов вроде П. Лаваля и остальных, кто вместе с Ф. Петеном видел в соглашении с Гитлером временный «щит» для спасения французской нации.

Однако в качестве лейтмотива как минимум до 1970-х гг., особенно после возвращения к власти де Голля, звучали нарративы о французском вкладе в победу над гитлеризмом. Это отвечало не только партийным интересам ведущих политических сил того времени – голлистов и коммунистов, но и таким общим задачам, как преодоление травмы 1940 г., консолидация общества и деголлевская «дипломатия величия». Вариации героического дискурса различались своим идеологическим измерением. В левой среде славили партизанское подполье, где было много коммунистов и социалистов, и напоминали о решающей роли СССР. Голлистская же трактовка, помимо акцента на «Свободной Франции» с её лидером, культивировала более широкий коллективный образ военно-патриотического сопротивления французской нации.

Под влиянием двух этих нарративов и на фоне табуирования темы вишизма складывался «сопротивленческий» миф, выдававший часть неоднозначной реальности за всю реальность.

После ухода де Голля, по мере дрейфа Франции к евроатлантизму и постмодернистской парадигме, на первый план выдвигались иные политические задачи. Прежде всего – франко-германское сближение как условие углубления наднациональной евроинтеграции и архаизация патриотических ценностей. В 1975 г. В. Жискар д'Эстен, торопясь открыть «новую эру» в европейском строительстве, шокировал французов, символично заменив с 1976 г. празднование 8 мая новым праздником – Днём Европы и молодёжи 9 мая. Учитывая стойкую негативную реакцию на это решение, которое многие местные сообщества упорно игнорировали, следующий президент социалист Ф. Миттеран, не отменяя Дня Европы, восстановил в 1981 г. празднование победы во Второй мировой войне. Более того, он впервые сделал 8 мая выходным днём, подчёркивая тем самым роль левых сил как в поражении нацизма, так и в сохранении исторической памяти об этом событии.

С тех пор (и вплоть до недавней инициативы премьера Ф. Байру) ни одна власть не ставила под вопрос праздничный

статус 8 мая, как и классический формат мероприятий. Однако идейно-политическое наполнение коммеморации Второй мировой войны и памяти о ней серьёзно трансформировалось.

В последней четверти XX – начале XXI столетия ведущими тенденциями стали перенос фокуса на трагедию Холокоста и переоценка вишистского режима в связи с его соучастием в репрессиях против евреев. Этот процесс вписывался в общую для пространства ЕС трансформацию образа Второй мировой войны в русле так называемой виктимизации памяти, призванной заложить основу для постнациональной европейской идентичности. Во Франции он происходил «снизу», на разных уровнях гражданского общества, и не мог не быть особо болезненным, сопровождаясь публичными всплесками острой полемики.

На официальном уровне поворот к теме Холокоста наступил в 1990-х гг. Был принят закон Гейссо, введён национальный День коммеморации расистских и антисемитских преследований, создана комиссия по возмещению материального ущерба их жертвам, проведены очные судебные процессы над П. Тувье и М. Папоном, организаторами депортаций в лагеря смерти. Особой вехой стало заявление президента Ж. Ширака, который в 1995 г. официально признал, что ответственность за соучастие в преступлениях нацистов против человечности лежит не только на режиме Виши, но и на Франции как таковой, и призвал французов к покаянию. Это резонансное событие сыграло свою роль в дискредитации не только петенизма, но и симпатизировавших ему «новых правых». Одновременно демарш Ж. Ширака создал новую линию напряжения в конфликтах памяти. Многие французы, не приемлющие петенизм, но воспитанные в духе голлистской парадигмы (продолженной и Миттераном), сочли его заявление 1995 г. неприемлемой крайностью.

Следующий глава государства Н. Саркози поспешил откреститься от позиции предшественника в вопросе покаяния и, подчёркивая виновность вишистов, отказался переносить её на всю Францию, тем более на Французскую Республику. Параллельно центр тяжести исторической политики вновь сместился к сопротивленческому нарративу. При этом прямые предписания Саркози в этой области в адрес образовательных учреждений в свою очередь вызвали противоречивую реакцию в обществе, включая острую критику.

С президентства Н. Саркози, на наш взгляд, следует отсчитывать текущий макроэтап политики памяти о месте Франции во Второй мировой войне, поскольку при всех нюансах стиля и формулировок как Ф. Олланд, так и Э. Макрон по сути придерживались сходной линии. Определяет её балансирование между тремя относительно консенсусными доминантами: упор на коммеморацию трагедии Холокоста, жёсткое осуждение вины режима Виши (но не Франции в целом), сопротивленческий нарратив. Формой поддержания последнего при Олланде и Макроне стала резко участившаяся «пантеонизация» героев Сопротивления, причём конкретный выбор чётко коррелирует с актуальной политической повесткой.

Следует отметить, что в контексте виктимизации памяти о войне и её концентрации на Холокосте сама сопротивленческая мифология получила новые смысловые акценты. Вместо образа сражающегося за свободу и родину народа в центр выдвинулась индивидуальная фигура борца с нацистскими и вишистскими практиками, движимого в первую очередь морально-гуманистическими мотивами.

Кроме того, тиражируемое представление о широком участии французов в Сопротивлении или в спасении евреев противоречит документально установленным фактам. По оценкам исследователей, не более 2% взрослого населения Франции участвовало в той или иной форме сопротивления, доминировали обывательский настрой либо деморализованность, а также индифферентность к антиеврейским законам (в архивах Национальной полиции обнаружено порядка 5 млн доносов, поступивших между июнем 1940 г. и августом 1944 г.).

Францию не обошли стороной и общие для Запада направления ревизии истории Второй мировой войны. Смыслы, вкладываемые в коммеморацию Мая 1945 г., пронизаны политикой и служат задачам монополии (пост)западного мира. Чествование победы над германским нацизмом с его программой ранжирования, подчинения и уничтожения других народов давно уступило место прославлению роли США, триумфа «демократии» над «тоталитаризмом» и заслуг европейской интеграции как главного залога мира в современной Европе. Именно с такими акцентами трактуется символизм даты 8 мая на сайтах французских государственных структур.

Конфликт между мифами о Второй мировой войне и правдой истории очевиднее всего на примере вопроса о решающем вкладе в победу антигитлеровской коалиции. Особенно ценно сопоставление социологических опросов нашего времени с аналогичными данными 1945 г. (опросы *IFOP*). В отличие от сегодняшних французов, считающих главными освободителями Европы американцев, современники и свидетели тех событий в основном прекрасно отдавали себе отчёт о решающем вкладе СССР.

Таким образом, метаморфозы образа Второй мировой войны в общественном сознании Франции имеют отчётливое политическое измерение. Определяющие их факторы связаны не только и не столько с развитием исторического знания и открытием архивов, сменой поколений, ретроспективным взглядом и т.п., сколько с внутриполитическим, идеологическим и международным контекстом.

РОССИЙСКО-БРИТАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О ВКЛАДЕ СССР В ПОБЕДУ

К.А. Годованюк

В канун празднования 80-летия Победы во Второй мировой войне в Великобритании обнародован удручающий социологический опрос. Почти четверо из десяти британцев (две трети из них молодые люди в возрасте от 18 до 24 лет) затруднились ответить на вопрос, против кого сражалась их страна в той войне, а также не смогли назвать государства-союзников[1]. Одновременно статус державы-победительницы – предмет национальной гордости. Чувство превосходства над континентальными европейскими странами, в первую очередь над Францией, подпитывается тем фактом, что британская территория не была оккупирована, если не считать колониальных владений в Африке и Юго-Восточной Азии и островов Гернси и Джерси – коронных владений в Английском проливе (Ла-Манш). Несмотря на заметную мифологизацию событий тех лет, трудно переоценить влияние итогов Второй мировой войны на формирование британской идентичности, внутреннюю и внешнюю политику страны.

Традиционно Лейбористская партия Великобритании продвигает идеи «народной войны», подчёркивая, что победу страны обеспечили её простые жители, ведь именно они испытали на себе тяготы мобилизации, воздушных налётов, ограничения военной экономики[2]. В этом контексте особое значение приобретают первые месяцы после падения Третьего рейха и победа лейбористов на всеобщих выборах в июле 1945 г. Ко времени возвращения консерваторов к власти в 1951 г. страна сильно изменилась: лейбористы

---

[1] "Young people need to understand": Grave warning as only a third of 18–24 year-olds know significance of VE Day. URL: https://www.lbc.co.uk/news/uk/third-of-18-24-year-olds-know-what-happened-ve-day/ (датаобращения: 15.05.2025).

[2] *Calder A.* The People's War. URL: https://www.penguin.co.uk/books/362483/the-peoples-war-by-calderangus/9780712652841 (дата обращения: 15.05.2025).

начали внедрение британской модели «государства благосостояния», создали Национальную службу здравоохранения, национализировали предприятия ключевых секторов экономики, предоставили независимость Индии, Цейлону, Бирме. Окончание Второй мировой войны означало перестройку международной политики Лондона в связи с начавшимся распадом империи.

Несколько иные акценты в дискурсе о войне продвигала Консервативная партия, которая подчёркивала, что войну выиграли, в первую очередь, на поле боя, а наиболее значимыми фигурами стали отдельные личности, такие как премьер-министр У. Черчилль, фельдмаршал Б. Монтгомери, изобретатель «прыгающей» бомбы Б. Уоллис и пр. Для данного дискурса более важно, что война шла за сохранение империи и статус ведущей мировой державы, за британские традиции и ценности. Именно эти две интерпретации во многом и сформировали отношение современного поколения британских политиков и общества к наследию Второй мировой войны.

Эволюция исторической памяти в отношении СССР

В годы Второй мировой войны у британцев сформировался положительный образ СССР как союзника по антигитлеровской коалиции, в том числе в связи с победами Красной армии под Москвой и Сталинградом. В 1944 г. жители Ковентри (получил статус города побратима Сталинграда) отправили в СССР скатерть с вышитыми именами 830 женщин, которые собирали средства в поддержку Сталинграда, и со словами «Лучше маленькая помощь, чем большое сожаление». Сегодня этот дар хранится в музее Сталинградской битвы. В честь 65-летия установления побратимских отношений официальная делегация Волгограда преподнесла сталинградскую скатерть – ответный подарок Ковентри, пострадавшему от бомбардировок Германии. В 2014 г. лорд-мэр Ковентри и мэр Волгограда обменялись визитами. Однако в марте 2022 г. муниципальный совет Ковентри решил приостановить мероприятия по линии побратимских связей в связи с украинским кризисом[3].

[3] Volgograd, Russia (Coventry's twinning link with Volgograd is currently suspended) – Coventry's twin towns and cities. URL: https://www.coventry.gov.uk/directory-record/49250/volgograd-russia-coventry-s-twinning-link-with-volgograd-is-currently-suspended-#:~:text=On%20Tuesday%2022%20March%202022,the%20twinning%20

После нападения Германии на СССР супруга премьер-министра Клементина Черчилль выступила с идеей создать Фонд помощи России Британского Красного Креста и Ордена св. Иоанна Иерусалимского, который действовал до 1948 г. и доставил гуманитарную помощь в СССР (лекарства, оборудование для госпиталей, медицинские инструменты, продукты, одежду) на сумму почти 8 млн ф. ст. К. Черчилль прибыла в Москву в апреле 1945 г. и встретила День Победы в советской столице. В 1975 г. впервые в Москву на празднование 30-летия победы были приглашены представители глав государств – участников антигитлеровской коалиции. Со стороны Британии парад Победы посетил лорд Маунтбеттен, последний вице-король Индии.

В 1995 г. на параде, посвящённом 50-летнему юбилею Победы, присутствовал премьер-министр Дж. Мэйджор. В 2005 г., ссылаясь на необходимость формировать новый Кабинет министров после прошедших всеобщих выборов, Т. Блэр отказался приехать в РФ на празднование 60-летия Победы. Его представлял заместитель Дж. Прескотт. В 2010 г. Г. Браун в связи с проигрышем на выборах отменил поездку в Москву. В 2015 г. Д. Кэмерон, как и большинство западных лидеров, отказался присутствовать на параде в знак протеста против позиции России по украинскому вопросу, и Лондон был представлен внуком У. Черчилля – сэром Н. Соумсом, бывшим заместителем министра обороны Великобритании (1994–1997 гг.).

С обвалом политического диалога с РФ в современном общественно-политическом дискурсе Соединённого Королевства нарратив о союзнических отношениях Лондона и Москвы в годы Второй мировой войны уходит далеко на второй план. Так, на официальном уровне в Британии стараются избегать комментариев относительно северных конвоев – важной вехи в истории антигитлеровской коалиции, которая показала, что две страны смогли объединиться в общей борьбе против нацизма.

В связи с празднованием 80-летия Победы в Британии объявили 4-дневные «банковские» праздники (5–8 мая). Официальные торжества предусматривали военный парад от Уайтхолла до Букингемского дворца, воздушный парад современных и старых военных самолётов. Празднования проходили в том числе

---

link%20with%20Volgograd.&text=Volgograd%20is%20the%20capital%20of%20the%20Volgograd%20Oblast%20in%20southern%20Russia (дат обращения 18.05.2025).

на борту крейсера-музея «Белфаст» (*HMS Belfast)* – единственного уцелевшего корабля Арктических конвоев. Однако акцент был сделан на участии в параде разведывательного транспортного самолёта *Voyager* и самолёта-разведчика *P8 Poseidon*. На сайте правительства Соединённого Королевства подчёркивалось: *P8 Poseidon* задействован в полётах над Северным морем и Северной Атлантикой с целью «отслеживать российские суда вблизи территориальных вод Великобритании»[4], а самолёты *Voyager* участвуют в «доставке оборудования вооружённым силам Украины, а также украинских новобранцев для военной подготовки» в Британии[5].

При этом Москва и Лондон продолжают следить за военными захоронениями советских и британских граждан на своих территориях даже в отсутствие специального двустороннего соглашения[6]. В Мурманске, Архангельске и Владивостоке покоятся тела 663 британских военнослужащих, не все из которых являются участниками Второй мировой войны (ряд захоронений связан с иностранной интервенцией времён Гражданской войны). Длительное время за этими захоронениями ухаживали при финансовой поддержке Комиссии по военным захоронениям стран Содружества наций. Однако после начала СВО и с последовавшими антироссийскими санкциями финансовая поддержка прекратилась, и в России поддержание захоронений в надлежащем порядке теперь осуществляется на безвозмездной основе. В британских СМИ отмечалось, что и за советскими могилами продолжается уход[7]. На данный момент на территории Британии находится 18 подтверждённых захоронений советских граждан, погибших в годы Второй мировой войны[8].

---

[4] Public invited to line Mall for VE Day 80 procession and fly past. URL: https://www.gov.uk/government/news/public-invited-to-line-mall-for-ve-day-80-procession-and-fly-past (дата обращения: 15.05.2025).

[5] Ibid.

[6] "The only thing still working": Russia and UK agreement to tend war graves transcends bitter international relations. URL: https://www.theguardian.com/global/2025/mar/23/russia-uk-agreement-to-tend-war-graves-transcends-bitter-international-relations#:~:text=In%20graves%20at%20Murmansk%2C%20Arkhangelsk,of%20663%20-British%20military%20personnel (дата обращения: 15.05.2025).

[7] Ibid.

[8] Захоронения советских военных в UK времён Второй мировой: как они появились? URL: https://zimamagazine.com/2017/05/zahoroneniya-sovetskih-voenny-h-v-uk-vremen-vtoroj-mirovoj-kak-oni-poyavilis/ (датаа обращения: 15.05.2025).

80-летний юбилей Победы для британской политики памяти приобрёл важное значение в стремлении Лондона консолидировать нацию, подчеркнуть вклад стран Содружества в разгром Третьего рейха и особую роль Британии на международной арене. Вместе с тем власти королевства способствуют самым активным образом вытеснению памяти об СССР как историческом союзнике в борьбе с нацизмом и возрождают образ России как противника.

ОЦЕНКА БРИТАНСКИМИ ИСТОРИКАМИ ВКЛАДА СССР В ПОБЕДУ ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

О.В. Охошин

В XXI в. резко изменилась геополитическая ситуация, которая характеризуется ростом международной напряжённости, экспансией НАТО на восток, нарастанием и дальнейшей эскалацией военных конфликтов. В этих обстоятельствах особый интерес вызывает интерпретация британскими историками событий Второй мировой войны и вклада СССР в победу над нацистской Германией и её союзниками.

Оценки британских учёных вклада СССР в победу во Второй мировой войне сильно разнятся – от признания его заслуг до представления о нем как об опасном противнике, угрожавшем демократическим режимам в Европе. В британской историографии в период холодной войны предпринимались попытки непредвзято изучить роль Советского Союза в борьбе с нацистской Германией. А. Верт в книге «Россия на войне, 1941–1945»[1] представил достаточно подробную хронику событий Великой Отечественной войны, исторические портреты И. Сталина и его политического окружения, реакцию советской прессы на ключевые события, которые происходили на Восточном фронте.

Автор указывал, что Сталинградская битва не только ознаменовала собой перелом в войне, но и оказала огромное психологическое воздействие на германскую армию. Пленные офицеры вермахта были крайне разочарованы своим высшим командованием и самим фюрером. В то же время А. Верт подчёркивал, что организация Красной армии к 1942 г. прошла «революционные изменения» – улучшились её командование, вооружение и снабжение. Его вывод заключался в том, что именно советские вооружённые силы взяли на себя ведущую роль в уничтожении немецких сухопутных войск.

---

[1] *Werth A.* Russia at War, 1941–1945. New York, N.Y.: Carroll & Graf Publishers, 1984.

В монографии А. Хилла «Красная армия и Вторая мировая война»[2] на основе хронологического метода изучена трансформация советских вооружённых сил с конца 1920-х гг. до завершения Берлинской операции в 1945 г. Показано, что после больших потерь, которые понёс СССР во время войны с Финляндией в 1939–1940 гг., были проведены меры по восстановлению единого командования, улучшению дисциплины и реформированию военного образования. По мнению автора, Красная армия не была достаточно подготовлена к вторжению нацистской Германии в силу политических просчётов И. Сталина, который не ожидал, что Гитлер нарушит советско-германский договор о ненападении 1939 г. Р. Хилл оценивал действия Красной армии под Сталинградом как значительный успех, но в то же время писал, что их нельзя считать образцовым показателем советских тактических и оперативных возможностей. Он объяснял исход битвы нехваткой людских резервов у вермахта и неспособностью сдерживать советское наступление на всех флангах.

Учёный указывал, что в годы Второй мировой войны реорганизация Красной армии сдерживалась объективным фактором – проявление инициативы на фронте советским командованием значительно ограничивала тоталитарная политическая система, которая требовала, по его мнению, беспрекословного следования установленным приказам. Также он считал, что Советский Союз понёс колоссальные человеческие потери из-за того, что нацистское руководство Третьего рейха вело на Восточном фронте тотальную войну, направленную на полное истребление советских граждан.

Монография К. Тарбетта «Англо-советский альянс: товарищи и союзники в годы Второй мировой войны»[3] является комплексным исследованием двусторонних отношений Великобритании и СССР в дипломатической и военной сферах в указанный период. Прослежено, как трансформировалось общественное сознание англичан в военные годы от неприятия советского строя и общества до формирования к нему определённого чувства солидарности. Автор подчёркивает, что после вторжения войск вермахта в СССР часть политических кругов Соединённого Королевства

---

[2] *Hill A.* The Red Army and the Second World War. Cambridge University Press, 2017. xviii. 738 p.

[3] *Turbett C.* The Anglo-Soviet Alliance: Comrades and Allies During WW2. 2021. Pen & Sword Books The Limited. 216 p.

цинично радовалась тому, что немцы и русские будут уничтожать друг друга. Однако У. Черчилль осознавал потенциал советско-британского союза для поражения Германии и стремился оказать поддержку СССР.

Анализируя дипломатическую историю взаимоотношений Лондона и Кремля, в особенности Московскую и Тегеранскую конференции, автор касается общих вопросов поставок вооружений в СССР и открытия второго фронта. Упоминаются совместные операции британских и советских военных на периферии, в частности операция по установлению контроля над Ираном в августе 1941 г. В результате была обеспечена транспортировка британских грузов в СССР по Трансиранской железной дороге. Кроме того, в 1941 г. была разработана операция по защите норвежского острова Шпицберген, который планировалось использовать в качестве базы для охраны северных поставок в порты Мурманска и Архангельска.

Одним из различий в действиях союзников, которые, по мнению К. Тарбетта, проявились к концу войны, было отношение к вернувшимся военнопленным: британцы и американцы встречали их как героев, а подозрения в коллаборационизме не выдвигались на первый план и расследовались по необходимости. Советы же, считает британский учёный, относились к своим военнопленным изначально с подозрением, а во многих случаях как к предателям.

Большой вклад в изучение вклада СССР в Победу внёс современный британский историк М. Пападопулос, написавший книгу «Уайтхолл в сталинской России: британские оценки Красной армии в 1934–1945 гг.»[4] В ней исследованы глубинные идеологические причины противоречий в отношениях Соединённого Королевства и СССР, участие и роль двух государств в антигитлеровской коалиции, а также принципы работы британских министерств и ведомств, которые курировали двусторонние отношения. Один из выводов автора заключается в том, что британское командование в 1941 г. недооценивало способность СССР эффективно мобилизовать людские, промышленные и научно-технические ресурсы для нужд фронта. По мере приближения коренного перелома в войне на фоне Сталинградского и Курского сражений и форси-

[4] *Papadopoulous M.* Whitehall in Stalin's Russia: British assessments of the Red Army, 1934–1945. Tricorn Books, 2023. 276 p.

рования Красной армией Днепра британские военные эксперты того периода стали признавать, что Советский Союз по отдельным параметрам своего технического оснащения не только догнал, но и перегнал нацистскую Германию. М. Пападопулос для обоснования этого тезиса приводит отчёт британского военного корреспондента Р. Магидоффа, высоко оценившего мощь советских войск, в особенности бесствольную систему полевой реактивной артиллерии БМ-13 («катюша»), которую он назвал «ужасающим орудием уничтожения пехоты».

В книге также показано, что действия британских властей опирались на мнение о неизбежности столкновения геополитических интересов СССР и его западных союзников после разгрома Третьего рейха. Уже в 1944 г. в Уайтхолле преобладали опасения, что Красная армия захватит Европу и установит там коммунистические режимы. Имперские нарративы и историческая память британцев о длительном противостоянии с Россией приблизили, по мнению Пападопулоса, холодную войну после разгрома гитлеровской Германии и её сателлитов.

На фоне таких оценок совсем иной, ангажированный взгляд на данную тему представлен в монографии Р. Оувери «Война России»[5]. Он намеренно сместил акцент с изучения военной истории СССР на критику тоталитаризма и политического руководства Советского Союза. Так, для обоснования тезиса о беспощадности режима Сталина автор намеренно принизил роль советского партизанского движения в борьбе с вермахтом.

Взгляды британских историков на события прошлого позволяет лучше оценить характер и противоречивость советско/российских-британских отношений, вскрыть роль идейной составляющей в поведении Британии на международной арене.

---

[5] *Overy R.* Russia`s War. 2010. Random House – Penguin. 416 p.

ПОЛИТИКО-КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ОТНОШЕНИЙ БРИТАНИИ И ФРАНЦИИ В КОНТЕКСТЕ ПАМЯТИ О ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Л.А. Фадеева

Уходящая корнями в совокупный исторический опыт политическая культура как устойчивая система ценностей, чувств и знаний, соответствующих специфике национального политического опыта, оказывает воздействие на отношения между странами. Как влияла политическая культура на отношения Британии и Франции в контексте памяти о Второй мировой войне через анализ символических фигур и событий прошлого, но имеющих отношение к настоящему и будущему?

Историки отмечают, что на протяжении XVIII в. Франция и Британия были «конкурирующими государствами с соперничающими культурами и враждебными народами». В период с 1707 по 1837 г. «мужчины и женщины осознавали себя британцами <...> потому что обстоятельства убедили их в том, что они отличаются от тех, кто находится вдали от их берегов и в особенности от их главного врага, французов»[1]. Соперничество нашло отражение в авто- и гетеростереотипах и литературных образах, каковыми стали Джон Буль (Булл) и Луи Бабун как соперники в бизнесе в памфлете Арбетнота[2]. В годы Второй мировой войны Уинстона Черчилля нередко изображали в образе Джона Буля, прямого, честного, горячего и готового сразиться с противником. «Одухотворяемая чувством патриотизма, всё время подогреваемого, Англия, приняв образ Джона Булла, яростно вырвалась на поля европейской

---

[1] *Косых Т.А.* Покидая Пиренеи: Франция и французы в восприятии британских военнослужащих в 1813–1814 гг. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2023. Т. 25, № 3. С. 213, 211–224. DOI: 10.15826/izv2.2023.25.3.051

[2] *Арбетнот Д.* История Джона Булла. Англия в памфлете. Английская публицистическая проза начала XVIII века. М.: Прогресс, 1987.

войны», – писал И. Шайтанов о войне XVIII века[3]. Но характеристика чувств британцев применима и ко Второй мировой войне, названной в Британии «народной» за то, что участвовали в ней не только армии, но и весь народ (народы)[4].

В знаменитой речи Черчилля 4 июня 1940 г. «Мы будем сражаться на пляжах», в которой британский лидер выразил несокрушимую волю к победе, он не преминул вспомнить о том, что Британия не раз подвергалась угрозам вторжения, имея в виду и планы Наполеона. Важную ценностную основу его речи и политики в целом составляла защита демократических институтов и ценностей, которыми так гордилась Британия. Уже к середине XIX в. сложились основные элементы британской политической культуры, включавшей конституционализм, градуализм, уважение к закону. «Буль родился консерватором... Он глубоко и навсегда убеждён в величии, присущем закону и обычаю»[5]. Поддерживать свободу, завещанную предками, Э. Берк призывал в своих «Размышлениях о французской революции», где осуждал тех философов, которые потворствуют предрассудкам толпы.

Между тем Франция пережила в своей истории 5 революций, вследствие чего французская политическая культура характеризовалась противоречивостью и дихотомичностью, поляризацией на католическую (монархическую) и республиканскую. В XX в. цикличность в политических процессах продолжала проявляться достаточно ярко: от Народного фронта к Мюнхенскому сговору, вишизму и коллаборационизму. В годы Второй мировой войны часть французского общества поддержала вишистский режим Петена, кто из страха, кто из конформизма, однако немало было и тех, кто имел идейные убеждения, имевшие корни в «Аксьон Франсез», «Огненных крестах» и пр.[6] Новый раскол представляли вишисты vs. Движение Сопротивления. После войны наказанию за коллаборационизм подверглись около 50 тыс. человек[7],

---

[3] *Шайтанов И.* «Столетье безумно и мудро». Англия в памфлете. Английская публицистическая проза начала XVIII века. М.: Прогресс, 1987. С. 15.

[4] *Calder A.* The People's War: Britain, 1939–1945. London: Pimlico, 2000. 762 p.

[5] *Бутми Э.* Опыт политической психологии английского народа в XIX в. СПб., 1914.

[6] *Dunk M.* French Against the French: Collaboration and Resistance. Cassel, 1978. 368 p.

[7] *Медведев А.Д.* Наказание коллаборационистов в Виши и других областях Франции (1944–1945 гг.) // Genesis: исторические исследования. 2021. № 4. DOI: 10.25136/2409-868X.2021.4.35401

но о Холокосте во Франции впервые публично сказал в 1985 г. в то время мэр Парижа Ж. Ширак; президент Франции Э. Макрон заявил в 2017 г.: «Удобно считать, что режим Виши возник из ничего и в ничто и вернулся. Да, это удобно, но это ложь»[8].

В исторической политике Франции и Британии доминирующими были такие события, как битва за Дюнкерк и высадка союзников в Нормандии. В битве за Дюнкерк (26 мая – 4 июня 1940 г.) в Британию были эвакуированы около 198 тыс. британских и 140 тыс. французских солдат. Ей посвящены исследования, фильмы, компьютерные игры. По сравнению с военным эпосом 1958 г. фильм «Дюнкерк» (2017 г.) сосредоточен на судьбах простых людей.

Как известно, из офицеров французских войск, эвакуированных из Дюнкерка, и круга своих советников Ш. де Голль сформировал в Лондоне Совет обороны Французской империи. Де Голль даже в самых трудных ситуациях держался уверенно: «Ни один француз, достойный этого имени, даже на миг не мог бы усомниться, что поражение Британии означает гибель для его страны»[9]. Г. Киссинджер рассказывает об усилиях де Голля предотвратить гражданскую войну между вишистами и участниками Сопротивления после высадки союзников в Нормандии[10]. В первый же день операции генерал потребовал, чтобы ему позволили приехать на занятые союзниками территории в Нормандии (площадью 100 на 25 км). 14 июня 1944 г. в Байе он обратился к присутствующим на городской площади так, «словно они на протяжении всей войны были членами французского Сопротивления: “Вы никогда не прекращали сражаться с самого начала войны... Мы будем сражаться рядом с союзниками как союзник. И победа, которую мы одержим, будет победой свободы, победой Франции”»[11].

Г. Киссинджер пишет о Ш. де Голле с симпатией, объясняя его стремление заставить союзников считаться с им же декларированной незаменимостью Франции для возрождения Европы[12].

---

[8] “France organised this”: Macron denounces state role in Holocaust atrocity. The Guardian. URL: https://www.theguardian.com/world/2017/jul/17/france-macron-denounces-state-role-holocaust-atrocity-paris-1942 (дата обращения: 25.05.2025).

[9] *Киссинджер Г.* Де Голль. Киссинджер. Лидерство. М.: Издательство АСТ, 2024. С. 107.

[10] Там же. С. 118.

[11] Там же. С. 120.

[12] Там же. С. 106.

Для этого генерал считал возможным погрешить против истины: например, ни слова не сказать об англо-американских союзниках и представить успех высадки в Нормандии, операции «Оверлорд» как победу Франции. Киссинджер приводит слова Черчилля: «Да, де Голль действительно воображает, что он Жанна д'Арк, но мои треклятые епископы не позволят мне сжечь его на костре»[13].

Операцию «Оверлорд» (6 июня – 25 августа 1944 г.) усиленно героизируют. Российские исследователи пишут, что в результате исторической политики происходит американизация победы. Если в 1945 г. 60% французов считали, что решающая роль в победе над фашизмом принадлежала Красной армии, то сейчас таких не более 10%. Британцы до недавнего времени были единственной нацией, большинство которой (53%) было уверено в решающем значении их страны для победы над фашизмом[14]. 7 мая 2025 г. президент США Д. Трамп подписал прокламацию, в которой официально провозгласил 8 мая Днём Победы во Второй мировой войне, подтвердив это заявлением, что Соединённые Штаты «сделали больше, чем любая другая страна» ради победы[15].

После окончания войны Черчилль не смог победить на всеобщих выборах у себя в стране, а де Голль не получил политическую поддержку. Оба вынуждены были уйти в отставку. Их оценивали как эффективных лидеров в военное время, но не подходящих для послевоенных реформ. «Народная война» в британском массовом сознании сделала популярными лозунг «Никогда больше» («*Never again*»), ассоциировавшийся с Мюнхенским сговором и провалом политики умиротворения консерваторов. В 1945 г. предвыборная программа лейбористов «*Let us face the future*» обещала структурные социально-экономические реформы; по опросам Института Гэллапа, 56% опрошенных заявили тогда, что голосовали за лейбористов в надежде на серьёзные сдвиги в политике правящего класса[16].

---

[13] Там же. С. 112.

[14] *Мацкевич М.Г.* Историческая память о Второй мировой войне: как трансформируется образ стран-участниц. URL: https://sociodigger.ru/articles/articles-page/istoricheskaja-pamjat-o-vtoroi-mirovoi-voine-kak-transformiruetsja-obraz-stran-uchastnic

[15] Трамп отдал распоряжение о провозглашении 8 мая Днём победы во Второй мировой. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/23882225 (дата обращения: 25.05.2025).

[16] *Wybrow D.* Britain through Gallop Polls. L., 1987.

Политико-культурные эффекты для обеих стран проявились в том, что новые идеи левых сил, обеспечившие им победу на послевоенных выборах, приход к власти прогрессивных правительств, воплощение идей и программ социального государства привели к трансформации политической культуры. Произошло включение в её контент социальной демократии.

В апреле 2024 г. на торжествах в честь 120-летия Антанты лидеры Франции и Британии обещали всегда помнить общую историю самопожертвования и товарищества (правда, о России как союзнике по Антанте они не вспомнили, как и не пригласили в том же году на 80-летнюю годовщину высадки в Нормандии).

СОВРЕМЕННАЯ НИДЕРЛАНДСКАЯ ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В ОТНОШЕНИИ ХОЛОКОСТА

М.Д. Туник

В современной политике памяти Нидерландов ключевой фокус сделан на двух темах – освобождение от немецкой оккупации и значение Холокоста для населения страны. В этой связи ежегодно отмечается две памятных даты – День поминовения павших 4 мая, посвящённый нидерландским жертвам Второй мировой войны и последующих конфликтов, а также День освобождения 5 мая[1]. Капитуляцию немецких войск под командованием генерал-полковника Йоханнеса Бласковица принимал генерал и командующий тремя канадскими пехотными дивизиями Чарльз Фоулкс в отеле «Де Верельд»[2] в городе Вагенинген, провинция Гелдерланд. Сам документ о капитуляции был подписан в аудитории на тот момент Государственной высшей школы сельского хозяйства. Сегодня здесь расположен крупный исследовательский университет. 5 мая 2025 г. на сцене праздничного фестиваля *Bevrijdingsfestival Gelderland* выступил премьер-министр страны Дик Схооф, польский премьер-министр Дональд Туск, а также нидерландский министр обороны Рубен Брекелманс[3]. Одновременно на территории проведения мероприятия проходили пропалестинские протестные митинги[4].

Трагедия местного еврейства изначально усугублялась тем, что в 1930-е гг. многие беженцы покинули Германию, Польшу

---

[1] Нидерланды были освобождены от немецкой оккупации 5 мая 1945 г. преимущественно канадскими и британскими войсками.

[2] Этот отель был специально выбран из-за своего названия, переводящегося на русский язык как «мир».

[3] Programma 5 mei // Wageningen 45 Nationaal Comité Herdenking Capitulaties. URL: https://www.wageningen45.nl/organisatie/programma-5-mei-2025 (дата обращения: 01.07.2025).

[4] *Tap R.* Marco Kroon grijpt in nadat demonstranten toespraak minister verstoren // Omroep Gelderland. 06.05.2025. URL: https://www.gld.nl/nieuws/8306678/marco-kroon-grijpt-in-nadat-demonstranten-toespraak-minister-verstoren (дата обращения: 01.07.2025).

и Австрию и устремились в западном направлении, не ожидая, что нацистский режим будет угрожать и странам Бенилюкса. По данным Мемориального комплекса по истории Холокоста Яд Вашем, к 1939 г. в Нидерланды прибыло около 34 тыс. беженцев. Участники нидерландского движения сопротивления потом будут вспоминать, что в начале оккупации мало кто верил рассказам беженцев об ужасах нацистского режима. К началу войны и немецкой оккупации в Нидерландах проживало около 118 тыс. евреев, а также 22 тыс. еврейских беженцев из Германии и Австрии[5]. При этом из Нидерландов было депортировано в лагеря смерти около 104 тыс. человек, преимущественно в концентрационный лагерь Вестерборк в провинции Дренте.

Впоследствии именно здесь была заключена Анна Франк и её семья, а также Этти Хиллесум. Эти две молодые девушки, ставшие символом трагедии Холокоста и оккупации, вели позже ставшие знаменитыми дневники. Из Вестерборка узников увозили в лагеря смерти Освенцим и Собибор. Первые антиеврейские меры были введены 1 июля 1940 г., семью Анны Франк арестовали 4 августа 1944 г., а 12 апреля 1945 г. Вестерборк был освобождён канадскими войсками.

В коллективной памяти страны важную роль играет слово *razzia*[6], пришедшее из арабского языка. Во время оккупации еврейские районы Зюйд и центр Амстердама, исторически ставшего местом притяжения голландского еврейства, подвергались внезапным полицейским облавам.

Ключевым научно-исследовательским центром в Нидерландах, занимающимся вопросом исследования Холокоста и его последствий, является Институт исследования войны, Холокоста и геноцида[7]. Основанный в 1945 г., он входит в систему Королевской академии наук и искусств[8]. Это основное учреждение по изучению Второй мировой войны, геноцида и массового насилия, а также деколонизации Индонезии[9]. Активную деятельность

---

[5] Van Haperen, M. Ten Have, W. Kiernan, B. et al (eds.). The Holocaust and other Genocides: An Introduction. Amsterdam University Press; 2012.

[6] Набег, мародёрство, охота, преследование, облава.

[7] Нидер.: *NIOD, Instituut voor Oorlogs-, Holocaust-en Genocidestudies*

[8] Нидер.: *KNAW, Koninklijke Nederlandse Akademie van Wetenschappen*

[9] NIOD Instituut voor Oorlogs-, Holocaust- en Genocidestudies // KNAW. URL: https://www.knaw.nl/instituten/niod-instituut-voor-oorlogs-holocaust-en-genocide-studies (дата обращения: 01.07.2025).

в образовательном и культурном русле осуществляют Фонд Анны Франк, а также Еврейский исторический музей и Национальный музей Холокоста в Амстердаме, сотрудничающие в рамках проекта «Еврейский культурный квартал». При этом, вплоть до приведённого в апреле 2005 г. симпозиума по случаю 30-летия Центра информации и документации об Израиле, проблема Холокоста и коллаборационизма в годы оккупации страны редко поднималась на правительственном уровне. Тогдашний премьер-министр Ян Петер Балкененде впервые упомянул в официальной речи голландских коллаборационистов, а также назвал депортацию голландского еврейства «чернейшей главой нидерландской истории». Фактически это было признание вины павшего в самом начале оккупации правительства, которое ничего не сделало для защиты еврейского населения от уничтожения.

Кроме того, в 2005 г. Нидерландские железные дороги стали первой крупной компанией, которая официально принесла свои извинения голландскому еврейскому сообществу и привлекла внимание к этой трагедии[10]. Её президент Аад Фейнман выступил с соответствующим заявлением на железнодорожной станции Амстердам Мейдерпоорт. В период с октября 1942 г. по май 1944 г. оттуда около около 11 тыс. голландских евреев были отправлены в лагерь Вестерборк. На станции установлен памятник погибшим. Заявления Балкененде и Фейнмана впервые официально связали трагедию голландского еврейства и ответственности голландского правительства и крупнейших концернов.

В современной Голландии существует множество мемориальных и памятных комплексов, посвящённых Холокосту. Мемориал их имён[11], спроектированный польско-американским архитектором Даниэлем Либескиндом и открытый королём Виллемом-Александром 19 сентября 2021 г., содержит более 102 тыс. имён убитых голландских евреев и 220 имён погибших синти и рома[12,13].

---

[10] *Gerstenfeld, M.* Apologies for Holocaust Behavior and Refusal to Do So: The Dutch Case in an International Context // Jerusalem Center for Security and Foreign Affairs. 01.10.2006. URL: https://jcpa.org/article/apologies-for-holocaust-behavior-and-refusal-to-do-so-the-dutch-case-in-an-international-context/ (дата обращения: 01.07.2025).

[11] Нидер.: *Holocaust Namenmonument*

[12] King to unveil National Holocaust Names Memorial // Holocaust Namenmonument Nederland. 02.09.2021. URL: https://www.holocaustnamenmonument.nl/posts/king-to-unveil-national-holocaust-names-memorial-620/ (дата обращения: 01.07.2025).

[13] Предполагается, что во Вторую мировую войну было уничтожено почти все довоенное население нидерландских синти и рома, которое насчитывало около 500

Он состоит из 72 бетонных стен, облицованных кирпичами с именами погибших, а весь комплекс составлен в форме слова на иврите זכזל, что означает «в память».

В амстердамском парке Вертхайм находится Монумент погибшим в Освенциме, спроектированный в 1977 г. писателем и художником Яном Волкерсом. Он представляет собой большое разбитое зеркало, в котором отражается небо. По задумке автора, небо «разбилось» из-за того, что происходило в Освенциме: «Небо навсегда будет разбитым. Это жуткое нападение на всё, что представляет собой человечество»[14].

Другой интересный проект – «Камни преткновения» немецкого скульптора-художника Гюнтера Демнига, который был задуман в 1992 г. и реализовал в Нидерландах в ноябре 2007 г.[15] Затем он получил распространение по всей Европе. На каждом латунном кубе, вставленном в порог дома последнего жилья жертвы нацистского режима, выгравированы имя, годы жизни и место рождения и смерти человека. В Голландии блоки производятся по запросу и после утверждения кандидатуры Фондом камней преткновения в Амстердаме, Амстелвеене, Ландсмере, Ватерганге и Утрехте.

Вопрос сохранения и развития политики памяти в отношении Холокоста в Нидерландах последние годы приобретает особенную важность, связанную с растущими антисемитскими настроениями. После начала Израилем широкомасштабных военных действий в секторе Газа 7 октября 2023 г. («война железных мечей») в Нидерландах на правительственном и общественном уровне в их адрес высказывалась резкая критика. Эти события не могли не сказаться на отношении к голландским евреям, которых насчитывается около 35 тыс. человек[16]. В толерантном на первый взгляд нидерландском обществе долгое время сохранялись антисемитские стереотипы. Данная проблема исследована в книге «*The*

человек. См.: *van Keken K.* De volkenmoord op Nederlandse Sinti en Roma // De Groene Amsterdammer. Nr. 18. 01.05.2024. URL: https://www.groene.nl/artikel/een-vergeten-holocaust (дата обращения: 01.07.2025).

[14] Amsterdam: Auschwitzmonument // Joods Cultureel Kwartier. URL: https://jck.nl/verhalen-en-verdieping/amsterdam-auschwitzmonument (дата обращения: 01.07.2025).

[15] Wat zijn Stolpersteine? // Stichting Stolpersteine. URL: https://stichting-stolpersteine.nl/wat-zijn-stolpersteine-1/ (дата обращения: 01.07.2025).

[16] *Staetsky L.D.* Jews in the Netherlands in the 2020s. Fifty years of stability and "Israelisation" // European Jewish Demography Unit. January 2025. URL: https://joodswelzijn.nl/site/uploads/2024/12/Definitief-Engelstalige-report-webversie.pdf (дата обращения: 01.07.2025).

Holocaust, Israel and "the Jew"» Эвелин Ганс и Ремко Энселя[17]. Центр информации и документации об Израиле отмечал в своём докладе за 2024 г. рост числа антисемитских происшествий в Нидерландах на 11% (421 инцидент), что стало рекордом за последние 40 лет[18].

Дальнейшее изменение обстановки в стране относительно памяти о Холокосте и отношения к евреям будет зависеть от внешнеполитической обстановки и курса будущего нидерландского правительства.

[17] *Ensel R., Gans E.* (eds.) Holocaust, Israel and "the Jew": Histories of Antisemitism in Postwar Dutch Society. Amsterdam University Press; 2016.

[18] Monitor Antisemitische Incidenten. Nederland, 2024 // Stichting Centrum Informatie Documentatie Israel. 24.04.2025. URL: https://www.cidi.nl/wp-content/uploads/2025/04/CIDI-Monitor-Antisemitische-Incidenten-2024.pdf (дата обращения: 01.07.2025).

ШВЕЦИЯ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И НЕЙТРАЛИТЕТ

Н.С. Плевако

«Историческая память» – понятие сложное и весьма подвижное. Она представляет собой совокупность впечатлений и представлений, часто очень противоречивых, напоминающих собой геологические наслоения. Каждая эпоха оставляет в них свой след. Когда происходят тектонические сдвиги в жизни мирового сообщества, на поверхность поднимаются те глубинные слои, о которых будто бы давно и прочно забыли. Сейчас как раз тот момент мировой истории, когда разрушается «ялтинская модель» мироустройства (по крайней мере, в пределах Европейского континента), обеспечившая для нескольких поколений относительный мир и спокойствие. Вместе с этим «историческая память» европейцев услужливо предлагает им обветшавшие декорации, на фоне которых разыгрывается новая драма.

Эти перемены отражаются не только в поведении многих действующих лиц мировой политики. Ряд из них устремились в опасный «заплыв», чтобы успеть к новому разделу мира, и не вполне отдают себе отчёт, что на их пути могут оказаться гибельные водовороты. Есть и те, кто в спокойных уголках Европы безбедно и комфортно чувствовал себя на протяжении многих десятилетий, а то и столетий. В первую очередь надо назвать Швецию, историческая память которой до последнего времени покоилась на гранитном основании политики нейтралитета, хорошо послужившей стране, особенно в XX веке.

История Швеции в годы Второй мировой войны значительно отличается от историй других стран Северной Европы. Поэтому и историческая память в этой стране не может быть тождественна той, что складывалась в Норвегии, Дании, Финляндии, — она не была опалена войной. Судьба уберегла шведов от участи финнов, которые воевали вместе с нацистской Германией против СССР, а затем повернули оружие против немцев, поддержав усилия антигитлеровской коалиции. Здесь не было движения Сопротив-

ления, как в Дании и тем более в Норвегии, оставившего заметный след в исторической памяти этих народов. Поэтому историческая память шведов о том периоде лишена каких-либо героических черт.

Швеция оставалась нейтральной все годы Второй мировой войны, но она полыхала совсем рядом, и дипломатии страны пришлось немало постараться, дабы избежать распространения военных действий на её территорию. Политика нейтралитета полностью оправдала себя; её преимущества были ясны для всех сил, которые вошли в коалиционное правительство под руководством социал-демократа П.-А. Ханссона. С юридической точки зрения, нейтральный статус Швеции не вызывал серьёзных сомнений, однако шведский нейтралитет имел и прагматическую основу, претерпев за годы войны значительную эволюцию.

Сначала он был «благожелательным» к Германии и совсем неблагожелательным в отношении Советского Союза. Шведы не участвовали в совместных действиях с германскими войсками, но хорошо известно, что главнокомандующий шведскими вооружёнными силами генерал Тернелль не просто поощрял вступление молодых шведов в добровольческий батальон, сражавшийся вместе с финнами уже в августе 1941 г. против Красной армии, но был его непосредственным организатором. Сложилась крайне необычная ситуация: главнокомандующий фактически посылал шведов сражаться за Финляндию, уже вступившую в мировую войну на стороне Третьего рейха, а премьер-министр настаивал на том, что Швеция – нейтральная страна. Позднее, когда стало ясно, что Берлин терпит поражение, шведская политика изменилась, и нейтралитет стал работать на антигитлеровскую коалицию.

Хорошо известны уступки Швеции со стороны нацистской Германии. Кроме материальной и моральной поддержки германского союзника – Финляндии нельзя не упомянуть транзит немецких военных грузов с 1940 по 1943 г., пропуск немецкой дивизии через шведскую территорию перед нападением на СССР, экспорт железной руды из Швеции (38 млн тонн в 1940–1944 гг.), давление на свободную прессу, изъятие газет, где критиковалась политика Германии. Да, нейтралитет, но настолько гибкий, что его границы стали слишком размытыми.

Антироссийские настроения, уходящие корнями в события Северной войны, и антисоветские настроения, возникшие сразу после Революции 1917 г., были широко распространены в Шве-

ции. Однако они не подпитывались идеологией нацизма, которая в целом была чужда шведам. Фашизм не стал здесь массовым движением. Различные нацистские группировки набирали незначительное число голосов на выборах. Но в целом антироссийские настроения глубоко проникли в сознание многих шведов, что особенно характерно для политического истеблишмента и части интеллектуальной прослойки общества.

Впечатления от советско-финской войны ещё больше усилили их. Здесь уместно привести пример со знаменитой шведской писательницей Астрид Линдгрен. Во время войны она была молодой домохозяйкой с двумя детьми, типичным представителем среднего класса. Литературное творчество ещё не стало её профессией. Страх, что Швеция может быть втянута в военные действия, боязнь потерять свой дом довлел в политических воззрениях будущей писательницы. Идея нейтральности, неприятия чужой идеологии была характерна для неё, как и для большинства шведов. В дневниках и частной переписке Линдгрен можно найти отрицательные оценки Сталина, хулу в адрес Красной армии, но там же содержится обличение фашистских диктаторов, сожаление о неудаче покушения на Гитлера, злорадные замечания по поводу казни Муссолини. Поэтому ошибочно называть её сторонницей нацистских взглядов, как это поспешили сделать некоторые специалисты. Но очевидно то, что суждения детской писательницы о своей стране и мире – весьма характерные для шведов, и не только ушедших дней.

После окончания Второй мировой войны в Швеции стал обсуждаться вопрос – в какой степени были оправданы действия политической элиты. Политика уступок преимущественно объяснялась страхом перед Третьим рейхом, особенно учитывая успехи германской армии в начальный период войны. Министр иностранных дел Э. Унден в 1947 г. высказывал такое типичное для шведов мнение: сопротивление немецкой военной машине могло повлечь за собой превращение страны в военно-промышленную базу Германии, что нанесло бы союзникам бо́льший урон, чем политика уступок.

В исторической науке Швеции, в общественном мнении, а значит, и в исторической памяти утвердился тезис о «реализме малой страны». Его обосновал А.-В. Юханссон, специально занимавшийся этим периодом времени. Подчёркивая фактическую безальтернативность в выборе внешнеполитического курса

страны, он, однако, отмечал, что не только страх перед Германией, но и давние симпатии к ней доминировали в определённой части правящих кругов. Очевидно, что на фоне послевоенной разрухи, не коснувшейся Швеции, политика правительства представлялась многим выигрышной, и приверженность нейтралитету только окрепла.

В годы холодной войны, когда Швеция не могла не считаться с авторитетом и мощью Советского Союза, идеи нейтралитета получают новый импульс. «Реализм малой страны» не подвергался сомнению, а успехи Социал-демократической партии, бессменно возглавлявшей исполнительную власть до 1976 г. и добившейся немалых успехов в воплощении шведского варианта «общества благосостояния», лишь способствовали этому.

Формирование исторической памяти – длительный процесс, на который воздействуют разные факторы. Её база – это воспоминания непосредственных участников и свидетелей событий. Со сменой поколений меняется значимость фактов, на интерпретацию которых наслаивается рефлексия последующих периодов времени. Подобный процесс можно наблюдать и в оценке новыми поколениями шведов политики, проводимой в годы Второй мировой войны. Начало широкой дискуссии и переоценки нейтралитета положила книга журналистки М.-П. Боэтиус «Честь и совесть», вышедшая в 1991 г. Автор утверждает, что, оказывается, действия правительства определял страх не столько перед Германией, сколько перед Советским Союзом, особенно после громких успехов Красной армии. По мнению автора, политический курс Стокгольма в годы войны в принципе нельзя считать нейтральным.

С тех пор в оценке политики Швеции военных лет упор всё больше делался не на военно-политической или экономической составляющей, а на моральной стороне дела. Критике подвергались не только уступки шведов в плане снабжения Третьего рейха стратегическими товарами, но в первую очередь – безучастное отношение к геноциду еврейского населения в других европейских странах, недостаточно активная политика по приёму еврейских беженцев. Главным героем эпохи вместо П.-А. Ханссона, уберёгшего Швецию от прямого участия в войне, стал Р. Валленберг с его гуманистической миссией. Заново были отредактированы школьные учебники, где моральный аспект проблемы превалировал в описании событий военных лет. Надо сказать, что против

крайностей таких трактовок выступили некоторые политические деятели, историки, что постепенно создавало основу для более сбалансированного взгляда на роль Швеции во Второй мировой войне.

Однако историческая память корректируется также под влиянием политической конъюнктуры и межпартийной борьбы. В 1990-е гг. происходит трансформация всей системы международных отношений после крушения СССР и социализма в Европе. Происходит переосмысление понятий, в частности такого, как «нейтралитет», с постепенным замещением его смысла на «неучастие в военных союзах». Напомним, что в 1995 г. Швеция присоединяется к ЕС, после чего началась дискуссия о её интеграции и в военные организации.

На фоне общего ослабления левых сил в мире крепли голоса консерваторов и либералов, распространялось мнение об ущербности политики нейтралитета. Всё громче звучали обвинения социал-демократов в проведении опасного внешнеполитического курса, якобы изолировавшего Швецию от западного мира. В идеологии самой социал-демократии верх брали социал-либеральные тенденции. Однако СДРПШ продолжала следовать курсом нейтралитета, хотя её позиции сближались с позициями оппонентов. Но о рисках, которые может нести вступление в НАТО, говорила ещё в начале 2022 г. премьер-министр Магдалена Андерссон. Она также ссылалась на опросы общественного мнения, которые показывали, что в январе 2022 г. только 42% респондентов связывали будущее страны с НАТО.

Однако уже в марте 2022 г. социал-демократы сняли свои возражения по этому вопросу. Окончательное решение, как известно, было принято минуя процедуру референдума и без широкого обсуждением этого вопроса. На судьбоносном заседании риксдага социал-демократы голосовали вместе с оппонентами. Политический класс Швеции выбрал тревожное будущее для страны, не посчитавшись с исторической памятью.

ОСВОБОЖДЕНИЕ КРАСНОЙ АРМИЕЙ СЕВЕРНОЙ НОРВЕГИИ: ДИПЛОМАТИЯ И ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЯХ

А.А. Комаров

16 мая 1944 г. в Лондоне Трюгве Ли, министр иностранных дел норвежского эмигрантского правительства Норвегии, и В.З. Лебедев, посол Советского Союза при союзных правительствах в Лондоне, подписали Соглашение о гражданской администрации и юрисдикции на норвежской территории после её освобождения союзными экспедиционными силами. Аналогичные документы в тот же день Норвегия заключила с Великобританией и США. Они создавали юридическую базу возможного пребывания союзных войск на норвежской территории, а также определяли полномочия союзных военных властей в период военной фазы. Трюгве Ли подчеркнул, что эти документы полностью признают норвежский суверенитет.

7 октября 1944 г. войска Карельского фронта при содействии Северного флота начали наступательную Петсамо-Киркенесскую операцию, направленную против группировки немецко-фашистских войск в Советском Заполярье. 15 октября советские войска овладели районом Петсамо и Лоустари. В тот же день командующий Карельским фронтом генерал армии К.А. Мерецков направил Верховному Главнокомандующему донесение, в котором в том числе говорилось: «Так как дорога на Сальмиярви, Наутси идёт возле норвежской границы и с территории Норвегии может держаться под огнём, прошу для обеспечения дороги разрешить переходить границу с Норвегией»[1]. 16 октября разрешение И.В. Сталина на пересечение границы Норвегии было получено, что и произошло через два дня. 25 октября был взят город-порт Киркенес.

[1] Русский архив: Великая Отечественная. Красная армия в странах Центральной, Северной Европы и на Балканах: 1944–1945: Документы и материалы. Т. 14–3 (2). М.: ТЕРРА, 2000. С. 574.

Узнав о его освобождении, представители норвежских эмигрантских властей, находившиеся в Лондоне, направили ряд благодарственных писем в адрес советских руководителей. Например, в одном из них говорилось: «Весь норвежский народ с восторгом будет приветствовать освобождение Дальнего Севера Норвегии, которое в ещё большей степени укрепит дружбу между нашими двумя странами»[2].

Несмотря на существовавшие у эмигрантского правительства Норвегии опасения, советские войска покинули Северную Норвегию (Восточный Финнмарк) в сентябре 1945 г. Это событие было положительно воспринято норвежским руководством, уже находившимся на родине. История освобождения Восточного Финнмарка Красной армией с течением времени стала превращаться в символ советско-норвежского сотрудничества, что нашло своё подтверждение в установке в Киркенесе монумента «отважным советским солдатам»[3] в 1952 г. Предложение о создании монумента выдвинули ещё в 1945 г. По мере его воплощения в жизнь проект памятника советскому воину-освободителю, созданный норвежским скульптором С. Фредриксеном, претерпел изменения. Первоначальный замысел скульптора был следующим: нога советского солдата в сапоге попирает немецкого имперского орла – символ Третьего рейха.

Однако советско-норвежские отношения не стояли на месте. Если в первые послевоенные годы Норвегия претендовала на то, чтобы проводить политику «наведения мостов» между Востоком и Западом, то в апреле 1949 г. страна стала одним из учредителей НАТО. Такая быстрая эволюция происходила на фоне разворачивавшейся холодной войны. Норвегия активно сближалась с ФРГ, а Советский Союз уже считался угрозой номер один. В контексте этих перемен норвежские власти стали учитывать то, что гербом ФРГ также является орёл. Для того чтобы избежать нежелательных параллелей, они приняли решение отпилить у уже отлитой птицы крылья и голову, а тело обработать таким образом, чтобы оно стало похоже на камень. Таким образом, зрители, присутствовавшие

---

[2] Советско-норвежские отношения 1917–1955. Сборник документов / Редколлегия: Чубарьян А.О., Ристе У., Комаров А.А., Лебедев И.В., Хольтсмарк С.Г., Коробочкин М.Л., Рогинский В.В., Эгге О. М., 1997. С. 359.

[3] На постаменте монумента на русском и норвежском языках помещена надпись: «Отважным советским солдатам в память об освобождении города Киркенес. 1944 г.».

8 июня 1952 г. на торжественном открытии «Русского монумента»[4], увидели, что советский солдат попирает не фашистского орла, а упирается ногой в камень.

Начиная с десятой годовщины освобождения Красной армией Северной Норвегии (Восточного Финнмарка), то есть с 1954 г., раз в пять лет в октябре в Киркенесе проводились юбилейные мероприятия, на которые приглашалась советская делегация. В условиях холодной войны такие празднования стали играть роль инструмента, поддерживающего добрососедские отношения. Коммеморативные практики содействовали как развитию двусторонних связей, так и формированию коллективной памяти о Второй мировой войне. Мнение К.А. Мерецкова, опубликованное в связи с 20-летием освобождения Северной Норвегии, характерно для советского исторического нарратива: «Нет никакого сомнения, что память о знаменательных событиях осени 1944 года ещё более скрепляет традиционную, вековую дружбу русских н норвежцев, заставляет их снова и снова осознавать насущную необходимость жить в мире, как живут добрые соседи»[5].

Проводимым в Киркенесе юбилейным мероприятиям норвежская сторона, с оглядкой на членство в НАТО, стремилась придать внутрирегиональный характер. Получалось, что в качестве организаторов торжеств выступали не центральные власти, а руководство фюльке Финнмарк. В состав приглашаемых советских делегаций традиционно входили представители руководства Мурманской области и ветераны Петсамо-Киркенесской операции. Однако ситуация изменилась после распада СССР и окончания холодной

---

[4] «Русский монумент» (*«Russermonumentet»*) – принятое в Норвегии наименование монумента в Киркенесе, посвящённого советскому солдату-освободителю. В своём выступлении в стортинге 30 марта 2022 г. В. Зеленский заявил, что «украинцы вместе с другими народами антигитлеровской коалиции освободили землю Европы от нацистских захватчиков». Обосновывая высказанный пассаж, он привёл следующий пример: «Первым солдатом, который во главе своего подразделения вошёл в освобождённый Киркенес в октябре 1944 года, был украинец из Сумщины – Федор Компаниец». При этом Зеленский предпочёл умолчать, что, будучи украинцем по национальности, упомянутый в его речи красноармеец был советским гражданином и приносил воинскую присягу СССР. Эта историческая манипуляция получила отклик в норвежских масс-медиа. Заголовок статьи в норвежской Википедии, посвящённой монументу в Киркенесе, был переименован. Если раньше статья называлась *«Russermonumentet»*, то в последних редакциях она озаглавлена иначе: *«Frigjøringsmonumentet i Kirkenes»* («Монумент освободителям в Киркенесе»).

[5] *Мерецков К.А.* Памятные дни // Правда. 26 октября 1964 г.

войны. В 1994 г. празднования по случаю 50-летия освобождения Восточного Финнмарка были организованы совершенно по-другому: Норвегия была представлена королём, президентом стортинга и министрами иностранных дел и обороны. С российской стороны в Киркенес прибыл министр иностранных дел и другие официальные лица. Эти перемены символизировали новый этап в отношениях двух стран. Говоря словами авторитетного норвежского историка Улава Ристе: «...после краха советского режима в отношениях между Россией и Норвегией наступила явная тенденция к улучшению»[6].

75-летие освобождения Восточного Финнмарка отмечалось в 2019 г. За несколько месяцев до памятных дней в Норвегии появилось несколько критических публикаций с предложениями изменить формат мероприятий. Тем не менее они прошли на прежнем высоком уровне. На торжественной церемонии 25 октября король Харальд V, в присутствии министра иностранных дел России С.В. Лаврова, отметил: «Мы знаем, каких потерь и жертв это стоило. Солдаты, которые воевали на советской стороне, – наши герои тоже»[7].

Весной 2022 г. в средствах массовой информации Норвегии стали публиковаться предложения о пересмотре норвежской дипломатии памяти, которую стали называть устаревшей. Западный нарратив, искажающий освободительную миссию Красной армии, распространялся всё шире. Осенью 2024 г. в связи с 80-й годовщиной освобождения Норвегии количество публикаций, посвящённых событиям октября 1944 г., заметно увеличилось. Так, на сайте Норвежской государственной вещательной компании (NRK) появилось интервью с ведущими историками страны, в котором утверждалось, что использование в Норвегии термина «освобождение» является советским нарративом: «Это советская сторона в 1944–1945 гг. поспешила назвать наступление на севере “освобождением”»[8].

---

[6] *Ристе У.* История внешней политики Норвегии. М.: Издательство «Весь Мир», 2003. С. 13.

[7] В Киркенесе отпраздновали 75-летие освобождения Северной Норвегии. 26 октября 2019. Сайт: Информационное агентство ТАСС // https://tass.ru/obschestvo/7048080 (дата обращения: 28.07.2025).

[8] *Horn K.-S.* Historiker: Dysser ned at Stalin hadde en pakt med Hitler // Сайт NRK: https://www.nrk.no/tromsogfinnmark/slik-blir-frigjoringen-av-ost-finnmark-brukt-i-russisk-propaganda-1.17094752 (дата обращения: 28.07.2025).

Однако исторические факты и тексты официальных телеграмм и приветствий представителей эмигрантского «лондонского» правительства в адрес советских руководителей в 1944–1945 гг. убеждают в неверности такого подхода. Нарратив об освобождении Северной Норвегии (Восточного Финнмарка) Красной армией стал активно использоваться норвежской стороной с конца октября 1944 г. Норвежские декларации об освобождении части территории страны были выгодны эмигрантскому правительству по политическим соображениям и играли большое символическое значение. Уместно напомнить, что Сталин в докладе 6 ноября 1944 г. на торжественном заседании, посвящённом 27-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, сказал о Петсамо-Киркенесской операции следующее: «Наконец, в конце октября этого года был осуществлён удар по немецким войскам в северной Финляндии, когда немецкие войска были выбиты из района Печенга и наши войска, преследуя немцев, вступили в пределы союзной нам Норвегии»[9]. Термин «освобождение» по отношению к Северной Норвегии Сталин не применил.

Торжественные мероприятия в честь 80-летия освобождения Восточного Финнмарка традиционно состоялись 25 октября 2024 г. около монумента советскому солдату-освободителю в Киркенесе. Однако в отличие от прежней практики норвежские и российские представители провели их по отдельности. Норвежскую сторону, которая выступила первой, представлял прибывший из Осло заместитель министра иностранных дел, а также мэры Финнмарка и Сер-Варангера. Через полтора часа церемонию провело Генеральное консульство Российской Федерации в Киркенесе.

Только будущее покажет, вернётся ли традиция совместных российско-норвежских церемоний, посвящённых годовщинам освобождения Восточного Финнмарка Красной армией.

---

[9] *Сталин И.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. Государственное издательство политической литературы. М., 1950. С. 278.

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ О БОРНХОЛЬМСКОМ ДЕСАНТЕ КАК ФАКТОР СОВЕТСКО- И РОССИЙСКО-ДАТСКИХ ОТНОШЕНИЙ (1945–2025)

О.В. Григорьева, Н.О. Плюснин

80-летняя годовщина окончания Второй мировой войны побуждает научное сообщество и в России, и за рубежом обращаться к известным событиям тех лет, чтобы пролить на них «новый свет», и к вовсе «неизвестным страницам» истории. Всегда остаются в тени события, которые по тем или иным причинам не приобрели широкую известность. Среди них – «затянувшееся», по выражению Б. Енсена[1], советское присутствие на датском острове Борнхольм с 9 мая 1945 г. по 5 апреля 1946 г. после взятия Берлина и на завершающем этапе боевых действий на европейском театре Второй мировой.

Возможно, это был бы один из незначительных эпизодов военной истории, если бы он не получил столь широкую огласку в датском и российском публичном дискурсе. Отсутствие специализированных исследований присутствия Красной армии на датском острове в течение одиннадцати месяцев в отечественной историографии сопровождается увеличивающимся количеством подобных исследований в Дании, что сильно влияет на развитие исторических нарративов относительно данных событий.

«Борнхольмский фактор» становится всё более значимым в современных российско-датских отношениях, поэтому особенно важно выявить особенности нарративов в двух странах и составляющие официальных дискурсов. Встаёт исследовательский вопрос: «Каким образом артикулируется и используется историческая память о присутствии Красной армии на острове Борнхольм дат-

[1] *Jensen B.* Den lange befrielse: Bornholm besat og befriet 1945–1946. Odense: Odense Universitetsforlag, 1996. S. 345.

ской и российской сторонами?» Под памятью о Борнхольмском десанте мы понимаем историческую память о советских авиаударах по силам вермахта на острове 7–8 мая 1945 г., десантной операции Балтийского флота и 2-го Белорусского фронта 9 мая 1945 г. после отказа немецкого гарнизона капитулировать, а также о присутствии сил Красной (с февраля 1946 г. – Советской) армии на острове с 9 мая 1945 по 5 апреля 1946 г.[2]

4 мая 2025 г. в Дании широко отмечалось 80-летие освобождения страны от нацистской оккупации. Главные официальные мероприятия проходили на мемориальном кладбище Миннелунн, где захоронены погибшие участники датского движения Сопротивления[3]. Мероприятия посетили король и королева Дании, другие члены монаршей семьи, премьер-министр Метте Фредериксен, члены правительства, депутаты Фолькетинга, военные, ветераны. В своём обращении М. Фредериксен уделила внимание и истории освобождения Борнхольма, в частности сказав: «Давайте мысленно обратимся к Борнхольму, который 80 лет назад пережил ещё один тяжёлый этап войны. Пока остальная часть Дании восторженно встречала майские дни 45 года, города Нексе и Рене подверглись советским бомбардировкам. После этого почти на год Борнхольм был оккупирован. Остальная часть Дании не должна забывать об этом»[4].

Обратим внимание на три момента. Во-первых, датский премьер-министр сводит всю операцию по освобождению острова от немецких оккупантов к авиаударам, нанесённым советской авиацией. Это традиционный подход в датском публичном дискурсе: превращение бомбардировок в настоящую трагедию для борнхольмцев, хотя для датского правительства это признание собственной некомпетентности. Именно из-за этого о событиях того времени долго ничего не говорили публично[5]. Во-вторых, присутствие 132-го стрелкового корпуса на острове с мая 1945 г. по апрель 1946 г. Фредериксен называет «оккупацией» вслед

---

[2] *Басов А.В.* Десант на остров Борнхольм // Военно-исторический журнал. 1966. № 5. С. 27–39.

[3] Statsministeren markerer 80-året for Danmarks befrielse. Statsministeriet. URL: https://stm.dk/presse/pressemeddelelser/statsministeren-markerer-80-aaret-for-danmarks-befrielse/ (датаобращения: 25.05.2025).

[4] Mette Frederiksens tale ved 80-året for Danmarks befrielse. Danske Taler. URL: https://www.dansketaler.dk/tale/mette-frederiksens-tale-ved-80-aret-for-danmarks-befrielse (дата обращения: 25.05.2025).

[5] *Jensen B.* Op. cit. S. 345.

за большинством, но не всеми датскими историками. Такое восприятие прошлого не имеет ничего общего с объективным взглядом на историю советско-датских отношений и продиктовано исключительно желанием вызвать отрицательные эмоции у аудитории и антироссийскими настроениями Копенгагена. В-третьих, в речи премьер-министра поднят вопрос о «забвении» этой части истории, и, действительно, во время нахождения советских солдат на Борнхольме и долгое время после датские правительства замалчивали события того времени, подвергали цензуре любые упоминания о нем.

Именно политика «забвения» получила наибольший резонанс среди датской общественности, особенно на самом Борнхольме. Дело в том, что касательно данного исторического сюжета у части датчан претензии обращены к собственному правительству, а не к советским солдатам, отношение к которым изначально в целом было дружелюбным. Неспособность датских министров того времени достичь договорённости с советской стороной и объяснить подданным, в первую очередь борнхольмцам, что происходит, окружение их на долгое время информационной блокадой вызывает критику датских исследователей[6].

Вскоре после того выступления М. Фредериксен одно борнхольмское издание в интервью обратилось к ней с вопросом, собираются ли власти страны принести извинения за то, что они допустило бомбардировки острова, а затем хранило молчание и держало людей в неведении?[7] Премьер-министр ушла от ответа, лишь заявив, что самое важное – это «напомнить остальной Дании, что Борнхольм на самом деле не был освобождён, когда были освобождены остальные датские территории»[8].

Реакция российской стороны также не заставила себя ждать ввиду крайне небрежного отношения датской стороны к историческому наследию Второй мировой войны. Посол РФ в Дании В.В. Барбин в интервью 9 мая 2025 г. журналисту программы «Радио 4» телерадиокомпании «ДР» А.Ф.Р. Вентофту отметил, что в Европе, и в Дании в частности, «стремятся переписать историю, выхолащивая из неё решающий вклад Советского Союза в победу

---

[6] *Jensen B.* Op. cit. S. 345.

[7] Statsministeren vil ikke anerkende svigt efter bombardementerne. TV2/Bornholm. 07.05.2025. URL: https://www.tv2bornholm.dk/artikel/statsministeren-vil-ikke-anerkende-svigt-efter-bombardementerne (дата обращения: 25.05.2025).

[8] Ibid.

над фашистской Германией»[9]. Российский дипломат отметил, что датское определение присутствия Красной армии на острове Борнхольм как «оккупации» – это не ошибка, а «сознательное искажение истории»[10]. Если бы «Дания рассматривала советских военнослужащих как оккупантов, – сказал он, – то они бы не получили бы датских орденов и наград»[11].

В ходе брифинга 15 мая 2025 г. официальный представитель МИД России М.В. Захарова отдельно затронула тему 80-летия освобождения Борнхольма. Она отметила, что Дания извращает историю исключительно «по соображениям политической конъюнктуры»[12], замалчивает тот факт, что «из государств антигитлеровской коалиции, вооружённые силы которых размещались в Дании в годы Второй мировой войны, Советский Союз первым вывел свои части из страны»[13] в отличие от Великобритании и США. Дания пренебрежительно относится к взятому на себя обязательству осуществлять управление Борнхольмом «без какого бы то ни было участия иностранных войск»[14], что создаёт «угрозы безопасности России в Балтийском регионе»[15].

Здесь необходимо обратиться к обмену дипломатическими нотами от 5 и 8 марта 1946 г. В ноте от 5 марта МИД СССР указывал, что «советское правительство отзовёт свои войска с Борнхольма и сдаст его Датскому государству», если Дания «в состоянии теперь же занять своими войсками о. Борнхольм и учредить на Борнхольме свою администрацию без какого-либо участия иностранных войск и иностранных администрато-

---

[9] Цит. по: Комментарий Посла России в Дании В.В. Барбина журналисту программы «Радио 4» телерадиокомпании «ДР» Андреасу Фредерик Руне Вентофту (9 мая 2025 года) // Посольство Российской Федерации в Королевстве Дания. URL: https://denmark.mid.ru/ru/rossijsko-datskie-otnosenia/kommentariy_posla_rossii_v_danii_v_v_barbina_dlya_zhurnalista_programmy_radio_4_teleradiokompanii_dr/ (дата обращения: 25.05.2025).

[10] Цит. по: там же.

[11] Цит. по: там же.

[12] Цит. по: Брифинг официального представителя МИД России М.В. Захаровой. Москва, 15 мая 2025 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации 15.05.2025 14:25. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/2017589/#5 (дата обращения: 25.05.2025).

[13] Цит. по: там же.

[14] Цит. по: там же.

[15] Цит. по: там же.

ров»[16]. В ответной ноте Стокгольма правительству СССР от 8 марта сообщалось, что «Дания вполне способна немедленно занять остров Борнхольм своими войсками и установить на Борнхольме свою администрацию без какого-либо участия иностранных войск и администрации»[17]. Надо сказать, что датская сторона в последующем соблюдала взятые на себя обязательства, включая историю с отменой по требованию Советского Союза выступления американского военного оркестра на выставке животных в Борнхольме в 1982 г. В то же время неоднократно в публичных заявлениях датских политиков звучали слова о том, что долгосрочных обязательств у Дании перед СССР нет[18].

В настоящее время, по мнению российской стороны, Борнхольм становится источником «генерирования напряжённости и нестабильности в Балтийском регионе», превращается «в комфортную платформу проецирования США угроз для безопасности России»[19], используется для проведения военных учений США и Дании, в том числе по размещению на нем ударной системы с ракетами средней дальности[20].

* * *

Анализ современных нарративов позволяет сделать ряд выводов о российском и датском подходах к событиям на Борнхольме в 1945–1946 гг. В России освобождение острова вписывают в более крупные исторические процессы освобождения Красной армией европейских стран. В Дании же локализуют эти события, вырывая из исторического контекста. В центр внимания помещается вопрос о «затянувшейся оккупации» Борнхольма и о целесообразности бомбардировок портовых сооружений городов Ренне и Нексе

---

[16] Цит. по: *Marschner J.* Her er historien bag den russiske Bornholm-aftale // Bornholms Tidende. Mandag 14. februar 2022 19:00. URL: https://tidende.dk/politik/her-er-historien-bag-den-russiske-bornholm-aftale/118294 (дата обращения: 25.05.2025).

[17] Цит. по: *Marschner J.* Her er historien bag den russiske Bornholm-aftale..

[18] См.: ibid.

[19] Посол России в Дании назвал остров Борнхольм источником нестабильности // РИА Новости 19:06 14.05.2024. URL: https://ria.ru/20240514/bornkholm-1945982738.html (дата обращения: 25.05.2025).

[20] В МИД РФ прокомментировали учения США и Дании на острове Борнхольм // Газета.ru 15 мая 2025, 13:28. Екатерина Волкова. URL: https://www.gazeta.ru/army/news/2025/05/15/25790222.shtml?updated (дата обращения: 25.05.2025).

Незавершённость юридического закрепления нейтрального статуса острова привела к неопределённости в российско-датских отношениях. Различные интерпретации нот от 5 и 8 марта 1946 г. постоянно вызывали недопонимание между сторонами. Можно говорить о зримом присутствии «Борнхольмского фактора» и в современных двусторонних отношениях, где Копенгаген повторяет тезис об «исторической травме бомбардировок», а Москва подчёркивает подвиг советских войск в деле освобождения Европы от нацизма и необходимость соблюдать нейтральный статус острова.

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА КАК «МЕСТО ПАМЯТИ» В ОТНОШЕНИЯХ РОССИИ И ИСЛАНДИИ

Е.С. Панков

С закрытия посольства Исландии в Москве в 2023 г. дипломатические отношения Москвы и Рейкьявика оказались фактически заморожены. Кризис двусторонних отношений сопоставим по своей глубине и длительности лишь с ситуацией, в которой отношения двух стран оказались на раннем этапе холодной войны: в октябре 1950 г. Рейкьявик прекратил работу миссии в Москве и отозвал аккредитованных там дипломатов (они вернулись в СССР через три года[1]).

Нынешняя пауза в межгосударственном диалоге предоставляет исследователям возможность для переосмысления мемориального ландшафта двусторонних отношений, в котором коммеморативный потенциал Второй мировой войны остаётся в значительной мере нереализованным. Взаимодействие СССР и Исландии в тот период было гораздо более объёмным и многогранным, чем принято считать – не зря глава МИД СССР А.А. Громыко, принимая министра иностранных дел Исландии Э. Аугустссона в Москве в 1975 г., подчёркивал: «В годы Второй мировой войны Исландия фактически была в рядах антигитлеровской коалиции»[2].

Такая оценка министра отнюдь не была продиктована исключительно дипломатическими соображениями. Во время войны отсутствие у Исландии собственных вооружённых сил компенсировалось за счёт важного стратегического положения острова в Северной Атлантике. В пользу этого говорит и тот факт, что именно тогда СССР и Исландия приняли решение об установлении прямых дипломатических отношений и отправили дипломатические миссии в столицы друг друга.

---

[1] СССР/Россия – Исландия. 1943–2008 гг. Сборник документов. Ижевск: Книгоград, 2013. С. 71.

[2] Правда. 04.04.1975.

Несмотря на формальное сохранение за Исландией статуса нейтрального государства на всём протяжении войны, исландский народ внёс ценный вклад в победу над государствами-агрессорами: весной 1940 г. на территории Исландии высадились британские войска, а в 1941 г. – американские[3]. Во время конфликта Исландия была вовлечена в сферу стратегических коммуникаций между союзниками, а жители острова обеспечивали функционирование необходимой для этого инфраструктуры[4]. В самый напряженный период войны через остров проходил маршрут «северных конвоев» из США в СССР[5]. После начала его работы Москва отправила своего представителя в Исландию для координации поставок по ленд-лизу, проходивших через Хвальфьордур на западном побережье острова, Рейкьявик – на юго-западном, Сейдисфьордур – на восточном, Акюрейри – на северном[6]. В западной гавани также осуществлялась дозаправка судов[7].

В начале мая 1942 г. скопление в гаванях острова 90 судов с важными для СССР грузами стало темой обсуждения в переписке И.В. Сталина и У. Черчилля. Хозяин Кремля писал британскому премьер-министру: «У меня к вам просьба: 90 судов с различными важными для СССР материалами застряли в Исландии и на подступах к Исландии. Есть опасность долгой задержки из-за трудности организовать конвой в сопровождении британских морских сил. Тем не менее, хотя я вполне сознаю трудности и жертвы, понесённые в этом деле Англией, прошу Вас принять необходимые меры для доставки всех указанных материалов в СССР в течение мая»[8].

---

[3] *Воротников В.В., Панков Е.С.* Трансформация подхода США к определению границы Западного полушария в Северной Атлантике накануне размещения вооружённых сил в Исландии в 1941 г. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. № 8(130). С. 7.

[4] Подробнее см.: *Hálfdanarson G.* "The Beloved War": The Second World War and the Icelandic National Narrative // Nordic Narratives of the Second World War: National Historiographies Revisited. Ed. by Stenius H., Österberg M., Östling J. Lund: Nordic Academic Press, 2011.

[5] Русский архив: Великая Отечественная. Т. 21(10). Приказы и директивы народного комиссара ВМФ в годы Великой Отечественной войны: Док. и материалы. М., 1996. С. 186.

[6] Morgunblaðið, 19.03.1969. Bls. 13.

[7] The National Archive. CAB 79/8/43. P. 205.

[8] *Печатнов В.О., Магадеев И.Э.* Переписка Сталина с Рузвельтом и Черчиллем в годы Великой Отечественной войны. Том 1. Москва: Олма медиа групп, 2015. С. 153.

Вместе с конвоями через остров шла и дипломатическая почта из советского посольства в США. В частности, когда осенью 1942 г. германская подводная лодка потопила покинувший Рейкьявик и вошедший в Норвежское море корабль «Сталинград», курьеры НКИД Михаил Дмитриевич Шмаков и Иван Иванович Хромов погибли, пытаясь спасти дипломатическую почту[9].

После того как США вступили в войну в декабре 1941 г., остров также стал ключевым узлом для авиасообщения между столицами стран «большой тройки». Он обеспечивал наиболее удобный маршрут из Москвы в Вашингтон, поскольку США и Великобритания создали аэродромы в Исландии. В частности, в мае–июне 1942 г. нарком иностранных дел СССР В.М. Молотов останавливался в Исландии на пути в США. Об интересном эпизоде взаимодействия советских и американских лётчиков в Исландии рассказывает О.А. Ржешевский: на аэродроме в Рейкьявике полковник ВВС США Арнольд предупредил советских лётчиков о технических особенностях воздушных трасс в Северной Атлантике – случайная встреча «оказалась жизненно важной для экипажа и пассажиров». Сами лётчик и штурман рассказывали писателю К.М. Симонову о необычайной сложности этого перелёта и холодном спокойствии Молотова во время сложных ситуаций. Кроме этого, в ноябре 1942 г. через Исландию добирался в Швецию советский дипломат В.И. Ерофеев, помощник посла А.М. Коллонтай. При этом строительство и обслуживание транспортной инфраструктуры на острове осуществлялось при активном участии местного населения.

После нападения Германии на СССР 22 июня 1941 г. в поддержку советского народа незамедлительно выступил один из известных писателей Исландии Халлдор Лакснесс – будущий нобелевский лауреат по литературе. Писатель проявлял симпатии к СССР ещё до войны, неоднократно посещал его и публиковал травелоги о советских реалиях[10]. Активная общественная позиция влиятельного литератора способствовала распространению влияния СССР не только в Исландии, но и среди скандинавской аудитории Лакснесса. В конце июля 1941 г. «Литературная газета»

---

[9] Сотрудники Народного комиссариата иностранных дел на фронтах Великой Отечественной войны. Хроника. Факты. Люди. Москва, 2020. С. 335–336.

[10] *Панков Е.С.* Советская действительность в книге Халлдора Лакснесса «Путь на восток» (1933) // Альманах североевропейских и балтийских исследований. 2023. № 8. С. 35–52.

опубликовала телеграмму писателя, где среди прочего говорилось: «В миллионах скромных семейств, во всех уголках мира, все слабые и все беззащитные инстинктивно возлагают надежды на Красную армию, которая сражается за их мирное существование и за будущую безопасность их семейного очага, их детей и стариков. Они возносят молитвы о победе Красной армии над фашистами. В настоящей борьбе рабочие и интеллигенты всего мира, независимо от убеждений и политической ориентации, всем сердцем с Красной армией. Мы хотим сохранить своё человеческое достоинство и поэтому желаем вам победы...»[11].

Ярче всего поддержка со стороны исландского народа проявилась на завершающем этапе войны – после того как СССР и Исландия установили прямые дипломатические отношения и в Рейкьявик прибыла советская дипломатическая миссия во главе с Алексеем Николаевичем Красильниковым (1909–1979)[12]. Первым крупным мероприятием, которое дипломаты организовали летом 1944 г., стала фотовыставка «Ленинград – Сталинград» о героическом подвиге защитников и жителей этих городов. Среди 3500 гостей были высокопоставленные политики и президент. Потрясённые исландцы пожертвовали на восстановление сталинградских госпиталей 6000 крон – около 5400 руб. в пересчёте на советские деньги[13]. По этому поводу советские дипломаты сообщали в «центр»: «Можно было заметить любопытное явление. Некоторые посетители не жертвовали на постройку сталинградского госпиталя при входе на выставку, но после просмотра выставки вносили деньги»[14]. Несмотря на формальный нейтралитет исландского государства, его граждане с сочувствием отнеслись к подвигам жителей СССР, и собранные ими средства были направлены на послевоенное восстановление.

Кроме фотовыставок, большой популярностью пользовались советские кинофильмы; на их просмотр приглашались не только высокопоставленные представители власти и дипломатического

---

[11] «Всем сердцем с Красной армией». Телеграмма исландского писателя... // Литературная газета, 30.07.1941. С. 1.

[12] Þjóðviljinn, 09.03.1944. Bls. 8.

[13] Для сравнения, в соответствии со сметой на содержание миссии, подготовленной НКИД и одобренной Наркомфином в 1943 г., месячный оклад главы советской миссии составлял 2500 руб.: инвалютная часть – 2100 руб., в червонцах – 400 руб. Государственный архив РФ (далее – ГА РФ). Ф. Р5446. Оп. 44а. Ед. хр. 188. Л. 10.

[14] ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 2а. Ед. хр. 22. Л. 165.

корпуса, но и обычные граждане. В 1944–1945 гг. с успехом были показаны киноленты «Пётр Первый», «Кутузов», «Оборона Царицына»[15].

8 мая 1945 г. советский посланник А.Н. Красильников принимал участие в празднованиях по случаю Дня Победы в Рейкьявике. Когда президент и премьер-министр Исландии завершили обращение к собравшимся у здания парламента, они пригласили на балкон посланников четырёх держав: СССР, США, Великобритании и Франции. Исландцы дружно аплодировали союзникам[16].

Таким образом, события Второй мировой войны могут рассматриваться как одно из ключевых «мест памяти» в мемориальном ландшафте российско-исландских отношений. При этом его кооперативный потенциал отнюдь не исчерпывается описанными сюжетами – даже применительно ко Второй мировой войне. Например, по-прежнему не исследованными остаются страницы жизненного и профессионального пути советских дипломатов, занятых на исландском направлении в 1943–1945 гг. Многие из них проявили себя не только на дипломатическом поприще, но и непосредственно на фронте. В этой связи необходимо отметить, помимо посланника СССР в Исландии в 1943–1946 гг. А.Н. Красильникова, сменившего его в этой должности Василия Арсеньевича Рыбакова, первого секретаря миссии и уполномоченного Всесоюзного общества по культурным связям с заграницей Ивана Юдаевича Корчагина, второго секретаря миссии Павла Егорова[17], советника Николая Гусева[18].

Приведённые сюжеты межгосударственного и межобщественного взаимодействия СССР и Исландии в годы войны могут внести значимый вклад в восстановление российско-исландского диалога по мере изменения ситуации в международных отношениях к лучшему. Несомненно, что мемориальная дипломатия призвана сыграть в этом процессе важную роль.

---

[15] ГА РФ. Ф. Р5283. Оп. 2а. Ед. хр. 22. Л. 156, 161; АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. Д. 455. П. 32. Л. 190.

[16] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. Д. 455. П. 32.

[17] Almanak Hins íslenska þjóðvinafélags um árið 1946. Reykjavík: Ríkisprentsmiðjan Gutenberg, 1945. Bls. 46. Отчество неизвестно.

[18] Отчества неизвестны.

III. Страницы предвоенной и послевоенной истории

БОЛГАРСКАЯ ПОЛИТИКА «НЕАНГАЖИРОВАННОСТИ» ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-Х ГГ. И ЕЁ СОВРЕМЕННЫЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ

Д.И. Полывянный

Большую пищу для размышлений представляет возвращение в болгарский общественно-политический дискурс понятия «неангажированность» («неангажираност»), введённого в научный оборот в конце 1960-х гг. выдающимся болгарским историком Николаем Генчевым (1931–2000), исследовавшим внешнюю политику Болгарии второй половины 1930-х и начала 1940-х гг. В обстановке ревизии Версальского порядка Болгария, рассчитывая на сближение Германии и Великобритании, одновременно стремилась избежать вовлечения в надвигавшийся европейский конфликт и вернуть территориальные потери 1913 и 1919 гг. «Неангажированность» болгарской внешней политики в 1936–1941гг., по словам Генчева, сочетала «лояльность к великим силам-победительницам» и добрососедские отношения с балканскими странами с «умеренным и мирным ревизионизмом, рассчитывавшим на дипломатические средства, поддержку Лиги наций и двусмысленности договора в Нейи»[1].

В июне 1938 г. Борис III выразил суть этой политики в беседе с германским посланником в Софии О. Рюмелином: «Болгария намерена проводить свою внешнюю политику *без определённых*

[1] *Генчев Н.* Външната политика на България 1938–1941. София: Вектор, 1998. С. 14.

обязательств»[2]. В духе этой политики Болгария в 1936 г. поддержала Турцию на конференции по черноморским проливам в Монтрё, а в 1938 г. соглашением с Балканской Антантой в Фессалониках добилась пересмотра военных ограничений договора 1919 г. в Нейи. Борис III выступил посредником между Н. Чемберленом и А. Гитлером при подготовке Мюнхенской конференции 1938 г., в которой видел возможность сохранить в Европе мир.

После Мюнхена давление на Болгарию усилилось в целях определить позицию страны в надвигавшейся войне, и его объектами, помимо царя и его правительства, стали различные политические силы страны, поддержку которых стремились получить как Германия и Италия, так и Великобритания и Франция. Активизировалась и политика Москвы на болгарском направлении. Борис III, располагая всей полнотой власти, прилагал значительные усилия для сохранения «неангажированности» страны. Советско-германский пакт о ненападении от 23 августа 1939 г. был воспринят царём как возможность мирного воссоединения Южной Добруджи в будущем. Когда это случилось в результате Крайовского соглашения от 7 сентября 1940 г., подписанного Бухарестом по настоянию СССР и Германии, Борис III в тронной речи перед Народным собранием заявил: «Проводившаяся нами [внешняя] политика привела к счастливому результату»[3]. Результат действительно оказался счастливым: Южная Добруджа по сей день остаётся территорией Болгарии.

Последним актом «неангажированности» стали события осени 1940 г., когда Болгария «увернулась» и от предложения Германии наряду с другими малыми странами Европы присоединиться к Тройственному пакту, и от принятия советских гарантий, предложенных во время повторного визита в Софию генерального секретаря НКИД СССР А.А. Соболева[4]. Чашу весов в сторону Берлина склонило обещание Гитлера вернуть Болгарии утраченные в 1913 и 1919 гг. земли. Страна вступила в Тройственный пакт 1марта 1941 г., а 19–20 апреля болгарские войска вошли в Западную Фракию, Македонию и так называемые Западные земли.

---

[2] *Генчев Н.* Външната политика на България 1938–1941. С. 22.

[3] Там же. С. 89.

[4] *Валева Е.Л.* Болгария во внешнеполитических планах Москвы и Берлина (1939–1941 гг.) // Историки-слависты МГУ. Кн. 6. Б.Н. Билунов. М., 2008. С. 211–232.

Разговоры о «неангажированности» возобновились в учёных и общественных кругах Болгарии в начале 1990-х гг. в связи с распадом Югославии. Новые политические силы Болгарии нашли временный консенсус против вовлечения страны в любые самостоятельные или коллективные силовые действия, сразу и почти одновременно признав независимость Словении, Хорватии, Боснии и Герцеговины и, первыми в мире, – Македонии. Более того, президент Ж. Желев (1990–1997) договорился о признании Москвой независимости Республики Македонии во время визита в Софию президента России Б.Н. Ельцина в августе 1992 г. В подписанном в ходе визита без ограничения срока действия Договоре о дружественных отношениях и сотрудничестве между Россией и Болгарией стороны приняли взаимные обязательства «по охране и развитию национальной, языковой, культурной и религиозной самобытности постоянно проживающим в Болгарии гражданам РФ и болгарским гражданам – выходцам из России и соответственно, постоянно проживающим в Российской Федерации болгарским гражданам и российским гражданам болгарской национальности»[5].

Большинство политических сил страны видели целью внешней политики «возвращение Болгарии в Европу» путём вступления страны в ЕС и НАТО. В 1990-е гг. в болгарской внешней политике обозначился тренд на уклонение от участия в коллективных акциях по поддержанию эмбарго на связи с Союзной Республикой Югославией, введённого СБ ООН резолюцией 757 от 30 мая 1992 г. Исходя из принципа невмешательства в военные конфликты, Болгария не только отказывалась от участия в миротворческих операциях на территории бывшей Югославии, но и предлагала Генеральному секретарю ООН Б.Б. Гали исключить участие балканских стран в *UNPROFOR*. Правительство Болгарии отказывалось пропускать через территорию страны в Боснию турецкий контингент и грузы для миссий ООН в Македонии. Президент Ж. Желев, провозгласивший курс на вступление страны в НАТО ещё во время избирательной кампании в 1990 г., предлагал возложить контроль за соблюдением санкций на Североатлантический альянс[6].

---

[5] Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/48627/ (дата обращения: 05.07.2025).

[6] *Банчев Б.* България и югославската криза (1989–1995 г.) // Анамнеза. 2008. № 2. С. 159–185.

В январе 1993 г. серьёзный международный кризис возник в связи с претензиями СБ ООН к Болгарии и Румынии в нарушении эмбарго из-за прохода по Дунаю нефтеналивных барж из украинского порта Рени в Панчево. Обе страны отказались применять силовые методы для контроля и задержания нарушителей эмбарго, и в конечном счёте функции контроля за соблюдением санкций были возложены на Западноевропейский союз, который этой миссией завершил свою историю[7].

В 1996–1997 гг. «неангажированность» Болгарии в общественном дискурсе стала приобретать антинатовские и антизападные черты на фоне финансовых потерь государства от эмбарго против Югославии, роста контрабанды и экономической преступности. В то же время Болгария выступала с декларациями в защиту болгарских меньшинств в странах, вовлечённых в югославский конфликт, вторя отдельным акцентам «неангажированности» 1930-х гг. Предел второму явлению «неангажированности» положили операция НАТО «Союзная сила», начавшаяся 24 марта 1999 г., и участие США в урегулировании албано-македонского конфликта 1999–2001 гг. С началом бомбардировок Югославии 25 марта 1999 г. Народное собрание выступило с заявлением, что Болгария «не будет участвовать прямо или косвенно в военных действиях против СР Югославии и декларирует свою солидарность с НАТО в усилиях предотвратить разрастание кризиса в Косово», и призвало правительство СРЮ «подписать соглашение о мире и этим предотвратить новые человеческие жертвы и разрушения»[8].

Против принятия декларации выступила фракция Болгарской социалистической партии во главе с Г. Пырвановым. Тремя годами позднее он был избран президентом Болгарии (2003–2013) и вместе с внуком Бориса III – премьер-министром Болгарии Симеоном Сакс-Кобург-Готским (2001–2009) – завершил процесс вступления Болгарии в НАТО. Во время операций альянса по разрешению албано-македонского конфликта «*Necessary Harvest*» и «*Amber Fox*» в Македонии (2001–2002) Болгария, не участвуя в них непосредственно, предоставляла альянсу логистическую и иную поддержку.

Современное явление «неангажированности» в болгарском общественно-политическом дискурсе вызвано обеспокоенно-

---

[7] *Банчев Б.*Ембаргото срещу Югославия и България през 1993 (Случаят "Бихач"). // Международни отношения. 2005. № 6. С. 109–118.

[8] Българската позиция по кризата в Косово. URL: https://www.omda.bg/public/bulg/news/kosovo/Balkani_posit.htm (дата обращения: 05.07.2025).

стью большинства населения и многих политических сил страны возможным вовлечением Болгарии в украинский конфликт. 21 февраля 2025 г. Народное собрание выступило с заявлением «О неучастии болгарских вооружённых сил в военных действиях на территории Украины», преамбула которого содержала ссылку на «союзные обязательства» (болг. «ангажименти») по отношению к НАТО, а п. 2 выражал позицию НС о «неучастии болгарских вооружённых сил в военных действиях на территории Украины». В ходе обсуждения резолюции один из лидеров коалиции «Продолжаем перемены – Демократичная Болгария» А. Василев, отвечая на заявление одного из депутатов, что «в войне между Украиной и Россией нет агрессора», возразил ему примером «из истории»: «5 сентября 1944 г., ...вопреки тому, что Болгария не воевала против России (т. е. СССР. – *Д.П.*), что мы поддерживали с ней дипломатические отношения во время всей Второй мировой войны, Россия неспровоцированно объявляет войну Болгарии... вторгается оккупационным корпусом в триста тысяч человек и заставляет нас платить репарации»[9].

Версия окончания Второй мировой войны, которую изложил сооснователь партии, прозванной «умными и красивыми», имеет мало общего как с реальной историей, так и с политикой «неангажированности» в её первом издании, и в ещё меньшей степени свидетельствует о способности нынешних болгарских элит умело проводить её современный аналог – «модель бесконфликтной адаптации к колебаниям конъюнктуры на европейском континенте»[10].

Этой модели в общих чертах отвечает позиция президента Р. Радева, включающая, наряду с «неангажированностью» Болгарии в войне НАТО на Украине, поддержку болгарских «исторических сообществ» в соседних балканских странах. По завершении второго президентского срока осенью 2026 г. такая позиция в сочетании с личным авторитетом Радева вполне способна продлить его политическую карьеру. Однако вопрос, может ли она в долговременном плане обеспечить внешнеполитические перспективы страны, остаётся открытым.

---

[9] Народно събрание на Република България. URL: www.parliament.bg/bg/plenaryst/ns/55/ID/10978 (дата обращения: 05.07.2025)

[10] Западные механизмы управления региональной безопасностью и их уязвимости на примере Балканского и Сахаро-Сахельского регионов: доклад / Под ред. Е.Г. Энтиной, А.А. Пивоваренко. М.: Фонд Горчакова, 2025. С. 26.

«БАЛТИЙСКАЯ АНТАНТА» И ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО СТРАН ПРИБАЛТИКИ И ФИНЛЯНДИИ

Н.М. Межевич

События 2024 г. заставляют по-новому посмотреть на вопросы безопасности восточной части Балтийского моря. Европейский союз фактически провозгласил ограниченную морскую блокаду российских портов на Балтике, объясняя это режимом санкций и вводя новое понятие в сфере международного морского права – «теневой флот». Задержания судов танкерного флота, который перемещался в направлении портов Российской Федерации и ответные действия России позволяют говорить о новой ситуации не только в сфере торговли, международных отношений, но и появлении новых угроз безопасности.

Восточная Балтика как региональный комплекс безопасности в классическом понимании становится реальностью. В этом в контексте следует посмотреть на ситуацию с региональной безопасностью в 1920-е – 1930-е гг. Финско-эстонские планы перекрытия Финского залива и попытки создания военно-политического союза Эстонии, Латвии, Литвы в прошлом веке рассматриваются именно в этом контексте.

1 ноября 1923 г. главы МИД Латвии и Эстонии подписали договор, по которому обязались предоставить друг другу военную помощь, если на одну из стран нападёт третья страна. Кроме этого, между Ригой и Таллином были решены экономические и таможенные вопросы. 12 сентября 1934 г. Литва, Латвия и Эстония подписали в Женеве договор о сотрудничестве, согласии и взаимной помощи. Соглашение получило название «Балтийская Антанта». Страны обязались координировать свою внешнюю политику, оказывать друг другу политическую и дипломатическую поддержку[1].

[1] Договор о взаимопонимании и сотрудничестве, подписанный в Женеве 12 сентября 1934 года, и Декларация от той же даты [1934] LNTSer 227; 154 LNTS 93 // https://www.worldlii.org/int/other/LNTSer/1934/227.html

Формально это не был военный союз: участники пакта договорились поддерживать друг друга политически и оказывать дипломатическую поддержку в международных вопросах, при этом все три страны должны были придерживаться политики нейтралитета. Примечательно, что первоначально создание «Балтийской Антанты» не вызвало озабоченности Советского Союза, поскольку не исключался опасный германо-польский пакт. В работах советских учёных второй половины 1930-х годов. «Балтийская Антанта» почти не упоминается: в СССР всерьёз она не воспринималась[2].

Постепенно альянс стал представлять угрозу для СССР. Попытка подключить к союзу Финляндию и рост влияния Германии объективно указывал на стремление использовать Прибалтику в качестве плацдарма против Советского Союза. Раздражающим фактором для Москвы стала попытка стран Балтии оживить деятельность «Балтийской Антанты» путём проведения как секретных консультаций политического и военного характера, так и с помощью более формализованных координационных мероприятий.

В 1938 г. Эстония, Латвия и Литва отказались от автоматического применения статьи 16 Устава Лиги Наций, позволявшей, среди прочего, транзит советской военной силы по их территории, акватории и воздушному пространству для борьбы с агрессором в случае нападения на Чехословакию. Берлин при поддержке Таллина сумел надавить на Ригу и Каунас, выступив с угрожающей позицией: руководство Третьего рейха «не считает нейтральными страны, допускающие проход иностранных войск через их территории». В результате 19 сентября 1938 г. Эстония и Латвия, а 22 сентября – Литва заявили о необязательности применения упомянутой статьи, приняв тем самым и германское толкование «нейтралитета». В 1939 г. все три прибалтийские страны подписали пакты о ненападении с Германией: Литва – 22 марта (одновременно с передачей Клайпедского края Рейху), а Латвия и Эстония – 7 июня. Заручившись договорами о ненападении с СССР, прибалтийские республики в 1938 г. принимают закон о «нейтралитете». Но насколько действенным этот закон оказался на деле, можно судить по высказываниям, сделанным представителями

[2] *Худолей К.К.* Балтийский нейтралитет и советский фактор в 1920–1930-е годы // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2012. Серия 6. Вып. 3. С. 96.

республик. Министр иностранных дел Латвии Мунтерс приветствовал «великую Германию», когда она захватила Чехословакию и Австрию; Литва объявила, что «добровольно» возвращает Клайпеду «братской Германии».

В феврале 1939 г. министры иностранных дел Эстонии, Латвии и Литвы ещё раз заявили о приверженности политике нейтралитета, не особо скрывая его прогерманскую ориентацию. 7 июня 1939 г. Латвия и Эстония подписали с Германией пакты о ненападении. Реакция не могла не последовать.

При этом «Советскому Союзу было важно укрепление своего влияния в Балтии, он даже пробовал играть на два фронта: в 1939 г. в Москве были проведены переговоры с Парижем и Лондоном, а также с Берлином. Соглашения противоречили друг другу, и проведение каждого имело целью для Сталина добиться больших уступок в Балтике»[3]. На предложение дать коллективные гарантии Эстонии, Латвии и Литве советское правительство получило отказ. История повторилась и в 1996 г.

Состоявшаяся 14–16 марта 1940 г. в Риге конференция «Балтийской Антанты» вызвала настороженность советской стороны и дала повод Москве заподозрить тайное присоединение Литвы к эстонско-латвийскому военному союзу»[4].

Следующий важный вопрос – оценка военного потенциала стран Прибалтики. Долгое время по этому мнению господствовало следующее мнение: «военный потенциал всех четырёх стран по сравнению с Советским Союзом был минимальным»[5]. Однако они вместе взятые располагали вооружёнными силами значительных размеров, во всяком случае превосходящими финские: согласно данным латвийского историка-эмигранта Э. Андерсона, страны Балтии имели более 900 орудий, 107 танков, 410 самолётов, а в слу-

---

[3] *Walter C., Clemens. Jr.* Baltic Independence and Russian Empire. New York, 1991. P. 51

[4] Вынужденный альянс. Советско-балтийские отношения и международный кризис, 1939–1940 гг.: Сборник документов / Институт российской истории РАН; Российская ассоциация прибалтийских исследований; Фонд «Историческая память»; Сост. Н.Н. Кабанов (отв. сост.), А.Р. Дюков, В.В. Симиндей. М.: Ассоциация книгоиздателей «Русская книга», 2019. 448 с. (Прибалтийские исследования в России. Вып. 5). С. 30.

[5] *Худолей К.К.* Специфика Балтийского нейтралитета в начальный период Второй мировой войны и политика СССР (сентябрь 1939 – июнь 1940 года) // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2012. Серия 6. Вып. 4. С. 111.

чае всеобщей мобилизации... могли выставить 600 тысяч солдат[6]. Разумеется, эти цифры мы принимаем во внимание без учёта Финляндии.

Информация об особом характере военного сотрудничества Финляндии и Эстонии долгое время была достоянием архивов и, вероятно, спецслужб. При этом это сотрудничество создавало феноменальную угрозу Ленинграду. Финский военный историк Я. Лескинен обнаружил в финском военном архиве ряд документов и так суммировал их содержание: «Генеральный штаб считал, что наступление против Ленинграда являлось трудной задачей, но не невозможной. Зимние условия при этом были бы более благоприятными для такого нападения». В частности, командование тогда исходило из положения, что финские войска без задержки «должны были решительно попытаться прорваться к Ленинграду, чтобы захватить город и уничтожить Балтийский флот». В данном случае особая роль отводилась помощи со стороны Швеции и других балтийских стран[7].

Действительно, финские военные в сотрудничестве с эстонским генеральным штабом в 1930-е гг. начали активное оборудование побережья Финского залива на самом узком его участке тяжёлой артиллерией, способной полностью блокировать выход советского флота из Кронштадта в Балтийское море. Кроме этого, в сотрудничестве с Эстонией планировалось создать широкую минную позицию в той же части Финского залива и активно использовать прежде всего подводный флот. Как отмечает Я. Лескинен, «совместные планы финских и эстонских флотов достигли такой стадии, когда эстонские подводные лодки при возникновении войны присоединялись к финскому флоту под финским руководством»[8].

Подведём итоги. Пропагандист Б. Мейсснер, автор концепции «балтийского правопреемства», отмечал, нарушая принципы исторического анализа: «Пакт Гитлера – Сталина фактически относится к пакту Молотова – Риббентропа или секретным прото-

---

[6] *Andersons E.* Latvijas vēsture. Ārpolitika II 1920–1940. Stockholm, 1984. P. 211.

[7] *Межевич Н.М., Новикова И.Н.* Военное сотрудничество Финляндии и Эстонии. Уроки 1939–1940 гг. для СССР и их современная интерпретация // Современная Европа. 2023. № 6(120). С. 193–203.

[8] *Leskinen J.* The silenced bridge of Finland Secret military cooperation between Finland and Estonian against the Soviet Union 1930–1939 // Россия и Финляндия в XX веке. СПб – Liechtenstein 1997. С. 124.

колам, что были приложены к неагрессивному мирному договору между Советским Союзом и Германией, который был подписан 23 августа 1939 г. Результатом этого секретного соглашения стало разделение Восточной Европы на две сферы влияния, оставляя Прибалтику и Финляндию в зоне советских интересов[9]». Такой подход игнорирует всю историю вопроса и вопросы военно-политического сотрудничества стран Прибалтики и Финляндии.

Следует признать ложным и тезис эстонского политика Р. Таагепера, который писал о странах Прибалтики: «они старались сохранить нейтралитет, но страны Балтии внезапно оказались втянутыми (в конфликт между СССР и Германией. – *Авт.*) с обеих сторон»[10]. Страны Прибалтики не просто готовились к конфликту, они сами готовили конфликт с СССР.

[9] *Meissner B.* The Occupation of the Baltic States from a Present-Day Perspective, The Baltic States at the Historical Crossroad, Riga 1998. P. 475.

[10] Taagepera Rein Estonian Return to Independence. Westview press. 1993. P. 59.

ПРОБЛЕМА ВСТУПЛЕНИЯ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ОБЩИЙ РЫНОК И ПОЗИЦИЯ ДЕГОЛЛЕВСКОЙ ФРАНЦИИ (1960-е гг.)

Н.Н. Наумова

В 1957 г. новый этап европейского интеграционного строительства ознаменовался Римскими договорами, подписанными шестью государствами. Создание Европейского экономического сообщества (ЕЭС) и Евратома британское руководство встретило прохладно. В 1960 г., после того как члены ЕЭС отвергли британский проект зоны свободной торговли, Лондон сыграл определяющую роль в учреждении конкурирующей интеграционной группировки – Европейской ассоциации свободной торговли (ЕАСТ). Однако практически тогда же премьер-министр, консерватор Г. Макмиллан высказал идею о присоединении его страны к Общему рынку, что было вызвано рядом обстоятельств.

Во-первых, Британия надеялась воспользоваться быстрым экономическим ростом римской «шестёрки» и расширить с ней торговые связи. Во-вторых, в начале 1960-х гг. стали расшатываться оба традиционных устоя её политики: связи с Содружеством наций и «особые отношения» с США. Существовали и другие внешнеполитические соображения: помешать появлению «континентального блока» вокруг «оси Париж–Бонн» и избежать риска утраты политического влияния и отказа от притязаний на статус мировой державы.

Известие о решении британского руководства в 1961 г. подать заявку на вступление в ЕЭС вызвало неоднозначную, но в целом положительную реакцию «шестёрки». С одной стороны, несмотря на невысокие темпы роста, экономика страны оставалась одной из наиболее развитых в Западной Европе. Членство Соединённого Королевства могло укрепить международный авторитет сообщества, сделать его отношения с США более тесными и взаимовыгодными. Малые страны ЕЭС и Италия – помимо торговых

преимуществ – надеялись, что расширение Общего рынка ослабит франко-западногерманское доминирование. ФРГ желала увеличить свой экспорт в Северную Европу.

Одновременно высказывались и многочисленные опасения. Вызывало сомнение, что расширившаяся Европа «десяти» (вместе с Британией намерение вступить в ЕЭС выразили Дания, Ирландия и Норвегия) сможет последовательно и слаженно вырабатывать и выполнять общие решения. Существовала обеспокоенность вероятностью объединения усилий Франции и Великобритании с целью размывания наднациональных начал ЕЭС. Одновременно нарастала тревога, что расширение «шестёрки» сведёт на нет уже достигнутые компромиссы, – наиболее уязвимой казалась общая аграрная политика, за которую ратовали Франция, Нидерланды и Италия. К тому же своё вступление в Общий рынок британцы оговорили многочисленными условиями, например, сохранением преференций в торговле со странами Содружества наций и требованием длительного переходного периода. Ни одно из них «шестёрка» не нашла приемлемыми, ибо каждое влекло за собой нарушение Римских договоров 1957 г. и серьёзное отклонение от выстраданных компромиссов по аграрным рынкам.

Особую позицию по членству Великобритании в ЕЭС занимала деголлевская Франция, окончательно определившаяся в 1962 г. под влиянием событий международной жизни. Первоначально президент Пятой республики генерал де Голль рассматривал возможность расширения ЕЭС и даже рассчитывал на сближение с Лондоном в военной сфере (в 1960 г. Франция провела первое испытание своей атомной бомбы). Однако британцы предпочли укреплять свои «особые отношения» с Вашингтоном и поддерживать внешнеполитические инициативы молодого и амбициозного американского президента-демократа Дж. Кеннеди, пришедшего к власти в 1961 г. В январе 1962 г. он выдвинул проект «Великого атлантического сообщества», нацеленный на образование трансатлантической зоны свободной торговли в качестве экономической основы военно-политического блока НАТО. Проблема состояла в том, что в случае реализации этой инициативы Общий рынок растворился бы в зоне с низкими торговыми тарифами, а его экономическая стратегия оказалась бы под контролем США. Такие перспективы никак не могли устроить Ш. де Голля, сторонника идеи «Европы отечеств».

Другая внешнеполитическая идея Дж. Кеннеди также вызвала неприятие генерала де Голля, взявшего курс на воплощение в жизнь концепции «величия Франции». США решили пойти на модернизацию ядерной стратегии и учредить своеобразное «ядерное товарищество» между атлантическими союзниками. Его мыслилось выстроить на основе многосторонних ядерных сил – единого ядерного оборонного потенциала, который находился бы под контролем военных структур НАТО. Фактически речь шла об установлении американского «надзора» над европейскими ядерными программами, включая французские. Великобритания благожелательно откликнулась на это предложение. Кеннеди также проявил заинтересованность в решении вопроса о вступлении Соединённого Королевства в ЕЭС, что настораживало президента Франции.

Глава Пятой республики безуспешно пытался добиться от Великобритании объединения франко-английских ядерных сил, независимых от США. Соглашение в Нассау, заключённое 21 декабря 1962 г. между Кеннеди и Макмилланом, о двустороннем военном сотрудничестве в ядерной сфере окончательно убедило де Голля в том, что Британия является «троянским конём» США в Европе.

Решительное «нет» вступлению Великобритании в ЕЭС де Голль высказал в Елисейском дворце на пресс-конференции в январе 1963 г. Среди причин его неприятия членства британцев в Общем рынке было неверие в то, что они примут внешний торговый тариф вместе с правилами формирующегося аграрного рынка, как и в то, что они признают утратившими силу их обязательства в отношении ЕАСТ и в Содружестве наций. Также де Голль перечислил политические доводы членства Британии в ЕЭС, связанные с её «слишком тесными» связями с США. Он опасался, что британцы подорвут сплочённость «шестёрки», и появившееся атлантическое сообщество, подчинённое и руководимое Вашингтоном американской администрацией, быстро поглотит «по-настоящему европейское» ЕЭС. Очевидно, что генерала волновало ещё одно соображение, о котором он открыто не говорил, – нежелание пускать в Общий рынок государство, способное стать соперником Франции.

Отказывая Лондону в членстве в ЕЭС, французский президент предложил ему подписать с Сообществом договор об ассоциации. Не согласованная с другими странами «шестёрки» пози-

ция Ш. де Голля, резкая форма его выступления вызвала волну критики, однако без согласия Парижа вопрос о членстве Британии был временно закрыт. Американская администрация также не скрывала своего разочарования, но де Голль продолжил отстаивать идею «европейской Европы», которая входила во все больший конфликт с нараставшим атлантизмом политических кругов Западной Европы.

В мае 1967 г. последовала вторая британская заявка на вступление в ЕЭС, внесённая лейбористским правительством Г. Вильсона. Однако президент Пятой республики и на этот раз не захотел видеть Великобританию в Общем рынке. 27 ноября на очередной пресс-конференции де Голль нанёс удар британским надеждам и наложил так называемое «бархатное вето» (в отличие от «железного вето» 1963 г.) на членство страны в Сообществе. Свою позицию он объяснил «желанием сохранить сплочённость и эффективность Общего рынка».

Проблемы, связанные с курсом фунта стерлингов и внешними долгами Британии, французский президент использовал в качестве подтверждения её неготовности присоединиться к «шестёрке». К тому же де Голль не сомневался, что Соединённое Королевство по-прежнему гораздо больше привязано к США, чем к континентальной Европе, а его членство в ЕЭС превратит этот проект в атлантический. Новая волна критики в адрес Парижа и на этот раз не поколебала позицию генерала. Что касается администрации Л. Джонсона, то после убийства Дж. Кеннеди в ноябре 1963 г. Вашингтон постепенно свернул свою активность по формированию евроатлантического партнёрства и не проявил интереса к поочерёдной неудаче британцев войти в ЕЭС. Со своей стороны, партнёры Франции в составе Сообщества смирились с невозможностью изменить позицию Пятой республики, пока во главе неё стоит непреклонный в своих убеждениях Ш. де Голль.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ИТАЛИИ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ФАКТОРЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Е.С. Алексеенкова

Весь послевоенный период исследователи задаются вопросом, в какой мере внешняя политика Италии может считаться самостоятельной и в какой мере ей присуща способность стратегирования. Многие, отмечая выдающееся положение Италии в мире моды, искусства, промышленного развития и т.н. «мягкой силы», отрицают способность Рима к автономии в сфере дипломатии и неготовность к последовательному отстаиванию своих национальных интересов на международной арене.

При этом, с одной стороны, внешняя политика Италии на протяжении послевоенных десятилетий отличается преемственностью. Порой складывается впечатление, что такие её черты, как большой энтузиазм в сфере европейской интеграции и расширения, последовательный атлантизм, интересы в регионе Средиземноморья и периодически выходящий на первый план «терцмондизм», «уверенный мультилатерализм» и стремление к руководству морально-этическими принципами во внешней политике, – являются имманентными качествами внешнеполитического позиционирования Италии, что они не подвластны времени и политическим воззрениям правительственных коалиций, часто сменяющих друг друга на протяжении всех послевоенных лет. С другой стороны, наличие данных общих принципов и нарративов не мешает итальянским лидерам принимать решения *ad hoc*, ориентируясь на складывающуюся в каждый конкретный момент времени международную политическую конъюнктуру[1].

Италию часто обвиняют в реактивной, а не проактивной внешней политике: в отсутствии инициативы, либо в том, что, выступая

[1] См., например: *Del Sarto R., Tocci N.* Italy's politics without policy: Balancing Atlanticism and Europeanism in the Middle East // Modern Italy. 2008. Vol. 13. Issue 2. P. 135–153; *Шибкова М.О.* Альянсы ad hoc как доминанта внешнеполитического инструментария Италии // Международные процессы. 2021. № 19(1). С. 139–154.

на международной арене с каким-либо новым предложением, Рим легко отказывается от его реализации, уступая первенство своим европейским конкурентам или же и вовсе как бы «забывая» о проявленном активизме под давлением внешних или внутренних обстоятельств. «*Vincolo esterno*» – так называемый внешний фактор – часто становится главным в итальянской внешней политике и препятствует, по мнению многих, последовательной реализации итальянских национальных интересов.

Однако как соотносятся эти две чётко прослеживаемые внешним наблюдателем черты итальянской внешней политики – с одной стороны, внешнеполитическая последовательность, заключающаяся в наличии чётко обозначенных устойчивых приоритетов, а с другой – готовность адаптироваться к международной конъюнктуре, в том числе отказываясь от части собственных национальных интересов?

Два фактора, получивших мощный импульс к развитию по итогам Второй мировой войны, как представляется, обусловили эту кажущуюся противоречивость. Первый – это стремление побеждённой в войне страны вновь обрести (и не утратить впоследствии) вес и статус на международной арене. Второй – это потребность в «разделении ответственности» за послевоенное развитие Европы и недопущении ситуации, когда воля одного человека способна изменить ход истории множества народов и вновь разрушить достигнутый хрупкий мир.

Стремление войти в круг великих держав было движущей силой внешней политики Рима и до Второй мировой войны, но при Муссолини оно достигло невиданных размахов. Однако последовавшие неудачные кампании в Греции и Северной Африке, высокая зависимость в реализации своих наступательных операций от поддержки нацистской Германии положили конец этим амбициям. По мнению одного из ведущих исследователей послевоенной итальянской внешней политики М. де Леонардиса, капитуляция Италии в сентябре 1943 г. стала тем решающим водоразделом, после которого Италия навсегда лишилась возможности вступить в число великих держав[2]. Недоверие, питаемое к Италии государствами-победителями после двукратной смены Римом

[2] *Ferraris L.V.* Prefazione // De Leonardis M. Guerra fredda e interessi nazionali. L'Italia nella politica internazionale del secondo dopoguerra. Rubettino, Catanzaro. 2014. P. XV–XVI.

союзнических коалиций в обеих мировых войнах, заставило Рим сделать «окончательный выбор лагеря» (*una scelta di campo*) в пользу институтов НАТО, а затем и ЕС, и впредь выступать последовательным сторонником евро-атлантического блока, чтобы реабилитироваться в глазах партнёров. Сегодня итальянские политики на всех международных площадках постоянно подчёркивают, что Италия – надёжный партнёр (*un partner affidabile*), заслуживающий доверия, и претендует на статус «средней державы с глобальными интересами».

Поражение во Второй мировой войне заставило Италию занять позицию отказа от политики силы в международном взаимодействии. В момент присоединения Италии к НАТО министр иностранных дел К. Сфорца, выступая в парламенте, заявил, что «у нас нет инструментов для проведения политики силы, и мы не намерены их иметь»[3]. Новая республиканская Конституция страны, принятая после референдума 2 июня 1946 г., в ст. 11 провозгласила, что Италия «отвергает войну как инструмент покушения на свободу других народов и как средство разрешения международных споров» и «соглашается, на условиях равенства с другими государствами, на ограничение суверенитета ради обеспечения мира и справедливости в отношениях между государствами», а также «инициирует и поддерживает создание международных организаций, преследующих эту цель». Сформулированный таким образом отказ от абсолютного суверенитета и выбор в пользу многосторонности зафиксировали окончательный разрыв с внешнеполитическим наследием фашизма. Даже сам термин «национальный интерес» надолго исчез из дискурса итальянских политиков.

Вступление Италии в НАТО сопровождалось серьёзными внутриполитическими дискуссиями и неоднозначным отношением общества, стремившемся любой ценой избежать вовлечения Италии в новые войны. На тот момент глава правительства А. де Гаспери был убеждён, что этого не случится, а начавшиеся процессы европейской интеграции могут успешно развиваться лишь «под зонтиком атлантической безопасности». Кроме того, Италия остро нуждалась в экономическом восстановлении, средства на которое поступали в рамках Плана Маршалла. Тем не менее участники

[3] Цит. по: *De Leonardis M.* Guerra fredda e interessi nazionali. L'Italia nella politica internazionale del secondo dopoguerra. P. 23.

прокатившихся по стране манифестаций называли НАТО «пактом, ведущим к войне».

Последующее размещение баз и ракет НАТО на территории Италии также вызвало бурные протесты. На сегодняшний день отношение к альянсу в итальянском обществе, преимущественно сохранившем пацифистские ценности, неоднозначно: в конце 2024 г. менее половины (45%) граждан считали НАТО союзником Италии, но число тех, кто считает союзником США, с 2020 г. по 2024 г. сократилось с 47 до 38%[4]. Несмотря на это, вклад Италии в деятельность НАТО растёт. В 2014–2024 гг. Италия увеличила расходы на оборону в рамках операций НАТО на 30,7%, расходы на военное оборудование – на 39%, нарастила участие в численном составе своих ВС (в Африке военное присутствие увеличилось на 99%, на 120% на Ближнем Востоке и на 220% на Балканах). Страна осуществила масштабные инвестиции в производство бронетехники, активно подсоединилась к деятельности НАТО в Индо-Тихоокеанском регионе.

Кроме того, итальянский пацифизм вовсе не эквивалентен полному отказу от участия в военных операциях. Выступая против «агрессивных войн», Италия стремится быть активным участником миротворческих операций под эгидой ООН, НАТО, ЕС, а также многократно присоединялась к «коалициям желающих» под эгидой США и НАТО (в Ираке, Афганистане, Ливии и др.).

На сегодня Италия наращивает свой вес в качестве поставщика международной безопасности. Она вносит наибольший вклад в операции ЕС по численности развёрнутого военного персонала, занимает второе место по числу персонала в рамках операций НАТО и является одним из самых значительных участников миссий ООН. В 2025 г. Республика стала лидером среди всех развитых и европейских стран по числу контингента «голубых касок»[5]. Всего за последние 35 лет Италия принимала участие в 135 международных миссиях[6], на сегодняшний день участвует в 40. В марте 2025 г.

---

[4] Sondaggio ISPI 2024: gli italiani e la politica internazionale. 20 Dicembre 2024. URL: https://www.ispionline.it/it/pubblicazione/sondaggio-ispi-2024-gli-italiani-e-la-politica-internazionale-194585

[5] Страны, предоставляющие воинские и полицейские контингенты // Операции ООН по поддержанию мира. URL: https://peacekeeping.un.org/ru/troop-and-police-contributors

[6] *Marrone A.* Missioni internazionali. Ecco le cinque proposte di Marrone (Iai) // Formiche.net. 14.04.2024. URL: https://formiche.net/2024/04/missioni-internazionali-marrone-iai/#content

41% итальянцев считали[7], что Италии стоит отправить войска на Украину в составе миссии ООН, и лишь 10% поддержали бы эту инициативу, если она будет реализована в рамках НАТО.

Итальянское военное присутствие в мире, как правило, не вызывает острых межпартийных разногласий и опирается на широкий консенсус. Все партии и политические лидеры заявляют о его мирном, многостороннем и гуманитарном характере. На фоне текущих дискуссий внутри ЕС о возможном размещении вооружённых сил государств – членов ЕС на Украине в Риме едины в отрицании самой идеи направления итальянских военных на Украину, если только с целью разминирования и патрулирования воздушного пространства[8].

Этот консенсус является частью итальянской стратегической культуры и в течение десятилетий основывался на убеждении, что сотрудничество в рамках международных организаций имеет важное значение для поддержания мира. Однако важным фактором данной политики является и стремление обрести статус, роль и признание в качестве «средней державы» на международной арене, которое исторически обусловлено итогами и последствиями Второй мировой войны.

Мультилатерализм стал важной чертой итальянской внешней политики, несущей на себе отпечаток поражения во Второй мировой войне. Присоединение в 1947 г. к ведущим международным финансовым структурам (МВФ и МБРР), затем к ГАТТ, крайне болезненный процесс вступления в ООН, затянувшийся на 10 лет (с 1945 г. по 1955 г.), активное участие в создании НАТО, Совета Европы и Европейских сообществ – всё это стало отражением решения Италии отказаться от части национального суверенитета в пользу наднациональных структур и предотвратить любой волюнтаризм в изменении внешнеполитического вектора развития страны.

Участие в международных институтах, интеграция в рамках НАТО и ЕС, в «Группе семи» и «Группе двадцати» являются и по сей день крайне важными для Италии. Её стремление входить во все ключевые многосторонние структуры порой иронично называют «*politica del sedere*» («политика кресел»), намекая на то,

---

[7] Sondaggio, italiani prudenti su intervento in Ucraina, divisi su spese militari. 10 marzo 2025. URL: https://tg24.sky.it/mondo/2025/03/10/sondaggi-politici-ucraina#00

[8] В Италии допустили участие в разминировании территорий Украины // РБК. 25.08.2025. URL: https://www.rbc.ru/politics/25/08/2025/68ac3c889a79470456a067bc

что оно редко сопровождается реальным влиянием на международные процессы. Однако именно такая политика позволяет Италии играть роль «средней державы с глобальными интересами», т.е. иметь возможность вовлечения в решение глобальных проблем, несмотря на нехватку ресурсов.

Приверженность мультилатерализму проявляется сегодня и в реализации таких направлений внешней политики Рима, как средиземноморское и африканское, а также в ряде инициатив в Индо-Тихоокеанском регионе, в частности во взаимодействии в рамках Партнёрства для глобальных инвестиций и Экономического коридора «Индия – Ближний Восток – Европа».

В рамках каждой из опор своей внешней политики (европеизм, атлантизм и Средиземноморье) Италия, спустя 80 лет после окончания Второй мировой войны, демонстрирует готовность отдавать предпочтение единству действий с союзниками. В европейском регионе Рим последовательно поддерживал углубление и расширение интеграционных процессов, не раз выступал с неординарными инициативами. Так, в 1941 г. в рамках Манифеста Вентотене, составленного А. Спинелли и Э. Росси, была выдвинута идея федеративного устройства Европы и отказа от «фетиша национального суверенитета». В мае 1949 г. Италия стала государством – основателем Совета Европы. В мае 1950 г. глава МИД К. Сфорца предлагал создать «интегрированную европейскую армию». Именно в Риме в марте 1957 г. состоялось подписание договоров о создании Европейского экономического сообщества (ЕЭС) и Евроатома. Лидеры Италии видели участие страны в процессе европейской интеграции прежде всего как способ «возвращения» Италии в Европу, в число её ведущих государств.

В последующем Италия проявила себя как последовательный сторонник евроинтеграции, несмотря на первоначальный евроскептицизм Итальянской коммунистической партии, а затем – изначально довольно критическое отношение С. Берлускони, который в итоге всё же счёл недопустимым, чтобы его страна оказалась вне валютного союза. Рим также последовательно поддерживал все волны расширения ЕС, равно как и выступал за интеграцию Турции и балканских государств. Этап наиболее жёсткого евроскептицизма в 2018–2019 гг., приведший «Лигу» и «Движение пяти звёзд» на политический олимп, оказался недолговечным: пандемия Covid-19 и украинский кризис привели к росту поддержки европейских институтов. Общая программа правящей

с 2022 г. коалиции подчёркивает европейский и атлантический выбор Италии, а премьер-министр Дж. Мелони призывает ЕС «делать меньше, но лучше», т. е. углублять интеграцию в вопросах общей обороны и безопасности, повышать международную конкурентоспособность и др.

Другое ключевое направление внешней политики Италии – средиземноморское – также до сих пор носит на себе отпечаток Второй мировой войны и её итогов. Период неоатлантизма, последовавший за Суэцким кризисом 1956 г., привёл к сближению позиций Рима и Вашингтона по ряду важнейших региональных вопросов и, напротив, к дистанцированию от Франции и Британии на фоне распада их империй. Уже тогда правительство А. Фанфани выступало с инициативой экономической программы, своего рода Плана Маршалла, для оказания помощи государствам, освободившимся от колониальной зависимости. Антиколониальный дискурс, взятый на вооружение итальянским руководством и активно развиваемый главой компании *Eni* Энрико Маттеи, позволил Италии выработать новый, более взвешенный подход к взаимоотношениям с богатыми ресурсами странами региона. Движимое интересами энергетической и продовольственной безопасности, вызовами климатических изменений, борьбой с нелегальной миграцией, правительство Дж. Мелони активно использует дискурс послевоенной эпохи, предлагая «План Маттеи» в качестве нового инструмента в развитии «равноправного» и «нехищнического» сотрудничества со странами Африки[9].

Таким образом, внешняя политика современной Италии до сих пор несёт на себе отпечаток Второй мировой войны и её итогов. Это отражено в последовательной приверженности союзническим обязательствам в рамках ЕС и НАТО, мультилатерализме, активном участии в деятельности международных институтов.

---

[9] *Алексеенкова Е.* Африканский вектор внешней политики Италии: цели и институты сотрудничества // Мировая экономика и международные отношения, 2025. Т. 69, № 7. С. 45–58.

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ОБОРОННАЯ КУЛЬТУРА НОРВЕГИИ

И.Р. Скрипка

События Второй мировой войны оказали определяющее воздействие на формирование стратегической культуры Норвегии. Оккупация страны нацистской Германией в апреле 1940 г. вскрыла серьёзные просчёты в норвежской оборонной политике довоенного периода. Одной из важнейших причин быстрой утраты контроля над территорией стала недооценка международной обстановки и переоценка эффективности нейтралитета как инструмента обеспечения национальной безопасности. Германия в апреле 1940 г., используя внезапность и многовекторность атак (операция «Везерюбунг»), быстро захватила Осло, Берген и Нарвик. Упование на международное право, слабая военная подготовка и разобщённость между гражданскими и военными структурами обусловили неспособность оказать скоординированное сопротивление агрессии[1].

Несмотря на наличие разведывательной информации о возможном вторжении, Норвегия не провела мобилизацию в полном объёме, возлагая надежды на политику нейтралитета и недооценивая темпы развития ВПК нацистской Германии. Нападение произошло одновременно в нескольких точках с применением морских, воздушных и десантных средств. Основные силы вермахта перебросили по морю под прикрытием дипломатической неприкосновенности и дезинформации, что во многом обеспечило успех операции. Также была задействована агентура, а в ряде городов – коллаборационисты.

Этот исторический опыт повлиял на доктринальные основы оборонного планирования Норвегии. Ставка ныне делается на постоянную оперативную готовность, ускоренную мобилизацию и межведомственную координацию. Особое значение при-

[1] *Зарецкая О.В.* Трансформация внешнеполитической стратегии Норвегии в условиях формирования биполярной системы мира (в первые послевоенные годы) / О.В. Зарецкая // Арктика и Север. 2013. № 13. С. 110–115. EDN RLTIKT.

обрела интеграция гражданского и военного компонентов в рамках концепции «тотальной обороны». События 1940 г. подорвали доверие к изоляционизму и стали решающим фактором вступления Норвегии в НАТО в 1949 г. Таким образом историческая уязвимость трансформировалась в стратегической оборонной культуре страны в устойчивую ориентацию на союзнические гарантии.

Среди ключевых последствий – переосмысление уязвимости длинной береговой линии. Высадки немцев в Бергене, Тронхейме и Нарвике показали, что противник может использовать ограниченные силы для захвата стратегически важных пунктов. Это предопределило внимание к модернизации военно-морских сил, усилению береговой охраны и размещению союзнических подразделений в северных районах. Совместные с союзниками учения, такие как *Nordic Response*, направлены на отработку сценариев переброски войск в условиях арктических инфраструктурных ограничений[2].

Особую роль приобретает гражданская оборона. Если в годы войны слаборазвитая система гражданской защиты не справилась с задачами эвакуации, связи и предупреждения, то сегодня этому направлению предаётся приоритетное значение. Гражданская оборона интегрируется с военными структурами, разрабатываются сценарии реагирования на катастрофы, атаки на критическую инфраструктуру и киберугрозы.

Стоит отметить и использование инструментов гибридной войны, которые зародились во время Второй мировой. Германская дипломатия активно делала заявления о мирных намерениях даже в момент начала операции против Норвегии, а также воспользовалась недостаточной координацией между гражданскими и военными властями страны. Современные норвежские стратегии указывают на важность киберзащиты, защиты инфраструктуры и информационной устойчивости. В новой стратегии национальной безопасности министерства обороны, обнародованной 8 мая 2025 г.[3], подчёркивается, что будущие конфликты могут начаться в «серой зоне», то есть до официального начала боевых действий. Ожидается, что именно на этом этапе противник будет пытаться подорвать волю к сопротивлению. Об угрозах кибератак

---

[2] Nordic Response 2024. Forsvaret. URL: https://www.forsvaret.no/en/exercises-and-operations/exercises/nr24 (дата обращения: 22.05.2025).

[3] Nasjonal sikkerhetsstrategi. 08.05.2025. Regjeringen. URL: https://www.regjeringen.no/no/dokumenter/nasjonal-sikkerhetsstrategi/id3099304/ (дата обращения: 25.05.2025).

и дезинформации регулярно упоминается в докладах спецслужб[4] и в публичных выступлениях норвежских политиков.

Переосмысление опыта Нарвика в 1940 г., где контроль над поставками железной руды стал ключевым мотивом германского вторжения, помогает понять современную стратегическую значимость арктических территорий и Северного морского пути. Норвегия, осознавая свою уязвимость и важность региона, вынуждена наращивать инфраструктурные проекты в Финнмарке и военное присутствие, что вызывает закономерную озабоченность России, рассматривающей такие действия как угрозу своей безопасности. Этот парадокс ставит Осло перед дилеммой: как совместить необходимые оборонительные меры с поддержанием стабильных отношений с Москвой.

Другим элементом формирования стратегической культуры остаётся разработка и эволюция оборонных доктрин. В первые годы после окончания Второй мировой войны, Норвегия разрабатывала концепции сдерживания, основываясь на убеждении о невозможности самостоятельно отразить полномасштабную агрессию. На смену концепции тотальной обороны пришла система распределения задач между национальными и союзными силами. Стратегические документы подчёркивают приоритет наращивания боеспособности в северных районах и обеспечения логистической связанности с союзниками. Новый долгосрочный план для оборонного сектора[5] делает акцент на укреплении командных структур, модернизации флота и интеграции возможностей кибероборонны. Дополнительно развивается система резервного управления, способная функционировать при отключении критических сетей.

Подход к военной политике в Норвегии остаётся предметом межпартийных различий. Консервативные силы (например, партия Хейре) традиционно поддерживают укрепление связей с НАТО, модернизацию обороны и увеличение бюджета. Левые партии, включая Социалистическую левую и партию «Красные», скептически относятся к милитаризации и выступают за снижение

---

[4] *Døvik, O.* Etterretningstjenesten: Russland leier inn kriminelle til sabotasjeaksjoner. 05.02.2025. NRK. URL: https://www.nrk.no/norge/etterretningstjenesten_-russland-leier-inn-kriminelle-til-sabotasjeaksjoner-1.l7239506 (дата обращения: 28.05.2025).

[5] Langtidsplan for forsvarssektoren. 02.01.2025. Forsvaret. URL: https://www.forsvaret.no/aktuelt-og-presse/publikasjoner/forsvarets-langtidsplan (дата обращения: 26.05.2025).

зависимости от США, делая упор на дипломатии и гражданской устойчивости. Эти различия формируют политическую динамику и оказывают влияние на выработку приоритетов, особенно в вопросах долгосрочного планирования. После начала СВО позиции политических сил значительно сблизились в пользу дальнейшего укрепления союзнических обязательств и отказа от отдельных элементов прежней военной сдержанности. Эти тенденции отражены в непоследовательности позиции некоторых партий и в частичном отказе Осло от демилитаризации северной части страны, граничащей с Россией.

Таким образом, осмысление исторического опыта Второй мировой войны продолжает оказывать влияние на оборонное планирование Норвегии. Стратегическая культура страны, учитывая уязвимость в условиях возможной тотальной войны, смещается в сторону гибридной устойчивости, региональной координации и опоры на союзнические механизмы. Анализ слабых мест, проявившихся в ходе немецкой оккупации, учитывается в современных сценариях реагирования на потенциальные угрозы, что делает норвежскую оборонную стратегию примером адаптации малой страны к масштабным вызовам. При этом уроки Второй мировой войны принимаются во внимание в институциональных решениях, касающихся состава вооружённых сил, структуры командования, приоритетов развития инфраструктуры на севере, укрепления гражданской обороны, а также формирования общественной поддержки политики обороны и безопасности.

СОВРЕМЕННЫЕ ФРАНКО-БРИТАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ВОЕННОЙ СФЕРЕ: ОТ СТАРОЙ К НОВОЙ АНТАНТЕ

С.М. Фёдоров

Союзники-соперники

Современное тесное сотрудничество Великобритании и Франции в военной области опирается на богатый исторический опыт военно-политических союзов двух стран, насчитывающий без малого два столетия. Вместе с тем характерной чертой франко-британских отношений было постоянное соперничество за лидерство как в Европе, так и мире (конкуренция в Северной Америке, Африке и Юго-Восточной Азии в период создания колониальных империй начиная с XVIII века).

Хорошо известно соглашение о военном союзе Лондона и Парижа 1904 г., получившем название «Антанта» («Сердечное согласие»). Однако не многие знают, что этот термин ввёл в оборот в 1843 г. британский министр лорд Эбердин, рассуждая о наметившемся сближении двух стран на фоне обострения «восточного вопроса». По сути, первая Антанта сформировалась накануне Крымской войны 1853–1855 гг., то есть через четыре десятилетия после битвы при Ватерлоо.

В двух мировых войнах XX в. Британия и часть Франции противостояли общему противнику – нацистской Германии и её сателлитам. Франция, несмотря на фактическую капитуляцию в 1940 г. (немцы разгромили объединённые франко-британские вооружённые силы), смогла, благодаря упорству и дипломатии Ш. де Голля, войти в число держав-победительниц. Тем не менее англичане и американцы, как и руководство СССР («Большая тройка»), рассматривали французов в качестве младших союзников. Неслучайно представителей «Сражающейся Франции» не было на конференциях союзников в Тегеране, Ялте и Потсдаме. «Военные мемуары» генерала де Голля красноречиво повествуют о его сложных, порой конфликтных отношениях с западными членами антигитлеровской коалиции. Например, уже после капиту-

ляции Третьего рейха противоречия между Парижем и Лондоном по ближневосточным вопросам (Сирия, Ливан) были настолько острыми, что временами грозили перерасти в вооружённые столкновения.

В первые послевоенные десятилетия, когда наступила эпоха холодной войны и биполярности, Франции удавалось уравновешивать свои отношения с Британией. Обе страны были постоянными членами Совета Безопасности ООН, обладателями ядерного оружия, обе утратили свои колониальные владения, но одновременно сохранили великодержавный менталитет.

Важным рубежом, определившим дальнейший внешнеполитический вектор их развития, стал Суэцкий кризис 1956 года, когда против совместного военного вторжения на Синайский полуостров Британии, Франции и Израиля выступили СССР и США. После провала этой авантюры Лондон предпочёл развивать «особые отношения» с Вашингтоном, а Париж сделал ставку на европейскую интеграцию. Несмотря на эту геополитическую развилку, двустороннее военное сотрудничество и кооперация в производстве вооружений в 1960-е – 1980-е гг. развивались вполне успешно. Можно вспомнить совместное производство противокорабельной ракеты «Экзосет» и палубного истребителя «Ягуар», совместные мероприятия военных в рамках ЗЕС и НАТО, хотя Франция в 1966 г. и вышла из состава Комитета военного планирования и Группы ядерного планирования альянса.

От Сен-Мало до Ланкастер-хаус

После объединения Германии и распада СССР вооружённые силы Франции и Британии активно взаимодействовали во время событий в Югославии в 1990-е гг. В военных операциях в составе коалиционных сил участвовали 16 тыс. британских и 11 тыс. французских военных.

Принято считать, что ключевым событием в военном сотрудничестве Лондона и Парижа стал саммит в Сен-Мало в декабре 1998 г. Это не совсем так. Переломным моментом стало изменение позиции Британии в отношении Общей внешней политики и политики безопасности ЕС, что стало возможным после прихода к власти лейбориста Тони Блэра с его обновлённым политическим курсом. В отличие от своего предшественника Дж. Мейджора он

согласился с тем, что необходимо создать европейские вооружённые формирования, способные действовать самостоятельно, без привязки к США. Вероятно, к такому решению подтолкнул опыт совместных действий в Югославии. Т. Блэр и Ж. Ширак придали двустороннему сотрудничеству в военной области европейское измерение. Две ядерные державы в тот период стали своеобразным мотором строительства «Европы обороны».

Встреча в Сен-Мало способствовала активизации программ совместной разработки и производства вооружений (самолёта-заправщика A400M, истребителя нового поколения, новых видов ракет). Однако события в сентябре 2001 г. (террористические атаки на башни Всемирного торгового центра в Нью-Йорке и на Пентагон в Вашингтоне), а затем в 2003 г. интервенция в Ирак во главе с США и Британией привели к охлаждению отношений между Парижем и Лондоном.

Новым этапом в отношениях двух стран стали Ланкастерские соглашения, подписанные 2 ноября 2010 г. Н. Саркози и Д. Кэмероном в Ланкастер-хаус. Первое из них касалось углубления сотрудничества в сфере ядерного оружия. Оно предусматривало возможность тестирования британских ядерных боеголовок в научном центре Вальдюк Комиссариата по атомной энергии Франции и создание аналогичного центра в Британии.

Второе соглашение «О сотрудничестве в области обороны и безопасности» включало широкий спектр взаимодействия: совместные программы производства и закупок вооружений и военной техники, контакты между военными, обмен информацией и пр. Важным пунктом было решение о создании совместных экспедиционных сил (*Combined Joint Expeditionary Force, CJEF*) – по сути, сил быстрого развёртывания. В совместном коммюнике говорилось, что Франция и Британия «намерены играть лидирующую роль в области обороны и безопасности» в Европе и за её пределами, а подписанные договоры характеризовались как свидетельство «беспрецедентного в нашей истории уровня взаимного доверия». В результате СМИ стали называть Ланкастерские соглашения «новой Антантой».

Однако их реализация не стала лёгкой задачей для Парижа и Лондона. По разным причинам целый ряд совместных проектов (порядка двух десятков) по разработке и производству вооружений и военной техники пробуксовывал или пересматривался. Первая после Суэцкого кризиса серьёзная франко-британская военная

операция в Ливии в 2011 г. выявила проблемы как в управлении, планировании, так и в ходе боевых действий, из-за чего пришлось просить помощи у американцев.

К концу 2010-х гг. наступил период очередных больших трений в отношениях двух стран. Торгово-экономические разногласия, миграционные проблемы, пандемия COVID-19, брекзит и *AUKUS* существенно подточили «новое сердечное согласие». Достаточно сказать, что саммиты не проводились с 2018 по 2023 г. Показательно, что Л. Трасс, преемница Б. Джонсона на посту премьер-министра, затруднилась с ответом на вопрос журналистов: считает ли она Макрона другом или врагом Британии?

Диалог на высшем уровне возобновился 9 марта 2023 г. во время 36 франко-британского саммита в Париже, на котором Э. Макрон с Р. Сунак объявили о «новом старте» в отношениях союзников-соперников. Этому способствовало и возрождение мифа об «общей угрозе» со стороны России. Накануне в СМИ появилось письмо четырёх председателей комитетов по вопросам обороны обеих палат парламентов Франции и Британии. В нем в антироссийском духе звучал призыв «преодолеть разногласия, объединить наши силы на службу национальным интересам и Европейского континента»; говорилось о необходимости углубления «твёрдого партнёрства», от которого выиграет «стратегическая автономия Европы»; напоминалось о том, что Франция и Британия представляют половину военного потенциала всего европейского Запада.

Ланкастерские соглашения 2.0

Стратегическое сближение Лондона и Парижа получило новый импульс во время государственного визита французского президента в Туманный Альбион 8–10 июля 2025 г. В совместном заявлении Э. Макрон и К. Стармер заявили о необходимости актуализировать договорённости 15-летней давности с учётом военного конфликта на Украине, «российской угрозы» безопасности Европы и конфликтов в других регионах мира[1].

[1] Lancaster House 2.0: Déclaration sur la modernisation de la coopération de défense et de sécurité entre la France et le Royaume-Uni. (14.07.2025). URL: https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2025/07/14/lancaster-house-2-0-declaration-sur-la-modernisation-de-la-cooperation-de-defense-et-de-securite-entre-la-france-et-le-royaume-uni#-moduleAnchor-250482 (дата обращения: 29.07.2025).

Так, сохраняя национальную независимость сил ядерного сдерживания, Париж и Лондон договорились о необходимости «принятия скоординированных решений как в мирное время, так и во время кризисов». С этой целью создавалась специальная наблюдательная группа при администрации президента и канцелярии премьер-министра. По сути, речь шла о формировании подобия общего командовании стратегическими ядерными силами.

Не менее резонансным стало решение о переформатировании Совместных экспедиционных сил, созданных в рамках первых Ланкастерских соглашений 2010 г., в Совместные межвидовые армейские силы (*Force commune interarmées*), соответствующие по численности и вооружению уровню армейского корпуса (самая крупная войсковая единица в сухопутных силах НАТО). Предусматривалось, что два таких корпуса станут стратегическим резервом, полностью совместимым со стандартами НАТО. Использовать их планировалось главным образом в евроатлантическом регионе «для сдерживания наших противников и поддержки союзников и партнёров». В частности, Париж и Лондон собирались задействовать эти контингенты общей численностью порядка 50 тыс. человек в качестве основы «коалиции желающих» на Украине.

В Ланкастерских договорённостях 2.0 большое внимание уделено продолжению и углублению сотрудничества в сфере ВПК. Помимо дополнительных поставок ракет *SCALP/ Storm Shadow* предусмотрена совместная разработка и производство будущих малозаметных крылатых и противокорабельных ракет, обновлённых зенитных систем, а также других видов вооружения, включая оружие на новых физических принципах.

* * *

С высокой вероятностью можно прогнозировать, что в условиях резкого роста напряжённости в международных отношениях и антироссийских подходов большинства стран – членов НАТО и ЕС «новая Антанта» не ограничится политическими декларациями. Будет наращиваться совместная подготовка вооружённых сил Франции и Британии, сближаться их военная промышленность, предприниматься другие меры для подготовки конфликта высокой интенсивности. Наличие «общей угрозы» со стороны России отодвигает франко-британские разногласия на второй план.

Кроме того, недавнее соглашение о сотрудничестве в военной области между Британией и Германией позволяет предположить, что к крепнущему военному альянсу Лондона и Парижа может присоединиться Берлин, поставивший перед собой задачу создать самые мощные вооружённые силы в Европе. С учётом всё новых трещин в «трансатлантическом единстве», появившихся после прихода к власти в США Д. Трампа, и курса ЕС на масштабную программу милитаризации развитие тройственного военно-политического союза Западной Европы может оживить давнюю французскую мечту о «Европе-державе».

МЕТАМОРФОЗЫ ОТНОШЕНИЙ БРИТАНИИ И ФРАНЦИИ НА ФОНЕ БРЕКЗИТА И УКРАИНСКОГО КРИЗИСА

Е.В. Ананьева

Отношения союзников СССР по антигитлеровской коалиции, Британии и Франции, были полны разногласий и соперничества. Ныне стоит задача исследовать их противоречия на современном этапе, чтобы способствовать проведению наиболее эффективного внешнеполитического курса России. Делать это приходится в условиях, когда в Париже и Лондоне не просто предают забвению уроки Второй мировой войны, но и сознательно подвергают исторические события фальсификации с антироссийским подтекстом.

После выхода из ЕС в 2020 г. Британия вновь стремится наладить связи с континентом – как с Евросоюзом в целом, так и с отдельными странами Европы. Ведя переговоры о брекзите, премьер-министр Б. Джонсон не считал необходимым урегулировать вопросы в сфере обороны и безопасности, рассчитывая на свободу рук Британии и независимую внешнюю политику. Однако реальные проблемы Туманного Альбиона на мировой арене заставили вновь искать союзников в Европе не только в лице отдельных стран.

При правительстве лейбористов во главе с К. Стармером начались переговоры с Брюсселем, в том числе о допуске Королевства к европейской программе оборонных кредитов (*Security Action for Europe, SAFE*) объёмом 150 млрд евро. В ходе них в очередной раз в истории отношения Британии и Франции приняли характер «сотрудничества-соперничества». Разногласия возникли по поводу претензий Парижа к Лондону. Франция настаивала на ограничении доступа Великобритании к этой новой программе займов. В обмен на доступ Лондона к *SAFE* Франция в лице ЕС настаивала на сохранении действующих квот на ловлю рыбы в британских водах на два года. В итоге Британия заключила с ЕС 12-летнее соглашение о доступе к рыболовецким водам. В Шотландской

рыболовецкой федерации заявили, что соглашение «гораздо хуже», чем условия, на которых страна выходила из ЕС. Соглашение об обороне и безопасности было заключено 19 мая 2025 г.

Однако ещё до брекзита Соединённое Королевство и Франция подписали двусторонние соглашения: декларацию Сен-Мало (1998 г.) и Ланкастерские соглашения по безопасности и обороне (2010 г.). В результате были созданы Объединённые экспедиционные силы (*Combined Joint Expeditionary Force – CJEF*) с сухопутной, воздушной и морской составляющими для операций Британии и Франции, НАТО, ЕС, ООН и «иных» операций. Наглядным примером реализации этих планов стало незаконное военное вмешательство в Ливии в 2011 г. (нарушение положения о бесполётной зоне).

Ланкастерские соглашения предполагается обновить[1], преобразовав *CJEF* в Объединённые совместные силы (*Combined Joint Forces – CJF)*, убрав указание на «экспедиционные», т. е. усилить их мощь, расширить задачи и придать им характер постоянный, а не *ad hoc*. Франция и Британия, единственные ядерные державы в европейской части Запада, 10 июля 2025 г. договорились заключить обновлённое оборонное соглашение. Предусматривались положения о том, что независимые ядерные средства сдерживания обеих стран можно «координировать», и что ВПК двух стран составят «индустриальную Антанту» (*Entente Industrielle*).

CJF призваны подкрепить «коалицию желающих» из порядка 30 европейских стран поддерживать киевский режим военными средствами – ещё один проект Британии и Франции. Вариант отправки войск на Украину начал президент Франции Э. Макрон на встрече союзников Украины в феврале 2024 г., но его сначала отвергли Польша и Германия (последнюю тогда представлял канцлер О. Шольц).

Идея Британии и Франции создать «коалицию желающих» стала приобретать материальную форму в ноябре 2024 г. во время визита К. Стармера в Париж на фоне победы Д. Трампа на выборах в США. Избранный президент желал отмежеваться от наследия Дж. Байдена, что означало отстранение США от ситуации на Европейском континенте в пользу АТР. В этих обстоятельствах

[1] Lancaster House 2.0: Declaration on Modernising UK-French Defence and Security Cooperation - GOV.UK. 10.07.2025. URL: https://www.gov.uk/government/news/lancaster-house-20-declaration-on-modernising-uk-french-defence-and-security-cooperation (дата обращения: 10.07.2025).

Британия и Франция поставили задачу самостоятельно справиться с поддержкой Украины и противостоять России.

Как писала тогда газета *The Guardian*, «Трамп разрывает трансатлантический альянс, и Стармер с ужасом наблюдает, как альянс разваливается у него на глазах, а Британия уже не может служить мостом между США и Европой». Газета цитирует и Э. Макрона: «Не думайте, что немыслимое не может произойти, включая худшее»[2].

Британский премьер-министр лишь усмехнулся, когда во время своего визита в Овальный кабинет 27 февраля Д. Трамп поинтересовался у него, сможет ли Британия в одиночку противостоять России. Президент США не стал гарантировать Британии и Франции военную поддержку в случае размещения их вооружённых сил на территории Украины, как и не обещал Украине членство в НАТО[3].

Окончательно оформилась идея коалиции после скандального визита В. Зеленского в Белый дом на следующий день после К. Стармера – 28 февраля 2025 г. Трамп обвинил Зеленского в том, что тот «играет с Третьей мировой войной». Днём позже Зеленского приняли в Лондоне на Даунинг-стрит и устроили аудиенцию у короля Карла III. Уже 2 марта 2025 г. был созван саммит по Украине «За обеспечение нашего будущего» с участием Э. Макрона, Зеленского и шестнадцати других лидеров. Стармер охарактеризовал встречу как «момент, который бывает раз в поколение» для европейской безопасности, заявив, что пришло время для решительных действий, а не для дальнейших обсуждений, и официально объявил, что Британия и Франция возглавят европейскую «коалицию желающих» предоставить Украине гарантии безопасности и «обеспечить возможность мирных переговоров с Россией» с позиции силы[4].

---

[2] Trump is tearing up the transatlantic alliance. Can Starmer's US visit change the weather? URL: https://www.theguardian.com/politics/2025/feb/21/trump-tearing-up-transatlantic-alliance-can-starmer-us-visit-change-weather (дата обращения: 10.07.2025).

[3] Six surprises from Trump's extraordinary meeting with Starmer. 27.02.2025. URL: https://inews.co.uk/news/politics/five-surprises-trump-extraordinary-meeting-with-starmer-3558761 (дата обращения: 10.07.2025).

[4] "Once in a generation moment for our security": Starmer welcomes European leaders to... – LBC. 02.03.2025. URL: https://www.lbc.co.uk/world-news/starmer-european-leaders-london-ukraine-summit/ (дата обращения: 10.07.2025).

В коалицию вошли более 30 стран, намереваясь оказывать помощь Украине более весомую, нежели Контактная группа по обороне Украины (группа «Рамштайн»)[5]. Первоначальный замысел состоял в том, чтобы страны – участницы коалиции направили свои военные контингенты на территорию Украины в качестве «миротворческих сил» в случае, если Украина и Россия договорятся о прекращении огня или подпишут мирное соглашение. «Коалиция желающих» приняла обязательство поддерживать поток военной помощи Украине; усиливать экономическое/санкционное давление на Россию; переговоры об Украине должны идти с участием Украины; способствовать повышению оборонительных возможностей Киева после заключения мирного соглашения для «сдерживания потенциальных вторжений в будущем»; страны коалиции обязуются гарантировать безопасность Украины после заключения мирного договора. Стармер выразил готовность обеспечить прямое военное присутствие Британии[6], чтобы безопасность Украины войсковым контингентом на суше и в воздухе.

Поскольку Д. Трамп решил приостановить снабжение Украины вооружениями, 4 марта 2025 г. председатель Европейской комиссии У. фон дер Ляйен объявила о плане инвестиций ЕС в ВПК на сумму 800 млрд евро по программе перевооружения *ReARM Europe*.

Затем последовал ряд встреч очных и виртуальных – начальников штабов вооружённых сил 30 европейских стран, стран Содружества наций и Японии, Еврокомиссии, НАТО, чтобы обсудить варианты «сил сдерживания», которые будут развёрнуты на Украине, чтобы «предотвратить возобновление российских атак на страну в случае достижения соглашения о прекращении огня». Стармер заявил, что планы переходят на оперативный этап защиты Украины в составе миротворческих сил при немаловажном условии – если удастся договориться с Россией[7].

---

[5] Контактная группа по обороне Украины (КГЗУ, или группа Рамштайн) состоит из 57 стран (все государства – члены НАТО и 25 других стран), а также ЕС, которые отправляют военную технику киевскому режиму. США после избрания Д. Трампа прекратили участие в группе.

[6] Starmer hosts international Ukraine summit in London. 02.03.2025. URL: https://ukdefencejournal.org.uk/starmer-hosts-international-ukraine-summit-in-london/(дата обращения: 10.07.2025).

[7] Military chiefs gather in UK to discuss Ukraine peacekeeping force. 20.03.2025. https://www.france24.com/en/live-news/20250320-military-chiefs-gather-in-uk-to-discuss-ukraine-protections (дата обращения: 10.07.2025).

На саммите 27 марта 2025 г. участники коалиции приняли решение: никакие санкции не могут быть отменены в случае соглашения о временном прекращении огня; смягчение санкций возможно в случае мирного соглашения; министры обороны Украины, Франции и Британии приступят к детальному планированию сил сдерживания (определение численности военнослужащих и типов военной техники для развёртывания после заключения мирного соглашения, чтобы «сдерживать и реагировать на последующую потенциальную новую российскую агрессию»)[8]. Детальным планированием занимаются около 200 военных специалистов[9].

Как заявил французский министр обороны С. Лекорню, «первая гарантия безопасности – конечно, поддержка украинской армии, что означает отказ от демилитаризации Украины»[10]. По мнению Э. Макрона, «не России определять, что будет происходить на земле Украины»[11]. Британия и Франция планировали патрулировать воздушное и морское пространство Украины, участвовать в восстановлении сухопутных сил и авиации ВСУ. Париж и Лондон называли разные цифры численности «миротворческого контингента» – до 50 тыс. человек (при запросе В. Зеленского на контингент в 100–150 тыс. человек). Они полагали, что этих сил достаточно будет, чтобы гарантировать соблюдение Россией прекращения огня на Украине. 10 апреля в ходе переговоров министров обороны ЕС только шесть стран выразили готовность отправить военных на Украину (Британия, Франция, страны Прибалтики и ещё одна неназванная европейская страна). Другие участники коалиции выразили сомнения и поставили вопросы о конкретных задачах в конкретных условиях, на которые инициаторы коалиции ответ не дали.

---

[8] Starmer and Macron to send military chiefs to Ukraine to plan for future ceasefire // The Independent. 27.03.2025. URL: https://www.independent.co.uk/news/uk/politics/ukraine-russia-ceasefire-starmer-macron-zelensky-military-b2722754.html (дата обращения: 10.07.2025).

[9] Europeans discuss Ukraine peace force but big questions still open // Reuters. 10.04.2025. URL: https://www.reuters.com/world/europe/europeans-discuss-ukraine-peace-force-big-questions-unanswered-2025-04-10/ (дата обращения: 10.07.2025).

[10] Ibid.

[11] Starmer and Macron to send military chiefs to Ukraine to plan for future ceasefire // The Independent. 27.03.2025. https://www.independent.co.uk/news/uk/politics/ukraine-russia-ceasefire-starmer-macron-zelensky-military-b2722754.html (дата обращения: 10.07.2025).

Планы постоянно претерпевают изменения, основные участники коалиции – Британия, Франция, Германия – постоянно пытаются занять главенствующее положение в ней; численность, статус и задачи вооружённых сил, которых предполагается направить на Украину, претерпевают изменения. В Британии военные чины, в том числе бывший министр обороны Б. Уоллес[12], сомневаются в том, что К. Стармер и другие «желающие» понимают цели и задачи, проблемы обеспечения, правовые основания миссии, считая прожекты коалиции «пустой болтовней». В апреле *The Times* привела реалистичные аргументы британских чиновников о том, что отправлять войска на Украину слишком опасно из-за риска разрастания конфликта в случае нарушения прекращения огня, а потому предпочтительнее отправить инструкторов на Западную Украину[13].

Однако планы остаются под вопросом прежде всего потому, что сами участники коалиции признают: замысел неосуществим, пока США не обеспечат коалиции при развёртывании сил на Украине помощь в разведке, логистике и прикрытии с воздуха (*American backstop*). Министр обороны США П. Хегсет заявил, что вооружённых сил США на Украине не будет, любые действия коалиции не должны проходить под эгидой НАТО, а если кто-то из участников подвергнется нападению, то гарантии НАТО на него распространяться не будут[14]. Сам президент США высказывается неоднозначно.

Планы «коалиции желающих» ввести воинские контингенты на Украину совершенно неприемлемы для России. К тому же размещение миротворцев возможно лишь с согласия обеих сторон конфликта, но к Москве по этому поводу никто не обращался. Министр иностранных дел России С.В. Лавров неоднократно отмечал, что присутствие на Украине иностранных «миротвор-

---

[12] Starmer's not-so-willing coalition? PM's plans for European allies to enforce Ukraine peace are dismissed as "'political theatre" by military insiders – after US envoy called his idea "simplistic" // Daily Mail Online. 24.03.2025. URL: https://www.dailymail.co.uk/news/article-14530061/starmer-ukraine-coalition-willing-political-theatre-military-army-trump-peacekeeping-russia.html (дата обращения: 10.07.2025).

[13] UK could scrap plans to send thousands of troops to Ukraine. 25.04.2025. URL: https://www.thetimes.com/uk/defence/article/britain-abandon-plans-troops-ukraine-russia-mtjrm2wzh (дата обращения: 10.07.2025).

[14] Europe quietly works on a plan to send troops to Ukraine for post-war security // AP News. 14.02.2025. URL: https://apnews.com/article/europe-ukraine-force-peacekeepers-nato-us-security-119c302621e58a3e3bcb7841aa1ce161 (дата обращения: 10.07.2025).

цев» послужит лишь разжиганию конфликта и прямо противоречит изначальным требованиям Москвы устранить первопричины конфликта – приближение НАТО к границам РФ, нарушение прав русскоязычного населения Украины и др.[15]

По оценке С.В. Лаврова, созданная в Европе «коалиция желающих» стремится к доминированию и игнорированию мнений других стран, что свидетельствует о стремлении к собственному превосходству: «...они же в своём названии не сказали, желающих чего. Видимо, желающих того самого ощущения собственного превосходства, собственной способности решать так, как им хочется, не прислушиваясь и вообще игнорируя мнение других»[16].

За 80-летием Победы следует годовщина Фултонской речи У. Черчилля, и метафора «железного занавеса» снова в ходу. Остаётся лишь сожалеть, что многих история ничему не учит, а потому её уроки приходится повторять вновь и вновь.

---

[15] Лавров исключил размещение европейских миротворцев на Украине – РИА Новости. 26.02.2025. URL: https://ria.ru/20250226/lavrov-2001713677.html?ysclid=mddh09y7w9590494718; Лавров указал на разжигание конфликта заявлениями о миротворцах на Украине. Новости мира. Известия. 26.02.2025. URL: https://iz.ru/1845377/2025-02-26/lavrov-otvetil-na-vopros-o-razmeshchenii-mirotvortcev-na-ukraine; Лавров: Россия никогда не примет присутствие миротворцев НАТО на Украине – Коммерсантъ. 12.03.2025. URL: https://www.kommersant.ru/doc/7565508?ysclid=mddh3q5hkh697237613 (дата обращения: 10.07.2025).

[16] Ответ министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова на вопрос программы «Москва. Кремль. Путин», Москва, 20 апреля 2025 года – Министерство иностранных дел Российской Федерации. 20.04.2025. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/2010227/ (дата обращения: 10.07.2025).

ПРЕЗИДЕНТ США Д. ТРАМП И ФИНЛЯНДИЯ: НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ФИНСКОЙ ВНЕШНЕЙ И ОБОРОНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Йохан Бекман

Переизбрание Д. Трампа на пост президента представляет собой большее геополитическое изменение для Хельсинки, чем членство в НАТО, незаконно организованное в Финляндии. Не проводились открытое обсуждение и референдум, и, кроме того, членство страны в альянсе нарушает принципы ОБСЕ, Соглашение об основных отношениях между Россией и Финляндией 1992 г.[1] и Парижский мирный договор 1947 г.[2] «Новые тезисы» Д. Трампа стали настоящим шоком для финского истеблишмента, для которого НАТО – сакральная тема.

Финляндия оказалась в новых геополитических условиях, как и другие страны Северной Европы. Хотя многие эксперты и журналисты придерживаются мнения, что после окончания конфликта на Украине всё вернётся на круги своя и дальнейшей эскалации не будет, с этим трудно согласиться. Агрессия коллективного Запада против России представляет собой конфликт, который может только усугубиться, перерасти в большую войну, включая использование новых видов биологического оружия[3]. Развитие внешней политики стран Северной Европы опасно для безопасности России, и политологи несут за это особую ответственность. Исследователи должны уметь выявлять исторические политические процессы и закономерности развития в странах региона, которые могут напомнить о себе в текущей ситуации.

---

[1] https://finlex.fi/fi/valtiosopimukset/sopimussarja/1992/63

[2] https://finlex.fi/en/treaties/finnish-treaty-series/1947/20#OT0

[3] *Бекман Й.* Финляндия в войне 2025–2034: Стратегический план коллективного Запада против России // Исторические чтения на Лубянке. «Щит и меч Советского Союза» (К 70-летию образования Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР): материалы XXVIII междунар. науч. конф. / Сост. А.А. Плеханов. М.: Издательство Фронткнига, 2024. С. 323–330.

С большим удивлением многие в мире встретили заявление Д. Трампа о том, что он прекратит конфликт с РФ на Украине за 24 часа (причём он 53 раза заявлял об этом)[4]. Не менее неожиданным стали некоторые другие его намерения, например, аннексировать Гренландию и Канаду (о возвращении Аляски России он не говорил). Трамп также обвинил Украину и её нынешнее руководство в том, что они спровоцировали конфликт с Россией, вызвав серьёзный политический кризис в Европе. ЕС же и НАТО основывают свою политику на противоположном тезисе о «широкомасштабной агрессивной войне» России на Украине. Получается, точка зрения президента США ближе к мнению России, что Запад начал агрессию на Украине ещё в 2014 г. и даже раньше – в 2004-м.

Предложение Трампа и широкое обсуждение идеи прекращения огня создали впечатление, что главными противопостоящими сторонами конфликта на Украине при администрации Дж. Байдена действительно являлись Москва и Вашингтон. Кроме того, Трамп не раз заявлял об устаревании НАТО (*obsolete*)[5]. Он неоднократно демонстрировал, что ему не нравится альянс, и ставил под вопрос причины его существования. Однако в Финляндии, которая недавно вступила в НАТО, это считается чуть ли не вершиной исторического развитии. Но, с точки зрения Трампа, Хельсинки, оказывая существенную помощь Украине, стала союзником агрессора – Киева. США, которые до недавнего времени были верным союзником Финляндии в защите от российских «гибридных» угроз, с Трампом стали чуть ли не союзником России (временами складывалось впечатление, что Россия и США снова разделят «сферы интересов», и Финляндия снова окажется в сфере влияния РФ). Что касается НАТО, гарантии безопасности внутри неё всё больше ставились под сомнение.

Самым необычным были дискуссии о судьбе 14 американских мест базирования в Финляндии согласно Соглашению о сотрудничестве в области обороны (Agreement on Defence Cooperation, *DCA*). Если США являются скорее союзником России, чем НАТО, то что произойдёт с этими пунктами дисклокации? Не могут ли они превратиться в американо-российские? Ведь соглашения *DCA* не имели отношения к альянсу, а были двусторонними между

[4] https://edition.cnn.com/2025/04/25/politics/fact-check-trump-ukraine-war
[5] См.: https://www.cbsnews.com/news/trump-nato-past-comments/

Хельсинки и Вашингтоном, и последний имеет значительную свободу рук в их использовании. Эти резкие политические повороты привели к тому, что бывшая премьер-министр Финляндии Санна Марин, приведшая Финляндию в НАТО, заявила, что её страна вступила в альянс, чтобы защитить себя от угрозы, которую представляет Трамп[6].

На этом фоне соглашение *DCA*, подписанное в сентябре 2024 г., стало выглядеть действительно по-особенному. Сделка предусматривала, как отмечено выше, создание 14 военных пунктов дислокации США, а также освобождение от виз, налогов и правовой ответственности американских солдат, членов их семей и подрядчиков. Одновременно в одной из статей антироссийской газеты «*Helsingin Sanomat*» было заявлено, что у Финляндии теперь два врага – Россия и США[7]. Но как же тогда быть с *DCA*, предоставившему безвизовый въезд солдатам врага?

Также широко обсуждался вопрос о том, собираются ли Трамп и Путин разделить мир с помощью нового «пакта Молотова–Риббентропа». В Финляндии глубоко укоренён следующий тезис: причиной Зимней войны якобы являлся секретный дополнительный протокол пакта Молотова–Риббентропа. По этой логике, требования Трампа в отношении Гренландии и Канады означали бы, что Россия могла также что-то получить. Спекулировали, что удержание Крыма и Донбасса за Россией вряд ли было бы достаточным противовесом присоединения Гренландии и Канады к США, и что, возможно, Россия получила бы Аляску или Польшу с Финляндией. Воображение новоявленных финских геополитиков не знало границ.

Такие нарративы подпитывались и из других источников. Так, в 2020 г. Джон Болтон, бывший советник Трампа по национальной безопасности, опубликовал свою биографию[8]. В Финляндии особое внимание привлёк эпизод, когда Трамп спросил своих помощников, «является ли Финляндия частью России?». Это было истолковано, с одной стороны, как предположение, что Трамп не знал, что Финляндия является независимым государством или что он хотел узнать, какое влияние на неё оказывает Россия. Формулировки Трампа, как их приводит Болтон, можно

---

[6] https://yle.fi/a/74-20145321

[7] https://www.hs.fi/kirjeenvaihtajat/art-2000011046524.html

[8] *Bolton J.* The Room Where It Happened: A White House Memoir. Simon & Schuster. 2020.

перевести с английского языка двумя способами: либо «является ли Финляндия сейчас частью России?», либо «была ли Финляндия когда-то частью России?».

Напомним, что Финляндия никогда не существовала как государственное образование до 1809 г., когда было создано Великое Княжество Финляндское («Новая Финляндия»), к которому «Старая Финляндия» была присоединена в 1812 г. Однако в ходе Зимней войны 1939–1940 гг. И. Сталин вернул СССР около половины территории «Старой Финляндии» (около 11% территории всей страны). Поэтому и теперь значительная часть Финляндии находится в составе России. С другой стороны, позже Финляндия арендовала у РФ часть Сайменского канала. Знает ли Трамп о всех этих подробностях – неизвестно, как и то, что он думает о Финляндии. Тем не менее, если он действительно задал этот вопрос, это означает, что он обдумывал какие-то варианты. Поскольку Трамп в первую очередь бизнесмен и инвестор, его интересуют сделки, и, возможно, речь шла и о какой-то «финской цене».

Возобновление отношений России и США – процесс, результаты которого пока неизвестны. Дипломатические контакты в последнее время были укреплены, две страны провели несколько консультаций по ситуации на Украине. Что это означает для восстановления финских и российских отношений? Финляндия в одностороннем порядке фактически разорвала отношения с Россией и блокировала восточную границу страны без объективных причин. Хельсинки продолжает проводить крайне недружественную, даже агрессивную политику в отношении России. Идёт милитаризация страны в рамках ЕС и НАТО. Не исключено, что США при Трампе сосредоточатся на улучшении отношений с Россией, в то время как в Европе продолжат набирать силу русофобские настроения.

Опытный журналист Арво Туоминен, эксперт в российско-финских отношениях, опубликовал в конце мая 2025 г. книгу «Зона страха: Финляндия и семь западных приграничных стран России». Эта работа – первый анализ сложившейся ситуации. Автор пишет: «Финляндия стремилась присутствовать везде, где речь шла о касающихся её решениях. Однако всё обернулось иначе, когда даже Евросоюзу не разрешили сесть за стол переговоров, за которым Россия и США обсуждали мир на Украине

и вопросы европейской безопасности. Таким образом, Европа одинока в своём противостоянии с Россией...»[9].

Высказывания и взгляды Д. Трампа в отношении США, ЕС и НАТО являются источниками серьёзных изменений, включая финскую внешнюю политику. К сожалению, результатом становится не возвращение к финскому нейтралитету, а курс на превращение Финляндии в европейский антироссийский бастион.

[9] *Tuominen Arvo*. Pelon vyöhyke: Suomi ja seitsemän Venäjän läntistä rajamaata. Otava. Helsinki, 2025.

ПРИЛОЖЕНИЯ

КРУГЛЫЙ СТОЛ «ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ ФРГ: ПАМЯТЬ О ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ В ЭПОХУ КРИЗИСОВ»

(Москва, Институт Европы РАН, 17 апреля 2025 г.)

ПРИВЕТСТВИЕ ПОСЛА РОССИИ В ГЕРМАНИИ С.Ю. НЕЧАЕВА

Уважаемый Алексей Анатольевич!

Уважаемые коллеги, участники круглого стола, дорогие друзья!

Позвольте всех Вас сердечно поприветствовать.

Выбор дискуссии на столь злободневную тему лишний раз подтверждает, что руководство Института Европы РАН тонко чувствует пульс времени, а его сотрудники находятся в авангарде современной аналитической и научно-исторической мысли.

Приближается 80-я годовщина Великой Победы. Все мы помним о бессмертном подвиге наших героических предков, свято чтим их память, готовимся торжественно отметить этот праздник вне зависимости от места службы и места жительства. Однако для тех из нас, кто в профессиональном плане связал свою жизнь с Германией, немаловажно знать, с каким «багажом» к этой знаковой дате подошла страна, ответственная за развязывание самой страшной трагедии в новейшей истории человечества.

В этом смысле приходится наблюдать неоднозначную картину. С одной стороны, в Германии по-прежнему уделяют большое внимание изучению истории Второй мировой войны, её генезиса, хода и последствий. Создаются новые и расширяются действую-

щие документационные центры, профильные музеи, экспозиция которых напоминает миру о преступлениях Третьего рейха.

С другой стороны, культура памяти в современной Германии приобретает всё более политизированный характер. События далёких военных лет прямо соотносятся с соображениями текущей политической конъюнктуры, которая приобретает весьма неприглядные формы. Имею в виду запреты, вводимые германскими властями на демонстрацию символов Великой Победы и государственных символов СССР и России, «рекомендации» МИД ФРГ региональным и муниципальным властям – не приглашать официальных российских и белорусских представителей на традиционные мероприятия памяти, решение германского фонда «Память, ответственность и будущее» о приостановке членства России и Белоруссии в его Попечительском совете. Нельзя не заметить ползучую смену музейных экспозиций, в ходе которой подвиг советского солдата подвергается «переосмыслению» в духе актуальных политических нарративов.

Всё чаще приходится сталкиваться с искажением или замалчиванием, казалось бы, очевидных, базовых понятий, таких как колоссальные жертвы советского народа в ходе гитлеровской войны на уничтожение, решающая роль Красной армии в разгроме нацизма, её освободительная миссия, огромный вклад советских людей в процесс послевоенного примирения народов наших стран.

Ни для кого не секрет, что тему германской ответственности здесь в последние годы предпочитают фокусировать в основном на преступлениях Холокоста. Страшные злодеяния Третьего рейха и его пособников, которые совершались на территории Советского Союза, включая блокаду Ленинграда, немецкие политики отказываются признавать геноцидом народов Советского Союза, да и вообще лишний раз предпочитают не вспоминать. Наблюдаем попытки искусственного деления советских жертв по национальному признаку. Предаётся забвению процесс послевоенного примирения народов наших стран, благодарность советским людям, отказавшимся от чувства ненависти к вчерашнему врагу и протянувшим немецкому народу руку дружбы и помощи в деле послевоенного восстановления. Генезис Второй мировой войны часто подменяется посылом о якобы «равной ответственности тоталитарных режимов», а история послевоенного периода – ссылками на смену одной диктатуры (нацистской) другой (коммунистической).

Это весьма тревожные явления. Имеют ли они временный характер, или это отражение процесса трансформации политического и идеологического самосознания современных немецких элит? Обернётся ли подобного рода эмансипация размыванием чувства благодарности немцев нашему народу за освобождение от нацизма и – позже – за мирное объединение страны? Сохранит ли Германия приверженность процессу послевоенного примирения или в Берлине считают, что эту главу пора перевернуть?

Со своей стороны, продолжаем решительно противодействовать любым попыткам переписывания истории, игнорирования реалий, лёгших в основу послевоенного мироустройства, ретроспективного искажения исторических событий и их взаимосвязей в столь чувствительной для россиян сфере, как история Великой Отечественной войны, подвиг советского солдата-освободителя.

Должен сказать, что мы здесь далеко не одни. Наши подходы разделяют миллионы проживающих в Германии российских соотечественников, партнёра по СНГ и БРИКС, немецкие единомышленники, особенно на востоке страны.

Не только рядовые немцы, но и политики, парламентарии, представители земельных и муниципальных властей ФРГ, несмотря на запреты и рекомендации, готовы вместе с нами отдавать дань памяти, возлагая цветы и венки к советским воинским мемориалам. Среди них много молодых людей, что также не может не настраивать на оптимистический лад.

В позитиве отметим, что более 4 тыс. советских воинских захоронений и памятников на территории ФРГ, в которых покоятся более 700 тыс. советских граждан, находятся в целом в удовлетворительном состоянии, за ними, как правило, обеспечивается уход.

Уверен, что сегодняшний круглый стол поспособствует выверенному анализу происходящих событий, позволит дать ответы на многие вопросы. Желаю участникам продуктивной работы и интересного общения. Пользуясь случаем, хотел бы выразить признательность руководству и коллективу Института Европы за многолетнее плодотворное сотрудничество и регулярную информационно-аналитическую подпитку Посольства по широкому спектру проблем.

ПРИВЕТСТВИЕ ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТА МЕЖДУНАРОДНОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА «РОССИЯ – ГЕРМАНИЯ» ПОСЛАННИКА 1 КЛАССА В.М. ПОЛЕНОВА

Уважаемые дамы и господа, дорогие друзья, коллеги!

Отношение к майским событиям 1945 года за рубежом, прежде всего в Европе, должно оставаться, на мой взгляд, и впредь мерилом не только состояния исторической памяти, но и внешнеполитической зрелости тех или иных государств, прежде всего европейских, не утративших до конца способность к выстраиванию контактов и взаимодействия с Россией.

Уже только с этой точки зрения, если вспомнить, в частности, «угрожающие советы» некой Кайи Каллас насчёт неучастия европейцев в праздновании 9 Мая в Москве, думаю, можно смело утверждать, что у ЕС нет будущего в отношениях с нашей страной.

Хотелось бы, конечно, верить, что такое будущее всё-таки наличествует у Германии. У страны, которую связывает с нами тысячелетняя история, полная трагических страниц. Историческое примирение, над достижением которого в прежние десятилетия упорно и не безуспешно работали политические и общественные силы двух стран, можно сказать, снизу доверху, состоялось, но сегодня, как мы видим, подвергается угрозе.

Те, кому не безразлично происходящее в ФРГ и в российско-германских отношениях, станут внимательно следить за тем, что и как будут говорить на тему освобождения Германии и Европы от нацизма президент ФРГ, председатель бундестага и другие ораторы в ходе заседания германского парламента 8 мая. Вслушиваться будут у нас и в слова нового федерального канцлера, который будет приведён к присяге за два дня до этого.

Но дело, конечно, не в словах, а в делах, тем более на фоне приближающейся памятной даты. И первое дело, которое должно было бы сделать новое правительство ФРГ, это дезавуировать абсолютно неприемлемую «рекомендацию» МИДа этой страны о недопуске российских и белорусских представителей к памят-

ным мероприятиям в Германии. Хотят, наконец, таким образом освободиться от освободителей?

Мы знаем, что многие наши немецкие друзья, планировавшие первоначально приехать в Москву для участия в празднествах по случаю 9 Мая, сочли за более правильное остаться в Германии. Почему? Потому что посчитали, что они сейчас там нужнее. Нужнее и в предстоящие дни, когда пройдут пасхальные марши, и в первой декаде мая, когда там, по всей стране будут организованы разнообразные мероприятия по случаю 80-летия окончания Второй мировой войны в Европе. В их числе и шествие «Бессмертного полка». Мы благодарны нашим немецким друзьям за все их благородные усилия и, конечно, ждём их здесь, в Москве в любое удобное им время.

В современной нам с вами Германии, к сожалению, есть тревожащие тенденции, каких мы прежде не наблюдали в течение многих лет. Они, конечно, волнуют не только думающих, политически активных граждан ФРГ, но и нас здесь. Русофобия, я бы даже сказал, политический расизм в отношении России, растущая милитаризация не только экономики и хозяйственной жизни в целом, но и попытки соответствующего переформатирования общественного сознания в направлении *Bunkermentalität* доминируют, как мы видим, в политической практике ФРГ и в СМИ.

Один известный германский персонаж в ноябре 1938 года ставил задачу так психологически перенастроить немецкий народ, его восприятие внешнеполитических событий, чтобы тот сам требовал применения насилия к тем вовне, кто этого, по мысли автора идеи, заслуживал.

Не лишне вспомнить в данной связи слова Владимира Ивановича Вернадского, видного советского учёного, мыслителя, который очень точно сформулировал: «Настоящее есть проявление прошлого, как бы далеко оно от нас ни отстояло». Прошлое Германии, как приходится отмечать, особенно в преддверии памятных майских дней, было далеко не безоблачным...

Сейчас, в наше тревожное время, думается, особенно важно активизировать и насытить содержанием диалог общественных сил двух стран. Мы продолжим совместно искать пути к взаимопониманию и взаимодействию, укреплению межчеловеческих контактов, несмотря на известные потуги затруднить и минимизировать их. У нас, общественных сил, есть для такой слаженной работы в сложных условиях и взаимное стремление, и воля. Насто-

ятельно необходимо привлечь на нашу сторону молодёжь и здесь, и там. Без её деятельного участия мы не сможем заложить значимую перспективу для обоюдных усилий.

Историческому беспамятству, попыткам очередного разобщения наших народов мы можем и должны противопоставить подрывную силу симпатии, взаимного притяжения, общих интересов и общей выгоды. И конечно, трезвого, научно обоснованного взгляда на наше общее прошлое, настоящее и будущее. Чем мы сегодня и будем с вами заниматься.

IV. Бессмертный полк

К.В. НОВИКОВ: СОВЕТСКИЙ ДИПЛОМАТ В ЛОНДОНЕ ВОЕННОЙ ПОРЫ[1]

Е.В. Ананьева[2]

Мой дед по материнской линии, Кирилл Васильевич Новиков, начал свой путь на дипломатическом поприще в 1940 г. Он родился в 1905 г. в г. Шостка Ростовской области в семье рабочего. Отец умер рано, и с 13 лет мальчик пошёл на заработки. В 1927 г. по путёвке завода он был направлен на учёбу в Ленинградский политехнический институт, после успешного окончания которого преподавал, а затем занимался исследовательской работой, руководя крупным конструкторским бюро в Центральном котлотурбинном институте. В 1936 г. К.В. Новикова на полгода направили в научную командировку в США для изучения практики использования котлов и турбин с высоким давлением пара. По пути в Америку он побывал в Польше, Германии и Франции. В 1937 г. его назначили директором Ленинградского политехнического института, куда он поступил 10 лет назад. Вскоре его перевели в Москву на крупный пост председателя Технического совета Наркомата тяжёлой промышленности, в функции которого входила разработка направлений развития тяжёлой промышленности страны.

В 1939 г. К.В. Новикова вызвал к себе первый заместитель председателя правительства, министр иностранных дел В.М. Молотов и после длительной беседы, в ходе которой, ссылаясь на его успешные поездки за рубеж, предложил ему перейти на работу в НКИД.

---

[1] Материал составлен по мемуарам К.В. Новикова, статье Чрезвычайного и Полномочного Посла В.В. Шустова «Посол Кирилл Васильевич Новиков (1905–1983 гг.)» в журнале «Международная жизнь», 2002, № 4. С. 102–112.

[2] *Ананьева Е.В.* К.В. Новиков: советский дипломат в Лондоне военной поры // Современная Европа. 2020. № 4. С. 206–211.

Почти сразу его направили в посольство СССР в одну из ключевых европейских столиц – Лондон. Первое путешествие в Британию было сложным: в то время добраться до этой страны из СССР через Европу было невозможно из-за начавшихся военных действий. Пришлось отправляться кружным путём через советский Дальний Восток, Японию и США. Из Нью-Йорка в Лондон – на крупном английском грузовом судне, которое, опасаясь немецких подводных лодок, весь путь через Атлантический океан шло зигзагами. «Дважды, – рассказывал К.В. Новиков, – пришлось натерпеться страху, когда на судне поднимали тревогу и команда с небольшим

военным нарядом, обслуживавшим две пушки и четыре крупнокалиберных пулемёты, начинала готовиться к схватке с немецкой подводной лодкой. Но в обоих случаях тревога была напрасной: это были не немецкие, а английские подводные лодки».

С нападения Германии на Советский Союз посольству в Лондоне пришлось работать весьма напряженно. Главной его задачей было добиваться открытия второго фронта в Европе и обеспечения своевременных поставок союзниками согласованных военных и гражданских материалов. К.В. Новикову приходилось встречаться не только с официальными лицами, но и выступать на массовых митингах в различных городах страны.

«Будучи советником посольства СССР в Великобритании, – писал А.А. Громыко, – в трудные для нашей страны годы, в период Великой Отечественной войны, он проводил большую работу по мобилизации общественного мнения, деловых кругов и государственных деятелей Великобритании на оказание всемерной помощи Советскому Союзу в борьбе немецкими захватчиками».

К.В. Новиков принимал участие в подготовке и заключении 18 июля 1941 г. в Лондоне соглашения между правительством СССР и эмигрантским правительством Чехословакии о совместных действиях в войне против фашистской Германии, а также в подготовке и заключении 30 июля 1941 г. в Лондоне соглашения между Советским правительством и эмигрантским правительством Польши о возобновлении дипломатических отношений между двумя странами. Соглашение предусматривало обязательство обеих сторон по взаимному оказанию помощи в войне против гитлеровской Германии. В 1942 г. в Лондоне проездом к месту своего назначения в посольство в Швеции побывал В.С. Семенов, будущий заместитель министра иностранных дел. В своих мемуарах он вспоминал: «Я познакомился с Кириллом Васильевичем Новиковым, который был на два года старше меня, но в дипломатии – таким же новичком, как и я. Однако на этом поприще он быстро добился блестящих успехов». Новиков впечатлил Семенова тем, что обстоятельно познакомил его с положением не только в Англии, но и в Скандинавии.

В конце августа 1942 г. премьер-министр Великобритании У. Черчилль обратился к И.В. Сталину с просьбой принять его в Москве. По воспоминаниям К.В. Новикова: «Так как англичане считали возможным открыть второй фронт на севере Франции в 1942 г., то мы, естественно, полагали, что он едет в Москву

для согласования точных сроков открытия второго фронта». Однако сотрудникам посольства так и не удалось до отлёта выяснить истинную цель поездки У. Черчилля. Новиков сопровождал премьер-министра в этой поездке. Всем пассажирам самолёта, маршрут которого пролегал над Северной Африкой и Ближним Востоком, выдали парашюты, таблетки от жажды и шоколад на случай, если самолёт собьют. Прилетев в Каир, Черчилль решил прервать поездку на 2–3 дня, чтобы проинспектировать британские войска на территории Северной Африки. На обеде в британском посольстве в Каире в честь У. Черчилля Новикова усадили рядом с премьер-министром. После кофе с коньяком, вспоминал советский дипломат, «Черчилль в довольно бесцеремонной форме предложил всем присутствующим перейти в другую комнату, заявив, что хотел бы переговорить с глазу на глаз с советником советского посольства в Лондоне. Черчилль начал подробно излагать цели своей поездки в Москву. Он понимает важность открытия фронта в северной Франции против фашистской Германии. Он ненавидит Гитлера и «шакала» Муссолини и готов их уничтожить, но, к сожалению, Англия не готова к открытию второго фронта. У неё нет достаточного количества ни вооружённых сил, ни вооружений, ни средств доставки вооружённых сил союзников и вооружений на европейский континент. Ход же военных событий на советско-германском фронте показывает, что Германия уже понесла тяжёлые потери, особенно в результате своего поражения под Москвой в декабре 1941 г. Это открывает для Англии блестящие возможности нанести немецким войскам, находящимся в Северной Африке, такое поражение, которое приведёт к изгнанию немецких и итальянских войск с севера Чёрного континента. Затем, высадив десант союзников в Северной Африке, предпринять дальнейшее наступление через Средиземное море на «мягкое подбрюшье» Южной Италии, которое, как он считал, отвлечёт значительное количество немецких вооружённых сил с советско-германского фронта, что станет существенной помощью Советскому Союзу в его борьбе против гитлеровской Германии. Из этих слов Черчилля следовало, что Англия в войне против Германии преследует не союзнические цели, а свои собственные корыстные интересы, что второго фронта не будет ни в 1942 г., ни, по всей вероятности, в 1943-м. Мои доводы в защиту открытия второго фронта в северной Франции он решительно отклонял. Мне было ясно, что Черчилль берет курс на затягивание войны,

курс на то, чтобы Германия и Советский Союз взаимно истощили друг друга, а Англию сохранить сильной до конца войны, а затем продиктовать Советскому Союзу свои условия мира и послевоенного устройства в Европе.

Получив эти сведения, я понял всю важность их немедленной передачи Советскому правительству. Конечно, Сталину было очень важно знать, с чем Черчилль едет в Москву. Нет сомнений, что, если бы И.В. Сталин знал, что Черчилль везёт в Москву, то он уклонился бы от этой встречи, не дал бы Черчиллю представить дело так, будто Сталин положительно относится к этому гнилому эрзацу. Моё положение, однако, осложнялось тем, что в то время мы не имели дипломатических отношений с Египтом, и я не мог через посольство СССР передать эти сведения в Москву. Из Каира мы на самолётах направились через Ирак и Иран в СССР. По прибытии в Тегеран Черчилль решил остановиться на сутки и провести инспекцию английских войск в Иране. Это дало мне возможность связаться с советским посольством в Иране и передать по шифру запись своей беседы с Черчиллем в Каире (Телеграмма К.В. Новикова за подписью посла СССР в Иране А.А. Смирнова, содержавшая очень важные сведения для переговоров в Москве, опубликована в журнале «Международная жизнь, 2001 г., № 8, «Посол СССР в Иране А.А. Смирнов в НКИД СССР» – в файле «Телеграмма»)». В том же сообщении Новиков писал, что до Каира он летел в самолёте с генералом де Голлем, и тот сказал ему, что он – категорический сторонник фиксированного срока открытия второго фронта и назначения Союзного генерального штаба, что затруднит англичанам увиливание от решения этого вопроса. Впоследствии тема заблаговременного назначения командования вторым фронтом стала предметом обсуждения между руководителями СССР, Англии и США.

Прибыв в Москву, Черчилль, спускаясь по трапу самолёта, поднял над головой руку с двумя раздвинутыми пальцами в виде латинской буквы V. Встречавшие Черчилля на аэродроме восприняли его жест как молчаливое сообщение об открытии второго фронта в Европе. Знак Черчилля встретили бурными аплодисментами, хотя он имел в виду victory («победа»). А меня немедленно направили к Сталину для пояснений. Соответственно, Сталин встретил Черчилля холодно. Беседы в Москве проходили в напряженной и даже тяжёлой атмосфере. Сталин жёстко нажимал, настаивая на скорейшем открытии второго фронта в Европе. Черчилль

малоубедительно оправдывал нежелание пойти на такой шаг, который мог бы стать переломным пунктом в ходе войны, и упорствовал. Только в конце его визита тон дебатов несколько смягчился, и Черчилль смог испытать некоторое облегчение: его миссия не окончилась провалом.

Вскоре после этого Новикова отозвали из Лондона и назначили заведующим 2-м Европейским отделом МИД СССР. Затем назначили членом Коллегии МИД. В ведение 2-го Европейского отдела входила вся Британская империя с её доминионами и колониями, а владения её были огромными. Англия господствовала на морях и за 200 лет подчинила себе полмира. На этих постах Новиков проработал до 1947 г., когда его назначили первым послом СССР в обрётшую независимость Индию.

1941–1945 гг. были самыми насыщенными годами отношений с союзниками – Англией и США. Развивались эти отношения по синусоиде, то обостряясь, то сглаживаясь. Достаточно сказать, что кроме интенсивного, каждодневного обмена нотами между двумя министерствами иностранных дел, активным был обмен посланиями с британскими премьер-министрами – сначала У. Черчиллем, затем К. Эттли. С 8 июля 1941 г. по 15 ноября 1945 г. между Сталиным, с одной стороны, и У. Черчиллем и К. Эттли – с другой, был произведён обмен 516 посланиями. В среднем это составило одно послание каждые три дня. Каждая полученная нота и особенно послание требовали быстрого, но тщательного рассмотрения и подготовки ответа. Таких же трудов и внимания требовали наши ответные ноты и послания. В качестве заведующего отделом К.В. Новиков участвовал в этой работе. Режим работы соответствовал военному времени: с 11 утра до 8 часов вечера с небольшим перерывом на обед, а затем снова с 9 вечера до 3–4, а то и 5 часов утра. И.В. Сталин придерживался ночного режима работы, а по нему равнялся партийный и государственный аппарат. «Как во всяком большом деле, были радость и удовлетворение от работы, но были также малые и большие огорчения, когда, несмотря на все усилия советской дипломатии, наши отношения с союзниками складывались не так, как хотелось бы». Как писал видный советский дипломат В.В. Шустов, «обращаясь в наши дни к опубликованным документам и архивным досье тех лет, не перестаёшь удивляться, насколько умело, чётко и кратко они были написаны. Никакой “воды”, никаких общих рассуждений. На словоблудие ни у политиков, ни у дипломатов времени не было».

Перед советской дипломатией в годы Отечественной войны против фашистской Германии стояли три главные задачи: 1) создать прочную антигитлеровскую коалицию, 2) добиться от наших союзников открытия второго фронта на севере Франции, 3) добиться от союзников поставок для СССР в наибольших количествах самолётов, танков и другого военного имущества и материалов для производства самолётов, в частности – в больших объёмах алюминия, а также поставок продовольствия. Антигитлеровская коалиция была создана довольно быстро, быстро было достигнуто и соглашение о ленд-лизе. Однако сами поставки осуществлялись иногда с большим скрипом. Союзники не соблюдали сроки, а иногда и сознательно сдерживали эти поставки, что было предметом довольно резкой дипломатической переписки и острых посланий И.В. Сталина. Что же касается открытия второго фронта, то союзники, особенно Черчилль, упорно проводили курс на затягивание. Военная мощь СССР, Англии и США значительно превышала военную мощь гитлеровской Германии: чем раньше был бы открыт второй фронт, тем скорее пришла бы победа, тем меньше принесли бы жертв Советский Союз и другие европейские страны.

Основным тормозом в деле открытия второго фронта была политика Англии и США, направленная на затягивание войны. Эта политика потерпела полный крах: Советский Союз вышел из войны более сильным, чем был до немецкой агрессии. Черчилль надеялся переиграть Сталина, но переиграл самого себя. Великобритания закончила войну ослабленной, потерявшей своё мировое морское владычество и то влияние, которое она оказывала на мировые дела. Именно в результате Второй мировой войны она впоследствии потеряла и свои доминионы, и колонии.

К концу войны больше времени стало уделяться вопросам мирного урегулирования и послевоенного мирового устройства. К.В. Новиков активно занимался подготовкой Московского совещания министров иностранных дел СССР, США и Великобритании в октябре 1943 г. Совещание приняло три декларации: овсеобщей безопасности, об Италии и об Австрии. Была опубликована также декларация И.В. Сталина, Ф. Рузвельта и У. Черчилля об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства. Этот документ стал краеугольным камнем в деле вынесения Нюрнбергским трибуналом и национальными судами европейских стран смертных и иных приговоров немецким военным преступникам.

На Ялтинской конференции в феврале 1945 г., одной из важнейших конференций военного времени, К.В. Новиков был назначен советником и генеральным секретарём советской делегации. На конференции были согласованы планы окончательного разгрома гитлеровской Германии, приняты решения о будущем Германии после её безоговорочной капитуляции, определены принципы общей политики в отношении послевоенной организации мира и главные принципы, на которых должна быть создана Организация Объединённых Наций. По целому ряду вопросов основные сложности возникали из-за несговорчивой позиции Черчилля, что вызвало недовольство Сталина. Как рассказывал К.В. Новиков, после конференции Сталин дал указание «достаточно будет Новикова, Молочкова от протокольного отдела и одного генерала».

В апреле-мае 1945 г. в Сан-Франциско Новиков участвовал в конференции по разработке Устава ООН и вместе с А.А. Громыко и другими членами советской делегации подписал этот документ всемирно-исторического значения. Как писал В.В. Шустов, на конференции в Сан-Франциско Новиков проводил большую и хлопотную работу по согласованию положений Устава с другими делегациями, находя для этого нужные и убедительные аргументы. После подписания Устава государственный секретарь США Э. Стеттиниус направил ему специальное письмо, в котором писал: «После завершения нашей работы в Сан-Франциско хочу выразить Вам признательность за сотрудничество, которое Вы неизменно оказывали в интересах достижения нашей общей цели».

В июле-августе 1945 г. состоялась занявшая важнейшее место в истории Второй мировой войны Потсдамская конференция – последняя встреча руководителей государств антигитлеровской коалиции, которая приняла ряд далекоидущих решений по послевоенному устройству в Европе. К.В. Новиков был членом и одновременно генеральным секретарём делегации. Как писал он сам, США и Англия нарушили решение Потсдамской конференции о том, чтобы Германия стала единым экономическим и политическим целым, что дало бы немецкому народу возможность осуществить коренную реконструкцию своей жизни... Это отступление западных держав от потсдамских решений привело к созданию двух германских государств – ФРГ и ГДР».

Было принято решение о создании Совета министров иностранных дел пяти великих держав – СССР, США, Англии,

Франции и Китая. Предполагалось, что этот Совет (СМИД) будет собираться по мере необходимости и рассматривать возникающие международные вопросы, особенно по мирному урегулированию в Европе и на Дальнем Востоке. СМИД проделал полезную работу, но в связи с отступлением западных держав от крымских и потсдамских решений он после проведения шести сессий прекратил своё существование в 1949 г. К.В. Новикову довелось участвовать в первых четырёх сессиях: в трёх в качестве члена и генерального секретаря советской делегации, а на четвёртой сессии – в качестве генерального секретаря всей сессии СМИД.

К.В. Новиков также принимал участие в Московском совещании министров иностранных дел СССР, США и Великобритании в декабре 1945 г. и в Парижской мирной конференции в июле–августе 1946 г. в качестве члена и генерального секретаря советской делегации. Их результатом стали проекты договоров с бывшими союзниками Германии – Италией, Румынией, Болгарией, Венгрией и Финляндией.

К.В. Новиков был представителем СССР в Межсоюзной репарационной комиссии, созданной по решению Ялтинской конференции, для рассмотрения практических вопросов о получении репараций с Германии в возмещение ущерба, причинённого странам гитлеровской агрессией. Местом пребывания комиссии была определена Москва, поскольку наибольший ущерб Вторая мировая война нанесла Советскому Союзу. В результате саботажа западных держав Межсоюзная репарационная комиссия после многочисленных бесплодных заседаний в Москве перенесла свою работу в Берлин, но и здесь она не дала положительных результатов и прекратила свою работу зимой 1945 г. Тем не менее СССР свою долю репараций с Германии взыскал.

В 2000 г. был опубликован отчёт шведско-российской рабочей группы по делу Рауля Валленберга. Из рассекреченных документов выяснилось, что с конца 1945 г. К.В. Новиков как член коллегии МИД настойчиво добивался от органов безопасности достоверных сведений о судьбе шведского дипломата и направил в их адрес несколько писем. В итоге эти усилия привели к тому, что в январе 1947 г. один из руководителей МГБ устно сообщил ему, что Валленберг «находится в распоряжении МГБ». Такая информация поступила в МИД впервые. Как представитель дипломатического ведомства Новиков добивался того, чтобы была удовлетворена просьба шведской стороны и этот вопрос перестал бы

омрачать отношения между двумя соседними странами. К сожалению, дело было расследовано только спустя 50 лет.

Награды за труд в период Второй мировой войны:

1944 год – орден Трудового Красного Знамени,

1945 год – орден Ленина в числе всего 10 сотрудников МИД,

1945 год – медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»,

1946 год – медаль «За Данию 1941–1945 гг.», награждён королём Дании.

К.В. Новиков стал первым послом СССР в обрётшей независимость Индии (1947 г.), а затем занимал высокие посты в Центральном аппарате МИД и состоял членом Коллегии министерства.

195 ДНЕЙ ВОЙНЫ СЕРЖАНТА ДМИТРИЯ ОМЕЛЬЧЕНКО

О.В. Буторина[1]

В нашей семье есть традиция – приезжать в Малоярославец поклониться братской могиле, где покоится дедушка Дмитрий Кузьмич Омельченко, отец моего папы. Там, в тыловом госпитале, он скончался от ран в мае 1942-го. Спустя многие десятилетия его близкие – вдова, две сестры и трое сыновей – не теряли надежды узнать, где получил ранение дедушка, где и как воевал, за какие метры родной земли отдал жизнь. Увы, все они покинули этот мир, так и не получив ответов на такие важные для них вопросы.

Этот очерк – мой долг перед ними и перед товарищами деда, разделившими с ним недолгую и трагическую военную судьбу. Опираясь на документы и свидетельства очевидцев, я постараюсь восстановить картину происходившего – день за днём все 195 суток.

* * *

Дмитрий Кузьмич родился 20 октября 1901 г. в семье крестьян села Воронцово-Николаевского Ставропольской губернии. Село в ту пору быстро развивалось благодаря поставкам зерна по недавно подведённой к нему железной дороге. Ныне это город Сальск Ростовской области. Ещё до революции Митя, так его звали дома, окончил четыре класса реального училища. С началом Гражданской войны, спасаясь от наступления Деникина, он ушёл с отрядами красных в Крым. По возвращении в родное село окончил курсы счетоводов, женился. В голодные тридцатые семья двинулась в Среднюю Азию и очутилась в Душанбе, тогда Сталинабаде. Дмитрий Кузьмич работал старшим бухгалтером строительного участка высокогорной автотрассы Сталинабад – Ура-Тюбе. Лето

[1] *Буторина О.В.* 195 дней войны сержанта Дмитрия Омельченко // Современная Европа. 2020. № 6. С. 220–231.

1941 г. он провёл на дороге, в местах, по его выражению, «исключительно красивых и диких». Однажды он привёз со строительства полное корыто темно-красных, очень душистых горных яблок. Это был его последний подарок жене и детям.

Эшелоны идут на запад (дни 1–19)

6 сентября 1941 г. Дмитрий Омельченко был мобилизован на военную службу – сержантом в 1270-й полк 385-й стрелковой дивизии. Штаб дивизии находился во Фрунзе, личный состав набирался из русских и русскоязычных призывников и резервистов советских республик Средней Азии. 27 сентября новобранцы приступили к занятиям по ускоренной – месячной – программе подготовки.

В Сталинабаде колонну военнослужащих провожали у военкомата. Потом она двинулась к вокзалу. На перрон провожающих не пускали. Жена и младший сын Дмитрия Кузьмича шестилетний Женя бегали по всему вокзалу – искали, откуда можно было бы разглядеть отца, – и, наконец, увидели его в толпе. Заметил ли он их, неизвестно. 6 ноября после торжественного митинга первые эшелоны с бойцами 385-й дивизии отправились на фронт с железнодорожного вокзала города Фрунзе. С этого дня я буду вести отсчёт военной судьбы деда.

Железнодорожные пути из Киргизии, Туркменистана, Узбекистана и Таджикистана сходились в узловой станции Арысь под Чимкентом. Оттуда в Россию вела ветка Оренбург-Ташкентской железной дороги. 10 ноября 1941 г. дедушкин однополчанин старший лейтенант Ф.Т. Смирнов сообщал жене: «Поезд идёт, писать очень трудно. Сегодня четвёртый день. Степь покрыта тонким слоем снега, чувствуется запах европейской зимы, но ехать тепло, круглые сутки топится печка. Ехать весело, с нами гармошка. Цыган Жуковский отстукивает гопака. Куда поедем, неизвестно, но по маршруту видно, что продвигаемся к Москве, отражать четвёртое наступление Гитлера. Как только отразим его натиск, вернусь домой»[2].

После Казалинска рельсы повернули на север, к Аральскому морю. Снова степь... станции Челкар, Эмба, Кандагач, вокзал

[2] Военные письма Федора Тихоновича Смирнова любезно предоставила его дочь Фаина Фёдоровна Осипова.

в Актюбинске. Мост через реку Илек, за ним – Россия. От узловой станции Илецкая Защита в сторону Уральска поезда пропускались только в одном направлении – на запад, чтобы исключить встречное движение и повысить скорость. Составы шли впритык друг к другу, каждый на двойной тяге: один паровоз тянет впереди, другой толкает сзади. 13 ноября колеса прогрохотали по длинному мосту через Волгу. Вокзал в Саратове. Выгрузка. Огромный перрон запружен военными, уставлен рядами столов с горячей едой. По репродуктору объявляют: «для приёма пищи пятнадцать минут». Из идущих к Москве поездов высыпают солдаты, рассаживаются, быстро обедают и возвращаются в вагоны.

В Саратове личный состав получил винтовки, часть пулемётов и зимнее обмундирование. Занятия по боевой подготовке и боевые стрельбы проводились под личным наблюдением маршала К.Е. Ворошилова. В свободное от учёбы время бойцы валили на берегу Волги лес, распиливали бревна[3]. Здесь 20 ноября Дмитрий Кузьмич встретил своё сорокалетие. Накануне он отправил домой телеграмму: «Саратов почтовое отделение девять ящик пятнадцать литер пять. Нуждаюсь табаке посылке. Целую всех. Омельченко». Телеграмма добралась до Сталинабада 6 декабря, когда дивизия была уже далеко от Саратова. Кстати, просьба о табаке, видимо, выражала общее настроение военного времени. По рассказам родных, дед не пил и не курил. На сделанном в это время снимке четверых его однополчан каждый держат в руке папиросу. Одеты они в гимнастёрки и пилотки без знаков различия, на ногах ботинки с обмотками поверх галифе.

В действующую армию (дни 20–50)

25 ноября 1941 г. приказом штаба 61-й резервной армии 385-я стрелковая дивизия направлялась в действующую армию. По штату дивизия включала три стрелковых полка (1266, 1268, 1270), артиллерийский полк, миномётный и зенитный дивизионы, отдельный сапёрный батальон, батальон связи, медсанбат. На 1 декабря 1941 г. численность личного состава составляла 11300 человек. Это число

[3] *Музафаров З.Х.* Мастеровые войны. От Фрунзе до Эльбы. Сб. воспоминаний. Сост. М.В. Сорокин, З.Х. Музафаров. Фрунзе: Кыргызстан, 1985. С. 39–40.

стоит запомнить, – оно будет играть важную роль для понимания дальнейших событий.

Дивизия перебрасывалась в прифронтовую зону в Рязанской области. От Саратова эшелоны проследовали по прямой на запад до Тамбова. В Мичуринске повернули на север. 2 декабря во время следования у станции Богоявленск один из эшелонов 1270-го полка был обстрелян немецким самолётом-охотником. Благодаря своевременно открытому зенитному огню потери ограничились пятерыми ранеными. С 6 по 10 декабря 1270-й полк, в котором числился сержант Омельченко, производил выгрузку в районе станции Желобово Куйбышевской железной дороги. К 12 декабря полк прибыл к местам расположения в городе Ряжске и в селе Нагорном, пройдя походным порядком восемьдесят километров. Мужчин в деревнях почти не было. На полях в скирдах лежал необмолоченный хлеб, – убирать его было некому. Бойцы продолжали занятия по боевой подготовке, принимали и осваивали поступавшие на вооружение дивизии пулемёты и миномёты, встречали выходивших из окружения солдат других частей.

В селе Нагорном обращала на себя внимание большая кирпичная церковь Константина и Елены, давно бездействующая. От местных жителей бойцы могли слышать о её великолепных фресках. Дмитрий Кузьмич был беспартийным и крещёным, как все крестьянские дети. Если он и его товарищи заходили в храм, то их взору открылись искусно выписанные, умиротворяющие картины на библейские сюжеты. Замерев, они рассматривали изображения Христа, благословляющего детей и исцеляющего больных. Наверное, каждый молился о спасении. 5 декабря Красная армия перешла в масштабное контрнаступление под Москвой. В глубине души у солдат, о чем мы знаем из их писем, затеплилась надежда, что неприятеля быстро прогонят, и дивизия, может быть, не потребуется в деле. С 19 декабря полк приступил к погрузке в эшелоны. Дивизия направлялась к Москве.

Новый год под Москвой (дни 51–72)

26 декабря полк сосредоточился в районе Подольска с задачей его обороны. Комиссия 24-й армии произвела приёмку личного состава, боевой готовности, материальной части и тыловых служб. Сводки Совинформбюро ободряли. Линия фронта отодвигалась

всё дальше от столицы. 27 декабря наши войска взяли Наро-Фоминск, 30 декабря – Калугу и Малоярославец.

В Московской зоне обороны дивизия была полностью довооружена стрелковым оружием и миномётами. Личный состав продолжил боевую учёбу, артиллеристы и миномётчики приступили к боевым стрельбам. Перерыва на новогоднюю ночь не было. Вспоминая её, молодой офицер Смирнов не мог сдержать чувств: «А какая была замечательная эта ночь, – пишет он. – Кругом светлая, тихая, белая ночь. При 38-градусном морозе слышен только скрип снега под ногами. Кругом никого не видно, кроме дозорных, которые, шагая от укрытия к укрытию, зорко оглядываются по сторонам... Воздух чистый, свежий, дышится так легко. Какая красота, ты даже представить не можешь, Лиза, как я был доволен этой ночью».

2 января вышел первый номер дивизионной газеты «За Сталина!» с призывом «Смерть немецким оккупантам!». Первая полоса посвящалась миномётчикам. «Миномёт – грозное оружие, мощное огневое средство. Он бьёт метко, кучно, обладает большой скорострельностью. Наша Красная армия в достаточном количестве получает замечательные советские миномёты и мины. В совершенстве овладеть этим оружием и умело его применять для истребления фашистских гадов – такова задача миномётчиков».

Миномётная рота имела по штату 52 человека и включала три взвода по два отделения в каждом. В отделении было семь человек: командир в звании сержанта, один наводчик 82-мм батальонного миномёта, четыре подносчика мин и один повозочный с запряжённой лошадью двуколкой. Дмитрий Кузьмич Омельченко был помощником командира взвода.

Газета рассказывала о недавнем концерте художественной самодеятельности. На условную сцену выходили декламаторы и танцоры, играла гармонь, солдаты исполнили песню «До свиданья, города и хаты», две медсестры станцевали лезгинку. В юмористической рубрике «На штык!» приводилось письмо воображаемого Карла. Немецкий солдат сообщал домой, что отморозил уши и ноги, и «мы быстро отступаем, так что аж жарко, а ведь кругом морозы»[4].

В эти дни Дмитрий Кузьмич наверняка вспоминал, как приезжал в Москву в отпуск в феврале 1941 г. Тогда его поразило изо-

[4] «За Сталина!» // Красноармейская газета. 02.01.1942. № 1(258).

билие продовольственных товаров в столице, – не хватало, по его словам, разве что птичьего молока. Единственное, он признавался родным, что с непривычки плохо переносил морозы. Теперь призывникам из Средней Азии было ох как нелегко в условиях суровой зимы. Ночевали они в избах, в сараях, в цехах эвакуированного Новоподольского патронного завода. Вполне возможно, что дедушка рассказывал товарищам о столице, о новой широкой улице Горького, о Красной площади, о спускающейся в метро самоходной лестнице, о самых красивых станциях – «Дворец Советов», «Охотный ряд», «Красные ворота», «Маяковская». 15 января дивизия получила приказ: с 6 утра 16 января начать отправку со станции Подольск темпом шесть эшелонов в сутки.

Покорно скрипит снег (дни 73–93)

Теперь дорога вела на юг через Серпухов и Тулу. От Ясной Поляны, усадьбы Л.Н. Толстого, начиналась местность, где ещё недавно хозяйничали фашисты. 19 января однополчанин дедушки и его ровесник стрелок Г.И. Голиков писал отцу, жене и пятерым детям: «Нас отправляют ещё ближе на фронт или, может быть, прямо на фронт. Получили все вооружения». Наказывал беречь хлеб, видя тяжёлое положение с продовольствием: «Здесь люди живут очень плохо, – писал он, – цена картошки 15 рублей кило, мясо 100 рублей кило, а хлеба вовсе нет ни почём, табак 30 рублей осьмушка, сала или масла нет на базаре». И на прощание: «Ты, Зина, будь спокойнее, не нервничай и не горюй обо мне, буду жить – приду, а если в несчастном случае убьют, значит тому быть»[5]. Гавриил Игнатьевич погиб в апреле сорок второго.

На узловой станции Горбачёво Московской железной дороги поезда повернули на запад на однопутную ветку в сторону Белева. Как раз по этим местам тридцать лет назад пролегало последнее путешествие автора «Войны и мира». Тайно покинув Ясную Поляну, 10 ноября 1910 г. великий писатель сделал пересадку на станции Горбачёво, чтобы потом направиться в Оптину Пустынь. Возможно, кто-то из дедушкиных командиров вспомнил об этом и рассказал солдатам. А может быть, было не до того, немецкая

[5] Письмо предоставлено правнуком бойца Евгением Александровичем Голиковым.

авиация разбомбила полотно, поэтому частям пришлось выгружаться за полста километров до станции назначения. С 22 января 1270-й полк выдвинулся к месту сосредоточения дивизии в районе Сухиничей. Транспортный парк состоял из телег, бричек и снятых с промышленных предприятий далеко не новых автомобилей. Вместе с людьми по глубокому снегу двигались сотни лошадей: верховых, артиллерийских, обозных. Немало хлопот доставляли поступившие из Монголии низкорослые полудикие кони. Фуража не хватало, а достать его зимой было неоткуда.

20 января Красная армия освободила Можайск. На следующий день газета «Красная звезда» вышла с вдохновенным текстом Ильи Эренбурга. «Красные стрелы рвутся на запад. Своими остриями они зашли далеко за Можайск. А поход только начался. Впереди Вязьма, за ней Смоленск. Магистраль Москва – Минск как бы напоминает о долге Красной армии». Если дедушка и его товарищи держали в руках эту газету, их настроению были особенно созвучны последние строки: «Идут по снегу бойцы. Связисты подвешивают провода. Гремят орудия. Широкая прямая дорога ведёт от Можайска на запад. Мы прошли только первый переход. Это – длинная дорога. Отсюда до крайнего мыса Европы, до «конца земли» – финистера – царство смерти. Это трудная дорога. Но покорно скрипит снег, но уверенно ступают бойцы, длинная дорога будет пройдена»[6].

К 30 января части дивизии подошли к месту сосредоточения – селу Хотень близ Сухиничей. За день до этого город был освобождён от фашистов. 27 января Военный совет Западного фронта включил 385-ю дивизию в состав 10-й армии и назначил ей новое место сосредоточения – Барятинский район Калужской области. Людям предстоял второй, ещё более тяжёлый 100-километровый марш. Сильные морозы сменялись метелями. Бойцам приходилось постоянно расчищать снежные заносы, чтобы повозки со снаряжением и обозные телеги могли пройти по дорогам. Тяжелее всех приходилось артиллеристам, – орудия вязли в глубоком снегу. Однажды у поворота на большак рота автоматчиков 1270-го полка столкнулась с немецкой автомашиной, её забросали гранатами[7].

---

[6] *Эренбург И.* Можайск взят // Красная звезда. 21.01.1942.

[7] *Деев В., Петренко Р.* Простреленные километры. Докум. повесть. Фрунзе: Кыргызстан, 1973. С. 8.

Варшавское шоссе (дни 94–110)

7 февраля 385-я стрелковая дивизия сосредоточилась в Барятинском районе Смоленской, ныне Калужской области. Ей противостояла 19-я танковая дивизия 4-й армии вермахта. Район имел важное тактическое значение. После успешного контрнаступления под Москвой Ставка Верховного Главнокомандования планировала завершить окружение можайско-гжатско-вяземской группировки врага, чтобы потом расчленить и разгромить по частям его основные силы на западном направлении. К началу февраля 1942 г. для этого сложились благоприятные условия: войска Западного и Калининского фронтов совершили глубокий охват группы армий «Центр». В тылу врага в районе Вязьмы действовали 33-я армия, 1-й кавалерийский корпус и десант. Между ними лежало контролируемое немцами Варшавское шоссе – участок автодороги Малоярославец – Юхнов – Рославль.

Идущая вдоль линии фронта, рокадная трасса была крайне важна для маневрирования и транспортировки материальных средств, поэтому немцы её упорно обороняли. На их стороне были многие естественные преимущества. Многокилометровый прямой отрезок дороги ещё до войны имел асфальтовое покрытие. Выгодным был и рельеф местности: дорога находилась на возвышенности, над всей местностью доминировала высота 275,6 – Зайцева гора. С неё на многие километры просматривалась расстилавшаяся внизу пойма реки Ужать с пахотными полями[8].

Ещё с осени фашисты устроили здесь мощный укрепрайон с многочисленными опорными пунктами, дотами, блиндажами, вырытыми в полный профиль окопами, проволочными заграждениями и минными полями. Огневые точки оснащались всеми видами оружия, боеприпасы и свежие силы оперативно подвозились по шоссе. Наши войска находились на открытой местности в низине. Лесов, где они могли бы укрыться от обстрела немецкой артиллерии, было совсем мало. Подвоз продовольствия и боеприпасов осуществлялся от железнодорожной станции Дабужа, находившейся почти в тридцати километрах от места сосредоточения

[8] *Ильюшечкин А.А.* Решающий момент Ржевской битвы. М.: Яуза, 2010. С. 68, 101–102; *Мосягин М.Н., Ильюшечкин А.А.* Зайцева гора: хроника трагедии (февраль 1942 – март 1943). Магадан: Дикий Север, 2008. С. 9–10.

385-й дивизии. Дорог с твёрдым покрытием не было. Наша авиация не имела вблизи аэродромов базирования.

1270 полк насчитывал 2750 солдат и офицеров. Личный состав разместился в недавно освобождённых деревнях, в подвалах сожжённых гитлеровцами домов. Штаб третьего батальона занимал полуразрушенную церковь в селе Замошье. Много лет спустя ветераны так описывали это жилище: «Стены расписные, под ногами настоящий пол, а сверху три наката брёвен. У входа огромные столетние вязы, на которых по тонне, не меньше, снега»[9].

9 февраля дивизия впервые вступила в бой: усиленный батальон 1268-го стрелкового полка атаковал опорный пункт врага в деревне Лощихино. Через три дня 1266-й полк освободил деревню Сининки, захватив там документы штаба немецкого батальона, обоз с продовольствием и запас боеприпасов[10]. Теперь здесь разместился штаб 1270-го полка и его второй батальон. В тот же день политрук 1270-го полка выстрелом из противотанкового ружья подбил бомбардировщик «Хейнкель 111». Самолёт произвёл вынужденную посадку у села Некрасово. Экипаж занял круговую оборону, два лётчика были убиты, два других взяты в плен[11].

Той же ночью дивизия перешла в общее наступление. Согласно приказу штаба 10-й армии, ей ставилась задача перерезать Варшавское шоссе на участке Бельская – Ерши, после чего минировать трассу и организовать на ней противотанковую оборону. Наступать дивизии надлежало в двухэшелонном порядке, в первом эшелоне находились 1266-й и 1268-й полки, а во втором – дедушкин 1270-й полк. Расстояние по прямой от занятой деревни Сининки до расположенной на шоссе Бельской составляло семь с половиной километров. Наступление происходило без поддержки артиллерии, которая всё ещё находилась на марше, и успеха не имело. Утром 16 февраля противник попытался вернуть Сининки, но наши бойцы отбили атаку, уничтожив до ста фашистов[12].

16–17 февраля 1270-й полк наступал на расположенные в двух–трёх километрах от Сининки хутора Гореловский и Малиновский. До войны в первом было пятнадцать дворов, а во втором – девять.

---

[9] *Деев В., Петренко Р.* Указ. соч. С. 18.

[10] *Юновидов А.С.* Одинокая война. Неизвестный подвиг 385-й стрелковой дивизии. Москва: Издательство «Весь Мир», 2013. С. 46.

[11] *Юновидов А.С.* Указ. соч. С. 46.

[12] Центральный архив Министерства обороны РФ (далее – ЦАМО РФ). Ф. 7913. Оп. 69953с. Д. 1. С. 9.

Третий батальон занял Гореловский и сбил над ним вражеский самолёт. Пытаясь обойти Малиновский с тыла, бойцы наткнулись в лесу на засаду автоматчиков и уничтожили её. Однако овладеть пунктом не удалось: немцы перебросили сюда подкрепления с пулемётами. Утром 18 февраля основные подразделения полка отошли на исходные позиции, удерживать Гореловский оставили стрелковую роту 1-го батальона. Днём 21 февраля немцы силами до пятидесяти человек попытались отбить хутор. Но наш гарнизон подавил атаку. Ночью немцы напали снова удвоенным числом и с большим количеством миномётов. Завязался тяжёлый бой. К вечеру 23 февраля хутор пал. Находившаяся в нем рота после упорной и доблестной обороны погибла в полном составе.

По случаю годовщины Красной армии дивизионная газета вышла с поясным портретом «гениального стратега великого Сталина» на первой странице. На второй странице помещался рассказ военврача. «На наш пункт раненые прибывают непосредственно с поля боя. Здесь им оказывается срочная и квалифицированная медицинская помощь. Перевязанные, обогретые, обласканные заботливым уходом, раненые направляются на следующий этап эвакуации. Самоотверженно работает медицинский персонал пункта. Большую помощь оказывает пункту местное население. Колхозники сами предлагают транспорт для перевозки раненых. Молодые колхозницы сутками, без сна и отдыха, просиживают у постелей раненых...»[13]

За первые две недели боев дивизия потеряла почти четыре тысячи человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Два наступавших в первом эшелоне полка уменьшились вдвое. 1270-й полк потерял девятьсот человек[14], или каждого третьего. Приказом штаба армии весь начальствующий состав дивизии был отстранён от занимаемых должностей.

Наступать в первом эшелоне (дни 111–129)

С 24 февраля новое командование сменило тактику. Дневные атаки на опорные пункты немцев ввиду их малой эффективности и больших потерь заменялись ночными. Опорные пункты

[13] «За Сталина!». 23.02.1942. № 16(273).
[14] ЦАМО РФ. Ф. 7913. Оп. 69953с. Д. 1. С. 11.

и доты следовало не атаковать в лоб, а брать с помощью обходного манёвра после подавления огневых точек противника. Наступлению предшествовала тщательная разведка и рекогносцировка местности. 27 февраля у села Чумазово новый командир дивизии полковник Немудров лично провёл показательное занятие с бойцами третьего стрелкового батальона 1270-го полка. На следующий день такие занятия прошли во всех батальонах[15].

Как наиболее боеспособный, 1270-й полк теперь должен был наступать в первом эшелоне вместе с 1268-м полком. На пять часов утра 2 марта была назначена атака на Яковлевку и Лощихино. В Яковлевке мирных жителей не осталось вообще – всех их зверски убили фашисты в период оккупации. В Лощихине до войны имелось около ста домов и школа, – сейчас это был сильно укреплённый опорный пункт у разъезда между железнодорожными станциями Бахмутово и Барятинская.

В полночь 1 марта одетые в маскхалаты бойцы по глубокому снегу начали медленно выдвигаться на исходные позиции. Для обеспечения внезапности не разрешалось пользоваться спичками и фонариками. Последние сотни метров преодолевали ползком. Замысел состоял в том, чтобы скрытно подобраться к немецким огневым точкам и с расстояния 100–150 метров броском нанести штыковой удар. Однако боевая группа в темноте проскочила Яковлевку и завязала бой в расположенной дальше – в тылу у немцев – деревне Занозной. Услышав стрельбу, фашисты обнаружили залёгшие перед обеими деревнями части и прижали их к земле ураганным огнём. Командование дивизии приказало отвести людей, чтобы избежать бессмысленных жертв. Второй и третий батальоны 1270-го полка отошли сразу. Из-за плохо налаженной связи первый батальон получил приказ слишком поздно. Бойцам пришлось пролежать перед немецкими позициями в снегу при температуре минус десять весь световой день![16] 3 и 4 марта весь личный состав дивизии, согласно распоряжению командования, проводил «помывку в бане, стрижку и бритье». Это был первый пункт приказа. Второй пункт – проверить состояние оружия и привести его в полную боевую готовность[17].

---

[15] *Юновидов А.С.* Указ. соч. С. 67–69.

[16] Там же. С. 76–77; ЦАМО РФ. Ф. 7913. Оп. 69953с. Д. 1. С. 13.

[17] ЦАМО РФ. Ф. 1707. Оп. 1. Д. 150. Л. 19.

Новое наступление назначалось на 5 марта. В час ночи второй и третий батальоны 1270-го полка начали выдвижение на исходные позиции. По сугробам бойцы тащили за собой пулемёты, миномёты, противотанковые ружья. Выдвижение заняло больше четырёх часов. На этот раз подвела хорошая погода. Ночь выдалась безоблачной и ясной, полная луна стояла высоко в небе и ярко освещала местность. Когда наши солдаты были на расстоянии 200–300 метров от Яковлевки, фашисты заметили их и открыли огонь. Полк прекратил движение и повёл интенсивный артобстрел на подавление огневых точек противника. Взять населённый пункт не удалось[18]. Рано утром 6 марта в бой был введён находившийся во втором эшелоне первый стрелковый батальон полка. Двумя ротами он ворвался в Лощихино и занял двенадцать домов в северной части. Ещё одна рота была скована сильным артиллерийским огнём на восточной окраине деревни. Днём немцы получили подкрепление и к четырём часам отрезали нашим бойцам путь к отступлению. Авиация противника группами до семи самолётов с промежутками между налётами в 30–40 минут бомбила и обстреливала пулемётными огнём наши позиции. За этот день полк потерял убитыми, ранеными и пропавшими без вести четыреста человек[19]. В бою погиб первый командир 1270-го полка капитан Мозалев. Он часто посещал батальоны и с удовольствием проводил время с бойцами. Многие знали его лично[20]. Командира с почестями похоронили в селе Чумазово[21].

5 марта советские войска в результате ожесточённых боев освободили город Юхнов, расположенный в восьмидесяти километрах на северо-восток по Варшавскому шоссе. Противостояние советских и германских армий накалялось. Немецкое командование делало всё возможное, чтобы не допустить окружения группы армий «Центр». Советское командование планировало новый прорыв через Варшавское шоссе, стягивало в Барятинский район войска и технику. В марте на десятикилометровом участке фронта от Яковлевки до Фомино-1 близ Зайцевой горы действовало уже шесть дивизий.

---

[18] *Юновидов А.С.* Указ. соч. С. 85–86.

[19] ЦАМО РФ. Ф. 7913. Оп. 69953с. Д. 1. С. 15.

[20] *Деев В., Петренко Р.* Указ. соч. С. 17–18.

[21] *Фуколов А.М.* Из боя в бой // Вечерний Фрунзе. 17.03.1978. № 54(1088).

Мартовские метели (дни 130–149)

Зима продолжалась. Днём в середине марта было минус 10–15 градусов, ночью морозы доходили до 25–30. Мели метели. После снегопадов бойцам приходилось расчищать дороги, чтобы по ним мог пройти транспорт. На 15 марта потери 1270-го полка составили 1600 человек[22].

Согласно директиве Ставки от 20 марта, войскам Западного фронта надлежало вернуться к выполнению поставленной ранее задачи и выйти к 20 апреля на рубеж Дорогобуж – Ельня. 385-я стрелковая дивизия переходила во временное подчинение 50-й армии. Она должна была к 26 марта прорвать оборону противника на фронте Фомино 1-е – Каменка, овладеть Варшавским шоссе и в дальнейшем соединиться с действовавшими в тылу врага частями: 1-м кавалерийским корпусом, 4-м воздушно-десантным корпусом, партизанами.

1270-й полк действовал в первом эшелоне. Поступил приказ наступать на сильно укреплённый опорный пункт в деревне Прасоловка. До войны там разводили племенных бычков, теперь длинные каменные телятники были превращены в настоящие крепости со множеством бойниц, что позволяло немцам быстро менять огневые средства и направление огня[23]. Ночью полк начал скрытно выдвигаться на позиции. Впереди двигались группы бойцов, хорошо владеющих рукопашным боем. При встрече с немецкой разведкой или караулом они должны были уничтожить их без выстрелов, штыками[24].

Когда до деревни оставалось около километра, фашисты обнаружили наступающих и открыли огонь. Полк залёг и повёл бой, пытаясь подавить огневые точки противника. Днём немцы получили подкрепление численностью до пятисот человек и неожиданно контратаковали полк во фланг. Их быстро отбили. Три вражеских самолёта бомбили боевые порядки полка. К вечеру огневая система противника так и не была подавлена[25].

Появились первые признаки оттепели. Снежный наст держал всё хуже. Санные пути становились непроходимыми. 27 марта шёл

---

[22] ЦАМО РФ. Ф. 385. Оп. 1. Д. 79.

[23] Беседа автора с местными жителями деревни Сининка, май 2010 г.

[24] *Юновидов А.С.* Указ. соч. С. 120.

[25] Там же. С. 126.

мокрый снег. 1270-й и 1266-й полки приводили себя в порядок и окапывались перед передним краем Прасоловки. Штаб немецкой армии «Центр» докладывал: 19-й танковой дивизией отбито три атаки по 250 человек, противник ведёт сильный артиллерийский огонь[26]. На следующий день атака советских частей повторилась. В итоге за три дня боев 1270-й полк потерял убитыми и ранеными более пятисот человек.

29 марта похолодало, – ночью градусник показывал до минус десяти. Вечером бойцы подобрались на 300–350 метров к северо-западной окраине села и завязали огневой бой. Неся большие потери, противник тем не менее продолжал вести массированный артиллерийский и миномётный обстрел. Последняя мартовская ночь выдалась морозной и хмурой. С рассветом наши подбиравшиеся к Прасоловке части снова попали под шквальный огонь. Тогда наша артиллерия повела обстрел противника, как говорится, прямой наводкой – через порядки своих войск, – целясь единственно по вспышкам выстрелов неприятеля. Под прикрытием артогня подразделения 1270-го и 1266-го полков вплотную подошли к селу. Немцы вызвали авиацию. Под её ударами наше наступление остановилось, но полки не отошли, а закрепились перед окраиной села. Теперь советские окопы находились на расстоянии 100–200 метров от позиций противника, что резко увеличивало потери обеих сторон.

2 апреля немцы отрывали новые окопы, а артиллерия 1270-го полка разрушала их огнём с короткой дистанции. В Прасоловке нашим огнём было зажжено шесть домов и два сарая. Разведка докладывала об интенсивном движении автомашин по Варшавскому шоссе в обе стороны[27]. Снег таял.

Роща «Сердце» (дни 150–161)

Поскольку в районе действия дивизии было мало лесов, каждая роща здесь получила собственное имя. К северу от Прасоловки располагалась роща «Сердце», названная так советскими командирами за её очертания: на картах она была похожа на сердце.

---

[26] ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 581 Л. 187–188. Цит. по: Битва под Москвой. Хроника, факты, люди: в 2 кн. / Под ред. В.А. Жилина. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. Книга вторая. С. 791.

[27] ЦАМО РФ. Ф. 1707. Оп. 1. Д. 5. Л. 63.

Лесок размером 500 на 800 метров имел большое тактическое значение. Это был единственный удобный исходный рубеж для атаки на опорный пункт.

4 апреля штаб 50-й армии отдал приказ о новом наступлении. 385-я дивизия должна была овладеть Прасоловкой, перерезать Варшавское шоссе, развернуть фронт на запад и закрепиться, не допуская контратак противника [28]. Утром 5 апреля после двойной артподготовки части дивизии перешли в наступление. В полдень прибыли давно ожидавшиеся три танка Т-34. Однако противник заранее обнаружил их на открытой местности. За пятнадцать минут до того, как танки перешли в атаку, над полем боя появились немецкие пикировщики и начали бомбить боевые порядки дивизии [29]. Один танк был обездвижен, два других вернулись на исходные позиции. Днём потеплело до трёх градусов, – толстый снежный покров медленно оседал.

7 апреля атака повторилась. Но успеха не принесла. Из-за трудностей с подвозом артиллерия начала испытывать нехватку боекомплектов. В ночь на 9 апреля с расстояния 150 метров бойцы предприняли попытку подавить противника огнём из стрелкового оружия. Не жалея патронов, они яростно обстреливали находившуюся перед ними в траншеях немецкую пехоту[30]. Штаб 4-й армии вермахта докладывал: «В 19-й танковой дивизии большие потери»[31].

На 10 апреля потери 1270-го полка с начала военных действий составили 2457 человек, в том числе убитыми – 1144 человека. В строю оставался один из десяти прибывших на фронт. Дедушка и его товарищи третий месяц подряд ежедневно наблюдали эту страшную убыль. Всего же дивизия к этому времени потеряла 8600 человек[32].

Неудачи с Прасоловкой побудили командование изменить тактику атаки на опорный пункт. Было решено, что впереди будут двигаться специальные блокировочные группы, перед которыми ставилась задача связать боем передовые огневые точки противника. Бойцы таких групп защищались от вражеского огня

---

[28] ЦАМО РФ. Ф. 466. Оп. 5866. Д. 621. Л. 204–206.

[29] *Юновидов А.С.* Указ. соч. С. 137–138.

[30] Там же. С. 143.

[31] ЦАМО РФ. Ф. 50. Оп. 12462. Д. 591. Т. 1. Л. 115–119. Цит. по: Битва под Москвой... С. 875.

[32] ЦАМО РФ. Ф. 385. Оп. 1. Д. 79. Л. 17(1).

поставленными на лыжи бочками и ящиками с песком. За ними на удалении пятидесяти метров следовал штурмовой отряд и ещё через 150–200 метров – главные силы полка. Штурмовые отряды должны были сблизиться с противником на 60–80 метров и после этого серией белых ракет дать артиллерии сигнал о переносе огня вглубь[33].

1270-му полку поручалось нанести вспомогательный удар по расположенному севернее Малиновскому. Для этого следовало сначала овладеть рощей «Сердце», которая, по докладам разведки, была занята противником.

Чтобы пополнить обескровленный полк, командир дивизии распорядился включить в него пятьдесят человек из сапёрного батальона, тридцать человек из дивизионной хлебопекарни и столько же из автотранспортной роты[34]. С 10 апреля установилась плюсовая температура, снег быстро таял, дороги размывало.

Ранним утром 13 апреля дивизия начала наступление двумя батальонами на Малиновский с задачей овладеть рощей «Сердце», а главными силами – на Прасоловку. Батальон 1270-го полка занял юго-восточную часть рощи, но дальше не продвинулся. У Прасоловки штурмовые отряды, набранные из самых решительных и умелых бойцов, раз за разом атаковали опорный пункт. Немцы обрушивали на них лавину огня, рвались мины, били пулемёты. К вечеру пошёл дождь, штурмовые отряды к этому времени потеряли больше половины бойцов. Несмотря на беспримерную храбрость и мужество, они так и не смогли ворваться на окраину посёлка. Ближе к полуночи штурмовые отряды предприняли ещё одну, последнюю и снова безрезультатную попытку. К концу дня в полку оставалось 111 стрелков, 42 пулемётчика, 116 миномётчиков и 92 артиллериста полковой артиллерии[35].

Командование дивизии готовило наступление на рощу «Сердце», накануне было приказано накормить личный состав, выдать на руки двухсуточную норму продовольствия и водки для согревания[36]. Дороги размывало, подвоз техники и боеприпасов чрезвычайно осложнился. Перед наступлением дивизия не имела перспектив получить снаряды для дивизионной артиллерии и миномётного дивизиона, оставалось уповать на огонь пехотного

---

[33] ЦАМО РФ. Ф. 405. Оп. 9769. Д. 28. Л. 483–487.

[34] *Юновидов А.С.* Указ. соч. С. 146.

[35] ЦАМО РФ. Ф. 1707. Оп. 1. Д. 3. Л. 30.

[36] *Юновидов А.С.* Указ. соч. С. 156.

оружия и шрапнель 76-миллиметровых пушек[37]. Немцы иногда вместо снарядов забрасывали наших воинов листовками. По воспоминаниям ветеранов, бойцы использовали их, как дровишки – варили суп[38].

Весенние птицы (дни 162–195)

К утру 16 апреля части 1270-го полка заняли рубеж для наступления на восточную опушку рощи «Сердце». Разведка обнаружила в Малиновском два дзота, большое количество миномётов и артиллерии. В этот день тронулся лёд на реке Ужать, вода в её русле, многочисленных притоках и ручьях поднялась, затопив местность. С четырёх часов дня полки повели огневой бой с противником[39].

В этом бою сержант Омельченко получил ранение в голову. От переднего края – от опушки рощи «Сердце» – его доставили в село Замошье, и, видимо, там оказали первую помощь. В условиях распутицы раненых предписывалось эвакуировать из района действий ротным конным транспортом, во всех возможных случаях – верховой лошадью[40]. Далее предстояло преодолеть пять километров по превратившейся в месиво грунтовой дороге до села Чумазово, где в близлежащем лесу работала санитарная ячейка. Командование фронта приказывало для ускорения движения стелить дорогу фашинами и хворостом, на деле же движение автотранспорта стало невозможным, а гужевые повозки передвигались параллельно дороге со скоростью пешехода[41]. Следующий этап эвакуации – десять километров пути до деревни Красный Холм, где располагался медико-санитарный батальон 385-й дивизии. Скорее всего, здесь дедушка оставался несколько дней.

Ближайшая железнодорожная станция Барятинская только начинала играть роль основной разгрузочной, заменяя в этом качестве станцию Дабужа, которая была на расстоянии перегона. Из-за близости к немецким позициям полотно страдало от обстрелов тяжёлой артиллерии, авиация противника прицельно бомбила

---

[37] ЦАМО РФ. Ф. 1707. Оп. 1. Д. 3. Л. 62.

[38] *Шундрин В.Е.* Замечания к справке о боевом пути 385 сд. Рукопись. Место хранения – музей им. М.В. Фрунзе, г. Бишкек.

[39] ЦАМО РФ. Ф. 1707. Оп. 1. Д. 3. С. 62.

[40] ЦАМО РФ. Ф. 3136. Оп. 1. Д. 12. Л. 156.

[41] *Ильюшечкин А.А.* Указ. соч. С. 103.

пути и охотилась за локомотивами. От Барятинской дедушку и других тяжелораненых доставили по железной дороге до Сухиничей. Оттуда военно-санитарный поезд следовал по прямой ветке до Малоярославца. Путь в 120 километров мог занять не один день: санитарные поезда часто останавливались, пропуская другие, более срочные эшелоны.

В воскресенье 26 апреля Дмитрий Кузьмич поступил в полевой подвижной госпиталь 2295, размещавшийся в то время в городе Малоярославце. Госпиталь специализировался на черепно-мозговых травмах. Им руководил майор медицинской службы Георгий Павлович Беляев, военный врач с двадцатилетним опытом. Три с половиной недели дедушка был в тепле, сытый, окружённый заботой врачей и санитаров. Возможно, когда ему становилось легче, он вдыхал свежий весенний воздух и прислушивался к пению птиц за окном. Наверное, ему вспомнились отец и мать, жена и сыновья, родные Сальские степи и синие горы Таджикистана.

19 мая знакомый нам однополчанин дедушки старший лейтенант Смирнов писал жене: «Погода стоит чудесная, местами видны прогалины, текут ручьи, солнце начинает пригревать по-весеннему, прилетели весенние птицы, поют свои весёлые весенние песенки... Я никогда не ощущал такой жажды к жизни, как сейчас – весной 1942 года». В этот день Дмитрий Кузьмич простился с жизнью. Ему было сорок лет и семь месяцев без одного дня. Его похоронили в северной части городского кладбища, недалеко от того места, где в 1812 г. нашли последний приют герои Малоярославецкого сражения, которые отправили разбитую армию Наполеона отступать по Старой Смоленской дороге.

Рощу «Сердце» товарищи деда взяли на следующий день после его выбытия из дивизии. Этот выступ на линии фронта был виден на военных картах до следующей весны. Летом 1943 г. два старших сына Дмитрия Кузьмича – Владимир и Виталий приняли военную присягу. В августе советские войска полностью освободили Барятинский район.

ОТ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ДО ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

Р.Н. Лункин[1]

Война стала тяжёлым испытанием для всей страны в целом и для каждого конкретного человека. В нашей семье у дедов и прадедов были разные судьбы, но все они по-своему смело и честно служили Родине и защищали её. По прошествии многих лет, когда старшее поколение ушло в вечность, понимаешь, сколько всего хотелось бы спросить у дедушек и бабушек, но сделать это уже невозможно. Многое становится явным, когда сейчас открываются архивы Министерства обороны, создаются базы данных, посвящённые героям и Первой и Второй мировой войн. Первую мировую также называли отечественной – это потом, в советское время, она стала «забытой», «империалистической». Открываются и базы данных «Мемориала», просматривая которые понимаешь, что многое бабушки и дедушки не рассказывали сознательно.

Василий Лункин, награждён медалью «За победу над Японией»

Дед Василий Васильевич Лункин (Лункины – уроженцы Раненбургского

[1] *Лункин Р.Н.* От Первой мировой до Великой Отечественной // Современная Европа. 2020. № 4. С. 217–219.

района Рязанской области, ныне – в составе Липецкой), единственный дедушка, которого я застал в живых, воевал на Дальнем Востоке с японцами в 1945–1946 гг. (412-й отдельный пулемётный артиллерийский батальон, 162-й укреплённый район). Там он был контужен и из-за этого до конца жизни плохо ощущал вкус еды. В 1946 г. В.В. Лункин закончил службу в Дальнегорском районе Приморского края и был награждён медалью «За победу над Японией». Старший брат деда Иван Лункин был призван в 1941 г. и в самом начале войны пропал без вести.

Федор Семин,
погиб в Демянском котле

Прадед по другой родственной линии Федор Семин вместе со своей женой Прасковьей был из села Руднево Луховицкого района Московской области. В первые дни войны ушёл добровольцем на фронт, был пулемётчиком. Погиб в Демянском котле в 1942 г. и, как наша семья узнала спустя десятилетия, похоронен в братской могиле в деревне Лукошкино Маревского района Новгородской области. Жена Ф. Семина, моя прабабушка Прасковья (её отец был раскулачен), после войны лишь получила уведомление, что её муж пропал без вести, но так и не узнала при жизни, где была его могила.

Другой прадед Иван Никитич Горячев происходил из зажиточной крестьянско-торговой семьи, как и его супруга Клавдия Мамонтова. Горячевы, крестьяне из Тульской области, и Мамонтовы, крестьяне из царской усадьбы Ильинское-Усово под Москвой, уже в конце XIX в. перебрались в Москву, дядя моей прабабушки был раскулачен. Иван Никитич прошёл путь от поручика царской армии до полковника РККА. Во время Первой мировой войны Иван Горячев воевал в составе 209-го пехотного Богородского полка, а изначально поступил добровольцем в Москве

Иван Никитич Горячев, поручик, герой Первой мировой войны

в состав 1-го лейб-гренадерского Екатеринославского императора Александра III полка. Будучи уже прапорщиком и затем поручиком, был дважды ранен, последний раз в ногу под Владимиром-Волынским в ходе Брусиловского прорыва в сентябре 2016 г. и после этого был удостоен наградного Георгиевского оружия (украшенный эфес, к нему цеплялся знак ордена св. Анны).

В 1918 г. прадед записался в Красную армию – по семейному преданию, дворник предупредил его, что уже идут его арестовывать как контрреволюционера, но он быстро сориентировался и пошёл служить в РККА. Правда, прошлая служба в царской армии не уберегла его от подозрений со стороны советской власти. Как стало известно недавно из баз данных «Мемориала», в 1921 г. Иван Горячев провёл два года вместе с младшим братом Сергеем по приговору ОГПУ в одном из первых советских концлагерей в Москве – в Рождественском монастыре (формально все фигуранты дел были реабилитированы прокуратурой Москвы в 2002 г.). Там перевоспитывали буржуазные контрреволюционные элементы. Однако об этой части своей жизни прадед никогда никому не рассказывал, как почему-то и о младшем брате – капитане, начальнике штаба 1-го полка 31-й стрелковой дивизии Сергее Горячеве, который, судя по данным военных архивов, погиб от ран в мае 1945 г. в Польше и там же был похоронен (в г. Ландсберг, ныне – Гожув-Велькопольский). Сергей Никитич участвовал в гражданской войне, где был ранен, а отсидев в Рождественском концлагере, во время НЭПа организовал в столице булочную вместе с братом. В 1941 г. был призван в армию из родной деревни Медведки Веневского района Тульской области.Иван Горячев в конце 1920-х гг. продолжил служить в Москве. Прадед

Николай Горячев, лейтенант-техник авиационного полка

работал в транспортной милиции на Курской железной дороге, а впоследствии был начальником пункта вневойсковой подготовки в Осоавиахиме в 1930-е гг. Вершиной военной карьеры Ивана Никитича Горячева стала служба в должности начальника Московского военно-пересыльного пункта Московского военного округа – с 1939 по 1946 гг. В 1943 г. он был награждён орденом Красной Звезды с такой формулировкой: «Состоя в должности начальника Московского военно-пересыльного пункта с декабря 1939 года, проявил себя умелым организатором, энергичным, дисциплинированным и бдительным офицером. В период осадного положения в Москве много, умело и энергично работал по обеспечению десятков тысяч проходящего состава военнослужащих положенным довольствием, отлично выполнял обязанности по выполнению задач, определённых постановлением Государственного комитета обороны СССР. Делу партии Ленина-Сталина предан. Комендант г. Москвы генерал-майор Синилов». И.Н. Горячев был также награждён медалями «За оборону Москвы» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», орденом Красной Звезды, орденом Ленина и орденом Красного Знамени.

Порядок в Москве во время войны комендатура города, где и служил полковник И.Н. Горячев, наводила вместе со 2-й мотострелковой дивизией войск НКВД. На военно-пересыльном пункте (располагался на улице Стромынка) не только занимались комплектацией частей, но и фильтрацией личного состава, который отстал от своих подразделений. Были случаи не только героических подвигов и добровольного стремления пойти на войну, но и случаи, когда люди от страха стреляли себе в руку или ногу, чтобы

Иван Никитич Горячев, полковник, начальник Московского военно-пересыльного пункта

только не идти воевать. Дела дезертиров рассматривали военные трибуналы. Естественно, что в военное время и особенно во время осадного положения в Москве искали и находили шпионов и предателей, но были люди, которых прадед спасал от расстрела и дружил с ними после войны. Мой дед, Николай Иванович Горячев, прошёл обучение в начале войны и служил в авиационном полку под Москвой лейтенантом-техником.

Современным поколениям сложно осознать, с какими невероятными трудностями сталкивались наши предки в своей жизни, какие противоречия возникали и разрешались у них на пути. Некоторые провалы в биографии прадедов, о которых они и не хотели вспоминать, так и останутся темными пятнами. Ещё сложнее вместить в себя реальность войны, те потери и лишения, которые она принесла всем без исключения, но война навсегда останется с нами – памятью о Великой Победе.

НА ПАРТИЗАНСКОЙ ТРОПЕ

Е.А. Нарочницкая[1]

Лидия Ивановна Нарочницкая (урожд. Подолякина). 24.11.1921 – 30.09.2012 (фотография 1945 г.).

Партизанка, Монастырщинский район Смоленской области. Награждена медалью «Партизану Отечественной войны». Одна из героинь документальной повести Г. Косарева «Люди и звери» (М., 1964).

Родилась 24.11.1921 г. в деревне Михайловка (Новомихайловская) Монастырщинского района Смоленской области в семье Ивана Демьяновича Подолякина и Варвары Семеновны Подолякиной. Отец – герой Первой мировой войны, полный георгиевский кавалер, подпрапорщик Русской императорской армии (в Гражданской войне осознанно не участвовал), впоследствии председатель местного колхоза.

В 1939 г. Л. Подолякина с отличием окончила известное на Смоленщине с дореволюционных времён Соболевское педагогическое училище – бывшую женскую учительскую семинарию, где имелась огромная библиотека русской и мировой классики, действовал самодеятельный театр, дававший спектакли по всей области, преподавали старые педагогические кадры с университетским образованием (исключение составляли директор и учитель истории). Стремясь продолжить образование, Л. Подолякина летом 1939 г. поступила на вечерне-заочное отделение исторического факультета Смоленского государственного педагогического института (ныне Смоленский университет). В 1939–1941 гг. работала в средней школе села Досугова учителем истории, а с 1940 г. также и арифметики, одно время была членом бюро райкома комсомола.

Начало Великой Отечественной войны застало Л. Подолякину в родительском доме в д. Новомихайловская. В ходе наступления в июле 1941 г. немецкие войска обошли Монастырщин-

[1] *Нарочницкая Е.А.* На партизанской тропе // Современная Европа. 2020. № 4. С. 212–213.

Лидия Ивановна Нарочницкая

ский район Смоленской области с двух сторон, так что местные жители оказались на оккупированной территории прежде, чем впервые увидели солдат вермахта. Появление захватчиков в Новомихайловской в августе сопровождалось эпизодом, который вполне мог стоить Лидии жизни. Она немного владела немецким языком и, когда один из немцев стал похваляться скорым взятием Москвы, дерзко ответила, что «капут» ожидает не Москву, а Берлин, который уже бомбят английские самолёты. Тот злобно закричал, наставил на неё автомат и поволок к машине со старшими офицерами. Ей пришлось сказать, что с её стороны это было не заявление, а вопрос; вокруг собралась толпа местных жителей, и в итоге её отпустили.

Вскоре, уже к сентябрю 1941 г., Л. Подолякина вошла в партизанское подполье, которое начало создаваться с участием выходивших из окружения советских офицеров и солдат. По её воспоминаниям, это был спонтанный процесс народной самоорганизации, и партийные кадры, вопреки официальному советскому стереотипу, не играли в нем заметной роли, по крайней мере в их местности. Когда о её решении узнала мать, у неё вырвалось: «Девка, погибнешь!» 19-летняя Лидия возмутилась: «Мама, как ты можешь? Если не мы, то кто?» Больше Варвара Семеновна не ставила под сомнение действия дочери; наоборот, безусловно её поддерживала и помогала, как и младшие сестры Лидии. В конечном итоге мать разделила с дочерью фашистский плен, допросы, голод, жестокие избиения, при этом никого не выдав. А до того они вместе полгода прятали от нацистов в подвале своего дома еврейскую

семью – бывшую коллегу Лидии по Досуговской школе Марию Хазанову и её мать.

С сентября 1941 г. на протяжении двух лет Лидия Подолякина была разведчицей и связной Досуговской подпольной организации Никифора Феодосиевича Зорока, партизанских отрядов Ивана Тихоновича Лукашова и капитана Грицкевича. Доставала и передавала сведения, оружие, средства радиосвязи, устраивала встречи подпольщиков и многое другое. Как она потом вспоминала, страх и напряжение не оставляли её никогда. Как только в деревню въезжала машина с полицаями или немцами, думалось: «За мной...» В июле 1943 г. так и случилось. Л. Подолякину арестовали по подозрению в связях с партизанами, но никаких прямых улик не было, и это спасло её от расстрела. В Монастырщинской тюрьме её допрашивали, травили овчарками, в августе туда же привезли её мать Варвару Семеновну. Арестовать собирались всю остававшуюся дома семью Лидии, но её младшие сестры с появлением полицейской машины успели бежать в лес к партизанам, а мать осталась, чтобы задержать полицаев, и оказалась в застенке бок о бок со старшей дочерью. Их обеих перевели в немецкий концлагерь «Гранки», отличавшийся варварскими условиями содержания: узники использовались на тяжёлых работах, спали на земле, а кормили их баландой из листьев, прямо из корыта.

Во второй половине октября 1943 г. в связи с наступлением советских войск немцы в спешном порядке этапировали узников концлагеря на запад. В этих обстоятельствах 22 октября 1943 г. Л. Подолякина вместе с матерью и ещё двумя узницами сумели бежать, скатившись в придорожный ров. Вернувшись в недавно освобождённую родную деревню Новомихайловскую, она в возрасте 22 лет была назначена директором школы-семилетки, которую надо было восстанавливать из руин и где из-за нехватки учителей ей пришлось преподавать и историю, и математику, и географию. В декабре 1943 г. Лидия Подолякина была награждена Центральным штабом партизанского движения медалью «Партизану Отечественной войны».

Летом 1944 г. Л. Подолякина приехала в Москву, чтобы продолжить учёбу на историческом факультете МГПИ им. Ленина. После войны окончила аспирантуру, стала кандидатом исторических наук, специалистом по внешней политике России второй половины XIX в., автором многих научных работ, в том числе трёх

монографий. В 1947 г. вышла замуж за историка Алексея Леонтьевича Нарочницкого. Ушла из жизни 30 сентября 2012 г.

Потомки Лидии Ивановны: две дочери – Наталия Алексеевна и Екатерина Алексеевна Нарочницкие, внук Алексей Иванович Коваленко-Нарочницкий и два правнука – Иван и Федор Коваленко-Нарочницкие.

ТИХИЕ ЗОРИ ЗИНАИДЫ ОРЕСТОВОЙ

Р.О. Орестов[1]

Пишу о своей маме Зинаиде Сергеевне Орестовой (Тюриной). Она навсегда покинула нас всего два года назад в возрасте 94 лет. Как это часто случается у непредусмотрительных и самоуспокоенных детей, им кажется, что родители вечны. Вот и я не нашёл времени, чтобы подробно расспросить маму о её молодости, о том, как она пережила войну. Кое-что она всё же успела рассказать, и это «кое-что» навсегда врезалось в мою память. Точно знаю одно: мама была единственным членом нашей семьи, которая по праву заслуживала поздравлений 9 мая и 23 февраля. Во время войны она с оружием в руках защищала Родину!

* * *

1972 год. Очереди у кинотеатров. Народ рвётся посмотреть только что вышедший на экраны фильм Станислава Ростоцкого «...А зори здесь тихие». Лично я смотрел картину раза четыре. Не только потому, что считаю «Зори» кинематографическим шедевром, но и потому, что его сюжетная линия отчасти перекликается с военной судьбой моей матери. Та же артиллерийская батарея, те же юные девушки-зенитчицы ведут огонь по воздушным целям, отбивая атаки фашистской авиации. Хотя моей маме не пришлось вступать в кровавый бой с вражескими десантниками, как в фильме, в моих глазах она была героем. Начиналось героическое прошлое Зинаиды Сергеевны так же, как у большинства советских людей. Летом 1941 г. она и не гадала, что ждёт её впереди.

Под тёплым июньским солнцем во дворе одной из школ в районе Киевского вокзала бывшие десятиклассники оживлённо

---

[1] *Орестов Р.О.* Тихие зори Зинаиды Орестовой // Современная Европа. 2020. № 7. С. 218–225.

Зинаида Сергеевна Орестова (Тюрина)

обсуждали, как сложится их жизнь в будущем – близком и более далеком. Так и напрашиваются тут строки из Маяковского: «У меня растут года, будет и семнадцать. Где работать мне тогда, чем заниматься?» Одни подбирали фабрику или завод, другие решали продолжить учёбу в ремесленном училище, а кто-то думал замахнуться на поступление в вуз. Среди толпы школьников скромно держала себя стройная девчушка с большими карими глазами и толстыми темно-русыми косами, завитыми в два «кренделя» за ушами. Зиночка Тюрина активно участвовала в разговорах выпускников, и многие прислушивались к её мнению – она, отличница, всегда слыла среди сверстников рассудительной и благоразумной.

Бурные мечтательные дискуссии резко смолкли вскоре после 12.00, когда из висевших на столбах репродукторов и домашних радиоточек прозвучал голос наркома иностранных дел Вячеслава Молотова. Заключительные слова речи «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!» заставили всех – и молодых, и взрослых – в полном молчании задуматься о том, что намеченные планы нежданно рухнули. Большинство людей, рассказывала мама, тогда не особо паниковали; они не сомневались, что Красная армия быстро соберётся с силами и выдворит супостата с родной земли.

Уже утром следующего дня выпускники – парни все как один толпились у дверей райвоенкомата, требуя отправить их на фронт, – они боялись, что война закончится без их участия. Девочки смотрели на мобилизованных одноклассников с гордостью. Это позже они узнают, что из призывников первых дней Великой Отечественной почти никто не вернулся домой.

Вопрос о службе в армии поднимался и дома у Зинаиды. В чёрном от старости деревянном доме на Брянской улице, почти в центре столицы, собрались все жильцы – родители Сергей и Фёкла Тюрины, их младшая дочь Тамара (она ещё училась в начальной школе), некоторые соседи. Вариант ухода на фронт был быстро отметён. В СССР женщины мобилизации не подлежали, а о добровольном призыве в армию никто и говорить не хотел. Что ей делать на передовой, когда и дома дел невпроворот. Отец и мать работают, а на кого оставить хозяйство? Да и младшая сестрёнка требует внимания. Короче говоря, Зина приготовилась быть хозяйкой в доме.

С каждым днём все чувствовали, что обстановка накаляется. Вражеские полчища рвутся к столице, и, казалось, никто не может их остановить. В июле 41-го начались массированные авианалёты люфтваффе на столицу.

Первый авианалёт

В ночь на 22 июля около 21.00 наблюдательные посты на рубеже Рославль – Смоленск передали информацию о наличии в воздухе большой группы вражеских самолётов. Уже через час стало ясно, что на Москву движется более 200 тяжёлых бомбардировщиков на высотах от 3 до 7 км, несколькими эшелонами с интервалами в 35–40 минут. В 22.07 в Москве была впервые объявлена боевая воздушная тревога. В городе завыли сирены. Москвичи услышали по громкоговорителям чёткий, спокойный голос диктора Всесоюзного радио Александра Уколычева, который трижды повторил: «Граждане, воздушная тревога!» На ближайшие два с лишним года эти слова стали символом постоянного ужаса, который вкрался в жизни москвичей и жителей многих других советских городов.

В 22.29 сотни прожекторов осветили головные самолёты первого вражеского эшелона, и последовал приказ командования силами ПВО Москвы на ведение огня всеми имеющимися средствами. В воздух была поднята истребительная авиация, зенитные батареи открыли заградительный огонь. Стрельба велась по той части пространства, где только ожидалось появление самолётов. Расчёт делался на то, что далеко не каждый экипаж вражеского бомбардировщика решится следовать по заданному курсу, если

видит на своём пути сплошную огненную стену разрывов. Заградительный огонь заставлял экипажи немецких самолётов уходить с боевого курса и бесприцельно освобождаться от бомбового груза. Лишь одиночные самолёты прорывались через сплошную огневую зону.

Первый налёт был успешно отражён. Всего несколько самолётов успели сбросить бомбы на город. В результате бомбёжек 130 человек были убиты, 241 тяжело ранен, разрушено 37 зданий, возникло 1166 очагов пожара, повреждено 2 водовода, отдельные участки газовой и электросети, разбито до 100 км пристанционных железнодорожных путей и 19 вагонов с грузом. Несколько бомб упало на территорию Кремля, но они не нанесли существенных повреждений. Потери люфтваффе составили 22 самолёта (12 на счету лётчиков-истребителей и 10 на счету зенитчиков).

Обнаруженные позднее советской контрразведкой свидетельства немецких лётчиков красноречиво говорят о том, что ни в их рядах, ни в ставке Гитлера никак не ожидали такого мощного отпора. Фюрер и его окружение, вдохновлённые успехами своей авиации в других государствах Европы, рассчитывали за короткое время превратить Москву в руины.

Выйдя из подвала, который в ту ночь служил бомбоубежищем, увидев в небе дым от разрывов и пожаров, Зина Тюрина, а одновременно с ней и оставшиеся в Москве 2,5 млн жителей осознали, какое великое бедствие ворвалось в их жизни, надолго превратив их существование в борьбу за выживание.

Крепость по имени Москва

По маминым рассказам, осенью 1941 г. были сформированы трудовые отряды, костяк которых составляли комсомольцы, в их числе и она (членство в ВЛКСМ и активная жизненная позиция ещё не раз наложат отпечаток на её судьбу). Ежедневно они выезжали на окраины города, где круглосуточно, в любую погоду шли земляные и строительные работы. На подмосковных рубежах и в самой Москве было создано 325 км противотанковых рвов и прочих заграждений, 256 км противопехотных препятствий, до 3700 огневых точек, поставлено 37 500 металлических ежей, создано лесных завалов общей протяжённостью 1050 км. Это было результатом самоотверженного труда 250 тыс. простых

граждан Москвы, для которых на долгие месяцы оружием стали кирки и лопаты. Военных строителей не хватало – они были нужны фронту. Учитывая печальные уроки, извлечённые из малой эффективности созданных ещё до войны средств обороны на западе страны, командование Красной армии взяло на вооружение новую тактику. Возводимые руками москвичей сооружения были не разрозненными оборонительными рубежами и укрепрайонами; формировалась единая, консолидированная система защиты, получившая название Московская зона обороны. Принимая во внимание, что подавляющее большинство военнообязанных мужчин уже сражались на фронтах, нетрудно понять, кто образовывал основу трудовой армии Москвы. 75% новоиспечённых строителей составляли женщины. Практически все остальные – мужчины пожилого возраста и подростки.

Война с «зажигалками»

Зинаида возвращалась домой с земляных работ затемно. Уличное освещение было отключено, окна учреждений и жилых домов плотно зашторены, фары редких автомобилей наполовину закрашены синей краской. Жутковатое ощущение создавали заклеенные крест-на-крест бумагой стекла зданий – чтобы не пораниться осколками в случае взрыва. К тому же некоторые здания и даже кварталы было вообще не узнать, даже днём: действовала тщательно продуманная система маскировки.

Натёртые о грубый черенок лопаты руки саднило, сводило мышцы. Утомлённые тяжёлыми нагрузками, с непривычки гудели ноги. Однако трудовой день Зины на этом не заканчивался. Дисциплинированная и ответственная комсомолка, превозмогая усталость, она поднималась на крышу расположенного недалеко высокого здания, где уже ждали другие товарищи-сверстники. Начиналась боевая смена подразделения местной гражданской ПВО. Дело в том, что фашистские ВВС начинали авианалёты с атаки лёгких бомбардировщиков, сбрасывающих зажигательные бомбы. Разгоревшиеся из-за них пожары должны были служить ориентирами для более тяжёлых самолётов. Задачей же более 5 тыс. членов ВЛКСМ, мобилизованных Московским горкомом партии в состав полка противопожарной обороны, было вовремя перехватывать рассыпающиеся искрами «зажигалки» на крышах

и во дворах домов и тушить их песком. Иногда, в ночи, когда не было бомбёжек, смены проходили спокойно, но каждый раз бойцы местной ПВО с радостью встречали тихие московские зори, равнозначные для них команде «Отбой воздушной тревоги!».

Вот уже весна 1942-го. В результате серии сокрушительных операций Красной армии немецкие войска, чуть ли не в бинокли рассматривавшие башни Кремля, были отброшены от стен Москвы на 100–250 км. Дышать горожанам стало легче, хотя время для эйфории ещё не пришло. Враг по-прежнему был силен, имел немалые ресурсы и сохранял способность наносить жестокие удары. Авианалёты на столицу стали реже, но не прекратились. Ослаблять бдительность пока было нельзя.

Повестка в военкомат

Фашистов гнали на Запад. Их преследовали советские войска, уходившие всё дальше от Москвы. Военное командование понимало, что ослаблять оборону столицы было недопустимо, поэтому принимали энергичные меры для пополнения оборонительных сил, в том числе за счёт скрытых резервов.

Жизнь Зинаиды с июня 1941 до весны 1942 г. протекала непросто, требуя применения всех имеющихся сил. Однако этой изматывающей рутине пришёл неожиданный конец. Дальнейшую судьбу Зины решил документ, да непростой – постановление Госкомитета обороны СССР от 25 марта 1942 г. за подписью И. Сталина. В начале апреля в дом Тюриных пришла повестка на имя старшей дочери. Зачем вызывают Зину, все только гадали. Даже если речь идёт о военной службе, то о какой «женской» специальности? Радистка, медсестра, штабной работник – мало ли! Всё прояснилось 4 апреля, когда вызванные в Свердловский РВК выстроились во дворе и заслушали то самое судьбоносное постановление. В нем шла речь о том, что ГКО обязал ЦК ВЛКСМ «мобилизовать к 10 апреля 1942 года в войска противовоздушной обороны территории страны 100 000 девушек-комсомолок в возрасте 19–25 лет, из них 40% с полным средним образованием и остальные с образованием не ниже 5–7 классов» для замены мужчин-красноармейцев. Зенитная артиллерия! «Ничего себе, «женская» специальность!» – промелькнуло в голове у растерянной Зины. Кое у кого из призывниц по поводу происходящего возникли было недоумения. Мол,

женщин же у нас не призывают! В постановлении и речи не идёт о добровольном призыве. Военком, видимо, готовый к такому повороту, легко парировал: «Товарищи комсомолки, скажите – вы Родину защищать хотите?» Дальнейшая процедура оформления прошла без помех. Не успев и глазом моргнуть, наша отличница с русыми косами и строгим характером из жительницы Брянской улицы г. Москвы 8.04.1942 г. превратилась в «прибористку 1744 зенап 53 зенад особой Московской армии ПВО». Нетрудно понять, что военные аббревиатуры расшифровываются как зенитно-артиллерийский полк и такая же дивизия. После полутора месяцев обучения Зина заняла позицию «номера ПУАЗО (прибор управления артиллерийским зенитным огнём)» на батарее 85-мм зенитного орудия. Располагалась Зинина батарея где-то в районе Филей, но за городской чертой. Уже в 90-х годах мы вместе с мамой объехали почти все Фили на машине, но узнать место, где прошли три года её военной службы, она так и не смогла.

Зенитные премудрости

Что такое крупнокалиберная зенитка, я откуда-то немного знаю (наверное, из кинохроники), но вот как выглядел в годы войны ПУАЗО, на котором работала (вернее, воевала) мама, не имею представления. До сих пор знаю только, что задача прибориста состояла в том, чтобы засечь воздушную цель, определить с максимальной точностью высоту и скорость полёта, его траекторию (направление), учесть силу и направление ветра, другие малопонятные данные (азимут, упреждение, угол места...). Устанавливается время от выстрела до взрыва снаряда. Вся эта информация передаётся по проводам на принимающую аппаратуру на одном или нескольких орудиях. Происходит прицеливание и, наконец, раздаётся залп. От точности установленных данных зависит меткость стрельбы, поэтому все бойцы орудийного расчёта внимательно и с тревогой всматриваются в далёкую (порой километров семь) точку на небосводе, где прожектора высвечивают похожий на муху силуэт бомбардировщика. Через считаные секунды вокруг вражеской «мухи» появляются вспышки и дымовые облачка. Если работа прибористов выполнена добросовестно, то воздушная машина загорается и неуклюже сворачивает с курса в сторону земли. Попадание!

На вопрос, насколько трудно было освоить все эти технические премудрости, мама лишь пожимала плечами: «Если есть голова на плечах, то не так уж сложно». То, что голова на плечах у Зинаиды Сергеевны была в молодости и оставалась до последних дней жизни, позволило ей быстро стать одной из наиболее квалифицированных «наводчиц» в части. Примерно через год на её погонах появилась первая лычка – рядовую Тюрину произвели в ефрейторы.

Продукты для дома

Из родного дома стали поступать тревожные известия. С продуктами стало плохо, и Зинаида решила помогать в меру сил. Артиллеристам выдавали улучшенные продовольственные пайки, и ей удалось передать весточку домой, назначив место и время встреч. Совсем неплохим подспорьем для семьи были тушёнка, сушёная колбаса, супы и каши из концентратов, селёдка, брынза, хлеб, сахар, галеты, чай. Особенным успехом пользовался яичный порошок. Всё это выдавалось в разных сочетаниях в зависимости от наличия на складе. Мама говорила, что ей вполне хватало

еды, которую готовили на камбузе. Надо оговориться, что «индивидуальный рацион питания» выдавался бойцам не просто так, а только когда приготовить горячую пищу или доставить её солдатам не представлялось возможным.

Какая жизнь на войне?

Мама не любила вспоминать военные будни, отвечая на наш с братом вопрос: «Как вам там жилось?» – словами: «Как можно жить на войне! Ничего там хорошего не было». Очевидно, что за такой немногословностью и некоторой раздражённостью стояло нежелание через рассказы повторно переживать тревоги, тяготы, лишения, неудобства, страдания – физические и моральные, выпавшие на долю её и ещё многих хрупких 20-летних девушек, которые этого совсем не заслуживали...

Особенно тяжело, по маминым словам, давалась караульная служба. Зима, мороз под 40º, ветер, метель. Часовой (в данном случае, часовая) вынужден в зимней экипировке, неся на плече тяжёлую заряженную винтовку с примкнутым штыком, часами вышагивать установленную дистанцию возле охраняемого объекта. Единственным приятным моментом для часового было время (если оно попадало на его смену), когда солнце начинало освещать горизонт. В эти минуты небо окрашивала розовая заря, а непогода покорно затихала; вокруг становилось тихо, а на душе – спокойно. Но вот очередное ночное дежурство. Вокруг не видать ни зги, а надо следить за обстановкой вокруг батареи и прилегающего участка. В основном это работа монотонная, располагающая ко сну. Как раз одна из таких ситуаций чуть было не обернулась для Зины роковой. Зимой 1943-го под свист метели и леденящего ветра у неё начали слипаться глаза. Она задремала, а проще говоря, заснула на ходу. Спать на боевом посту, да ещё в карауле!!! В военное время это светит трибуналом с вытекающими плачевными последствиями.

Это сейчас мы понимаем, что другого нельзя было ждать от девчушки, утомлённой всем, что на неё свалилось. Конечно, силы отказали. Конечно, заснула. Можно только представить, что ей в этот момент снилось. Лето, каникулы, она не в грубой униформе цвета хаки, а в лёгком ситцевом платьице и босоножках наслаждается солнечным теплом в московском парке. Её зовут:

«Зина! Зина!». Нет, это не дружеский голос – метель звенит в ушах. Она снова на посту в тёмную зимнюю ночь. Но что-то не так. Прямо на неё через снежную пелену энергично движется мужская фигура в шинели. Девушка судорожно вспоминает, что делать в таких случаях. «Стой! Кто идёт? Пароль!» – выпалила Зина сразу всё, что вспомнила. Фигура и не подумала остановиться. Девушка скинула с плеча винтовку. «Стой, стрелять буду!» – выкрикнула положенное по Уставу предупреждение. И передёрнула затвор. Ещё секунда-две, и раздастся выстрел – в воздух, в цель, уже было безразлично. В это мгновение сквозь завесу снега показалось лицо «нарушителя» – лейтенанта с соседней батареи. То ли не услышал окрика из-за вьюги, то ли был навеселе. Выяснять отношения с молодым офицером не было ни сил, ни желания. Разошлись миром. Только впредь наша зенитчица старалась как следует высыпаться перед ночными дежурствами.

Мирные залпы

5 августа 1943 года Зина и её однополчане узнали, что у смертоносных зениток, которыми они били врага, могут быть и мирные функции. Утром того дня в расположение части прибыла вереница грузовиков-тягачей, которые увезли большинство орудий. На вопросы удивлённых бойцов никто толком не отвечал. «Ждите вечера», – было единственным пояснением. Уже далеко после отбоя, в полночь ночную тишину разорвали знакомые орудийные залпы. Все повскакивали с коек и, выбежав на улицу, увидели над Москвой зарево орудийных выстрелов. С интервалами в 30 секунд 100 зениток и 24 горных пушки произвели 12 залпов. Оказалось, на большее за короткое время не удалось найти холостых снарядов, но приказ Верховного главнокомандующего (а это была инициатива Сталина) надо было выполнять. Первым в истории Великой Отечественной войны салютом были отмечены освобождение Орла и Белгорода. Это был сравнительно скромный почин. Вскоре, 23 августа 1943 года в ознаменование освобождения Харькова Москва салютовала уже 20 залпами из 224 орудий. Шумовой эффект пушек стали усиливать сначала стрельбой из пулемётов трассирующими пулями и лучами прожекторов, а потом ракетным фейерверком.

Заслуженная награда

Борьба с летящими на Москву фашистскими самолётами продолжалась. Немцы проверяли бдительность советской ПВО, вели разведку. Это стало обыденной практикой. Лишь один необычный инцидент стал апофеозом военной службы Зинаиды Тюриной.

25 августа 44-го вечером наблюдательные службы на подступах к Москве засекли самолёт, летящий в сторону столицы. Целью полёта могла быть и разведка, и бомбардировка. Весь расчёт батареи по тревоге занял боевые позиции. Уже заряженные орудия замерли в ожидании команды ПУАЗО. В тот день ефрейтор Тюрина была старшим номером и отвечала за действия всей команды прибористов. Девушки сработали слаженно и чётко. Раздался залп! Как всегда, несколько секунд прошли в ожидании результата. Вот уже вспышки разрывов, и за чёрной «мухой» самолёта потянулся серый дымок, он накренился и с нарастающим воем стал падать. Всё произошло очень быстро, и самолёт упал недалеко, у соседней рощи. Персонал батареи, забыв все правила и инструкции, ринулся к месту падения вражеской машины.

Двухмоторный «Юнкерс-88», многоцелевой самолёт, лежал в огне и дыму, разорванный на несколько частей. Естественно, рассчитывали увидеть и погибший экипаж – обычно 3–4 человека. Но тут зенитчиков ждал сюрприз: рядом с пилотами, одетыми в стандартное лётное обмундирование, лежали тела людей, облачённых в яркие мундиры с широкими лампасами и расшитыми золотом петлицами, украшенные орденами и железными крестами. Зенитчики замерли в изумлении, но тут подоспела бригада особистов, которые, как водится, пригрозили артиллеристам жуткими карами за нарушение дисциплины и отправили их обратно на позиции.

Узнать подробности происшедшего удалось лишь через несколько дней. Командир части огласил перед строем приказ, согласно которому за отличное выполнение боевых обязанностей старший номер ПУАЗО ефрейтор Тюрина и командир орудийного расчёта лейтенант, имени которого мама не помнила, награждались медалями «За боевые заслуги». Оказалось, что на борту сбитого «юнкерса» находились крупные чины германской армии и ВВС с важными документами. Куда и зачем они летели, награждённым знать, видимо, не полагалось.

Мама с волнением вспоминает день вручения ей правительственной награды. «У меня перед глазами всё было как в тумане. Помню, что нас привезли на автобусе к зданию Центрального театра Красной армии, того самого, в форме звезды, – рассказывала Зинаида Сергеевна. – Народу собралось очень много, все в парадной форме. С каждой минутой я с растущим ужасом понимала, что среди награждаемых я – единственная женщина. Когда в микрофон назвали моё имя, я попыталась парадным шагом промаршировать до президиума, где с медалью в руках меня ждал какой-то генерал. Получилось ли это у меня, не уверена – так дрожали колени. «Служу Советскому Союзу!» я прокричала громко, но будто во сне».

Вскоре за боевой медалью последовало и продвижение по службе. Зинаида Тюрина закончила войну в мае 1945 года в звании младшего сержанта.

* * *

Я уже писал, что вспоминать войну мама не любила. Но это для окружающих, а для себя, уверен, были моменты, вспоминая которые, у неё щемило сердце. Память о ребятах-одноклассниках, которые ушли и не вернулись. Удовлетворение от каждой потушенной «зажигалки». Счастливые глаза матери, принимающей такие нужные семье продукты. Сутолока и торжественная помпа армейского театра. Наконец, умиротворение от тихо розовеющего неба над утренней Москвой – тогда, на крыше высотного дома и на позиции возле зенитной батареи. Над Москвой, которой она помогла выстоять.

А.Н. ГРАЦИАНСКИЙ: ЛЁТЧИК, АВИАКОНСТРУКТОР, УЧЁНЫЙ[1]

О.Ю. Потёмкина

Мой дядя – Алексей Николаевич Грацианский – Герой Советского Союза, лётчик-испытатель, полярный лётчик, авиаконструктор, кандидат географических наук, исследователь истории развития авиации на Украине, литератор. Он родился в Киеве в 1905 г., там и похоронен.

С 1934 г. Грацианский был лётчиком полярной авиации и обеспечивал проводку судов Северным морским путём и работу полярных экспедиций. Опыт регулярных полётов при любой погоде и нулевой видимости от Байкала до побережья Северного Ледовитого океана очень пригодился в годы войны при совершении ночных полётов. Летом 1937 г. Грацианский провал испытания купленной в США амфибии S-43. На ней осенью 1937 г. участвовал в поисках пропавшего экипажа С.А. Леваневского, который в своё время уговорил его пойти в полярную авиацию.

Война застала Алексея Николаевича на Харьковском авиационном заводе, где полным ходом шёл облёт сходивших с конвейера бомбардировщиков Пе-2, а позже Ил-4 и Ту-2. В перерывах между испытательными полётами руководство завода использовало Грацианского как «воздушного извозчика»: в блокадный Ленинград самолёт вёз продовольствие, медикаменты, боеприпасы, а обратно – детей, раненых, больных, оборудование эвакуированных заводов и многое другое.

Грацианский сумел доставить более шести с половиной тонн серебра, в котором остро нуждалась авиационная промышленность. Вспоминая эти полёты на невооружённом самолёте, Алексей Николаевич часто рассказывал о детях, которых вывозили

---

[1] В статье использованы материалы статьи «Лётчик, авиаконструктор, учёный (Герой Советского Союза А.Н. Грацианский)» (URL: http://indbooks.in/mirror7.ru/?p=437351) и книги «Присвоить звание Героя. Историко-публицистическое краеведческое издание, посвящённое 70-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне» (Красноярск: Поликор, 2014. 448 с.).

Алексей Николаевич Грацианский

из блокадного Ленинграда. Однажды, уже вблизи своего аэродрома, его самолёт был подбит немецким истребителем. К счастью, на борту были не дети, а слитки серебра с Монетного двора. Грацианскому удалось совершить вынужденную посадку на молодой лес, в экипаже все остались живы, ранен был только штурман. Самолёт сгорел, серебро расплавилось. Его потом выковыривали из земли солдаты аэродромной службы.

В 1943 г. Грацианский вернулся на испытательную работу в Фили, на авиазавод № 23. Со следующего года там начали выпускать Ту-2. Семь лет отработал Алексей Николаевич на этом предприятии, облетал около 500 самолётов. Затем он перешёл в ЛИИ (Лётный исследовательский институт), где занимался испытаниями реактивных машин. В частности, там он летал на Ту-12, участвовал в первом вылете и дальнейших испытаниях стратегического бомбардировщика М-4. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 1 мая 1957 года за мужество и героизм, проявленные при испытании новой авиационной техники, лётчику-испытателю Алексею Николаевичу Грацианскому было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». Кроме того, Алексей Николаевич был награждён двумя орденами Ленина, медалями. В общей сложности в его лётной книжке записаны 49 типов самолётов: пассажирских, транспортных, бомбардировщиков, амфибий и летающих лодок. О своей жизни и работе А.Н. Грацианский написал две книги: «Уроки Севера» и «Полет среди молний».

МЕДИКИ НА ВОЙНЕ

Н.С. Плевако[1]

Я принадлежу к послевоенному поколению детей, родившихся в то время, когда наши родители, пережившие ужасы и тяготы военных лет, посмели надеяться, что их детей минет чаша сея. Они словно берегли нас даже от мыслей о военном лихолетье. Поэтому первое осознание того, что такое война и чем она была для наших родных, пришло, когда мы сами стали взрослыми.

Маме, а её так же, как и меня, звали Наталией Сергеевной Плевако, всегда было тяжело вспоминать войну. Молодая, всего 25 лет, обаятельная, счастливая, только что вышедшая замуж и успевшая окончить медицинский институт, она и думать не хотела о надвигавшейся на весь наш народ беде. Её муж, Сергей Замков (его скульптурный предвоенный портрет работы В.И. Мухиной можно увидеть в Третьяковской галерее), талантливый архитектор, уже летом пошёл добровольцем на фронт, в ополчение, хотя и имел бронь. Осенью 1941 г. мама получила извещение о том, что он пропал без вести в районе Волоколамска, где шли жестокие бои. Много позже, уже после смерти мамы, в газете Союза архитекторов появилась заметка, где говорилось, что С. Замков был ранен, попал в госпиталь, который был сожжён немцами со всеми находившимися в нем красноармейцами. Мама так никогда и не узнала о судьбе своего мужа. В войну она потеряла и своего больного с детства брата, ушедшего прежде времени от чахотки.

С первых дней войны она стала работать в военном эвакогоспитале в Москве, быстро набирая опыт военного врача. Госпиталь находился на площади Киевского вокзала, на этом месте ещё недавно стояла гостиница Киевская. Туда попадали раненые с фронта, прямо с колёс. Помню мамины рассказы об этих годах, работе сутками, о её первом потрясении, когда она увидела страшные раны бойцов, с которых снимали намотанные на скорую руку бинты. За работу в годы войны она получила медаль

[1] *Плевако Н.С.* Медики на войне // Современная Европа. 2020. № 3. С. 216–217.

Наталия Сергеевна Плевако

“За доблестный и самоотверженный труд в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.”. В военных госпиталях работал и мой отец, с которым мама познакомилась в конце войны.

Война ещё не кончилась, когда маму взяли на работу в Научно-исследовательский институт нейрохирургии, где она оказалась под началом гения отечественной хирургии Н.Н. Бурденко. Богатая врачебная практика в госпитале и в Институте потом была использована мамой при написании кандидатской диссертации, посвящённой лечению слепых пулевых ранений мозга. Время от времени она получала письма от благодарных солдат и офицеров, которых она оперировала.

Особым днём в нашем доме в годы моей юности был, несомненно, день Победы – день великой скорби о погибших и не вернувшихся с войны. Обязательной была минута молчания, минута сосредоточенной памяти о войне. Как хотелось бы передать эти чувства, печальные и светлые, но согретые надеждой, детям и внукам!

О НЕЗАЖИВАЮЩИХ РАНАХ ВОЙНЫ

С.М. Фёдоров[1]

Как известно, в России практически нет ни одной семьи, которую бы не затронули тяжелейшие годы Великой Отечественной войны. Огонь того страшного лихолетья опалил без жалости и мою семью.

Хотя мой дедушка, Фёдоров Павел Матвеевич, 1901 г. рождения, не был призван в армию по состоянию здоровья, его родной брат – Фёдоров Сергей Матвеевич (мой полный тёзка, в память о котором меня и назвали Сергеем) был мобилизован на фронт в начале сентября 1941 г. Спустя пару месяцев он пропал без вести.

Долгое время ни его вдова, оставшаяся с пятью детьми, ни мы – близкие родственники – ничего не знали о судьбе Сергея Матвеевича. Никаких документов, кроме "похоронки", не было. Мои попытки несколько лет назад поискать информацию на сайте Минобороны не увенчались успехом. Кроме того факта, что во время войны погибли пять моих полных тёзок, включая и родного брата моего деда, ничего больше найти не удалось. Только совсем недавно моему троюродному брату, внуку погибшего красноармейца Федорова, повезло – после долгих поисков в интернете ему удалось найти подробности о событиях того далёкого времени и даже некоторые документы.

Краткая история пребывания моего родственника на фронте оказалась трагической. После обучения в учебном лагере для красноармейцев в Солнечногорске он в составе 297-го отдельного пулемётного батальона был направлен на фронт. Попал в самое пекло – под Ржев, где и, как мы предполагали, погиб. Однако дальнейшие поиски документов (в том числе нашлись и немецкие источники) позволили определить, что красноармеец Фёдоров С.М. умер в концлагере для военнопленных в декабре 1941 г. где-то под Минском. Так, спустя практически 80 лет удалось выяснить горькую судьбу моего родственника.

---

[1] *Фёдоров С.М.* О незаживающих ранах войны... // Современная Европа. 2020. № 3. С. 215–216.

Фёдоров Сергей Матвеевич

Ещё большая трагедия выпала на долю моей семьи по маминой линии. Во время ленинградской блокады из многодетной семьи в семь человек выжили лишь трое – моя бабушка Мария Сергеевна Гришина (урождённая Новикова), моя мама Клавдия Александровна и моя тётя Раиса Александровна (ей в прошлом году исполнилось 92 года).

О тех страшных днях ни мама, ни тётя Рая, не говоря уже о бабушке, не находили моральных сил вспоминать, а тем более рассказывать. Да и в силу возраста – маме в конце 1941 г. было 11 лет – по-видимому, память постаралась стереть страшные воспоминания. Единственное – мама мне рассказывала, что во время бомбардировок Ленинграда и артобстрелов они молились, чтобы бомба упала на них и прервала их нечеловеческие страдания. И ещё в её память врезалась эвакуация по Дороге жизни на открытых машинах в лютый мороз в феврале 1942 г. Остались воспоминания о том, как она просила маму согреть её, повторяя всё время: “Мама, я замерзаю!”

В результате обморожения у мамы началась гангрена ноги, врачи настаивали на ампутации, боясь худшего. Но бабушка приняла тяжелейшее решение – отказалась следовать рекомендациям медиков. После потери мужа и троих детей получить ещё дочь-инвалида – она бы просто не смогла пережить ни физически, ни морально... Наверное, после всех страданий Всевышний её услышал – хотя мама тяжело болела, но выжила и пошла на поправку.

Уже после ухода мамы из жизни я всё-таки упросил тётю Раю рассказать о том страшном времени, о некоторых деталях жизни

и смерти в блокадном Ленинграде. Я записал её воспоминания, посчитав, что моя версия “блокадной книги” будет нужна моим детям, чтобы они сохранили историческую память о своих близких и о том времени. Несколько лет тому назад я решил их почитать сыну и дочери. Но урок домашней истории моей семьи не очень получился – сначала мой голос стал дрожать, а потом мы все втроём просто заплакали навзрыд. Чтение пришлось остановить, но эти воспоминания, я уверен, не канут в Лету. Считаю, что долг каждой семьи – хранить семейную историческую память о том трагическом и героическом времени. Пока мы помним, мы живём. Будем помнить всех!

НА НЕВИДИМОМ ФРОНТЕ БОРЬБЫ С ФАШИЗМОМ

В.В. Швейцер[1]

В советские времена День Победы в нашем семейном кругу отмечался особенно торжественно. Собиралась родня, мужская часть которой – фронтовики, украшавшие свою грудь правительственными наградами различного достоинства. На их фоне отец и мать, хотя и не принимавшие участия в боевых действиях, также не выглядели сторонними наблюдателями. Об их вкладе в победу над фашизмом я хочу рассказать без особых пафосных эпитетов, проиллюстрировав этот факт рядом эпизодов чекистской работы родителей в те нелёгкие для нашей страны годы. Эта работа дополняла титанические усилия, которые советский народ приложил для разгрома милитаристской машины гитлеризма. Сегодня, когда мир так же неспокоен и человеконенавистнические идеологемы подчас проникают в сознание части жителей нашей планеты, совсем нелишне вспомнить об уроках истории, забыв которые можно вновь оказаться на пороге опасного для мира развития международных событий.

Под крышей торгпредства в Берлине

В органы госбезопасности родители пришли разными путями. Отец – Яков Владимирович Швейцер, уроженец г. Екатеринослава (последовательно переименованного в Днепропетровск, а позже в Днепр), по комсомольской путёвке был направлен на журналистскую работу в Дагестан. Однако журналистом он пробыл сравнительно недолго. На него обратили внимание работники местного ОГПУ, заинтересованные в пополнении своих рядов образованной молодёжью. В Дагестане отец проработал несколько

[1] *Швейцер В.Я.* На невидимом фронте борьбы с фашизмом // Современная Европа. 2020. № 2. С. 214–219.

лет. Выполняя оперативные задания по борьбе с местной контрреволюцией (сегодня таких людей можно назвать исламскими фундаменталистами), Я.В. Швейцер получил пулевое ранение в ногу. Следствием этого стала её ампутация и непригодность инвалида к оперативной работе.

Но органы госбезопасности отец не покинул. Пригодилось его хорошее знание немецкого языка, который Я.В. Швейцер освоил, общаясь в годы Первой мировой войны с военнопленными немцами и австрийцами. После Дагестана он был переведен на службу в центральный аппарат ОГПУ-НКВД, где, с учётом прихода Гитлера к власти, начали формировать кадры для работы в Германии. Это направление развивалось на базе Высшей школы НКВД, слушателем, а затем и сотрудником которой стал мой отец. Понимая, какую угрозу для СССР представляет гитлеровская Германия, чекистское руководство поставило задачу создать сеть нелегальных информаторов из числа граждан Германии, настроенных негативно по отношению к гитлеризму. Их вербовкой должны были заниматься чекисты, внедрённые в различные советские учреждения в Германии. Ключевую роль здесь играли посольство и торговое представительство СССР в Берлине. К последнему и был в 1936–1937 гг. прикомандирован Я.В. Швейцер, официально считавшийся экспертом по закупке необходимого для СССР технического оборудования. Этот статус позволял ему посещать различные предприятия Германии, где в общении с местным инженерным и техническим персоналом он мог подбирать людей, готовых информировать СССР обо всём, что было важно в интересах обеспечения безопасности нашего государства. В стенах торгпредства познакомились, а потом и стали супругами мои родители. До командировки в Берлин моя мама более 10 лет работала в Наркомате внешней торговли (НКВТ) в качестве секретаря-стенографистки, хорошо владевшей немецким языком.

Достоин упоминания один эпизод, имевший непосредственное отношение к началу её работы в торгпредстве. Наряду с другими сотрудниками ей было поручено собрать, опираясь на различные источники, материал о так называемом «путче Рэма», кровавых июльских событиях 1934 г., приведших к уничтожению Ю. Рэма, возглавлявшего СА, считавшегося вторым после Гитлера человеком в нацистской иерархии. Мать подготовила небольшой аналитический обзор по заданной теме, в который она включила

не только материалы прессы, но и сведения, полученные ею в процессе общения с простыми берлинцами.

Был сделан вывод, что далеко не все немцы верили в официальную версию случившегося (борьба с гомосексуализмом Рэма и его сподвижников в СА), видя в этом событии политический след[1]. Мамин отчёт понравился не только начальству в торгпредстве и посольстве, но и получил положительную оценку в Москве. По возвращении из берлинской командировки она была переведена на работу в НКВД, прослужив в органах государственной безопасности вплоть до ухода на пенсию в звании майора весной 1960 г.

Война на пороге

Итак, мои родители стали не только супругами, но и сослуживцами. Правда, работали они в различных подразделениях НКВД. Отец вернулся в Высшую школу НКВД, мать попала в спецгруппу при наркоме НКГБ, собиравшую информацию визуального и оперативного характера об иностранных посольствах в Москве. Это подразделение контролировало и германское посольство. Она выполняла наблюдательные функции в формально существовавшей милицейской охране посольства. Изучив фото всех сотрудников дипломатического ведомства, мать могла сообщать начальству о перемещениях и разговорах посольских работников. Идентифицировала она стенографически и звуковую информацию, полученную от “прослушки”. Впрочем, вскоре начальству стало ясно, что “милиционеры” хорошо известны германским разведчикам, составлявшим большинство штата посольства. У них имелось фотодосье на советских граждан, работавших в 30-е годы в Берлине. Разоблачена была и моя мать, причём с известным чувством немецкого юмора. Во время одного из дежурств к ней подошёл советник германского посольства Хильгер, задавший каверзный вопрос: “Госпожа Челнокова (фамилия первого мужа), вы,

[1] Интерес Сталина к «рэмовскому путчу» и всему, что с этим было связано, представляется неслучайным. Именно в 1934 г., после XVII съезда ВКП(б), когда многие делегаты не поддержали его кандидатуру на пост генсека, у него возникла идея ликвидации тех, кто отказал ему в доверии. Гитлеровский опыт решения этого вопроса был также взят на вооружение, о чем свидетельствовали «показательные процессы» 1937–1938 гг.

кажется, оставили свою прежнюю работу во Внешторге?" Мать сразу же сообщила начальству об этом происшествии, однако было решено, что снимать с поста опытного сотрудника нецелесообразно, и мать продолжала в милицейской форме выходить на пост у посольства Германии. Она первой сообщила в середине июня 1941 г. о том, что из трубы посольства, несмотря на жаркое время, постоянно идёт дым. Начальство вполне резонно предположило, что немцы уничтожают важные документы. Это, безусловно, было одним из сигналов скорого начала войны.

Ещё более серьёзными доказательствами обладал мой отец. Официально он являлся начальником учебной части Высшей школы НКВД, располагавшейся тогда в Кисельном переулке, рядом с Трубной площадью. Однако его главная задача заключалась в анализе агентурных материалов, получаемых от завербованных нашей разведкой немецких граждан. Опыт отца пригодился и при подготовке кадров для работы в разведке. В канун войны он, в частности, проверял знание немецкого языка у самого Николая Кузнецова, прославившегося работой в немецком тылу в годы войны. В отчёте о телефонной беседе с Н.И. Кузнецовым отец отметил у него «блестящий берлинский акцент», что было явным подспорьем будущему Паулю Зиберту.

С начала 1941 г. работа отца целиком и полностью была связана с подготовкой Германией войны против СССР. Агентура давала много свидетельств того, что немцы в недалёком будущем, завершив разгром англо-французов на западе Европы, начнут широкомасштабные действия против нашей страны. Правда, до мая – июня 1941 г. эти сведения носили разрозненный характер и опирались в основном на слухи и обрывочные разговоры в военных кругах Германии о скорой войне на востоке. Однако в начале июня нелегал, работавший в ведомстве немецких железных дорог, передал по тайным каналам связи уникальный по важности документ. Это был план финансирования железнодорожных связей Германии с сопредельными государствами на второе полугодие 1941 г., в котором советское направление просто не присутствовало. Отец немедленно передал бесценный материал наверх, сопроводив его своим заключением, из которого следовало, что война начнётся уже в последней декаде июня 1941 г.

После передачи сведений начальству он с нетерпением ждал ответной реакции. И она последовала 14 июня, причём самым неожиданным образом. Утром того дня позвонили из наркомата

и сказали, что скоро за отцом приедет машина (он с семьёй жил тогда на служебной даче в Серебряном бору) для беседы по поднятой им теме. Машина «эмка» действительно скоро приехала, но привезла отца не к парадному подъезду на Лубянке, а во внутренний двор. Встречавший его офицер попросил сдать оружие и провёл его в ту часть здания Лубянки, в которой была расположена внутренняя тюрьма НКВД. В одной из комнат сидели три незнакомых ему офицера, зачитавшие отцу документ, из которого следовало, что отца задерживали за распространение ложных слухов о возможной войне с Германией[2]. Его провели в одну из камер внутренней тюрьмы, положили на стол несколько листов чистой бумаги и предложили написать признательные показания о якобы полученном им задании от британской разведки, которой он был завербован во время берлинской командировки. Также перед ним положили свежий номер «Известий», в котором советское правительство дезавуировало все слухи о возможном конфликте между СССР и Германией. Отцу предложили позвонить матери по внутреннему телефону и сообщить ей, что он на неопределённое время задерживается на работе. Мама, по её словам, вскоре поняла, что причина отсутствия мужа – отнюдь не служебные дела.

Оставшись один на один с обрушившейся на него бедой, отец не потерял присутствия духа и мужества, письменно указав, что источниками полученной им информации являлись проверенные друзья нашей страны. Какие-либо связи с британской разведкой он категорически отрицал, сделав вывод, что в ряды НКВД проникли нацистские агенты, стремящиеся нарушить работу органов государственной безопасности. Написанное капитаном Швейцером (это звание соответствовало чину армейского подполковника) не произвело никакого впечатления на следователей, работавших по его делу. Отцу было сказано, что если к ближайшему воскресенью (22 июня) он не сознается, то расстрельный приговор гарантирован. В ответ он призвал следователей допросить его непосредственных начальников, которым он, в соответствии со своими служебными обязанностями, посылал регулярные

[2] Весьма показателен следующий эпизод, о котором мне сообщил в своё время отец. После подписания 23 августа 1939 г. советско-германского пакта начальство Высшей школы НКВД распорядилось изъять из учебных программ всю антифашистскую литературу, явно не состыковывавшуюся с «новым курсом» в отношениях с гитлеровской Германией.

рапорты о тревожной обстановке, связанной с военными приготовлениями немцев.

Отец был уверен: не нападай Гитлер на СССР 22 июня, его жизнь была бы вскоре окончена. Также помог и случай. В тот воскресный день в НКВД был, впервые за последнее время, объявлен выходной, и следователи не явились за требуемыми признаниями. Тем же утром в камеру, где находился Я.В. Швейцер, вошёл курировавший его работу старший майор П.В. Федотов, который сообщил о начале военных действий. Он забрал отца из тюрьмы, получив на это устное разрешение от наркома ГБ В.Н. Меркулова. Спустя несколько дней нарком распорядился перевести отца на пенсию по инвалидности, дабы закрыть это крайне неприятное, с учётом новых обстоятельств, дело. Приказ о переводе на пенсию совпал по дате с днём задержания.

Всё для победы

Несмотря на то что Я.В. Швейцер просил оставить его в рядах сотрудников НКВД, в этом ему отказали. В качестве компромисса было предложено поехать в город Горький и контролировать отправку с военных заводов на фронт соответствующей техники. С февраля 1942 г. отца восстановили как действующего сотрудника НКВД, однако не в том управлении, в котором он трудился до задержания, а в созданном Главном управлении по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ). Местом службы особого отдела стали лагеря для офицерского состава пленных – сначала в Казахстане, а потом в Красногорске, где отец находился вплоть до 1947 г. Его работа в должности начальника по получению важных сведений от допрашиваемых офицеров вермахта и сотрудников немецких спецслужб получила высокую оценку – он был награждён орденом «Знак Почёта» и двумя орденами Красной Звезды, что для офицера, не принимавшего участия в боевых действиях, было крайне редким явлением. Признанием его заслуг стало и досрочное, в 1946 г., присвоение ему звания полковника. Среди конкретных дел отца было получение информации о технических возможностях танка «Фердинанд» накануне Курской битвы, сведений о самоубийстве Гитлера от его ближайшего окружения из числа прислуги в бункере в Берлине, а также анализ документов, изъятых при взятии Берлина из различных

секретных архивов вермахта и германских спецслужб[1]. Отец был одним из организаторов судебного процесса над гитлеровцами, чинившими зверства в г. Чернигов (1946 г.), за что был награждён одним из уже указанных орденов Красной Звезды.

Свой профессиональный вклад в победу над фашизмом внесла и моя мама. С начала войны она была направлена на полигон в Бутово, где находился пункт слежения за начавшими уже в июле 1941 г. налёты на Москву немецкими самолётами. Её задачей был радиоперехват переговоров лётчиков по поводу намеченных для бомбёжки объектов. Мать рассказывала мне, что ей было очень тревожно узнавать о целях для бомбёжек в непосредственной близости от дома номер 5 по Каляевской улице, в который вся семья переехала вскоре после возвращения из Германии. В период войны она занималась подготовкой радистов для заброса в тыл немцев и обрабатывала различные материалы, полученные от наших разведчиков за линией фронта[2]. В своей рукописной автобиографии она обозначает место своей деятельности в годы войны как Отдел 2-Ж Второго главного управления НКГБ. В одном из эпизодов, связанных с её работой, косвенно обозначился и я. В начале 1943 г., когда армия Паулюса оказалась в окружении под Сталинградом, а сам генерал-фельдмаршал попал в плен, маму вызвал к себе один из руководителей органов госбезопасности В. Меркулов с уже одобренным сверху указанием срочно выехать в Сталинград для участия в допросах Паулюса. Однако, увидев достаточно выразительный живот, сразу отменил её командировку, сказав буквально следующее: «Вам сейчас надо думать совсем о другом, а на ваше место я найду не менее квалифицированного переводчика». Отмечу, что мать ходила на работу и на последних месяцах беременности. Оттуда её утром 4 июня 1943 г. отправили в ближайший роддом на Новой Басманной улице, где и появился на свет автор этих строк. Кстати, это был день последней немецкой бомбёжки Москвы.

Предложение участвовать в допросах Паулюса поступило неслучайно. Мама считалась в аппарате госбезопасности одним

---

[1] *Козлов В.А.* Дело «Миф». Расследование НКВД/МВД СССР обстоятельств исчезновения Гитлера // Отечественная история. 1996, № 2. С. 86, 91. В этой статье отец указан как один из исполнителей заказа начальства по поиску следов самоубийства Гитлера.

[2] Среди тех, кого готовила мать для работы в тылу врага, был Маркус Вольф – организатор системы разведывательных служб в послевоенной ГДР.

из лучших знатоков немецкого языка. В начале 1940 г. начальником Главного управления государственной безопасности В.Н. Меркуловым ей было поручено сделать для И.В. Сталина перевод небольшого отрывка из книги Бисмарка, касавшегося отношений России и Германии. В нем «железный канцлер» полагал важным элементом германской политики партнёрские, а не конфронтационные отношения с Россией, военные действия против которой представлялись Бисмарку бесперспективными. Перевод Сталину, со слов В. Меркулова, понравился, хотя в дальнейшем он едва ли пригодился вождю. С учётом имеющейся у меня информации, тогда, в период «медовой дружбы» с Германией, Сталин готовился если не к встрече с фюрером Третьего рейха, то, во всяком случае, к деловой переписке. А.М. Швейцер-Челнокова полагала, что глава государства сам составлял списки тех, кто мог быть полезен для допросов Паулюса, и она также была у него “на карандаше”. Как-то она то ли в шутку, то ли всерьёз заметила, что из-за моего грядущего появления на свет она лишилась ещё одной правительственной награды, скорее всего – ордена. Замечу, что поехавший вместо неё в Сталинград её коллега Л.А. Безыменский, впоследствии видный журналист международник, был награждён за допросы Паулюса орденом Красной Звезды.

* **

В тёплый вечер 9 мая 1945 г. вся наша семья вместе с ближайшими родственниками присоединилась к толпам москвичей в центре столицы. Для меня, сидевшего на плече старшего брата, салют Победы стал первым сознательным ощущением окружающего мира. Я с восторгом наблюдал многоцветье московского неба, шум восторженной толпы, здравицы в честь победителей фашизма. К ним, как читатель узнал из очерка, можно с полным правом отнести и моих родителей, ковавших победу в войне на её невидимом фронте.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В ИСТОРИИ НАШЕЙ СЕМЬИ

О.К. Шиманская[1]

Великая война 1941–1945 гг. справедливо называется Отечественной, поскольку она затронула каждого человека, проживающего на пространстве СССР. Все граждане нашей страны принимали участие в военных действиях или приближали Победу трудом в тылу. У каждой семьи есть свои герои, потери, боль и радость. Так и в нашей семье.

Мои дед Василий Демьянович Кулешов (1879–1959) и прадед мужа Алексей Васильевич Шелишей (1880–1963) во время Отечественной войны были участниками партизанского движения в Белоруссии и на Украине, но свою военную службу они начинали ещё в русско-японской войне 1904–1905 гг. За оборону Порт-Артура Алексей Васильевич Шелишей, подпоручик береговой артиллерии, стал полным георгиевским кавалером, и ему было присвоено звание почётного гражданина. Дед Василий Демьянович Кулешов сражался под Мукденом в составе Маньчжурской армии, а во время Первой мировой войны участвовал в знаменитом «Брусиловском прорыве». В ходе боевых действий он пострадал от газовой атаки, ставшей причиной потери зрения. Накануне Великой Отечественной войны он был лесником в д. Лобановка Могилевской области, вместе с военными и органами НКВД устраивал тайники на случай войны для наших разведгрупп. Всё это я знаю со слов старших родственников и моей мамы, которая ещё ребёнком была проводником к этим тайникам.

Другого деда, Ивана Герасимовича Мишенькина (1895–1974), человека могучего и ироничного, я помню хорошо. Род моего отца происходит из большой деревни Берёзов Майдан Воротынского района Нижегородской области. Иван Герасимович прошёл четыре войны – в Первую мировую 1914–1918 гг. дослужился

---

[1] *Шиманская О.К.* Великая Отечественная война в истории нашей семьи // Современная Европа. 2020. № 4. С. 214–217.

Мишенькин Константин Иванович

до фельдфебеля и был награждён солдатским Георгиевским крестом. В конце 1916 г. получил ранение и был отправлен в г. Владимир на госпитальное лечение, куда за раненым приехала его невеста Мария Ивановна Першина. В 1917 г. по выздоровлении они обвенчались, родили 11 детей, среди которых мой отец, Константин, был четвёртым. В Гражданскую войну (1918–1921) – дед был командиром эскадрона в Первой конной армии С. Будённого. В «зимнюю» советско-финскую войну 1939–1940 гг. Иван Герасимович был призван в армию и стал командиром разведотделения, был тяжело ранен. Бабушка забрала его из ленинградского госпиталя и выходила сама. В лёгким у деда остался осколок, из-за чего он был признан инвалидом. Но, когда началась Великая Отечественная война и был мобилизован его год рождения, он ушёл на фронт вместе с другими односельчанами, однако был признан годным только к нестроевой службе и зачислен в санитарные части. По рассказам моего отца (документально это не подтверждено, так как военкомат в г. Воротынец во время войны сгорел), дед попал в дивизию, которую формировал печально известный генерал Власов, бывший родом из Нижегородской области. После окружения армии Власова на волховских рубежах мой дед, имевший огромный военный опыт, в том числе и в армейской разведке, вывел лесами и болотами несколько десятков солдат к г. Ленинград. Дальше он воевал в составе Ленинградского фронта, закончил войну заместителем командира военно-полевого госпиталя по хозяйственной части. После войны из госпиталя он привёз с собой в Берёзов Майдан будущего председателя колхоза Мирона Григорьевича

Бери. Мирон Григорьевич был по национальности евреем, родом с юга Украины, где погибли все его родственники, а деревня была сожжена. Ещё до войны он закончил сельхозтехникум. Мне известны две версии этой дружбы: по первой, дед вынес юного бойца с поля боя, по другой – выходил тяжелораненого в госпитале и стал ему на всю жизнь старшим товарищем, т.к. Мирон был ровесником его старшего сына Василия (моего дяди), погибшего на фронте в 1942 г. Мой отец после войны долго пытался найти следы своего погибшего брата, писал запросы в разные ведомства и архивы, но так ничего и не выяснил.

Одно из моих первых радостных воспоминаний детства – 9 мая 1970 г., День Победы. Мы в г. Горьком идём в Кремль к Вечному огню. Вернее, идут взрослые, а я сижу на шее у отца и наблюдаю за всем сверху. Отец совсем молодой, ему 43 года. Меня распирает от гордости, мой отец – герой! Он в сине-зелёной форме советника юстиции, а на ней медали «За отвагу», «За победу над Германией», орден Красной Звезды и гвардейский значок. Многие люди в форме, орденах и медалях здороваются с ним за руку, кто-то дарит ему цветы.

Мишенькин Константин Иванович (1927–2000), мой отец, ушёл на фронт из родной деревни Берёзово Майдан весной 1944 г., ему было 16 лет. Сначала он был направлен на полгода в учебку, потом, после присвоения звания младшего сержанта, с 1944 г. до 1951 г. служил в мотострелковом подразделении дивизии особого назначения МГБ СССР им. Ф.Э. Дзержинского. Кроме ордена и медалей, был награждён именным оружием и серебряными карманными часами с дарственной подписью руководителя МГБ Л.П. Берии. На расспросы о войне он отвечал всякими забавными историями о солдатском быте, службе и смекалке. Одна из историй о том, как не было сапог ему по размеру и ему выдали ленд-лизовские американские оранжево-коричневые ботинки на высокой шнуровке, которые комично выглядели с длинной серой шинелью. В таком виде он пел на концерте «Бородино» Лермонтова (у него был красивый глубокий баритон), а солдаты смеялись. В то же время на виске у него был глубокий шрам, и глаз плохо видел – стреляли из автомата в упор, в боестолкновении он отбил автомат противника, очередь прошла по касательной, а пороховой выхлоп обжёг глаз. Орден Красной Звезды нашёл его после демобилизации. Он был вручён за смелость и отвагу, проявленные при ликвидации банды Хмары. Отцу очень нравился роман Владимира

Богомолова «В августе 44-го...», он подарил мне эту книгу, сказав, что из неё я узнаю правду о войне и о том, как он воевал. После демобилизации в 1951 г. отец работал кузнецом, потом наладчиком на Горьковском автомобильном заводе и учился в вечерней школе. Как лучший наладчик ГАЗа он был направлен в 1957 г. на работу в Польшу для передачи технологии производства автомобилей «Победа», получивших там название «Варшава». Вернувшись из Польши, отец поступил во Всесоюзный юридический заочный институт, был приглушен на работу следователя прокуратуры, а по окончании института был избран народным судьёй. В последние годы жизни отец работал начальником юридического отдела в большой транспортной организации в г. Сургут, был активным членом Совета ветеранов, в котором открыл безвозмездную юридическую консультацию для бывших фронтовиков и членов их семей.

Моя мама Мишенькина (Кулешова) Антонина Васильевна (1927–1989) родом из Белоруссии. Её брат Георгий в первый день войны ушёл добровольцем на фронт, а закончил войну в 1945 г. в освобождённой Вене. У него была вполне мирная профессия – учитель русского языка и литературы. Из 36 ребят 1922 года рождения, ушедших воевать из села Лобановка Чериковского района Могилевской области, с войны вернулся он один. Через два месяца после начала войны Могилевская область была оккупирована. В Белоруссии захватчики проводили тактику выжженной земли, в ответ на которую развернулось массовое партизанское движение. В нем принимала участие и моя мама, ставшая связной партизанского отряда им. Чапаева. Она пережила все ужасы войны. Многие её одноклассники были угнаны на работу в Германию, некоторые расстреляны за связь с партизанами и распространение листовок. Однажды каратели СС собрали всех деревенских жителей в помещении фермы и подожгли её, и только подоспевшие партизаны отбили их. Её двоюродная сестра Маша была угнана в Германию и освобождена в 1945 г. из лагеря смерти Освенцим. Огромное число людей в Белоруссии погибло, выжившие пережили голод, тиф, но не сдались, всегда верили в победу и всеми силами приближали её.

После войны мама закончила медицинский техникум, и всю жизнь работала медицинской сестрой. Они познакомились с отцом в Западной Белоруссии в г. Лида. Группа медицинских работников проводила вакцинацию и санацию жителей деревень от тифа,

туберкулёза и других болезней, которые были широко распространены в областях Западной Белоруссии в послевоенный период. На медиков, как и на других советских служащих, часто совершали нападения различные бандформирования, поэтому было принято решение прикомандировывать к ним охрану из частей МГБ. Группу моей мамы сопровождало отделение под командованием её будущего мужа. После демобилизации в 1951 г. отец привёз маму в г. Горький.

Одним из участников партизанского подполья был и дед моего мужа, секретарь комсомольской организации колхоза в с. Троща Житомирской области – Шиманский Бронислав Александрович (1910–1942). Когда он пришёл навестить свою жену с младенцем, то был выдан немцам одним из своих соседей. Его расстреляли в 1942 г. вместе с другими участниками подполья, он похоронен в г. Иванополь в братской могиле. Другой дед, Берловский Григорий Романович (1910–1945), погиб при освобождении Чехословакии 7 марта 1945 г. и похоронен в г. Шахты (Словакия). Отец мужа Анатолий Брониславович тоже считается ветераном Великой Отечественной, хотя родился в 1939 г. В 60-е годы он, как и все Шиманские, служил на флоте. Был тральщиком в гидроакустической команде, которая занималась поиском, вылавливанием и ликвидацией морских мин, установленных на Балтике во время войны. Позже он закончил медицинский институт, стал военным врачом, командиром госпиталя в г. Душанбе, откуда несколько раз командировался в Афганистан, когда советские войска вели там боевые действия.

Список участников войны в нашей семье можно продолжать и дальше. Среди них не было выдающихся военачальников, но наши прадедушки, дедушки, бабушки, отцы и матери вынесли на своих плечах тяжёлое бремя военного лихолетия. Победа – это не только результат блестящей военной стратегии, это итог самопожертвования, тяжёлого, беззаветного труда всего народа. И мы должны сохранить об этом светлую память.

V. Боевые ветераны Института Европы РАН

СО ШКОЛЬНОЙ СКАМЬИ НА ФРОНТ

Интервью с А.Ю. Бочевером[1]

Для Института Европы РАН Александр Юрьевич Бочевер личность, безусловно, легендарная. Несмотря на то что ему идёт уже 97-й год, он полон сил и творческой энергии. На его плечах лежат регулярные контакты с МИД России, поддержка оформления документов для зарубежных поездок сотрудников, он активно защищает интересы Института в различных третейских спорах. А.Ю. Бочевер, наряду с почётным директором ИЕ РАН академиком В.В. Журкиным, является сотрудником Института со дня его основания. Александр Юрьевич – постоянный участник крупных мероприятий в рамках ИЕ РАН. Причём отнюдь не как сторонний наблюдатель. Значительная часть трудовой биографии А.Ю. Бочевера связана с внешнеполитической проблематикой. Его регулярно приглашают на памятные мероприятия, организуемые для ветеранов Великой Отечественной войны, в том числе и за рубежом – в Германии и Австрии.

* * *

Вопрос: Александр Юрьевич, запомнили ли Вы день 22 июня 1941 г.? Как восприняли начало войны? Были ли Вы внутренне

---

[1] С советником дирекции ИЕ РАН Александром Юрьевичем Бочевером (1923–2020) беседовали заведующий Отделом социальных и политических исследований ИЕ РАН д.и.н. В.Я. Швейцер и н.с. ИЕ РАН Е.В. Дрожжина. А.Ю. Бочевер ушёл из жизни в октябре 2020 г.

Бочевер А.Ю. Со школьной скамьи на фронт // Современная Европа. 2020. № 2. С. 212–213.

готовы к такому трагическому для нашей Родины повороту событий?

Ответ: Ожидания того июньского дня были, конечно же, другими. Ведь я, как и мои товарищи по школе, только что получили аттестаты зрелости. Конечно же, мечтали о поступлении в вуз, тем более что в моем аттестате большинство оценок были хорошими либо отличными. Речь Молотова я не слышал, но о войне узнал сразу от своих школьных друзей. Вместе с ними меня направили в военкомат, и уже 4 июля я был призван в армию.

Вопрос: На фронт неподготовленных бойцов сразу не направляли. Каким же был Ваш путь в ряды защитников Отечества?

Ответ: Вместе с другими призывниками я выехал в Ленинград, а оттуда в Кронштадт, где был зачислен в училище, готовившее младших командиров. Однако вскоре училище было перебазировано в удмуртский город Воткинск. Война резко приблизилась к колыбели Октябрьской революции. Подготовка младших командиров длилась достаточно долго. В конечном итоге я в звании старшего лейтенанта был назначен командиром миномётной роты.

Вопрос: Когда Вы приняли своё боевое крещение? В составе каких воинских частей начали войну?

Ответ: Практически вся моя служба на начальном этапе войны была связана с Первым Белорусским фронтом, которым командовал Г.К. Жуков. Освобождал Прибалтику, Белоруссию.

Вопрос: Понимаем, что спрашивать у фронтовиков о каких-то примечательных событиях их военной карьеры не очень-то удобно. Но всё же, как проходило Ваше продвижение по службе?

Ответ: Из всего того, что связано с Вашим вопросом, я хотел бы вспомнить лишь один эпизод. Когда я был назначен командиром роты, то выяснилось, что эту должность может занимать только член ВКП(б). А я был только комсомольцем. И тут командир полка срочно созвал партактив и предложил принять меня в партию без прохождения кандидатского стажа. Всё решилось прямо на месте. Написал заявление, его одобрили члены партбюро, и вот я уже полноправный младший командир. Вспоминаю, что в дальнейшем таких случаев в нашем полку было немало. Люди шли умирать за Родину, а партийность здесь была важным обстоятельством, своего рода критерием верности присяге.

Вопрос: Редко кто из участников боевых действий обходился без ранений. Вас эта судьба, кажется, тоже не миновала?

Ответ: При освобождении Белоруссии меня довольно сильно контузило. В результате я несколько недель провёл на больничной койке. В конечном итоге начальство сочло целесообразным оставить меня в системе подготовки младшего командного состава Красной армии. В 1945 году я был демобилизован.

Вопрос: Помните ли Вы День победы? Ведь Вы встретили его в Москве. Что означал для Вас грандиозный праздничный салют?

Ответ: Конечно, капитуляция Германии после взятия Берлина была делом совсем недолгого времени. И всё-таки приказ Верховного Главнокомандующего стал знаковой вехой, как для меня, так и для всех, кто готовил победу. Толпы людей на улицах, победные залпы салюта, как это можно забыть!

Вопрос: Война окончилась, надо было начинать мирную жизнь. Какой она Вам представлялась и что было на самом деле?

Ответ: Мне повезло в том, что я успел окончить школу и фронтовикам была предоставлена возможность выбирать вуз. Я остановил свой выбор на МГИМО. И уже летом 1946 года был зачислен на первый курс этого института. Кстати говоря, в нем тогда было достаточно много тех, кто в рядах армии прошёл всю войну. Потому моя гимнастёрка, на которой помимо нескольких медалей был приколот орден Отечественной войны II степени, не выделялась на фоне других фронтовиков, ушедших на войну со школьной скамьи и вернувшихся к учёбе, как только война окончилась.

Вопрос: Что для Вас сегодня означает день победы над фашистской Германией?

Ответ: Я вспоминаю многое из пережитого в годы войны, чту память моих фронтовых друзей. Конечно же, горький след оставила на моем сердце гибель невинно убиенных фашистами родственников. Уверен, что эти тягостные события не повторятся ни в каком виде. Ведь борьба за сохранение мира не улица с односторонним движением. Поэтому надеюсь, что наши западные партнёры также понимают эту очевидную истину.

А.Ю. БОЧЕВЕР В ВОСПОМИНАНИЯХ КОЛЛЕГ[1]

В 2021 г. завершается триада памятных дат, связанных со Второй мировой войной. 2019 г. был отмечен восьмидесятилетием её начала. Минувший 2020 г. ознаменован юбилеем – три четверти века – победы над германским нацизмом. 22 июня – восемьдесят лет вероломному нападению гитлеровских орд на нашу страну. К этим трагическим событиям недавнего по историческим меркам прошлого имел прямое отношение ветеран войны, ветеран дипломатической службы и советник дирекции ИЕ РАН Александр Юрьевич Бочевер (10.08.1923 – 10.10.2020), проработавший в нашем институте тридцать два последних года своей поистине легендарной жизни. Кончина нашего коллеги побудила друзей и коллег Александра Юрьевича поделиться воспоминаниями о встречах с ним. Эти сюжеты касаются, между прочим, и чисто бытовых ситуаций, без которых сложно представить жизненный путь героя войны, остававшегося и в мирное время скромным, обаятельным, дружелюбным человеком.

***А. Г. Мысливченко,* доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института философии РАН:**

В первые послевоенные годы среди поступавших в Московский государственный институт международных отношений (МГИМО) было много фронтовиков, выделявшихся своей активностью, волевыми качествами, прошедших определённую жизненную школу – не только военную, но и общественно-политическую. Некоторые из них и на занятия продолжали приходить в военной форме. Можно сказать, что пришедшие из армии во многом задавали тон в институте.

Во время сдачи вступительных экзаменов, особенно по иностранным языкам, подчас возникали неожиданные ситуации, грозившие снижением конкурсных баллов. Так, по воспоминаниям Артема Меликяна, все предыдущие экзамены он сдал на «отлично», но касательно немецкого языка испытывал сомнение. Своей озабоченностью он поделился с Александром Бочевером, с которым

[1] А.Ю. Бочевер в воспоминаниях коллег // Современная Европа. 2020. № 7. С. 226–230.

они вместе должны были сдавать экзамен по языку. Александр сам предложил ему свою помощь и надиктовал на страничку текст «лёгкого» монолога для общения с экзаменатором. Вызубренный текст Артем продекламировал на экзамене и получил «четвёрку». Как вспоминает Меликян, теперь он всегда вспоминает Бочевера за его отзывчивость, душевность, исключительное чувство товарищества. «Ведь он мог запросто пропустить мимо ушей услышанную озабоченность... мог бы, но не сделал. Он оказался не эгоистом и вызвался поддержать меня, хотя я в какой-то степени и был ему конкурентом за место в институте».

Изучение иностранных языков в МГИМО было поставлено на очень мощную основу. Помню, ещё на первом курсе, когда мы только-только овладевали фонетикой немецкого языка, на занятия приходили с карманным зеркальцем: это для того, чтобы, как советовали преподаватели, заниматься «лицевой гимнастикой», то есть тренировать лицевые мышцы и артикуляцию. Если же кто-либо из студентов проявлял недостаточное усердие в изучении языка, он получал строгое предупреждение, что в случае дальнейшего его нерадения будет поставлен вопрос об отчислении из института.

На третьем курсе преподавание немецкого языка в нашей маленькой группе вела доброй памяти Варвара Михайловна Ива-

нова. На сохранившейся у меня фотографии она стоит в центре, рядом справа – я, ещё правее – А. Бочевер в военном кителе. Мы избрали его старостой нашей группы, – отвечать перед руководством Института за посещаемость занятий, проведение лекций студентами по линии общества «Знание» на предприятиях столицы, за поездки на экскурсии и за многое другое.

Многие студенты дополнительно (факультативно) изучали ещё и второй иностранный язык. Я и Бочевер избрали шведский. Тогда это была экзотика. Преподавательницей была Абрамова, супруга бывшего посла СССР в Швеции. Позже я самостоятельно изучал также другие скандинавские языки – датский и норвежский. Как оказалось в дальнейшем, знание скандинавских языков сыграло важную роль в моей научной карьере, так как позволило мне выступить зачинателем систематических исследований мало изученных у нас философских и социологических работ в соответствующих странах.

В нашем коллективе не хватало специалистов по некоторым европейским странам. Я обратился за советом к А. Бочеверу, который в это время уже работал в Институте Европы. Я знал, что в Институте созданы научные проекты издания страновой серии (под редакцией академика Н.П. Шмелева), редакционные советы и авторские коллективы. По приглашению Бочевера я посетил несколько научных конференций в Институте Европы по актуальным проблемам экономического и политического развития в европейских странах. Благодаря помощи Александра Юрьевича сформировалось межинститутское сотрудничество. В результате в Институте философии была издана книга «Западная социал-демократия: поиск обновления в условиях кризиса» (М., 1998). Из Института Европы в ней приняли участие В.Я. Швейцер (по Австрии), из других учреждений – И.М. Бунин (по Франции), С.П. Перегудов (по Англии), И.В. Данилевич (по Испании). Большое значение имеет публикация двух солидных монографий, вышедших в названной серии под девизом «Старый Свет – новые времена». Первая из них называлась «Северная Европа. Регион нового развития» (под ред. Ю.С. Дерябина, Н.М. Антюшиной. М., 2008). Вторая книга – «Государства Альпийского региона и страны Бенилюкс в меняющейся Европе» (под ред. В.Я. Швейцера. М., 2009). Эти книги я с благодарностью получил от А. Бочевера. В них подробно проанализированы экономика и политика названных стран, вопросы демократии и гражданского общества, особенности европейской модели социального

государства, проблемы военно-стратегической безопасности. Уверен, что эти исследования, включая их регионально-страновой метод, будут ещё многие годы востребованы в научных проектах по подготовке изданий по истории мировых цивилизаций.

В.В. Журкин, **академик, почётный директор Института Европы РАН:**

Я бы хотел рассказать об Александре Юрьевиче в житейской обстановке. Тем более, что в последние годы мы вместе проводили отпуск в путешествиях по Европе.

Вспоминаю Венецию, которую мы оба обожали. Меня поражало – и восхищало! – буквально рвавшееся из него жизнелюбие, любопытство ко всему новому, пусть даже на первый взгляд незначительному.

Если где-то открывалась какая-то новая выставка, то ему непременно требовалось её незамедлительно посетить. Или если, например, от площади Рома до порта открылось автоматическое наземное метро, то мы должны были стать первыми пассажирами. Если зоной туризма объявляли старинную набережную, на которой три века назад предлагали услуги синьорины известного поведения, то и здесь мы были тут как тут, – как же без нас-то!

Путешествия по Венеции вообще были полны своих особых ритуалов, которые Александр Юрьевич тщательно соблюдал, приучая к этому и меня. Например, надо было обязательно подняться на колокольню острова Сан-Джорджо-Маджоре, потому что оттуда, как утверждают знатоки, открывается самый лучший вид на панораму Венеции. Если очень повезёт, то далеко на севере можно увидеть в дымке очертания Альп. Это явилось персональным открытием Александра Юрьевича.

С колокольни мчимся на главный венецианский пляж на острове Лидо. Купальщиком он был страстным. Я же больше грелся на тамошнем солнышке.

Ещё один обязательный маршрут – знаменитое озеро Гарда. Оно начинается не так далеко от Венеции и тянется узкой полосой на север аж до предгорий Альп. Как-то газеты вспомнили, что века два назад на Гарде в городке Мальчезине был арестован как австрийский шпион Иоганн Вольфганг Гете за то, что рисовал башню местного замка. Естественно, плывём на озёрном теплоходике, чтобы осмотреть знаменитый замок! И всё это благодаря неуёмной энергии Александра Юрьевича.

Из Венеции носились то во Флоренцию, то в Рим, то в Верону. А то и ехали на поезде в Мюнхен, чтобы оттуда улететь в Москву. По дороге Александр Юрьевич просвещал соседей об альпийских перевалах. Мюнхен мы считали самым красивым из больших немецких городов.

Если бывали в Париже, то обязательно выезжали на денёк в Лондон. Всё очень просто: часа полтора с хвостиком на поезде. Утром туда, вечером обратно. Если были в Лондоне, то поступали наоборот. Александр Юрьевич эти поездки буквально смаковал.

Как-то в Париже он оступился, упал и серьёзно повредил ногу. В гостинице посоветовали поехать в знаменитый хирургический центр – где-то на окраине. Там ему оказали необходимую помощь. Возвратившись же, Александр Юрьевич рассказывал, что по окончании лечения он попросил счёт. Его спросили следующее: «А вы ветеран войны?» – «Да», – ответил он. «Тогда вам бесплатно», – успокоил его доктор. «Но я же не француз!» – удивился пациент. «Всё равно, – сказал доктор. – Приезжайте в любое время».

Всегда было приятно видеть, как европейцы реагировали на Александра Юрьевича. Едва мы входили в Венеции в свою гостиницу «Аббация», устроенную в огромном старинном монастыре, как кто-нибудь дружески кричал: «Александер! Александер!» То же самое случалось и в нашем традиционном ресторане «Рим» на берегу Большого канала. И так почти всюду.

Вспоминая сегодня наши европейские вояжи, я думаю, что, наверное, этот образ симпатичного, доброжелательного, может быть в чем-то для них внешне чудаковатого, но всегда обаятельного и дружелюбного старика из Москвы надолго останется там у многих в памяти.

В.Я. Швейцер, **доктор исторических наук, руководитель Отдела социальных и политических исследований Института Европы РАН:**

С А.Ю. Бочевером я познакомился буквально в первые дни работы в Институте. Придя на приём к тогдашнему заместителю директора В.Н. Шенаеву, я встретил также ожидавшего приёма небольшого роста седовласого человека. В его облике и манере общения явно ощущалась свойственная военным организованность в сочетании с характерной для дипломатов выдержкой и безукоризненной корректностью. Позже узнав об основных этапах жизненного пути Александра Юрьевича, я понял, что эти профессиональные качества выработались у него за долгие годы службы.

И в военных структурах, и в различных государственных ведомствах.

Однако всё начиналось в годы Великой Отечественной войны, участником которой был этот незаурядный человек. Согласившись в связи с 75-летием победы на интервью для журнала «Современная Европа», Бочевер продемонстрировал весьма характерное для него качество – скромность. Получив подготовленную Е.В. Дрожжиной расшифровку взятого мной интервью, Александр Юрьевич внёс в текст немало существенных поправок. Прежде всего, он решительно сократил, а то и вовсе снял ряд пафосных эпитетов, касавшихся его участия в боевых действиях. Сократил он и упоминания о военных эпизодах, где интервьюер чрезмерно завысил его личное участие в соответствующих событиях. Без правки он оставил лишь заголовок интервью «Со школьной скамьи на фронт»; в нём была вся суть того непростого момента его биографии. На начальном этапе войны выпускник средней школы подмосковных Химок практически сразу оказался сопричастным трагическим для нашего народа событиям.

Другой важной страницей биографии Бочевера была его служба в нашем дипломатическом ведомстве. Об одном эпизоде я узнал, находясь вместе с ним на конференции, состоявшейся в Вене в мае 2011 г. Она была посвящена 50-летию венской встречи Н.С. Хрущева и Дж. Кеннеди. Бочевер сообщил мне, что ему, работавшему тогда в нашем посольстве в Австрии, был поручен сбор информации об освещении встречи в верхах австрийскими СМИ. Хорошее знание немецкого языка позволило ему информировать своё начальство не только о газетных материалах, но также о плакатах и листовках, появлявшихся в Вене с целью компрометации советского лидера.

Не могу не упомянуть ещё об одном эпизоде, имевшем место во время юбилейных торжеств. Поскольку основную часть приглашённых составляли представители России и США, то вполне естественными были приёмы, организованные посольствами обеих стран. На встречу в американское посольство А.Ю. Бочевер поначалу не хотел идти, полагая, что кто-то из хозяев может вспомнить о его участии в давних событиях. Я смог разуверить коллегу: среди американцев вряд ли сохранились свидетели истории полувековой давности. Однако я ошибся. Как только мы с Александром Юрьевичем вошли в зал приёмов посольства США, к нему сразу подошёл какой-то седовласый господин. Американец, по-дружески обняв

Бочевера, сказал, тщательно подбирая русские слова: «Я очень рад снова видеть вас, полковник». После того как американец отошёл в сторону, Александр Юрьевич тихо сказал мне: «Я сразу узнал этого господина. Ведь он выполнял с американской стороны те же функции по обеспечению саммита, что и я». Я же ещё раз убедился в том, что даже с годами интуиция не подводит тех, кто по роду своей прежней деятельности выполнял особые служебные задачи.

Возвращаясь к работе Александра Юрьевича в нашем институте, хочу заметить, что этот далеко не молодой и ограниченный в физических возможностях человек сделал много полезного как в период становления ИЕ РАН, так и в нынешние годы, когда под вопросом оказалось сохранение здания на Моховой, 11. Бочевер рассказывал мне, как ему приходилось преодолевать различные бюрократические препятствия со стороны тех, кто хотел лишить Институт своего, полученного законным путём здания. Он находил и предоставлял документы, подтверждавшие наши юридические права. Другой стороной деятельности Александра Юрьевича было решение визовых вопросов, чрезвычайно важных для общения наших учёных с зарубежными коллегами.

Однако главной задачей, успешно решавшейся Александром Юрьевичем, были взаимные контакты Института с МИД РФ. Он очень гордился фотографией, висевшей в его кабинете, на которой он получает от С.В. Лаврова Почётный знак ветерана дипломатической службы. Во многом усилиями Бочевера было подготовлено соглашение по обмену информацией ИЕ и МИД РФ. В результате наши коллеги могли пользоваться присылаемыми из внешнеполитического ведомства материалами, а МИД по необходимости получал от нас аналитическую обработку тем, интересовавших дипломатов. Отмечу, что к своему 95-летнему юбилею Бочевер получил поздравление от президента России В.В. Путина.

Несколько слов о человеческих качествах А.Ю. Бочевера. Узнав о тяжёлой хирургической операции, перенесённой моей дочерью, он регулярно интересовался её здоровьем, предлагал поддержку при дальнейшем лечении. В последние годы Александр Юрьевич по своей инициативе нередко подвозил меня домой. А ведь в его возрасте лишние километры были дополнительной нагрузкой. Мои возражения по этому поводу он воспринимал с плохо скрываемой обидой. Но и перестав по состоянию здоровья водить автомобиль и пересев на ветеранское такси, он

продолжал мне оказывать эти, совсем не обязательные, дружеские услуги. В конце сентября 2020 г. – как выяснилось, во время нашей последней совместной поездки – он, прощаясь, крепко пожал мне руку, сказав традиционное для него «До новой встречи». Увы, этому не суждено было сбыться. Теперь, когда я подхожу к своему кабинету – соседнему с комнатой Александра Юрьевича, – меня неизменно охватывает тоска по утрате человека, оставившего светлый след в памяти коллег.

Б.М. ПИЧУГИН: КАВАЛЕРИСТ, ПЕРЕВОДЧИК, УЧЁНЫЙ[1]

О.В. Буторина

Борис Михайлович Пичугин родился 25 июня 1922 г. в городе Чугуеве Харьковской области Украинской ССР. Его детские и отроческие годы прошли в Харькове, где он окончил среднюю школу. Отец – Михаил Андреевич Пичугин – работал бухгалтером, мать – Александра Петровна – занималась домашним хозяйством. В августе 1940 г. Борис Пичугин 18-летним юношей добровольно вступил в ряды Рабоче-Крестьянской Красной армии (РККА).

Дорогами войны

Начало Великой Отечественной войны Борис Пичугин встретил в 1-й гвардейской кавалерийской дивизии, которая входила в состав 1-го гвардейского кавалерийского корпуса. Дивизия вступила в боевые действия 27 ноября 1941 г. под Каширой. О событиях, которые разворачивались перед глазами красноармейца Пичугина и участником которых он стал, повествует шеститомная «История Великой Отечественной войны Советского Союза». Приведём несколько выдержек. «В итоге пятидневных боев (с 12 по 16 декабря) войска Калининского и правого крыла Западного фронтов освободили города Калинин, Клин, Солнечногорск и Истру. Враг оказывал упорное сопротивление, ожесточённо дрался за населённые пункты и узлы дорог, но под ударами советских войск вынужден был

[1] Помощь в подготовке очерка оказали сотрудники Института Европы РАН, лично знавшие Бориса Михайловича Пичугина (с 1988 по 1997 гг. – г.н.с. ИЕ РАН): академик РАН В.В. Журкин, профессор Ю.А. Борко, член дирекции к.э.н. В.Б. Белов, н.с. М.Л. Грачёва. Автор благодарит в.н.с. ИЕ РАН В.П. Журавеля за работу с наградными документами, а также К.Ю. Шарапову-Антонову и П.В. Осколкова за подборку и оцифровку научных трудов Б.М. Пичугина.

Буторина О.В. Б.М. Пичугин: кавалерист, переводчик, учёный // Современная Европа. 2020. № 3. С. 207–213.

отступать». На левом крыле Западного фронта войска 1-го гвардейского кавалерийского корпуса во взаимодействии с соединениями 10-й армии в ночь на 12 декабря освободили город Сталиногорск[2] (ныне г. Новомосковск Тульской области). Через два дня, 14 декабря 1941 г., «ломая сопротивление немецких войск на рубеже рек Шать и Дон», 1-й гвардейский кавалерийский корпус и 10-я армия вышли на фронт Дедилово – станция Узловая – Богородицк и «продолжали развивать успех в западном направлении»[3].

Командование Западного фронта поставило перед действовавшими на его левом крыле войсками задачу «безостановочно преследовать отходившие на Козельск и Сухиничи части противника, с ходу форсировать Оку и овладеть городами Лихвином, Перемышлем и Калугой». У немцев на этом участке образовался 30-километровый разрыв между основными силами 2-й танковой армии (после поражения под Тулой они отступали на юго-запад) и её левофланговым 43-м армейским корпусом, отступавшим на запад в сторону Калуги. Эту брешь решили использовать для глубокого вклинивания в тыл врага. 1-й гвардейский кавалерийский корпус получил приказ «стремительным ударом сбить заслоны отходивших немецких частей, форсировать реку Оку, а затем повернуть основные силы на северо-запад и, перехватив пути отхода вражеских войск от Калуги и Малоярославца, не позднее 28 декабря освободить Юхнов»[4].

С утра 19 декабря кавалеристы нанесли удар в направлении Одоево – Козельск и к исходу 22 декабря совместно с частями 50-й армии освободили город Одоев, сорвав «попытку противника задержать продвижение частей Красной армии на рубеже Оки»[5]. 28 декабря 1-й гвардейский кавалерийский корпус освободил Козельск и через несколько дней подошёл к Мещовску, где встретил упорное сопротивление противника и, «ощущая острый недостаток в боеприпасах, вынужден был временно прекратить наступление»[6].

---

[2] История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. Том 2. Отражение советским народом вероломного нападения фашистской Германии на СССР. Создание условий для коренного перелома в войне (июнь 1941 г. – ноябрь 1942 г.) М.: Воениздат, 1961. С. 286.

[3] Там же. С. 287.

[4] Там же. С. 292.

[5] Там же. С. 293.

[6] История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. Том 2. С. 294.

Январь 1942 года выдался морозным, температура упала до 20–25 градусов мороза. Поля Подмосковья покрывал глубокий снег. Из-за снежных заносов движение вне дорог стало практически невозможным, что крайне затруднило снабжение войск боеприпасами и продовольствием, пополнение боевой техникой. Несмотря на сложную обстановку, советское Верховное Главнокомандование решило продолжить наступление. Согласно директиве Ставки от 7 января 1942 г., Западный фронт должен был не позднее 11 января нанести поражение противнику в районах Юхнова и Мосальска, «а затем ударом 50-й армии и 1-го гвардейского кавалерийского корпуса в направлении Вязьмы во взаимодействии с Калининским фронтом завершить окружение можайско-гжатско-вяземской группировки врага»[7].

С этой даты начался один из наиболее драматичных эпизодов первого периода Великой Отечественной войны, непосредственным участником которого стал Борис Михайлович Пичугин. Советское командование, видимо, не располагая точными сведениями о противнике, недооценивало силы, которые он сосредоточил на рубеже Ржев – Вязьма. На северном направлении битвы за Вязьму действовали войска Калининского фронта, а на южном – 33-я армия и группа генерал-лейтенанта П.А. Белова, костяк которой составлял 1-й гвардейский кавалерийский корпус. Следуя приказу, во второй половине января названные части пересекли Варшавское шоссе, соединяющее Рославль, Юхнов и Малоярославец, и продолжили движение на запад.

К началу февраля 1942 г. три головные стрелковые дивизии 33-й армии приблизились к Вязьме, тогда как остальные пять дивизий всё ещё находились на расстоянии 70 км от города. Немецкое командование воспользовалось растянутостью сил армии и мощным ударом отсекло вырвавшиеся вперёд три дивизии во главе с командующим армией генерал-лейтенантом М.Г. Ефремовым от основных сил. Попытка деблокировать части 33-й армии у Вязьмы с привлечением воздушно-десантных сил успеха не имела[8].

30 января 1942 г. в донесении немецкой группы армий «Центр» сообщалось: «Очевидно, противник намерен пробиваться в направлении Вязьмы при поддержке парашютистов-десантников

---

[7] Там же. С. 319–320.

[8] *Барановский В.Д.* Победа в Битве за Москву 1941–1942. М.: Издательство «Голден-Би», 2009. С. 349–351.

с тыла... Противник не оставляет попыток соединиться с частями, находящимися в тылу, за линией нашего фронта»[9]. К исходу 2 февраля 1942 г. опергруппа Белова в результате упорных боев главными силами сосредоточилась в районе, находившемся в 10–20 км юго-западнее Вязьмы[10]. Оставшиеся боеспособными части 33-й армии и 1-го гвардейского кавалерийского корпуса соединились с действовавшими в дремучих лесах вокруг Дорогобужа партизанскими отрядами.

Действуя в тылу противника, конники Белова в течение нескольких месяцев причиняли значительный ущерб противнику. Всё это время положение опергруппы оставалось весьма тяжёлым. Так, в донесении штаба 1-й гвардейской кавалерийской дивизии от 5 февраля 1942 г. указывалось, что её части нуждаются в боеприпасах и в провианте, заготовка которого в районе действий невозможна. При этом над районом расположения дивизии действуют самолёты противника[11]. 26 февраля против группы Белова фашисты применили танки[12]. 8 марта в донесении немецкой группы армий «Центр» сообщалось, что попытки Красной армии деблокировать «находящиеся под угрозой уничтожения окружённые части 1-го гвардейского кавалерийского корпуса успеха не имели»[13]. Тем не менее на протяжении марта опергруппа Белова продолжала вести наступательные операции и содействовала выходу из окружения частей 329-й стрелковой дивизии.

Группа генерала Белова сильно досаждала немцам, поскольку вместе с партизанами она контролировала значительную территорию с находившимися на ней железнодорожными путями. 24 мая

---

[9] Извлечение из оперативной сводки № 229 главного командования сухопутных войск вермахта. 30.01.42. Цит. по: Битва под Москвой. Хроника, факты, люди: в 2 кн. / Под ред. В.А. Жилина. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. Книга вторая. С. 451.

[10] Извлечение из оперативной сводки № 35 Генерального штаба Красной армии на 8.00 4.02.42. Цит. по: Битва под Москвой. Хроника, факты, люди. Книга вторая. С. 476.

[11] Донесение № 7. Штаб 1-й ГВКД. 5.02.42. ЦАМО РФ. Ф. 3465. Оп. 0000001. Лист начала документа в деле: 219. Сайт «Память народа 1941–1945».

[12] Извлечение из оперативной сводки № 58 Генерального штаба Красной армии на 8.00 27.02.42. Цит. по: Битва под Москвой. Хроника, факты, люди. Книга вторая. С. 614.

[13] Извлечение из суточного оперативного донесения 8.03.1942 г. Главное командование сухопутных войск. Генеральный штаб, 4-й обер-квартирмейстер. Отдел по изучению иностранных армий Востока (II) № 1272/41 Секретно. Цит. по: Битва под Москвой. Хроника, факты, люди. Книга вторая. С. 678.

с целью её уничтожения были начаты сразу две операции вермахта под кодовым названием «Ганновер-1» и «Ганновер-2». В развёрнутом сразу с нескольких сторон наступлении участвовали семь дивизий и около 600 танков. Белов решил пробиваться на юго-запад в направлении Ельни. 9 июня вражеское кольцо было разомкнуто. 17 июня части первого эшелона в ходе жестокого боя прорвались через Варшавское шоссе, теперь уже в обратном направлении. Оставшаяся половина войск разделилась на мелкие отряды и пересекла Варшавское шоссе в безлюдном месте. Тяжелораненых и больных вывезли на Большую землю самолётами. 28 июня весь личный состав вышел в расположение войск Западного фронта в районе г. Кирова[14]. Так для 1-го кавалерийского корпуса и для красноармейца Пичугина закончился пятимесячный рейд по вражеским тылам.

Судьба 33-й армии оказалась трагичной. Её части пытались прорваться через немецкие позиции кратчайшим путём – на запад. У реки Урга они были атакованы и разбиты противником. Тяжело раненный генерал Ефремов, не желая попасть в руки врага, застрелился.

30 июня 1942 г. Борис Михайлович был представлен к первой награде. «При выходе частей дивизии из рейда, – говорилось в наградном листе, – тов. Пичугин, с небольшой группой красноармейцев, выполняя службу разведчиков, перебрался в тыл противника и работал четыре дня, находясь в полной изоляции от частей дивизии, без хлеба и воды». И далее: «...уходя от противника искусным манёвром с достигнутой целью разведки, присоединился к штабу дивизии. Участвовал в боях в составе штаба дивизии во время прорыва вражеской обороны»[15]. За этот подвиг Борис Михайлович был удостоен медали «За отвагу».

В августе 1942 г. 1-я кавалерийская дивизия вела успешные бои с танковыми подразделениями немцев на реке Жиздра, принудив противника перейти к обороне. В феврале 1943 г. дивизия была переброшена на родину Бориса Михайловича – в Запорожье. На левом берегу реки Северский Донец в районе г. Балаклея и севернее г. Чугуева конники вели «оборонительные бои с превосходящими силами танков и мотопехоты противника». По словам

---

[14] *Герасимова С.А.* Ржев 42. М.: Яуза, Эксмо, 2007. С. 79–82.

[15] ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 682524. Ед. хр. 349. № записи 11634393. Сайт «Подвиг народа».

командира дивизии генерал-лейтенанта В.К. Баранова, благодаря «железному упорству» личного состава немцы были отброшены на западный берег реки, и все их попытки переправиться на восточный берег были отражены[16].

7–18 октября 1943 г. части 1-го гвардейского кавалерийского корпуса форсировали Днепр в 90 км севернее Киева. Старший лейтенант Б.М. Пичугин служил в должности военного переводчика разведывательного отдела штаба корпуса. 1 декабря он был награждён орденом Отечественной войны II степени. В наградном листе сообщалось: «В своей работе тов. Пичугин очень много внимания уделяет опросу пленных, получая от них ценные данные о группировках, задачах, укомплектованности частей противника. В период боевых действий корпуса тов. Пичугин ежедневно допрашивал по 25–60 человек пленных немецких солдат и офицеров. Часто выезжал в полки и опрос военнопленных производил на месте, чем ускорял получение данных о противнике и давал возможность командованию корпуса принимать своевременные решения»[17]. По рассказам друзей Бориса Михайловича, вспоминая о войне, он всегда с особым чувством говорил о своём боевом коне, вернее, о кобыле Жемчужине, которая не раз спасала ему жизнь[18]. То есть в полки он выезжал верхом.

В июле 1944 г. в рамках операции «Багратион» части 1-го Украинского фронта подошли к советско-польской границе. В период боев в районе г. Горохова (Западная Украина) Борис Михайлович под массированным артиллерийским и минометным огнём работал с пленными, добывая сведения для дальнейшего наступления. Разрывом бомбы он был тяжело ранен, но оставался с пленными до окончания опроса, и только потом убыл в госпиталь. За этот подвиг он был награждён орденом Отечественной войны I степени.

---

[16] Выписка из журнала боевых действий 1-й гвардейской Ставропольской ордена Ленина Краснознамённой ордена Суворова и ордена Богдана Хмельницкого дивизии им. Блинова. Дата создания документа: 15.08.1944 г. Архив: ЦАМО, Ф. 3531. Оп. 1. Д. 116. Лист начала документа в деле: 268. Сайт «Память народа 1941–1945».

[17] Приказ № 295 от 01.12.1943. Издан: 1 гв. кк 1 Украинского фронта. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 686044. Ед. хр. 3154. № записи 19473656. Сайт «Подвиг народа».

[18] Беседа автора этой статьи с другом Бориса Михайловича и его однокурсником Анатолием Акимовичем Куценковым, чей очерк о Б.М. Пичугине будет опубликован на сайте Института Европы РАН в разделе «К 75-летию Великой Победы».

Май 1945 г. и свою 22-ю весну Борис Михайлович встретил в Германии, в земле Саксония, недалеко от г. Хемниц (который в 1953–1990 гг. именовался Карл-Маркс-Штадтом). К уже названным наградам добавился орден Красной Звезды и медаль «За оборону Москвы». Начав войну красноармейцем, он окончил её в звании гвардии старшего лейтенанта. Наряду с допросами пленных немцев, часто в составе разведгрупп выполнял боевые задачи по захвату «языка» в тылу врага. Дважды был ранен, но находился в боевом строю. В наградных листах его командиры отмечали, что в ходе боев Б.М. Пичугин показал себя храбрым, инициативным и решительным офицером. За годы войны он допросил около 3 тысяч военнопленных.

Глубокое знание немецкого языка и военного дела, твёрдость, выдержка и настойчивость, умение быстро схватывать обстановку, найти подходы к пленным солдатам и офицерам позволяли ему своевременно добывать нужную, порой очень ценную информацию. Данные, полученные в ходе допросов, помогали командованию корпуса в оценке обстановки и часто служили основой для раскрытия действующей перед фронтом корпуса группировки войск противника. Борис Михайлович принял участие в битве под Москвой, в освобождении Украины, в Львовско-Сандомирской, Карпатско-Дуклинской, Нижнесилезской и Берлинской операциях.

Экономист-международник

В августе 1946 г. после демобилизации Борис Михайлович поступил в Институт внешней торговли Министерства внешней торговли СССР. Окончил его с отличием в 1951 г., получив специальность «экономист внешней торговли». Сразу был принят на работу во Всесоюзный научно-исследовательский конъюнктурный институт МВТ СССР, где за последующие тридцать лет прошёл путь от младшего научного сотрудника до заместителя директора.

С 1952 по 1955 г. обучался в заочной аспирантуре экономического факультета МГУ. Точно в срок, в 1955 г., защитил диссертацию на соискание учёной степени кандидата экономических наук на тему «Возрождение конкуренции японских монополий на мировом капиталистическом рынке». В 1970 г. получил степень

доктора экономических наук, защитив диссертацию «Насущные проблемы международной торговли и борьба социалистических стран за их решение».

Педагогический талант Бориса Михайловича раскрылся на кафедре Международных экономических отношений МГИМО МИД СССР, где он вёл занятия на протяжении 1971–1980 гг. Читая лекции, он поражал аудиторию обширными знаниями и способностью легко оперировать огромным массивом цифр и фактов. В 1976 г. Борису Михайловичу было присвоено учёное звание профессора. Под его руководством подготовили и защитили кандидатские диссертации около полутора десятков аспирантов.

В 1961–1967 гг. работал по линии МИДа в секретариате Европейской экономической комиссии ООН в Женеве в должности старшего и главного научного сотрудника. В 1980–1983 гг. трудился директором в Секретариате ЮНКТАД (г. Женева), в 1983–1988 служил советником в Постпредстве СССР при ООН в Женеве, где отвечал за вопросы сближения СССР с ГАТТ и другими международными организациями.

Борис Михайлович был зачислен в штат Института Европы в августе 1988 г., вскоре после его создания. Он стал одним из наиболее опытных и активных сотрудников, на долю которых выпало формирование коллектива и научного профиля нового академического центра. Занимал должность главного научного сотрудника Отдела общеевропейских проблем. Сфера его научных интересов была весьма обширна: мировая экономика и международные экономические отношения; экономические проблемы Японии; проблемы экономических отношений между Востоком и Западом в Европе; отношения СССР/Россия–ЕС.

Особое внимание Борис Михайлович уделял исследованию тенденций развития мировой торговли, иностранных прямых инвестиций и внешней торговли России, в первую очередь, её торговых отношений с главным партнёром – Европейским союзом. Он был одним из ведущих отечественных специалистов в этой области. Пичугин обладал такими ценными для учёного качествами, как уникальная скрупулёзная точность в отборе и изложении фактов, прежде всего статистических, объективность их анализа и обоснованность выводов. Именно это позволило ему скорректировать и даже пересмотреть в ходе исследований некоторые взгляды и оценки, относившиеся к раннему периоду его профессиональной деятельности.

Б.М. Пичугин неоднократно участвовал в качестве соавтора в подготовке аналитических докладов и справок, направляемых Институтом Европы высшему руководству страны, в различные министерства и другие государственные ведомства.

В коллективе Борис Михайлович держался дружелюбно и подчёркнуто корректно, он пользовался огромным авторитетом и уважением. Офицерская выправка, неизменная строгость к себе и высокие требования к результатам общего дела заставляли внутренне подтягиваться каждого, кому доводилось взаимодействовать с профессором Пичугиным. С молодыми сотрудникам института он был открыт и по-отечески внимателен, от него всегда можно было получить профессиональный совет, услышать краткую и ёмкую оценку того или иного события, узнать о новых статьях и книгах. Его коротко высказанная похвала считалась высшей наградой.

Коллеги вспоминают Бориса Михайловича как человека с врождённой интеллигентностью, уравновешенного и предупредительного, неизменно ровного в общении со всеми. Никогда и никого он не выделял по статусности. Со всеми был приветлив, разговаривал тихим спокойным голосом, всегда отвечал улыбкой на приветствие. Профессор Пичугин владел немецким, английским, французским, японским и украинским языками. За его авторством вышло около 100 научных работ. Борис Михайлович ушёл из жизни 16 августа 1997 г., когда в движение пришёл давно засевший около сердца осколок немецкого снаряда.

НИКОЛАЙ КОВАЛЬСКИЙ. АБИТУРИЕНТ В ТЕЛЬНЯШКЕ

Р.О. Орестов[1]

Немногим менее 10 лет в Институте Европы РАН проработал выдающий европеист и дипломат Николай Александрович Ковальский, основатель и руководитель Центра средиземноморских и черноморских исследований ИЕ РАН. Многие из его коллег и сегодня вспоминают этого спокойного, рассудительного, статного человека, посвятившего практически всю жизнь исследованию европейских проблем. Он трудился в нескольких солидных академических институтах, где проявил новаторский подход к изучению важнейших политико-экономических явлений в жизни Старого Света, в частности, зоны Средиземного и Чёрного морей, проявил себя на дипломатическом поприще. Ковальский одним из первых советских учёных приложил усилия для открытия новой страницы в отношениях с Ватиканом. Многим известно о вышеперечисленных заслугах Н.А. Ковальского. Однако мало кто знает, как коснулось его судьбы горькое военное лихолетье.

* * *

«Учиться, чтобы работать в системе НКИД (Народный комиссариат иностранных дел. – *Р.О.*), мечтал уже давно. Война помешала этим планам». Так написал в заявлении при поступлении в Московский государственный институт международных отношений Николай Александрович Ковальский. В тот день, сразу после Великой Отечественной войны, демобилизованный 20-летний моряк, конечно же, не мог знать, что ему суждено не только дорасти до высокого дипломатического ранга, но и стать авторитетным учёным, родоначальником целых направлений в отечественной европеистике.

---

[1] *Орестов Р.О.* Николай Ковальский. Абитуриент в тельняшке // Современная Европа. 2020. № 5. С. 214–217.

Всё это в будущем, а тогда, в августе 1945-го, перед сотрудниками администрации МГИМО предстал симпатичный светловолосый молодой человек с военной выправкой. От основной массы абитуриентов его отличал внешний облик: гладко отутюженная матроска с неизменной для военного моряка тельняшкой, расклешённые чёрные брюки – довольно залихватский вид.

Но вот незадача! Приём документов уже закончился. Отсюда в заявлении Ковальского появилась фраза: «прошу принять в институт, так как только демобилизовался». К счастью, для военнослужащих в первые годы после войны действовали льготы: стать студентом в вузе по выбору можно было вне конкурса, не сдавая вступительных экзаменов. Было достаточно иметь на руках аттестат о среднем образовании и положительную характеристику от военного начальства. И то и другое у Николая имелось, так что дорога к желанным знаниям была открыта. Уже 1 сентября юноша, сменив военную форму на гражданскую одежду, приступил к занятиям на историко-международном факультете лучшей в стране кузницы советских дипломатических кадров. Так начался новый (и самый важный) этап в жизни Н.А. Ковальского, в ходе которого он превратился из простого студента в видного дипломата и исследователя международных отношений.

Предшествующие этому годы дались Николаю нелегко, на его долю выпало немало трудностей, главной причиной которых была война. Он родился 12 октября 1925 г. в Ленинграде, во вполне благополучной семье: отец Александр Николаевич – инженер-конструктор на питерском заводе «Севкабель», преподаватель в Ленинградском институте механизаторов сельского хозяйства, а затем – в Институте киноинженеров, мать Елизавета Николаевна – директор библиотеки исторического факультета Ленинградского государственного университета. Имелись все предпосылки для того, чтобы и юный Ковальский получил хорошее образование и вырос в классного специалиста в избранной им области. Это было очевидно уже с первых школьных лет, когда Николай демонстрировал значительные успехи по всем предметам.

К сожалению, жизнь не всегда складывалась так, как хотелось бы. Июнь 1941 г. поломал далеко идущие планы Николая. С первых дней войны, когда стало ясно, что одна из главных целей немецко-фашистского агрессора – колыбель Октябрьской революции и Северная столица СССР, Ковальский в числе тысяч других учащихся старших классов ленинградских школ

был мобилизован на строительство оборонительных укреплений вокруг города на Неве. Вскоре ужесточились бомбёжки, и угроза безопасности Ленинграда стала настолько острой, что власти приступили к эвакуации граждан, напрямую не занятых в оборонной деятельности, в первую очередь детей. Распрощавшись с родителями, 16-летний Николай отбыл в город Молотов (ныне Пермь) вместе с дядей, художником Театра оперы и балета имени Кирова (сегодня – Мариинский), труппа которого была вывезена на Урал.

Николай Ковальский, считавший получение образования, да и вообще постижение знаний, главным делом своей жизни, всё же не мог сидеть сложа руки, да и трудовой паёк был не лишним. Юноша, которому до окончания школы оставалось два года, сумел сочетать блестящую учёбу с работой поочерёдно в колхозе, на оборонном заводе сборщиком авиаприборов и в театре, где служил дядя. В январе 1942-го из родного Ленинграда пришла скорбная весть – умер отец, не выдержавший условий блокады. Наконец, в 1943 г. настал день, когда Николаю торжественно, насколько это позволяла военная обстановка, вручили аттестат зрелости. Несмотря на все пережитые им перипетии, в документе об окончании школы не было ни одной оценки ниже «5». Случись это после мая 1945 г., Ковальский имел бы в своей «коллекции» наград ещё и школьную золотую медаль.

С достижением совершеннолетия и окончанием школы настало время присоединиться к миллионам защитников Родины от фашистских захватчиков. Уже в июне 1943 г. пришла повестка из военкомата – предстояло выполнить свой гражданский и патриотический долг. Каким образом рассуждали военные чиновники, распределяя назначения призывников, остаётся неизвестным. Вероятнее всего, сказались выдающиеся успехи Ковальского в учёбе. Было очевидно, что отличник по всем предметам принесёт Отечеству больше пользы, обучаясь военным наукам и готовясь к командным должностям, чем участник штыковой атаки или рядовой морской десантник, чьи жизни в те дни были невероятно коротки.

Ковальскому вновь предстояло сесть за парту. На этот раз облачившись в матросскую униформу. Его призвали на учёбу в Севастопольское военно-морское училище береговой обороны, базировавшееся тогда в посёлке Танхой Бурят-Монгольской АССР. Одновременные военная служба и учёба оказались не особенно

сложным делом для Николая, приучившего себя ответственно относиться к процессу получения знаний и дисциплине. От командования училища в личное дело курсанта Ковальского поступали только самые положительные отклики.

Как известно, судьба военного сродни жизни кочевника. Вот и Николай не задержался в местечке на южном берегу Байкала, прямо напротив истока реки Ангара. В сентябре 1943-го его перевели в Военно-морское химическое училище в Угличе. По всей видимости, и в этот раз сказались эрудиция и способность курсанта к освоению специфических знаний и навыков, которые, несомненно, были более сложными в химическом деле, нежели в артиллерийском.

На новом поприще Ковальский добился успехов не только в учебной работе и боевой подготовке, но и в общественной деятельности, оставался душой коллектива. Вскоре после прибытия на новое место Николай был назначен командиром отделения, что примерно соответствует учебной группе в гражданском вузе, а ещё через некоторое время – помощником командира взвода. Неоднократно удостаивался благодарностей от командования, а в ноябре 1944 г. был признан лучшим курсантом училища, что стало поводом для принятия его кандидатом в члены ВКП(б) – по тем временам немалая честь. Закончил он учёбу в училище в звании сержанта.

Выданная Ковальскому заместителем начальника училища по политической части капитан-лейтенантом Черновым характеристика существенно помогла Николаю при поступлении в вуз. «За всё время учёбы не имел ни одного замечания. Требователен к себе и подчинённым. Пользуется авторитетом среди всего личного состава Училища». «Политически развит, идеологически выдержан, честен и скромен. Партии Ленина-Сталина и социалистической Родине предан», – такие формулировки настежь распахивали молодому матросу двери в главный дипломатический институт страны.

Время не стояло на месте. Подошла к концу Великая Отечественная война. Сказать, что морские курсанты-химики с восторгом встретили известие о Великой Победе, значит не сказать ничего. Ведь теперь Родина в безопасности, и появилась возможность продолжить мирную жизнь, занявшись тем, о чем мечтал до июня 1941-го. Но всё же при этом оставался горький осадок: несколько лет потрачено на тяжёлую подготовку, а на практике

применить полученные знания для борьбы за свободу Родины так и не довелось.

Николай Ковальский, закончивший 2 курса училища, наверняка был готов завершить учёбу и продолжать службу по полученной специальности – настолько обострённым было его чувство долга. Но судьба в очередной раз вмешалась в ход его жизни. В конце 1945 г. на очередном медосмотре было установлено, что состояние лёгких Николая «не соответствует требованиям к специальности химиста». И курсант-отличник был демобилизован.

Вот он, новый, судьбоносный поворот! Пришло время воплотить в жизнь сокровенную довоенную мечту – получить возможности «работать в системе НКИД». Так под сводами МГИМО появился скромный абитуриент в тельняшке по имени Николай Ковальский.

Началась головокружительная дипломатическая и научная карьера бывшего военно-морского курсанта. Сначала – диплом с отличием и характеристика, слова которой ярко отражают весь ход трудовой и творческой деятельности Ковальского: «Хорошо ориентируется в сложных вопросах истории международных отношений и дипломатии новейшего времени, умеет дать правильную оценку событиям. Обладает умением ясно и точно излагать свои мысли устно и письменно».

Эти завидные качества помогли Николаю Александровичу пройти путь от аспирантуры, через докторскую диссертацию до профессорской кафедры. Он занимал ключевые, в том числе руководящие, посты в нескольких академических научных заведениях: МГИМО, Институт международного рабочего движения (ИМРД), Институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО), Институт Европы (ИЕ). Диапазон интересов Ковальского-учёного был чрезвычайно широк. Он стал основателем и первым руководителем Центра средиземноморских и черноморских исследований ИЕ РАН, одним из основоположников изучения проблематики европейского регионализма, нового направления в российской науке, где неразрывно переплелись такие отрасли знаний, как экономика, международные отношения, социология, история и другие дисциплины, был авторитетом в области мирового рабочего, профсоюзного, антивоенного и общественного движений. Его перу принадлежат уникальные труды по истории католицизма и его месту в мировой политике – теме, касаться которой в советские времена учёные решались

крайне редко. Широкое признание исследования Ковальского получили не только в СССР и России, но и за рубежом.

Научную деятельность Николай Александрович успешно совмещал с дипломатической. Несколько лет он в ранге 1-го секретаря МИД провёл в Париже в качестве эксперта ЮНЕСКО, неоднократно выезжал в командировки по поручению дипведомства, выступал в качестве консультанта многих международных и российских государственных и общественных организаций.

Выполнять такой, казалось бы, неохватный объем работы Ковальскому помогали его личные качества, выработанные ещё в детстве, а также дисциплина, воспитанная в военном училище. За достижения в ратном и мирном труде он удостоился ряда высоких правительственных наград: от медали «За победу над Германией в Великой Отечественной войне» до орденов Дружбы народов и Трудового Красного Знамени. Можно с уверенностью сказать, что, если бы обстоятельства привели Николая Александровича на фронт военных действий, список его орденов и медалей был бы гораздо длиннее.

КОНСТАНТИН АЛЕКСАНДРОВ – ОДИН ИЗ МНОГИХ

Н.К. Арбатова[1]

Биография Константина Кузьмича Александрова (в 1988–2005 гг. он был начальником Отдела кадров ИЕ РАН) мало чем отличается от судеб многих его сверстников, которые вошли в историю нашей страны под общим именем – фронтовики. Он родился в 1923 г. в Пензе, где временно работал его отец – военный строитель Кузьма Александрович Александров. Семья много путешествовала по стране, жила какое-то время в Узбекистане, а в тридцатые вернулась в Москву в «военный дом», который в своё время построил отец Константина Кузьмича для старшего офицерского состава.

В столице Костя пошёл в школу, учился очень хорошо, особенно по естественным предметам. Прекрасно рисовал и чертил. В 1942 г. он экстерном закончил десятый класс и поступил в Ленинградское училище связи, которое находилось в эвакуации в Уральске. В мае 1943 г. он вступил в радиобатальон этого Училища. Уже в следующем месяце в звании младшего лейтенанта был назначен начальником боевого и технического питания 934-го отдельного батальона. Этот батальон был сформирован 1 июня 1943 г. в Московском военном округе и отправлен на Центральный фронт. В составе 42-го стрелкового корпуса 48-й армии батальон, а с ним и Константин Александров, прошёл славный боевой путь – вначале на Центральном фронте, а затем на 1-м Белорусском.

Первым серьёзным испытанием для молодого офицера стала Орловско-Курская дуга. Эта великая битва началась 5 июля 1943 г. После неё у неприятеля не оставалось уже никаких шансов переломить войну в свою пользу. Особенностью Курской наступательной операции было то, что она осуществлялась на широком фронте крупными силами трёх фронтов – Центрального, Воронежского и Степного при участии войск Западного и Брянского фронтов.

---

[1] *Арбатова Н.К.* Константин Александров – один из многих // Современная Европа. 2020. № 6. С. 216–219.

Наступление советских войск разделялось в территориальном отношении на Орловскую наступательную операцию «Кутузов», – которую проводили войска левого крыла Западного, а также Центрального и Брянского фронтов, и Белгородско-Харьковскую наступательную операцию «Румянцев», – её осуществляли Воронежский и Степной фронты. В операции «Кутузов» участвовало 1,28 млн человек, более 21 тыс. орудий и миномётов, 2,4 тыс. танков и свыше 3 тыс. самолётов[2].

Константин Кузьмич вспоминал, что к лету 1943 г. перед советским командованием была поставлена задача овладения стратегической инициативой на всем советско-германском фронте. С этой целью было принято решение провести ряд стратегических наступательных операций, первой из которых должна была стать Орловская операция «Кутузов». Её планирование началось ещё до перехода германских войск в наступление в соответствии с планом «Цитадель». Особое значение приобрела задача обеспечения надёжной связи между различными родами войск – танковыми, артиллерийскими, стрелковыми. Во всех звеньях управления увеличилось количество каналов, по которым обеспечивалась связь. В операции «Кутузов» непосредственное участие принимал 934-й отдельный батальон связи, а с ним и младший лейтенант Александров, для которого эта битва стала боевым крещением.

К лету 1943 г. группа армий «Центр» под командованием генерала-фельдмаршала Г. фон Клюге обустроила мощную, глубоко эшелонированную оборону на Орловском направлении. Главная оборонительная полоса на данном участке фронта имела глубину в пять-семь километров, были обустроены мощные опорные пункты, соединённые между собой ходами сообщения и окопами, минные и проволочные заграждения. Огневые средства расставлялись таким образом, чтобы иметь возможность держать круговую оборону даже в условиях окружения. Впрочем, в полном объёме завершить фортификационные работы командование вермахта не успело, поэтому и возлагало надежды на наступательную операцию «Цитадель». Однако расчётам немцев не суждено было оправдаться.

В результате операции «Кутузов» вермахт утратил возможность воспользоваться Орловским выступом для ведения наступатель-

[2] Великая Курская битва: операция «Кутузов». URL: https://topwar.ru/31120-velikaya-kurskaya-bitva-operaciya-kutuzov.html (дата обращения: 28.11.2020).

ных действий, а также лишился важного транспортного узла – города Орла. Были созданы условия для наступления в направления Брянска и востока Белоруссии. В ходе операции «Кутузов» погибли или пропали без вести более 112 тысяч советских бойцов и командиров, более 317 тысяч были ранены. Были потеряны более 2,5 тысяч единиц бронетехники, почти 900 орудий и миномётов, свыше тысячи самолётов[3].

Константин Кузьмич рассказывал о работе связистов 934-го отдельного батальона, которая была подчинена главной цели – обеспечению бесперебойной связи на всех этапах операции «Кутузов». Это было главной обязанностью ответственного за боевую и техническую поддержку связи. Связисты должны были снабжать штабы необходимыми сведениями, доставлять оперативную информацию в боевые части, восстанавливать разрывы линий связи. Ремонт линий в боевых условиях был особенно важен, поскольку потеря связи серьёзно влияла на управление войсками, а значит и на исход всей боевой операции. Для этого связистам приходилось проявлять не только мужество и самоотверженность, но и показывать примеры изобретательности и находчивости. Военный историк В.С. Хохлов пишет: «Подвиг связиста – особый подвиг. Далёкий от внешнего эффекта. Ну что, на первый взгляд, героического в том, что линейный надсмотрщик или телефонист неоднократно исправляет под огнём противника повреждённую линию? Что героического в работе радиотелеграфиста, буквально вылавливающего сигналы нужной ему радиостанции в хаосе сигналов множества других станций? Но если присмотреться к действиям воина-связиста в боевой обстановке, нетрудно заметить, что его работа и, главное, значимость её результатов далеко выходят за рамки одиночного подвига. От чёткой работы связистов зависит быстрота и своевременность передачи донесений, распоряжений, приказов и команд, наибольшая потребность в которых возникает именно в условиях напряженного боя, особенно в критических ситуациях. Поэтому труд связиста на войне – самый необходимый, самый почётный и ответственный, от него часто зависит успех боя и всей операции»[4].

---

[3] Операция «Кутузов», Орловская наступательная операция. URL: https://w.histrf.ru/articles/article/show/opieratsiia_kutuzov (дата обращения: 28.11.2020).

[4] Цит. по: Вклад военных связистов и криптографов в Великую Победу. https://www.i-teco.ru/pobeda70/vklad-voennykh-svyazistov-i-kriptografov-v-velikuyu-pobedu (дата обращения: 28.11.2020).

Для молодого бойца самым тяжёлым испытанием была гибель товарищей, с которыми накануне боя они вместе ели из одного котла кашу, шутили, рассказывали друг другу о своих семьях, строили планы на мирную жизнь. Можно сказать, что Александрову в этом смысле повезло: кроме контузии у него не было серьёзных ранений. Старшие товарищи опекали юного лейтенанта. До последних дней жизни любимым стихотворением Константина Кузьмича был «Связист» Алексея Суркова:

Осенний день безветрен был и хмур.
Дрожал от взрывов подмосковный лог.
Связист зажал зубами шнур
И за сугроб, отстреливаясь, лёг.
Лишь через час его в снегу нашли.
В больших глазах застыла синева.
Меж мёртвых губ по проводу текли
Живой команды твёрдые слова.
Связист и в смерти не покинул пост,
Венчая подвигом свой бранный труд.
Он был из тех, кто, поднимаясь в рост,
Бессмертие, как города, берут.

После сражения на Орловско-Курской дуге 934 отдельный батальон участвовал в Черниговско-Припятской операции (26 августа – 30 сентября 1943 г.), которая являлась составной частью Черниговско-Полтавской стратегической операции на Центральном фронте. Черниговско-Припятское наступление было первым этапом битвы за Днепр, в ходе которого потерпели поражение противостоящие войска вермахта, был форсирован Днепр и оказана существенная помощь войскам Воронежского фронта и Степного фронта.

В октябре 1943 г. соединения корпуса форсировали Сож. 10 ноября было предпринято Гомельско-Речицкое наступление силами Белорусского фронта, в результате которого советским войскам удалось прорвать оборону противника в полосе шириной сто километров, продвинуться вглубь на 130 километров и создать непосредственную угрозу южному флангу группы армий «Центр» – самой мощной из трёх групп германских армий, – затруднив её взаимодействие с группой армий «Юг». Утром 26 ноября 1943 г. после ожесточённых ночных боев был освобождён город Гомель. 48-ая армия продвигалась дальше на запад.

Людей с десятилеткой и специальным образованием на фронте не хватало. Была необходимость готовить профессиональные военные кадры на будущее. Константин Александров был в числе тех, кто не только успешно окончил школу, но и получил важную военную специальность. Уже на фронте проявились его инженерные способности. Но в полной мере талант военного изобретателя в сфере связи и криптографии раскрылся позже, когда он получил высшее военное образование в этой области. В августе 1944 г. он был направлен слушателем в Военную Краснознамённую академию связи имени С.М. Будённого на Инженерный факультет. Получив образование по специальности военный инженер радиосвязи, К.К. Александров был назначен в Генеральный штаб ВС СССР, где прослужил 33 года.

Константин Кузьмич имел боевые и гражданские награды – медали и ордена. Особенно он дорожил медалью «За боевые заслуги», которая давалась «за умелые, инициативные и смелые действия, сопряжённые с риском для жизни, содействующие успеху боевых действий с врагами Советского государства». У него было два ордена – Отечественной войны и «Знак Почёта», а также награды, полученные от правительств зарубежных государств.

Война закончилась в 1945 г., но не для всех. Константину Кузьмичу Александрову как старшему офицеру Генштаба, владевшему важной военной специальностью, пришлось неоднократно выезжать в кризисные и горячие точки. Ему довелось побывать на Кубе сразу же после Карибского кризиса, на Ближнем Востоке и неоднократно во Вьетнаме.

Именно война во Вьетнаме оказала на него глубокое эмоциональное воздействие, напомнив взрывами и пожарами о пережитом в другой войне. Офицер Генштаба Александров был в числе советских специалистов, оказывавших военную и инженерно-техническую помощь Вьетнамской народной армии (ВНА) и Национальному фронту освобождения Южного Вьетнама (НФОЮВ). По данным Главного оперативного управления Генерального штаба ВС СССР, за период с июля 1965 по декабрь 1974 г. во Вьетнам в качестве военных специалистов всего было направлено 6359 советских генералов и офицеров и более 4,5 тыс. солдат и сержантов срочной службы. Среди советских офицеров было немало фронтовиков, имевших за плечами опыт Великой Отечественной войны. Одним из них был Константин Кузьмич. Мужество вьетнамцев и обострённое чувство достоинства истощённого, но не сломленного

народа произвели на него глубочайшее впечатление. Ему не раз приходилось укрываться от ковровых бомбардировок в импровизированных бомбоубежищах, бывших, по сути, обычными ямами – неглубокими и тесными.

В связи с войной во Вьетнаме он рассказывал о сложной международной обстановке в регионе. Советским специалистам приходилось ехать на поезде через Китай. Однажды группа наших военных советников, в состав которой входил и Александров, возвращаясь из Вьетнама в Москву, была фактически интернирована китайской стороной и удерживалась под замком безо всяких объяснений несколько дней. Константин Кузьмич вспоминал: «Обстановка была накалена до такой степени, что несколько раз дело доходило до драки между советскими специалистами и китайскими тюремщиками».

Выйдя в отставку в 1986 г., он не удалился на заслуженный покой, а начал новую жизнь практически с нуля: окончил курсы кадровиков и бухгалтеров и пришёл на работу в Институт Европы. По словам Константина Кузьмича, годы, проведённые в Институте Европы, были очень счастливым периодом в его жизни. Человек творческий, хотя и в области далёкой от академической деятельности, имевший на своём счету изобретения, о которых не принято говорить в силу их военной специфики, он ценил творческий дух и свободу мысли, царящие в Институте Европы.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексеенкова Е.С. – к.полит.н., в.н.с. Института Европы РАН, руководитель Центра итальянских исследований Отдела Черноморско-Средиземноморских исследований.

Ананьева Е.В. – к.филос.н., руководитель Центра британских исследований Отдела страновых исследований Института Европы РАН.

Андросова Т.В. – к.э.н., с.н.с. Института всеобщей истории РАН.

Бекман Йохан – *PhD*, доцент университета г. Хельсинки, Финляндия.

Арбатова Н.К. – д.полит.н., заведующая Отделом европейских политических исследований Национального исследовательского Института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова (ИМЭМО) РАН. Дочь К.К. Александрова.

Белов В.Б. – к.э.н, в.н.с. Института Европы РАН, член Дирекции, заведующий Отделом страновых исследований, руководитель Центра германских исследований.

Буторина О.В. – член-корреспондент РАН, д.э.н., г.н.с. Института Европы РАН, заместитель директора, руководитель Московского отделения Ассоциации европейских исследований (АЕВИС).

Воронков Л.С. – д.и.н., проф. Кафедры интеграционных процессов МГИМО МИД России.

Годованюк К.А. – к.полит.н., в.н.с. Института Европы РАН, Центр британских исследований Отдела страновых исследований.

Горшкова Е.А. – студентка Московского государственного лингвистического университета.

Григорьева О.В. – к.полит.н., доцент кафедры европейских исследований СПбГУ.

Гриняев С.Н. – д.техн.н., г.н.с. Института Европы РАН, Центр арктических исследований Отдела страновых исследований.

Громыко Ал.А. – член-корреспондент РАН, д.полит.н., г.н.с., директор Института Европы РАН, президент Ассоциации европейских исследований (АЕВИС).

Дериглазова Л.В. — д.и.н., г.н.с. Института Европы РАН, Центр европейской безопасности, член Бюро Ассоциации европейских исследований (АЕВИС)

Журавель В.П. – к.пед.н., доцент, в.н.с. Института Европы РАН, руководитель Центра арктических исследований.

Иванова А.К. – с.н.с. Института Европы РАН, Центр германских исследований Отдела страновых исследований, руководитель Лаборатории «Механизмы обеспечения экономической безопасности Европы: вызовы для национальных интересов России» (МЭБ)

Капитонова Н.К. – д.и.н., проф. МГИМО (У) МИД России.

Комаров А.А. – к.и.н., в.н.с. Института всеобщей истории РАН.

Корунова Е.В. – к.и.н., доцент, зам. зав. кафедрой новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Котов А.В. – к.э.н., в.н.с. Института Европы РАН, заведующим сектором экономики ФРГ Центра германских исследований Отдела страновых исследований, председатель Совета молодых учёных.

Кузнецов А.В. – член-корреспондент РАН, д.э.н, г.н.с., директор ИНИОН РАН, член Правления Ассоциации европейских исследований (АЕВИС).

Лункин Р.Н. – д.полит.н., г.н.с. Института Европы РАН, заместитель директора, заведующий Отделом социальных и политических исследований, профессор РАН.

Межевич Н.М. – д.э.н., проф., г.н.с. Института Европы РАН, руководитель Центра белорусских исследований.

Монин С.М. – к.и.н., доцент МГИМО(У) МИД РФ

Нарочницкая Е.А. – к.и.н., в.н.с. Института Европы РАН, Центр французских исследований Отдела страновых исследований.

Наумова Н.Н. – к.и.н., доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Обичкина Е.О. – д.и.н., проф. кафедры международных отношений и внешней политики РФ МГИМО (У) МИД России.

Орестов Р.О. (1953–2022) – с.н.с. Института Европы РАН, Отдел социальных и политических исследований, научный редактор журнала «Современная Европа» в 2019–2022 гг.

Охошин О.В. – к.и.н., с.н.с. Института Европы РАН, Центр британских исследований Отдела страновых исследований, ответственный секретарь Ассоциации европейских исследований (АЕВИС).

Панков Е.С. – аспирант Кафедры истории и политики стран Европы и Америки, м.н.с. ИМИ МГИМО(У) МИД России.

Плевако Н.С. – к.и.н., в.н.с. Института Европы РАН, руководитель Центра Северной Европы Отдела страновых исследований.

Плюснин Н.О. – ассистент кафедры европейских исследований СПбГУ.

Поважная Г.И. – к.пед.н., руководитель сектора международных связей Института Европы РАН. Автор данной статьи в 1996–2000 гг. работала в российском посольстве в Лондоне в должности третьего секретаря в группе внутренней политики Великобритании.

Полывянный Д.И. – д.и.н., проф., зав. научно-образовательным центром интеграции науки и образования Ивановского государственного университета, руководитель Ивановского отделения Ассоциации европейских исследований (АЕВИС).

Потёмкина О.Ю. – д.полит.н., г.н.с. Института Европы РАН, руководитель Отдела исследований европейской интеграции.

Романова Т.А. – д.полит.н., доцент кафедры европейских исследований СПбГУ, руководитель Санкт-Петербургского отделения Ассоциации европейских исследований (АЕВИС), член Бюро Правления

Сайгашкина С.В. – студентка Московского государственного лингвистического университета.

Самойлов Н.Г. – м.н.с. Института Европы РАН, Лаборатория «Механизмы обеспечения экономической безопасности Европы: вызовы для национальных интересов России» (МЭБ).

Серкова Н.В. – к.филол.н., начальник отдела культурных проектов ФГУП «ГТ “Арктикуголь”», главный редактор журнала «Русский вестник Шпицбергена».

Скрипка И.Р. – н.с. Института Европы РАН, Центр Северной Европы Отдела страновых исследований.

Туник М.Д. – м.н.с. Института Европы РАН, Центр германских исследований Отдела страновых исследований.

Фадеева Л.А. – д.и.н., профессор Пермского государственного национального исследовательского университета, руководитель Пермского отделения Ассоциации европейских исследований (АЕВИС).

Фёдоров С.М. – к.полит.н., в.н.с. Института Европы РАН, Отдел социальных и политических исследований.

Худолей К.К. –д.и.н., проф., зав. кафедрой европейских исследований факультета международных отношений СПбГУ.

Швейцер В.Я. – д.и.н., г.н.с. Института Европы РАН, Отдел социальных и политических исследований.

Шиманская О.К. – к.филос.н., доцент, с.н.с. Института Европы РАН, Центр исследований проблем религии и общества.

Язькова В.Е. – к.и.н., в.н.с. Института Европы РАН, Центр по изучению проблем религии и общества Отдела социальных и политическими исследований.

ПАМЯТЬ О ВОЙНЕ И ВОЙНЫ ПАМЯТИ
Великая Победа и бои за историю

Научное издание

Редактор: *М.Р. Завьялова*
Художник: *Е.А. Ильин*
Верстка *Е.А. Поташевской*
Корректор: *Е.В. Феоктистова*

Подписано в печать 3.08.2026
Формат 60×90 $^{1}/_{16}$. Усл. печ. л. 21,5. Тираж 300 экз.

ООО Издательство «Весь Мир»
109544, г. Москва, ул. Б. Андроньевская, д. 5, стр. 1
Тел.: +7 (903) 623-17-38
http://www.vesmirbooks.ru
e-mail: info@vesmirbooks.ru

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
http://www.chpd.ru
E-mail: sales@chpd.ru

Коллективная монография Института Европы РАН посвящена 80-летию Победы и 85-летию начала Великой Отечественной войны. Рассказано о важных событиях тех лет, о ряде значимых предвоенных и послевоенных эпизодов истории Европы и мира, о взаимосвязи прошлого и настоящего. Раскрываются малоизученные страницы исторического подвига советского народа в противостоянии гитлеровской агрессии. Красной нитью проходит тема сохранения исторической памяти, её сбережения в условиях войн памяти. Книга содержит мемуарные материалы о Великой Отечественной войне тех, кто работал в ИЕ РАН, и воспоминания о них благодарных потомков.

ISBN 978-5-7777-1003-1
9 785777 710031

www.vesmirbooks.ru